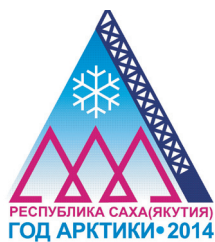

**Серия «Культура АРКТИКИ»
Выпуск 1**

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
ARCTIC STATE INSTITUTE OF ARTS AND CULTURE
MINISTRY OF CULTURE AND SPIRITUAL DEVELOPMENT
OF THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA)

CULTURE OF THE ARCTIC

COLLECTIVE MONOGRAPH

YAKUTSK
2014

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

КУЛЬТУРА АРКТИКИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯКУТСК
2014

УДК 008(98)(082)

ББК 71(21)я43

К90

Утверждено к печати решением Ученого совета
Арктического государственного института искусств и культуры

Идея проекта

А.С. Борисов

Под общей редакцией

доктора социологических наук У.А. Винокуровой

Р е ц е н з е н т ы:

В.Д. Михайлов, доктор философских наук, профессор
Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова

С. Фарах, доктор философских наук,
действительный член Российской Академии Образования,
профессор философии цивилизации Ливанского университета,
Президент «Открытого Университета Диалога Цивилизаций»

Редакционный совет: У.А. Винокурова, С.С. Игнатъева, В.В. Левочкин,
С.В. Максимова, Ю.В. Попков, В.Г. Дегтярева, Е.К. Тимофеева

Монография издается за счет средств
Министерства культуры и духовного развития РС (Я)

К90 Культура Арктики : коллективная монография / М-во культуры Рос.
Федерации, Аркт. гос. ин-т искусств и культуры, М-во культуры и ду-
ховного развития Респ. Саха (Якутия) ; [под общ. ред. д-ра социол. наук
У.А. Винокуровой ; идея проекта А.С. Борисов]. - Якутск : ИД СВФУ, 2014.
– 344 с. - (Культура Арктики ; Вып. 1).

ISBN

Коллективная монография представляет собой вклад теоретических и прикладных наук в изучение геополитических, правовых, гуманитарных аспектов культурного ландшафта Арктики как уникального пространства ойкумены человечества. Изложен комплексный обзор традиций и перспектив циркумполярной культуры. Широко освещены проблемы жизнеобеспечения кочевых народов, взаимоотношений традиционного образа жизни с индустриализацией, локальной культуры с глобальными тенденциями, традиционных ценностей с мультикультурными.

Идеи, подходы, выводы, рекомендации, изложенные в монографии, могут быть использованы при разработке Стратегии развития арктической зоны Российской Федерации и ее субъектов в долгосрочной перспективе.

Издание адресовано всем, кто интересуется вопросами самобытности культуры Арктики, диалога и партнерства между цивилизациями.

Агентство СІР НБР Саха

УДК 8(98)(082)

ББК 71(21)я43

©Арктический государственный институт искусств и культуры, 2014

©Министерство культуры и духовного развития РС (Я), 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава 1. КУЛЬТУРА АРКТИКИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Кожемяков А.С. Мировые культуры и цивилизации – взгляд из XXI века.....	12
Шилин К.И., Винокурова У.А. Культура Арктики – живой капитал планеты.....	21
Замятин Д.Н. Геокультура и геокультурное пространство: ключевые положения и интерпретации.....	29
Балзер-Мандельштам М. Коренные Космополиты. Экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке.....	58
Попков Ю.В. Коренные малочисленные народы Севера в современном мире: концептуальные вопросы развития.....	77

Глава 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ АРКТИКИ

Пестова Г.А. Социально-культурные аспекты модернизации Севера России.....	88
Игнатьева С.С. Человеческий капитал как ресурс культурной модернизации Арктики: региональный аспект.....	95
Сморчкова В.И. Культурные изменения в управлении арктическим регионом.....	105
Хакназаров С.Х. Социологический портрет проблем социально-экономического развития коренных народов Севера Нижневартовского района Югры.....	112

Глава 3. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В АРКТИКЕ

Богословская Л.С. Будущее российской Арктики – система культур или сумма технологий?.....	123
Мурашко О.А. Проблемы защиты культуры жизнеобеспечения коренных народов в условиях промышленного освоения Арктики	137
Зуев С.М. Традиционное природопользование в условиях промышленного освоения Ямало-Ненецкого автономного округа.....	150

Глава 4. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДОВ АРКТИКИ

Винокурова У.А. Геокультурные особенности арктической циркумполярной цивилизации.....	162
Набок И. Л. Арктическая идентичность коренных народов циркумполярной зоны Российской Федерации: проблемы формирования и развития.....	171
Алексеева С.А. Этническая дипломатия: этикет и культура поведения тунгусов (анализ традиционных моделей и выбор новой коммуникативной стратегии).....	181

Попова Г.С. Идентификация коренных этносов Севера (на материале эпического текста олонхо).....	193
Абрамова М.А. Общее и особенное в графических репрезентациях «картины мира» молодежью Арктики.....	200
Глава 5. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В АРКТИКЕ	
Борисов А.С. Арктическое измерение региональной культурной политики Республики Саха (Якутия).....	210
Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. М.Е. Николаев об арктической философии.....	217
Холмберг Л. Северный олень как важнейший фактор сохранения культуры, языка и жизнеобеспечения народа саами.....	225
Борисова У.С. Этнокультурные тенденции в арктических районах Якутии.....	228
Игнатъева В.Б., Романова Е.Н. «Человек – хвоинка Земли»: проблемы сохранения этнической самобытности коренных народов Якутии в эпоху глобализма.....	238
Местникова А.Е. Средства массовой информации как фактор реализации языковых прав коренных народов Арктики.....	244
Винокурова Е.П. Культурная столица Арктической России.....	255
Глава 6. ОБРАЗ АРКТИЧЕСКОГО МИРА В ИСКУССТВЕ	
Тимофеева В.В. Мифосемиотика в современном искусстве (на приме- ре творчества юкагирского графика Н.Н. Курилова).....	264
Чусовская В.А. Миф о невозможности счастья: к вопросу о культуре и цивилизации Арктики.....	270
Ершов М.Ф. «Божья мать в кровавых снегах» Е.Д. Айпина: позиция писателя и исторические реалии.....	274
Винокурова А.А. Особенности стиха эвенской поэзии.....	283
Глава 7. ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И САКРАЛЬНАЯ АРКТИКА	
Харючи Г.П. Обрядовая практика на священных местах ненцев.....	291
Слепцов Н.И. Народные знания о влиянии многолетней мерзлоты на здоровье человека.....	301
Захарова А.Е., Руфова С.А. Трансформация мифов и легенд о жиганской Аграфене.....	319
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	321
РЕЗЮМЕ.....	337
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	341

CONTENTS

PREFACE

Chapter 1. THE ARCTIC CULTURE IN THE GLOBAL WORLD

A.S. Kozhemyakov. World's Cultures And Civilization: a View from the XXI Century.....	12
K.I. Shilin, U.A. Vinokurova. Arctic Culture Is Live Capital of the Planet.....	21
D.N. Zamyatin. Geo-culture And Geo-cultural Area: Key Positions And Interpretations.....	29
M. Balzer-Mandelstam. Indigenous Cosmopolitans. Ecological Protection And Activism in Siberia and in the Far East.....	58
Yu.V. Popkov. Indigenous Minority Peoples of the North in the Contemporary World: Conceptual Issues of Development.....	77

Chapter 2. SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF THE ARCTIC

G.A. Pestova. Socio-cultural Aspects of Modernization in the North of Russia.....	88
S.S. Ignatieva. Human Capital as a Resource for Cultural Modernization: Regional Perspective.....	95
V.I. Smorchkova. Cultural Changes in the Management of the Arctic Region Development.....	105
S.Kh. Khaknazarov. Sociological Portrait of Problems of Social and Economic Development of Indigenous Peoples of the North of the Nizhnevartovsk Region of Ugra.....	112

Chapter 3. THE CULTURE OF THE LIVELIHOOD IN THE ARCTIC

L.S. Bogoslovskaya. The Future of the Russian Arctic: a System of Cultures or a Sum Total of Technologies?.....	123
O.A. Murashko. Issues of Protecting the Culture of Life Support of Indigenous Peoples under the Conditions of Industrial Development of the Arctic.....	137
S.M. Zuev. Traditional Land Use in Industrial Development of the Yamal-Nenets Autonomous District.....	150

Chapter 4. THE IDENTITY OF THE ARCTIC PEOPLES

U.A. Vinokurova. Geo-cultural Features of the Arctic Circumpolar Civilization.....	162
I.L. Nabok. The Arctic Identity of Indigenous Peoples of the Circumpolar Zone of the Russian Federation: the Problems of Formation and Development.....	171
S.A. Alexeeva. Ethnic Diplomacy: the Etiquette and Culture of	

Tungus' Behavior (the analysis of the traditional models and choice of a new communicative strategy).....	181
G.S. Popova. Identification of the Indigenous Peoples of the North (based on the material of the Olongkho epic songs).....	193
M.A. Abramova. The General and the Particular in the Graphical Representations of the «World picture» by the Youth of the Arctic.....	200

Chapter 5. CULTURAL PRACTICE IN THE ARCTIC

A.S. Borisov. Arctic Dimension of the Cultural Policy of the Republic of Sakha (Yakutia).....	210
Yu. V. Popkov, E.A. Tyugashev. M.E. Nikolaev Arctic Philosophy.....	217
L. Holmberg. Importance of the Reindeer for Carrying Culture, Language And the Livelihood.....	225
U. S. Borisova. Ethno-cultural Process in Arctic Region of Yakutia...	228
V.B. Ignatieva, E.N. Romanova. «A man is the Needle of the Earth»: the Preservation Problem of Ethnic Identity of Yakutia's Indigenous Peoples in the Age of Globalism.....	238
A.E. Mestnikova. Voice of the Arctic: Indigenous Media as a Factor in the Implementation of Linguistic Rights.....	244
E.P. Vinokurova. The Question of the Cultural Capital of the Russian Arctic.....	255

Chapter 6. THE IMAGE OF THE ARCTIC WORLD IN ART

V.V. Timofeeva. The Mythosemiotics in the Contemporary Art (on the example of the art of the Yukaghir artist N.N. Kurilov).....	264
V.A. Chusovskaya. The Myth of Failure of Happiness: the Question of Culture and Civilization of the Arctic.....	270
M.F. Ershov. «Madonna in the Snow Full of Blood» by E. Eipin: the writer's standpoint and historic realities.....	283
A.A. Vinokurova. Features of the Verse of Even Poetry.....	291

Chapter 7. THE NATURAL AND CULTURAL LANDSCAPE AND THE SACRED ARCTIC

G.P. Kharyuchi. Ceremonial Practice on Sacred Sights of the Nenets.....	283
N.I. Sleptsov. The people's Knowledge About the Influence of the Long-term Permafrost on Man's Health.....	301
A.E. Zakharova, S.A. Rufova. Transformation of Myths and Legends about Zhigansk Agrafena.....	319
CONCLUSIONS.....	321
SUMMARY.....	337
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	341

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных международных актах культура понимается как образ жизни, общие нормы и ценности во всех видах человеческой активности. Как целенаправленная деятельность, она одновременно продвигает две тенденции – сохранения культурного наследия и открытости к изменениям. Взаимодействие и сочетание этих векторов культуры создает многомерную реальность, проявляющую себя как конструктивный фактор эволюции человека в природе и обществе.

Культурный ландшафт Арктики – явление многообразное. Его изучение представляется возможным посредством междисциплинарных подходов и методов. Арктика становится уникальным пространством ойкумены человечества, где объединяются в единое геокультурное пространство культуры разных народов, проживающих на североамериканском и евразийском континентах, а также на островах Северного Ледовитого океана. Жизнь под Полярной Звездой, в условиях полярного дня и полярной ночи в сполохах Северного сияния, на многолетнемерзлых грунтах сформировала культуры достоинства арктических народов. Эволюция планеты оттачивала интеллект и душу арктического человека посредством универсальной ценности взаимопомощи, присущей циркумполярной культуре. Циркумполярная культура представляет собой исторически сложившийся региональный тип культуры, состоящий из сосуществующих традиционных культур коренных народов и полиэтнических социокультурных организмов техногенной модернизации, формирующийся в процессе креативной трудовой коэволюции в суровых природно-климатических условиях Арктики.

Единство в многообразии – особенность проявления культуры Арктики. Её творцами являются более 40 сохранившихся коренных народов, граждане 8 приарктических стран, государственные, творческие деятели, научные и образовательные объединения, международные организации.

В последние десятилетия стремительно усиливается интерес государств, бизнес-сообществ к Арктике, привлекательной неосвоенными природными ресурсами, экологической чистотой ойкумены. Изменяются характеристики инфраструктуры среды обитания арктического человека из-за глобальных климатических изменений. Миграция трудовых и материальных ресурсов с Юга на Север ведет к культурному многообразию и в то же время к сокращению биологического разнообразия. Чрезвычайно актуальными становятся вопросы:

- Какие механизмы следует внедрять, чтобы совместить поддержку всего - растущего многообразия современных арктических обществ и их потребность в социальной сплоченности, идентификации арктической культуры?
- Как предотвратить инфляцию национальных культурных ценностей и сохранить активную креативную идентичность коренных народов Арктики в наступившем столетии?

- Какой новый контекст вкладывается в культурную политику регионов Арктики в условиях глобального изменения климата и активного возвышения Юга?

Новые вызовы формируют инклюзивные культуры, создающие пограничья и открытые границы для реализации неотъемлемых культурных прав. Вместе с рыночными механизмами модернизации в российские арктические регионы проникает культура полезности, измеряемая экономическими категориями прибыльности, рентабельности сферы культуры как сферы оказания услуг.

В монографии представлен комплексный обзор мировоззренческих и культурных традиций и перспектив коренных народов в их отношении к противоречиям индустриализации Арктики, важности их тысячелетней коэволюции с природой для сохранения устойчивого баланса планеты, разработки сценариев развития арктических сообществ. Методологическую новизну монографии, на наш взгляд, представляют экосоциологический подход К.И. Шилина, утверждающего экофильную креативность труда арктических народов как живого капитала планеты. Заслуживает внимания мировоззренческая, по сути, статья специалиста по международному праву А.С. Кожемякова, предложившего, в частности, концепцию «разумной достаточности» в том, что касается подходов к межнациональному и межкультурному многообразию в современном обществе. Учитывающая положения международно-правовых документов в данной области, и принятая всеми заинтересованными сторонами, «разумная достаточность» могла бы стать одним из новых принципов для выработки в изменившихся исторических условиях взвешенной политики и практики регулирования таких отношений.

Культуролог Д.Н. Замятин представил геокультурную теорию, в основе которой учёным предложен термин «геоспациализм», понимаемый как идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, вызывающей наполнение ментальности человека специфическими образами пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне очевидные процессы развития культур и цивилизаций.

Словно нить Ариадны, через всю монографию проходит мысль о ценности северного оленя как важнейшего фактора в сохранении культуры, языка и в жизнеобеспечении арктических народов. Голос лидера саамского народа Л. Холмберг организует аксиологический смысл данного издания. Новосибирские социальные философы Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев обобщили идеи первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева об особенностях арктической философии, которые выступили концептуальной основой при формировании российской государственной политики по отношению к проблемам жизнедеятельности в Арктике. Идеи М.Е. Николаева развиваются министром культуры и духовного развития РС (Я) А.С. Борисовым и культурологом Е.П. Винокуровой.

Под многолетней мерзлотой Арктики сокрыта одна треть полезных ископаемых планеты. Эксплуатация природных, минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов осуществляется с крайне слабо выраженными экологическими и гуманитарными требованиями. Приоритет культуры полезности, свойственный техногенной цивилизации, продолжает воспроизводить свое архаическое притязание на одностороннее изменение социокода культуры достоинства коренных малочисленных народов. Об этих острых проблемах размышляют биолог Л.С. Богословская, историк О.А. Мурашко, антрополог М. Балзер-Мандельштам, эколог С.М. Зуев.

Группа исследователей (Г.А. Пестова, В.И. Сморгочкова, С.С. Игнатьева, С.Х. Хакназаров) обосновывают необходимость адаптации политики модернизации к культурным традициям коренного населения Арктики, существования культуры меньшинства и большинства, разработки мер государственного протекционизма жизнедеятельности коренных этносов, плюрализма культурных сообществ, межкультурного и транскультурного взаимодействия.

Идея социальной детерминации культурной динамики развития этносоциальных общностей представлена с разных позиций в текстах философа Ю.В. Попкова, социологов У.С. Борисовой, У.А. Винокуровой и А.Е. Местниковой, историков В.Б. Игнатьевой и Е.Н. Романовой.

Тексты педагога М.А. Абрамовой, культурологов И.Л. Набока и Г.С. Поповой, этнографа С.А. Алексеевой выявляют новые проекции культурной детерминации развития идентичности и ментальностей в разных социально-демографических группах и культурах этносов Арктики.

Духовный мир народов Арктики раскрыт в искусствоведческих исследованиях В.В. Тимофеевой и В.А. Чусовской, литературоведов М.Ф. Ершова и А.А. Винокуровой. Сакральные народные знания освещены в трудах этнолога Г.П. Харючи, фольклористов А.Е. Захаровой и С.А. Руфовой, биоэнергетика, физика Н.И. Слепцова.

Издание данной монографии приурочено к Году культуры в Российской Федерации, Году Арктики в Республике Саха (Якутия), открытию Культурологического форума «Культура и цивилизация Арктики» (19-27 марта 2014 г., г. Якутск). Идеи, подходы, выводы и рекомендации, собранные в ней, будут полезны для разработки Стратегии развития арктической зоны Российской Федерации и её субъектов в долгосрочной перспективе.

Культура Арктики – мир вечной мерзлоты, хранящий и развивающий творческий труд человечества. Социогуманитарные науки призваны раскрывать её уникальную ценность. Данной монографией мы начинаем серию изданий научных, творческих изысканий, раскрывающих культурную самобытность, духовные и художественные ценности народов Арктики.

У.А. Винокурова,
доктор социологических наук

Глава 1. КУЛЬТУРА АРКТИКИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

А. С. Кожемяков

МИРОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ – ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Наше время отмечено резким возрастанием научных и общественных дискуссий относительно природы и содержания понятий «культура» и «цивилизация», часто рассматриваемых в их сопряженности. Старейшая европейская международная организация, членом которой является и Россия – Совет Европы (СЕ) также вносит свой вклад в эти процессы, выражающийся не в виде общих рассуждений, но главным образом через практическую работу по мониторингу исполнения странами-членами взятых на себя при ратификации обязательств по международным договорам-конвенциям (Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств и Европейская Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств), либо в силу общеполитических обязательств, принятых на основе консенсуса Комитетом Министров (КМ) СЕ, как это имеет место в случае мониторинга в данном случае уже всех стран-членов СЕ Европейской Комиссией против расизма и нетерпимости. Как известно, каждый из этих механизмов имеет собственную процедуру и цикличность мониторинга, собственный, независимый от правительств комитет экспертов (избирается КМ), отдельную процедуру утверждения выводов каждого из механизмов (рекомендаций и мнений) перед КМ СЕ (все эти вопросы, как и результаты мониторинга по отдельным странам, наряду с аналитическими оценками выявленных проблем в самой процедуре мониторинга, детально изложены на сайтах СЕ каждого из трёх мониторинговых механизмов). Наряду с сохранением независимой природы этих механизмов, в последние годы идёт инициированный Генеральным Секретарем Турбьерном Ягландом процесс усиления координации их деятельности в целях взаимного учёта результатов, снижения вероятного взаимного дублирования деятельности для того, чтобы в итоге попытаться сформировать агрегированную, общеевропейскую картину состояния дел в различных странах, в частности, в области соблюдения прав меньшинств (заметим, что постепенно СЕ стал всё более регулярно включать в эту картину и упоминание состояния и интересов «большинства», без учёта которых общественная панорама выглядит как минимум однобокой,

чтобы не сказать ущербной и бесперспективной). В итоге каждый из трёх мониторингов выполняет специфические практические задачи, но вместе с тем осуществляет и достаточно отличные в каждом случае более общие политические функции: а) «превентивную», снимающую потенциальную внутреннюю конфликтность в обществе, в связи с межэтническими (межнациональными, по российской терминологии) отношениями, в случае Рамочной Конвенции; б) «сохранительную», через поддержание и развитие культурно-языкового многообразия на континенте, в случае Языковой Хартии; в) «консолидирующую» общество в целом, через борьбу с различными формами дискриминации отдельных миноритарных групп населения (не только национально-этнических в данном случае), но вместе с тем и неприятие «культурной самоизоляции» отдельных групп, культивирования «анклавизации», «свёртывания на себя» групп меньшинств. В совокупности эти три мониторинга (разумеется, наряду с деятельностью СЕ в других сферах, в частности, образования и достижения социальной сплоченности в обществе, которые здесь не рассматриваются), безусловно, способствуют динамичному сохранению цивилизационного многообразия всех 47 стран-членов СЕ, называемых иначе «Большой Европой».

Вместе с тем, не вдаваясь в противоречивые и продолжающиеся дискуссии о содержании и взаимовлиянии понятий «культура» и «цивилизация», очевидно, что они отнюдь не исчерпываются вышеперечисленными компонентами. Так, одной из центральных тем в современных дискуссиях о «цивилизациях» является понятие «идентичности» / «цивилизационной идентичности» (в рамках известной триады «цивилизация-культура-идентичность»). И если три упомянутых мониторинга СЕ, безусловно, вносят каждый свой вклад в становление и консолидацию «идентичности», то ясно и то, что «идентичность» - это нечто, выходящее за пределы владения и использования своего, отличного от государственного/официального (в терминах Языковой Хартии) языка, обладание или даже нахождение в «своём» культурном пространстве, и, разумеется, исключение дискриминации в обществе по национальному или иному «миноритарному» признаку.

Европейский подход к теме «идентичности» довольно своеобразен, и отражает нынешнее состояние европейских обществ во всём многообразии их накопленного опыта и фактического состояния социумов. Стартовым положением тут является понятие «многообразия», рассматриваемое не только как данное, но одновременно и как самоценное. Чего тут больше – характерного для западного позитивизма и прагматизма признания «данного» как единственно сущего и возможного, и одновременно, как объекта практического социального регулирования, либо представлений о «глобализации», как неизбежном уходе «национальных государств» в прошлое мировой истории, что уже инициировано по мнению адептов этой точки зрения в процессе западноевропейской интеграции – предмет отдельного рассмотрения. Отметим только, что в этом вопросе, среди европейских исследователей и

политиков, также далеко пока до единомыслия. Второй, не менее важный принцип в современных подходах к «идентичности» - это подход к «идентичности», как понятию динамичному, и изменчивому в личностном измерении (от возможности смены и «множественной идентичности» отдельно взятого человека, вплоть до отсутствия таковой вообще – выбор предоставляется, как всегда, широкий). Обращает на себя внимание взаимосвязь первого и второго положений: без первого вряд ли возникла бы необходимость во втором, второе же, так или иначе, подкрепляет идею многообразия, как основополагающего феномена современных европейских обществ (абстрагируясь в данном случае от рассмотрения причин этого феномена – не прекращающейся миграции, причём исключительно в одном географическом направлении, чем занимаются другие сферы знания, а ещё более активно политики). Отсюда появившаяся в этой же «системе координат», сформулированная СЕ идея межкультурного диалога как главного средства и пути по достижению общественной гармонии в этих новых исторических условиях, как предлагаемый выход из дилеммы двух исторически известных подходов – ассимиляции, характерной для эпохи формирования национальных государств в XIX - XX веках, и мультикультурализма (существование особой жизненной модели меньшинств, соседствующей и равной модели «принимающего меньшинства») как решения, первоначально предложенного эпохой постмодерна, и дающего сегодня всё более очевидные всем свои на Западе (как, впрочем, и в России, несмотря на все её исторические и актуальные социально-политические особенности)¹. Предназначение и смысл такого диалога (а поиск «конечных смыслов» остаётся особенностью, если ни привилегией, русского менталитета) – это отдельная и большая тема, также выходящая за рамки данной статьи.

Наконец, нельзя не упомянуть и об общеевропейской размерности понятия «цивилизация» и «идентичность». Несмотря на доминирующие в пропаганде и медиа представления о том, что это есть некая извечная данность, просто восстановленная в результате политических катаклизмов 20-30-летней давности, реальное положение существенно отличается от этого «политически корректного» мнения. При всеобщем согласии относительно «общих корней» европейской цивилизации к содержанию сегодняшней общеевропейской общности неизбежно примешиваются уже и отнюдь не ценностные и духовные, а и сугубо материальные (финансовые и экономические) ценности, мотивации и интересы. Со временем дискуссия все больше выглядит как возвращение к давнему и не оконченному разговору о прошлом, настоящем и будущем отдельных стран и Европы (тем более «Большой Европы», куда, по случаю, подключается и Россия, что также – отдельная тема). Быстро (в историческом масштабе) пройдя счастливый период «воссоединения», перед многими странами, причём как «новыми», так и «старыми» демократиями (понятно, что таких стран в реальности нет, и это сугубо конъюнктурные, утилитарно запущенные по-

нения) неизбежно встал вопрос о собственной идентичности, и её соразмерности с новой общностью, какой стала объединённая Европа. Вкратце, суммируя непростые дискуссии на эти темы, идущие, кстати, практически во всех западноевропейских странах, остаётся лишь кратко подытожить их «предварительные итоги»: европейская идентичность – не данность, и её предстоит только создавать (и это при согласии об общих ценностях, по которым также необходимо предварительно достичь согласия, как и о том, как они реализуются на практике). Тема потенциально многообещающая не только для самих европейцев, но и для всех, кто по праву привык видеть в европейской истории и цивилизации тот «отряд» цивилизации всемирной, который традиционно опережает, хотя не исключена полностью и утеря такого лидерства (при понимании цивилизации, как «высокой культуры», в терминах О. Шпенглера). В любом случае Европа продолжает вдохновлять на размышления «остальное» Человечество. Повторюсь – мы, скорее, в начале нового этапа этого вечного, чаще заочного, но сегодня, благодаря новым техникам коммуникаций, ставшим всё более каждодневным диалогом. Дело за желанием и способностью поддерживать такой «диа-», а сегодня, уже скорее, полилог, принимая во внимание всё расширяющийся круг участников дискуссий по этой тематике.

Правомерен естественный вопрос о том, в какой мере вышеизложенные достаточно общие «общеевропейские мысли» связаны с основной темой данной коллективной монографии – «Культура Арктики»? Задача всякой культуры, в том числе и арктической (культуры, понимаемой, как дело Человека, творящего по «духовному наитию свыше»; если же стимул идёт «снизу» - то, увы, речь может скорее идти об антикультуре), находящейся в процессе самоопределения – это, во-первых, естественное желание ретроспективной самоидентификации. Последнее же вряд ли будет успешным, если игнорировать опыт исторических предшественников, даже если исходить из обоснованных представлений о собственной уникальности и исключительности. Это в равной степени касается учёных и энтузиастов «культуры Арктики», как и всех других начинателей-первопроходцев. Ответ на поставленный в начале этого раздела общеметодологический вопрос хотелось бы начать с упомянутого выше понятия «полилогичности» цивилизации и культуры, что следует рассматривать в первую очередь под углом зрения множественности существующих подходов и определений, в том числе с позиций различных наук (есть даже достаточно интересное «тематическое определение»). Результатом такой разноголосицы являются взгляды на эти феномены как якобы особые, «не имеющие субъектности, не существующие, как эмпирические объекты», представляющие скорее «условный, идеально обозначенный результат»² (заметим только, что таких «объектов» в сфере гуманитарных и общественных наук огромное количество, если не большинство, в силу принципиально нерешённости вопроса о систематизации этих наук, что, впрочем, отнюдь не препятствует занятию,

иногда вполне успешному, такими науками). Несмотря на отсутствие общепризнанных определений существуют всё же два основных подхода: по сути, отождествляющие понятия культуры и цивилизации, и сохраняющие со времён О. Шпенглера дихотомию подхода, различающие культуру (преимущественно духовная) и цивилизацию (преимущественно материальная) категории³. В последние годы появляются и новые подходы, в которых делается попытка преодоления названных двух подходов и рассматривать современные «цивилизации» как динамичное переплетение трёх компонентов - «общества-культуры-инфраструктуры»⁴. В сложившихся условиях многообразия подходов и выводов не удивительно и то, что количество существующих сегодня цивилизаций у разных авторов варьируется от полдюжины до почти двадцати! Понятно, что нередко при этом политико-идеологические соображения нередко выходят на передний план, а в некоторых случаях (как, в частности, это имеет место в России в течение последних десятилетий, как реакция на «интеграцию в сообщество цивилизованных стран», объявленное в начале 90-х годов XIX века, и сопутствующую этому всё более ощутимую в обществе идейную и культурную эклектичность и невнятность) становятся достаточно острой темой в общественной дискуссии.

В этой связи не будет излишним привести известное высказывание Э. Валлерстайна о цивилизационном подходе как «идеологии слабых», форме протеста этнического национализма против развитых стран, т.н. «ядра миросистемы» (и в самом деле, дополняя Валлерстайна, отметим, что США, или другим «мировым лидерам» со стороны Запада (Китай, со своей стороны, никогда не рассматривал свою бесспорную цивилизационную самобытность как «экспортный товар»), нет и особой нужды позиционировать себя как «цивилизации», скорее всего, следуя инерции ментальности всех предыдущих успешных столетий, они просто ожидают и оценивают насколько быстро, в какой степени и насколько адекватно остальной («отстающий») мир последует за ними, разумеется, при декларируемом сохранении всей возможной «культурной самобытности» «отстающих»). Не менее интересен в этом контексте и взгляд на типологию цивилизаций и культур под углом зрения их функционально-содержательной направленности: «культура выживания» и «культура достижения»⁵. И хотя, как любая типология, данная предполагает выделение «идеального типа», который вряд ли легко обнаружить в мировой истории, она, тем не менее видится полезной, хотя бы для анализа развития и итогов при сопоставлении т.н. традиционных обществ (физическое и культурное воспроизводство, и сохранение идентичности как главная доминанта для первой группы) и западной цивилизации (вторая группа, для которой следование идеальным (высоким) перспективным идеям и целям, как общественным, так и личностным, и их настойчивое воплощение на практике являются движущей силой развития), для которой именно перманентное обновление, «мания делания», по словам К.Г. Юнга, является одной из ключевых характеристик.

В завершение хотелось бы несколько выйти за пределы традиционно очерчиваемого круга научно-публицистических дискуссий на эти темы. Не избегать при этом повторного возвращения к понятию идентичности как истока «самочувствия» отдельных национальных меньшинств и их культур. Поиск идентичности идёт, как известно, на личном и коллективном/социальном уровнях. Неоднозначность существующих здесь подходов, терминологии и интерпретаций, не говоря уже об анализе практики проявления самой идентичности – это, на мой взгляд, результат, прежде всего, фундаментальных отличий в представлениях о человеке, его антропологии, в том числе социальной. Вариативность оценок колеблется здесь от сохранившегося в Христианстве «человек - подобие Божие» (вводящей базовое понятия «усии» (сущности), а также природы и ипостаси человека, её горизонтального и вертикального измерения, смысла его существования, ясно сформулированного перечня необходимых для этого ценностей и внутренних правил поведения, недвусмысленно заявленной второстепенности «национального», не только изначально отсутствовавшего, но и не являющегося частью ипостаси, понимания заданной изменчивости (даже биологической), «пластичности» национально-этнического), до – античного «человек – мера всех вещей», «человек – общественное животное» (последнее, намеренное или по неведению, но неверно переведенное и интерпретируемое высказывание Аристотеля, итогом которого стало по сути сведение человека, как биологического вида, до уровня животного). В Новое Время к последнему добавилось положение об автономной личности, постепенно переместившейся в центр нового мироздания, неизбывное соперничество в социуме, а, значит, и необходимость самоутверждения, вслед за этим формулирование самим социумом через институты государства, внешних, по отношению к человеку, норм права как главного регулятора поведения и, разумеется, самооценности и культивации отличий между «автономными личностями», вообще всего «миноритарного»). Стоит ли удивляться проистекающей отсюда какофонии в ответах на простой вопрос – а зачем, собственно, человек ищет эту самую идентичность? В какой мере это естественное, либо социальное явление? Если увеличить масштабность взгляда на эту тему, то встаёт ещё более общий вопрос: как гармонично совместить при этом два подхода - поддержку всего растущего многообразия современных обществ (языки меньшинств и манифестации национальные культуры – наиболее видимая их часть) и поиск социальной консолидации и поддержание всё же необходимого единства в обществе? На первый взгляд они противоречивы, однако по мере становления солидарного, равновесного социума – взаимодополняемы. В противном случае, проблема переходит в перманентную, на сегодняшний день – даже неразрешимую.

Если продолжить эту линию, казалось бы, сугубо умозрительных рассуждений и вывести ее уже на уровень практической политики, то особую значимость тут приобретает взаимовлияние (позитивное, либо негативное)

между социальным и этническим идентификационными уровнями. Давно разобранные на «составные части» и детали между рядом самостоятельных научных дисциплин, в реальной жизни эти взаимоотношения и обратные связи двух уровней, равно как и практика отношений «меньшинств» с «большинством» (а на региональном уровне, возможно, и с несколькими теперь уже «относительными большинствами»), являют собой, конечно же, некий агрегированный, целостный феномен. Как и сами «меньшинства», которые редко, когда остаются «предоставленными сами себе», миноритарные языки и культуры также всегда функционируют в обстановке многоязычия и многокультурности. В силу этого, состояние и доминанты эволюции социума, как представляется, являются тут главными, служат неким «магнитно-силовым полем» для отношений межнациональных, межкультурных и языковых, а не наоборот.

Применительно к российским реалиям, хорошо известны ключевые элементы «национально-культурной политики» после 1917 года, чем они изначально мотивировались, как и то, что вопрос этот был для инициаторов событий тактически очень важным, но в долгосрочном плане скорее «вторичным», в перспективе «мировой социалистической революции» и «всеобщего братства народов» (какие уж тут национальные отличия!). Унаследованный тремя поколениями в годы СССР, этот навязанный «концептуальный интернационализм» (пришедший на смену естественноисторическому), даже после крушения первоначальных иллюзий, а потом и лозунгов, не только сохранился, но и получил практическое развитие (имела место и силовая ассимиляция, не без драматичных и кровавых последствий для некоторых меньшинств, и шараханье от «национализации» к «русификации» в образовании и общественно-политической жизни, и другие т.п.). Однако, с десятилетиями, он обрёл и характер позитивного тренда на бесконфликтное в своей основе сосуществование многонациональных, территориальных, и тем более профессиональных общностей (что отнюдь не исключало таких конфликтов в реальной жизни, что характерно для любой разнородной группы, вопрос в мере и природе конфликтных противоречий). Идеологи, не без оснований, оформили его позднее в концепции «советский народ».

Схематичный экскурс в историю важен тут не сам по себе, а для того, чтобы трезво, глазами социолога, посмотреть на сегодняшнюю Россию. Представляется, что повторение сегодня некоторых «советских лозунгов» (собираТЕЛЬный, а не пропагандистский термин для обозначения теории и практики тех лет) в сфере межнациональных отношений (а, по сути, за этим скрывается, пусть и не артикулируемый всегда таким образом призыв взять их за образец (вернуться уже вряд ли мыслимо) и соответствовавшую этим лозунгам практику межнациональных отношений). Проблема в том, что всё это происходит в принципиально ином социальном контексте, а поэтому представляется делом малоперспективным. За ним – либо ошибочное воз-

зрение на межнациональные отношения, как «отдельно стоящие», «самоценные», либо упование на инерцию самосохранения таких отношений, нежелание критически принять новые социальные реалии, как главную детерминанту, в том числе и для межнациональных отношений. Это равносильно тому, чтобы вместо экономического соперничества и «рыночной конкуренции» (как главного в данной парадигме «движителя» современного общества), воспроизвести сегодня призыв к соцсоревнованию времён «развитого социализма»! Со старыми «лозунгами» удобнее и комфортнее, однако за 25 лет страна трансформировалась от декларируемого «общества социальной справедливости» (а на деле, «уравниловки» и хронических нехваток), в страну, занимающую, по некоторым международным оценкам, первое место в мире по социальному неравенству (1% населения владеет почти 2/3 собственности).

Отступление на российскую тему может показаться чуть затянувшимся, тем не менее, оно представляется методологически принципиально важным, если мы ставим задачу проследить генезис национальных и региональных культур, что обозначено в названии монографии «Культура Арктики». В таком рассмотрении это историко-методологические отступления представляются вполне уместными: необходимо исходить из того, что политика в отношении региональных и миноритарных культур, их «самочувствие» и ожидания меньшинств – это не изолированные сюжеты, а именно часть более широкой («национальной», в российских терминах) и, если увеличить масштаб рассмотрения проблематики – всей социально-экономической политики российского государства. Только имея в виду все эти три уровня, мы можем рассчитывать на адекватную оценку ситуации и поиск соответствующих практических решений. Расстыковка же их, что, увы, чаще имеет место, в силу специализации, как учёных, так и исполнительных ведомств, а тем более соответствующих правовых инструментов, в том числе международных конвенций, и приводит к тому, что преобладают секторальные, ведомственные, и ситуативные подходы.

В заключение позволю себе привести пространную выдержку из дискуссии на одной из конференции в рамках недавней Совместной программы СЕ и ЕС в России «Национальные меньшинства в России: развитие культуры, языка, СМИ и гражданского общества» (2008-11 гг.) , отражающую всю значимость и сложность поднятой тематики для российского общества. Как показала СП, оно всё ещё находится в стадии становления новых межэтнических отношений, важной составляющей которых призвана стать предложенная автором статьи политика «разумной достаточности» в отношении поддержки, в частности, региональных языков и языков меньшинств. Эта политика могла бы существенно способствовать искомому становлению «гражданской идентичности» народов России, которое проходит и через новое осмысление собственной этнической идентичности.

«Истинная идентичность» появляется не в борьбе с другой идентичностью, там она скорее деградирует, а в налаживании совместного бытия, в общем неприятии попыток всеобщей нивелировки разнообразия, как программы. Поиск идентичнос-

ти, включая её этническую составляющую – это не всё более глубокое культивирование своих отличий от других. Это, в лучшем случае, добровольное затворничество, сопровождаемое активным разыскиванием «корней», «великого исторического прошлого», вызывающий сегодня недоумение возврат к «священным дубам для поклонения», лавинную «диаспоризацию» меньшинств вне традиционных территорий их размещения, всё это подчас даже с риском цивилизационного отката (ведь исторически эволюция организованного общества, начиная с его генезиса, шла от этнической, к конфессиональной, а затем социально-классовой организации, что обозначает лишь общий тренд мировой истории, но не исключает сосуществования каждого из этих идентификационных критериев на каждом из этапов, в том числе и сегодня). И тем более это не бесконечный поиск новых аргументов для противопоставления и соперничества «идентичностей». Всё это – дорога к «апофатической идентичности» и конфронтации, причем, как правило, с ближайшими соседями, подчас в надежде на «дружбу с дальними», как компенсацию. Понятно, что исторически такие подходы если и побеждают, то, к счастью, не навечно. Истинная идентичность позволяет воспринимать и принимать бесконечное разнообразие мира, оставаясь по-возможности самим собой, бесконфликтным носителем своей культуры, ценностей и языка».

«Россия – семья народов» – мало, кто уже сегодня знает это выражение великого русского философа XIX века Вл. Соловьева. Выражение осознанное и обдуманное, как и все у Соловьева, явно написано не для лозунга. К сожалению, гораздо более известно другое выражение, запущенное вскоре за Соловьевым идеологами Октябрьской революции (переворота, в терминах её противников) – «Россия – тюрьма народов» (обратите внимание на заимствование измененной фразы, без ссылки, как и возвращение в неё через десятилетия уже в советский лексикон, и снова без ссылки (!), слова «семья»). Нет уж большевиков (разве что воспроизводятся их идейные наследники), многие из неизвестных обстоятельств их прорыва к власти стали сегодня известными, но большевистская «тюрьма народов» продолжает владеть незрелыми умами в России и, по иным причинам, за рубежом. Пора освободиться от навязанного бремени прошлого.

В начинающийся в 2014 году «Год Арктики» в России можно только пожелать ученым и общественным деятелям Якутии и других регионов нороваторского, но вместе с тем здравого, опирающегося на мировой опыт, критичного и взвешенного подхода, а в итоге и заслуженного успеха в дальнейшей разработке проблематики «культуры Арктики». Это тем более знаменательно и потенциально важно, если принять во внимание заявленную подготовку в 2014 году «Концепции развития культуры Российской Федерации».

Примечания:

¹ См. подробнее: «Белая книга» по межкультурному диалогу [Электронный

ресурс]. «Жить вместе в равном достоинстве» : утв. министрами иностр. дел стран-чл. Совета Европы на 118/-й сес. Ком. министров. Страсбуре, 7 мая 2008 г. Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Publication_WhitePaper_ID_en.asp (дата обращения: 2.03.2014).

² См.: Гусейнов А. А. О чём мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // *Междунар. жизнь*. 2008. № 3.

³ См. по этой теме: Паршин П. Государство и цивилизация в современных международных отношениях // *Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России*. 2009. Вып. 4 (44). Май.

⁴ См.: Targowski A. *Information Technology and Societal Development*, Hershey, PA & New York, Information Science Reference, 2009. 462 p.

⁵ См.: Резниченко С. «Культура выживания» и «культура достижения» [Электронный ресурс] : Диалог двух культур. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article30828.htm> (дата обращения: 30.12.2013).

⁶ См. материалы на сайте Совета Европы (<https://hub.coe.int/ru/>).

**К. И. Шилин,
У. А. Винокурова**

КУЛЬТУРА АРКТИКИ – ЖИВОЙ КАПИТАЛ ПЛАНЕТЫ

Общий замысел – в понимании современного северянина-творения = > потенциального Творца Арктики как: 1) обладателя бесценным экофильным опытом непосредственного общения-с-Живой природой, особо актуального в результате все растущего по экспоненте грабежа Природы ненасытными цивилизованными «ордами» хитрых «покорителей природы», но в то же время 2) северяне чувствуют себя «пасынками» западной цивилизации, обделенными ее благами. Отсюда возникают вполне обоснованные надежды на их получение. Первая проблема: как это сделать? Как решить эту двустороннюю проблему, совершенствуя качественно по-разному, в разных направлениях обе: экофильную Арктику и эко-катастрофичную западную цивилизацию? Но без ущерба для невероятно хрупкой экосистемы и без потери благ западной цивилизации, меняя ее экологический знак: «минус» на «плюс». Это тем более важно, что последняя создала много того, что может послужить ее эко-гармонизации, а потому Арктика может послужить основанием для выявления глобальных критериев различения экофильного и экофобного для всего мира. И такого опыта нет у креатив-классов мира, достигших огромных успехов в покорении = грабеже природы, но и в создании значимых художественных и на-

учно-технических средств решения эко-проблем, но не используют их, ибо находятся в плену глубоко скрываеваемого товарно-предметного фетишизма, который практически отсутствует у северян (о чем они тоже не подозревают). Чтобы понять одновременно и вполне реальные эко-угрозы, и эко-потенции их снятия, нужно иметь развернутыми в систему образных понятий гениальные идеи К. Маркса, практически неизвестные науке. Лаборатория «Экология культуры Востока» МГУ имеет концепцию Живого знания, высшим достижением которой является серия работ по Экософии Маркса. Ее мы и применяем для разработк => решения качественно новой и беспрецедентно сложной проблемы, эскиз решения которой и дается ниже. Для этого необходимо построить такую теоретически-прогнозную систему, в которой Культура Арктики выступит в качестве Культуры вообще, исходного Начала - «семени», из которого выводится Глобальная Экологическая Стратегия спасения мира => его дальнейшего эко-гармоничного развития. Первый этап решения этой сложной логико-теоретической проблемы – в полагании самой гениальной и практически неизвестной сообществу ученых идеи Маркса: труд вообще «есть... абстракция, ...производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких-либо обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение» (К. Маркс «Капитал», т. 3, глава 48 «Триединая формула». *Выделения здесь и в остальном тексте – К.Ш.*).

В целом это «зародыш» - Начало также и Культуры вообще (КВ), или, в первом приближении, Культура Арктики.

Попробуем теперь дать определение КВ по аналогии с трудом вообще. Итак, Культура вообще «есть... абстракция», совместное творение Живой Природы и младшего соавтора – «человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой» (что собственно и есть КВ), не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких-либо обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение» (Ср. там же). Т.е. КВ, как и Культура Арктики, есть непосредственное, никаким, даже экофильным обществом (экономикой) не опосредствованное творение безграничной Живой природы и человека (ее творения).

КВ – это в логически-экологически-нормативно-прогнозном смысле есть: 1) фундаментальное обобщение всей предшествующей истории культуры; 2) эко-гармоничное будущее, творимое нами как креатив-классом; 3) творение человека как индивида-творческой личности; это глубинный

подтекст настоящего-личностно-социального, отодвигаемого властными интересами правящего меньшинства на второй план. Чуть иначе:

Культура вообще – это:

1. Исходный тип экофильного двучленного эко-общения: Живая природа => человек вообще (= > общество);

2а. Современная Культура как сфера совершенствования творческих личностей => труд вообще => общество;

2б. Правящая страта общества => рации-предметизированная культура = цивилизация => экофобные формы труда => экономический человек-потребитель-узкий профессионал =>;

3. снятие = возвращение-к-истокам во имя Прыжка-в-Эко-Гармоничную Культуру будущего, осмысленно Творимую креатив-классом.

Первые 2 типа эко-отношений (1 и 2а) – варианты доантагонистичной => пост-антагонистичной эко-системы и под-основа (подтекст) типа 2б, антагонистично-экофобной эко-системы. Из первых 2-х типов эко-системы экофильного общения исторически первый из них: труд вообще – стал у Маркса основанием-контекстом для формулирования еще более фундаментального понятийного образа человек вообще, а в данной работе – еще и Культуры вообще. Итак, идя вслед за Библией:

«В Начале было Слово»,

И Словом было Божьим Словом,

И Словом было: Богочеловек -

Боговдохновенный Творец Культуры.

Следуя также и логике Маркса, начнем с исторически первичного процесса, введя качественно новое образное понятие, и начав тем самым создание

ЭКО-ГАРМОНИЗИРУЮЩЕЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ =>

НОРМАТИВНОГО ПРОГНОЗА КУЛЬТУРЫ

ЭКОФИЛЬНОГО БУДУЩЕГО:

Экософский смысл процесса: труд вообще => человек вообще => Культура вообще = Культура Арктики.

Культура Арктики – эмпирический аналог «всеобщего вообще»: труд вообще => человек вообще => Культура вообще, что делает построение Высокой теории культуры вполне решаемой, а также еще и глобальной задачей, т.е. задачей построения Глобальной теории Культуры экофильного будущего; и Культура Арктики для решения этой проблемы абсолютно необходима. А глобальность этой, изначальной (для мира) культуры – в отсутствии и неприемлемости для нее рыночной экономики и ее основания – конкретного труда, и вообще насилия над человеком и Живой природой. То, что для северян – естественно, от характера их общения-с-Живую Природою им присуще по их климату и природным условиям, то стало жесточайшей необходимостью отныне и для всего человечества, особенно для его Аристотелево-западной, техно-цивилизационной его части.

Но и еще один, более тонкий аспект позитивного значения опыта Арктики для всего мира, но особенно Запада. Этот опыт побуждает остальной мир к необходимости более четкого различения экофильного и экофобного во всякой культуре во имя преимущественно-ускоренного развития одного и интенсивной эко-гармонизации второго-экофобного. Это важно потому, что с Аристотеля и поныне делается совсем наоборот: экофобное господствует над ним и подчиняет его своим, «естественно», экофобным интересам. Это различие затруднено тем, что экофобное представляется «естественным», а экофильное – наоборот, представляется противоестественным.

В решении проблемы различения экофильного и экофобного во всей мировой культуре во имя сдвига акцента в обратном (по сравнению с существующим) направлении может существенную помощь оказать (вслед за Арктикой) еще и Восток. В особенности Япония, а вместе с нею и весь синоцентричный и арабо-исламский мир. Японию считают, и совершенно оправданно, высокоиндустриальной капиталистично-рыночной страной. Но при этом игнорируется глубоко экофильный смысл ее традиционной культуры – для очень традиционалистски настроенных японцев; и этот традиционализм для японцев много значимее их рыночных занятий. Здесь уместна ссылка на общепринятый в Японии акцент на внутреннее (уси) при меньшей роли внешнего-сото. И этот принцип приоритетности уси за счёт сото молча распространяется японцами и на сферу собственно внешнего капитала: внутренний капитал японцев – Живой! – и лишь внешний, намного менее значимый капитал – рыночный в западном смысле слова.

Этот вывод о большем весе Творимо-Живого над рыночным имеет глобальные масштабы, и верен также и для Запада и мира в целом. Поэтому Глобальный капитал и в целом должно уже ныне организовывать качественно по-новому – так, какова саморегуляция Творчества как такового.

Для Китая-Конфуция Культура – это Живая природа + человек => Дао. Для Аристотеля => Запада Культура, как и Жизнь, и человек, объединяемые художественной культурой = Искусством – исходная основа, более интенсивно развиваемая, но умышленно замалчиваемая-игнорируемая в этой своей роли и отодвигаемая формальными: логикой, философией-наукой => политикой => экономикой-техникой => цивилизацией в целом на второй план.

Схематично упрощенный вариант решения может выглядеть и так:

Культуры России => Глобальной культуры экофильного будущего будет осмысление поэзии и прозы народов Арктики, его креатив-класса. И основной урок Арктики: исходно-всеобщее Начало всей последующей истории человека => человечества – Живая Природа, в т.ч. и целенаправленно воспроизводимая всеми последующими поколениями людей.

Этот вывод представляет собой Начало Стратегии развития человека => человечества, исходя из очень специфичного опыта народов, береж-

но сохранивших и развивающих гармонию со своей любимой Природой. Опыт бесценен. Для всех народов мира. Специфика изначального и вечного общения (маленького) человека с Матерью-Природой – гармония с нею внутри Нее. Это отношение необходимо для всей последующей жизни человека (внутри) Биосферы. Особенно это важно для воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста. Именно в этом возрасте закладывается вкус к творчеству, прежде всего – художественному, выявляется специфика творческих потенций ребенка. Культура северян развивает самые фундаментальные творческие способности человека, необходимые во все последующие времена и во всех регионах Земли. Однако опыт северян воспроизводится не в своем буквальном виде. Сам данный процесс осмысления этого опыта предполагает его обогащение достижениями остальных культур мира Востока-Запада-России.

Эко-специфика СЕВЕРЯН: Суровость Природы Севера, и, как следствие, хрупкое, легко нарушаемое био-равновесие, требуют особо бережного отношения, особой любви к ней человека-человечества. Здесь сложилась необычайно экологичная культура Арктики – великое достояние, необычайная ценность которой лишь только-только начинает осознаваться по мере обострения эко-ситуации. Значение культуры Арктики определяется для всего мира тем, что здесь создалась особая экологическая ситуация с легко нарушаемым био-равновесием, близким к эко-катастрофе, о чем нужно в принципе задуматься и всей Земле.

Возникает необходимость построения такой теоретически-прогнозной системы, в которой Культура Арктики выступит в качестве ее исходного Начала-«семени», из которого выводится Глобальная Экологическая Стратегия спасения мира => его дальнейшего эко-гармоничного развития.

Северяне уже сотворили такую экофильную культуру вообще, в развитие которой ещё должна быть создана остальными народами мира своя, национально-самобытная, Экософия и культура. Иначе говоря, Арктика – то начало, тот путь, что ещё предстоит пройти другим. И этот опыт может стать достоянием всех, если его «сжать» в особую систему образов => понятий. Назовем ее так: Экософия Арктики. Она знаменует собой возрастающее значение начала Экософии Человека-Творца Будущего, это – Экософия по преимуществу, представленная в изначально-сущностном, непреходящем вечном смысле. Здесь Гармония человека с Матерью-Природой выступает в своём самом глубинном, наименее искаженном виде; правда, здесь же и максимально трудно выделить исторически изначально-сущностное из позднейших наслоений преходящего. Этот инвариантный уровень эко-общения и Экософии недооценивается во всех трёх своих вариантах. Детства Человечества, Индивида и Северного сияния.

А ведь детство – самая прекрасная (и самая потенциально творческая) пора жизни. Эко-гармоничное будущее Человечества может быть создано лишь в том случае, если мы сделаем их центром нашей культуры творчест-

ва Жизни, – как это и принято у северян. Если и впредь мы будем бережно сохранять его, как северяне, как это свойственно классическим культурам Востока. Суть этого типа культур и выражает Экософия Северного сияния. До недавнего времени для самосознания народов и осознания ими культур данного типа достаточно было фольклора. Ныне же особой любовью, например, у якутов (видимо, и у других народов Северного сияния) пользуется именно философия, а точнее, Экософия (ибо у них разные основания, смысл, ориентации и ценности).

Настоящая работа отличается особым акцентом на тех национально-региональных культурах и их мудрости, которым предстоит, на наш взгляд, определять будущее мира. Этот акцент означает стремление к особому, северному эко-синтезу культур Востока-Запада-России с акцентом на специфике Арктики, что предполагает консолидацию экофильных креатив-классов культур=народов-регионов мира в их общем сопоставлении с остальным миром без противопоставления ему. Такой методологический прием позволит четче выявить качественную определенность духовной мудрости Арктики в ее отличии от философии. Прделанная работа по общему выявлению специфики Экософии культуры Арктики показала необходимость и в то же время ограниченность «лобового» осмысления Экософии, включая философию. Выявилась определенная потребность понимания собственной сути Экософии на основе экософского осмысления сокровенных восточной и российско-евразийских культур в их качественном отличии от цивилизации=философии. На следующем, третьем этапе была решена в более полной мере проблема экологизации также и философии=цивилизации, - на основе чего и будет более полно построена глобальная Экософия в ее всеобщности: общечеловечности = общепланетности, созидательности - что в целом и составляет экологичность. Острота проблемы заключается в том, что все мы общими усилиями творим эко-катастрофу.

Раскроем этот кажущийся парадокс. Кратко он заключается в том, что Восток и Запад по-разному тормозят развитие творческого потенциала человека = человечества, подчиняя его разным, но в обоих случаях (опять-таки по-разному) внешним для него реалиям. Для Востока это – Живая Природа: Небо-Земля, дао и т.п.; для Запада – бизнес, экономика. Правда, они существенно различаются по экологическому критерию, т.е. Восток эко-гармоничен, Запад более креативен, ибо создает большую необходимость в творческом развитии Человека, хотя и предметно канализируя это развитие, т.е. эко-дисгармоничен, экофобен.

По критерию креативности от Востока-Запада отличается Евразия, в особенности Россия, которые в этом отношении отошли от обеих основных традиций мира и начали переход к развитию Человека-Творца как базиса всей системы уже эко-гармоничного прогресса. Но Евразия=Россия (Россия - как репрезентант Евразии) по-разному соотно-

сят себя с Востоком и Западом. (Конечно, речь идет о евразийской сущности России, а не о сегодняшнем, мрачном «зигзаге» в ее судьбе). Востоку Евразия наследует, развивая его, а Западу - в тенденции и по эко-критерию – противостоит как синтез – антитезису (при трактовке Востока в качестве тезиса). И эти тезис-антитезис-синтез – суть не столько логические формы: восточная мудрость => философия => Экософия, сколько сама реальность: гармония Востока => дисгармония Запада => творчество Жизни Россией=Евразией.

Совсем не очевидное насилие над человеком (Востоком-миром) и Природой совершается в форме подчинения их цельности-гармонии расчленяюще = аналитично = предметно-деятельному характеру философии (Запада). Это проявляется главным образом в установлении между основными категориями китайской Экософии той формы отношений, которая свойственна Западу, а не Востоку. К тому же – о, грустная ирония! - это насилие над собою совершают китайцы, русские и др. сами, своею волею, хотя и под давлением обстоятельств. Совершают потому, что не видят, не знают иного пути. А выход есть. Но он еще не понят, не осмыслен.

Для этого необходимо создать глобальную Экософию не только на китайской основе, но и развить эту основу. Одной китаизации мирового опыта мало; необходимо для этого совершенствование китайской традиции – посредством мирового опыта, т.е. действие по принципу субъект-субъектного гармоничного общения инь-ян, или Восток-Запад, развивая его путем включения еще двух сторон: детского и соборно-мудрого (шэн). В итоге получается 4-х конечный крест как символ четырехмерности культуры = знания = личности = деятельности = действительности.

Но это четырехмерное личностное пространство-время подвергается философскому рационализированию, уплощению, редукции - с целью управления (=манипулирования). Тем самым выявляется фундаментальное противоречие между жизнью Природы=человека и выражающей их суть экософией и цивилизацией=наукой=философией, которые призваны быть неявными средствами управления=манипулирования, ныне основных затрат сил человека и природы. В том числе и на Востоке, где это противоречие особенно остро, болезненно и где философия имеет наименьшие основания для внедрения в сознание-интеллигенции (цзюнь цзы, жу). В этом смысле «уточнение имен» (чжен мин), или возрождение-развитие традиций дает снятие неясного, но мощного насилия, а значит, высвобождение огромнейших сил человека-природы. (Конечно же, чжен мин трактуется здесь в более широком смысле).

Конкретнее это означает следующее. Изначальная основа китайской культуры – Живая природа, имеющая широкий спектр обозначений: Тянь (Небо), Тянь-ди (Небо и земля), дао (путь). Уже отсюда вытекает наисовременнейший и необычайно актуализировавшийся вывод о необходимости развития-сотворения Живой природы человеком - как естественной и веч-

ной основы (=базиса=фундамента) жизни человека = общества.

Однако мир (цивилизации Запада) развивает себя совершенно на другом, материально-научно-техническом базисе, - на что и ориентирует всех нас философия. И Китай, принявший в качестве обозначения своей софиологии (чжэсюэ) философию, вместе с этим названием принял также и структуру отношений, в которой базисом считается уже не природа, а экономика-техника и определяющее характер-темпы их развития естествознание. Это-то и ведет нас к эко-катастрофе, которую мы все творим своими «мозгами»-рукам, затрачивая на это насилие над собою и природою огромнейшую массу сил.

Но беда всех нас еще и в том, что мы «недобираем», недоразвиваем человека, а потому недополучаем от него, получаем много меньше того, что мы можем – при максимальном развитии наших творческих способностей.

Все эти «перекося» и искривления имен-реалий снимаются в ходе смены названия чжэсюэ с философии на экософию (или Софиологию). И при соответствующей переструктуризации-гармонизации системы ее категорий, а значит, и гармонизации социо-личностных структур. И при непрерывном их развитии также. Это развитие заключается в сдвиге акцента на процесс само- и социального совершенствования Человека как творческой экологичной индивидуальности высшего уровня, т.е. уровня Лао-цзы-Будды-Конфуция-Христа-Магомета... Этот уровень развития в прошлом достигался интуитивно; ныне у нас имеется довольно фундаментальный опыт Евразии и Запада, концентрируемый в концепциях Живого знания-Живой логики-Экософии в целом. Для всего Востока эта Программа дальнейшего, ускоренно-гармоничного прогресса особо важна потому, что она строится на традиционной для него основе – при освоении достижений Запада в этом восточно-евразийском контексте.

Открытие заключается здесь в том, что новую, более адекватную задачам построения гармоничного будущего, структуру можно заложить в структуру Экософии: в живых логике-знании и затем получить на выходе действительно гармоничную личностно-био-социальную, или экологичную реальность, нежели та система скрытого насилия и недоразвития (=недораскрытия) творческого потенциала, которая существует на Западе и навязывается всему миру, уродуя и губя его.

Экософия Востока – России – мира, снимая это насилие, ведет мир к качественно новой ситуации: через гармоничное развитие Софиологии к гармоничному будущему Евразии и мира в целом. Стратегия их созидания и есть Глобальная Экософия.

ГЕОКУЛЬТУРА И ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Геокультура – настолько мощное и емкое понятие, что даже его предварительный анализ требует введения нескольких понятий и их достаточно четких определений¹. При этом в первом приближении, удобнее говорить именно об образе геокультуры.

Дадим определения основных понятий, необходимые для дальнейшего анализа.

Образ – это максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности. Образ в широком смысле выявляет «рельеф» культуры, являясь одновременно культурой в ее высших проявлениях. Образ – часть реальности; он может меняться вместе с ней. В то же время образ – фактор изменения, динамики реальности.

Геокультура – процесс и результаты развития географических образов² в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. Современная геокультура представляет собой серии геокультурных (культурно-географических) образов, интерпретирующих локальные геокультурные пространства.

Геокультурное пространство – система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

Геокультурные образы

Как представить образ геокультуры, и что понимается под ним? Этот образ рассматривается, в первую очередь, в контексте процессов глобализации³ и регионализации⁴. При анализе геокультуры особое внимание уделяется процессам межкультурной и межцивилизационной адаптации⁵. Образ геокультуры складывается в максимально широком контексте, что означает максимально широкий концептуальный охват современных проблем мирового развития. Здесь захватываются геополитические, геоэкономические и геосоциальные проблемы, без изучения которых глубокий анализ геокультуры и геокультурных проблем невозможен. Затрагиваются также многие аспекты развития мировых и локальных цивилизаций; значительная часть этих цивилизаций является тем или иным инвариантом

геокультуры (геокультур). Исследование геокультуры означает изучение наиболее мощных и структурированных географических образов. Как правило, это наиболее масштабные, наиболее фундированные и самые долговременные географические образы.

Основной вопрос интерпретации образа геокультуры состоит в следующем: складывается ли единая геокультура или геокультур много? По видимому, следует говорить о многих геокультурах, или о множестве геокультур. Определенное место, регион, страна имеет свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал. Геокультурный потенциал измеряется мощностью, силой проецируемых вовне специализированных географических образов, или геокультурных образов. Эти образы сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют в различных геокультурных пространствах.

Геокультурный образ – это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, то есть к таким, в формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России принимают участие географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа. Геокультурные образы можно назвать «ядерными» по своей мощи; это своего рода образные атомные или водородные бомбы, определяющие глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных акторов. Приведем пример. Так, политическое доминирование Китая в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии в эпохи совершенно различных империй и династий на протяжении длительного исторического времени было основано на мощных геокультурных стратегиях в этих регионах. Данные стратегии были основаны на трансляции и оседании (седиментации) китайских культурных ценностей и образов на новых территориях и, зачастую, на достижении господства этих ценностей и образов⁶.

Иногда роль геокультуры, «излучающей» и распространяющей свои образы, берут на себя крупные и/или мировые религии. Несомненными геокультурами являются ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К геокультурам относится и большинство империй, формирующих свои культурные круги (геокультурные периферии): например, в средние века очень отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей (север Балканского полуострова, часть Италии, Русь, часть Восточной и Центральной Европы)⁷ и арабским Халифатом (Кавказ, Центральная Азия)⁸. Конечно, «за спиной» подобных империй стоит, как правило, крупная цивилизация, которая порождает одну или несколько геокультур.

Пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии

Понятие и образ цивилизации, взятые в их типологическом аспекте, представляют собой, с точки зрения гуманитарной и образной географии, не что иное, как очень важный и существенный этап в развитии представлений и образов земного пространства. Несомненно, что основное содержательное наполнение этого понятия произошло в эпоху Просвещения – тогда же, когда теория географического детерминизма получила свое мощное концептуальное оформление, прежде всего в трудах Монтескье. Не пытаясь непосредственно вывести одно из другого, можно, однако, уверенно сказать: интеллектуальный климат и контекст Просвещения способствовал пониманию значимости географического фактора в историческом развитии человечества, человеческих сообществ⁹ и, поскольку концепт цивилизации и цивилизаций становится одним из ключевых в европейском (западном) дискурсе, также в историческом развитии цивилизаций.

Заметным и неустранимым обстоятельством проникновения понятия цивилизации в толщу европейского дискурса стало очевидное признание западными наблюдателями, исследователями, путешественниками, мыслителями, философами явного различия между западными и восточными культурами, между развитыми в политическом и социально-экономическом плане культурами Западной Европы и архаическими культурами Африки, Азии, Австралии и Америки и – как следствие – подтверждение онтологической правильности давней, берущей свое начало с античной эпохи, дискурсивной оппозиции цивилизация/варварство¹⁰. Не будет преувеличением сказать, что, начиная с эпохи Просвещения, образ цивилизации имеет во многом географические концептуальные основания, а географическое положение практически любой цивилизации и культуры приобретает, с точки зрения интерпретатора, не только феноменологический, но и онтологический статус – это проявляется уже в образной насыщенности философско-культурологических терминов «Запад» и «Восток». Существенно также отметить, что в течение XIX века этому идеологическому процессу способствовало активное распространение и применение понятия варварства, взятого также по преимуществу в его культурно-локальных срезам – причем не только в негативных, но и в позитивных аксиологических коннотациях (противопоставления типа «дряхлая цивилизация – молодое и активное варварство»)¹¹.

Пытаясь рассмотреть роль и значение географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций, приходится отказываться от дихотомии цивилизованные страны/не цивилизованные страны, так хорошо работавшей на протяжении всей эпохи расцвета естественнонаучного и исторического позитивизма, опиравшегося на интеллектуальные достижения Просвещения. Между тем, уже в эпоху позитивизма многим исследователям стал понятен неоднозначный, сложный и не всегда прямо объяснимый характер

воздействия географических условий на развитие цивилизаций, особенно ясный в случае сравнения особенностей динамики разных цивилизаций в примерно одинаковой по природно-климатическим показателям географической среде. Цивилизация как таковая стала постепенно осознаваться как пространственно изменчивое явление, как, безусловно, территориальный феномен, при изучении которого приходится обращать внимание и на культурную диффузию, взаимодействие и обмен между соседними, а иногда и отдаленными цивилизациями, и на пространственную динамику самой цивилизации, изменяющей в ходе своего территориального расширения, сжатия или перемещения не только собственно физико-географические параметры и рамки своего существования, но и собственные представления о географической среде и способах адаптации к ней¹².

Осмысление роли культурно-географического пространства для развития цивилизаций, как правило, связывают в наибольшей степени с концепциями Н. Данилевского, О. Шпенглера и Дж. Тойнби. Несмотря на большие содержательные различия – как по методологии, так и по сути их теоретических построений – можно сказать, что концепт локальных цивилизаций, представляемых как пространственно-временная целостность (фактически – территориальный гештальт), был принят и стал «рабочим инструментом» не только в философско-культурологических или историко-софских студиях, но и во внешне позитивистских по духу исторических, этнологических и культурно-географических исследованиях. Географическое пространство стало пониматься как активная среда, способствующая выработке своего рода цивилизационного самосознания; сама по себе локальная цивилизация уже не рассматривалась как нечто внешнее по отношению к территории, где она формировалась и существовала; понятие ландшафта/культурного ландшафта стало просто необходимым при научных описаниях и характеристиках практически любых цивилизаций¹³.

В методологическом плане понятие варварства, не столько идеологически оформленное с точки зрения значимости географического фактора в его развитии, стало постепенно частью комплекса более общих научных представлений о географической среде и географическом пространстве цивилизаций. По существу, варварство оказалось не равноценным концептуальным элементом в оппозиции цивилизация/варварство, а попросту дополнительным понятием, помогающим изучать и объяснять особенности динамики цивилизаций на их территориальных окраинах – там, где этим цивилизациям приходится вырабатывать новые стратегии адаптации к непривычной географической среде и взаимодействовать с другими цивилизациями, уступающими им в политической и социальной организации, а также с точки зрения технико-экономического уровня развития. Так или иначе, понятие и образ варварства остается до настоящего времени маркером цивилизационно-пространственного перехода, резкого слома, сигнализирующего о существенном дисбалансе между внутренними представлениями цивилиза-

ции о самой себе и ее внешними консолидированными представлениями, помогающими ей, как это ни странно, обрести собственную геопространственную идентичность (понятно, что образ варварства может быть обоюдоострым идеологическим «оружием» – это быстро проявляется в периоды политических и военных конфликтов и войн).

Когнитивная схема уровней рассмотрения географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций (синхрония) в общих чертах совпадает с примерной линией развития самих научных представлений о роли и значении природной (географической) среды, географических условий в становлении и воспроизводстве цивилизаций (диахрония). В общем виде можно говорить о трех когнитивных уровнях: географический детерминизм, когда ищется строгая причинная связь между географическими условиями и закономерностями развития конкретной цивилизации; географический поппозитивизм, когда утверждается вероятностная связь между веером природно-географических ограничений и возможностей и способами географической адаптации определенной цивилизации в их динамике; и, наконец, геоспациализм, или геоспациализм¹⁴, в рамках которого локальная цивилизация и географическая среда представляются неразрывными частями, элементами цивилизационно-пространственной целостности (образа, историко-географического образа). Более подробно характеристика каждого уровня будет дана ниже, здесь же отметим, что эти уровни не отрицают друг друга при изучении какого-либо четко ограниченного пространственно-временными параметрами цивилизационного феномена; в то же время отмеченный выше диахронический момент (развитие самих представлений) ведет к появлению вполне полноценных научных исследований, чей дискурс может быть ограничен лишь одним когнитивным уровнем (другой вопрос – преобладание, доминирование того или иного дискурса, борьба, сосуществование дискурсов в конкретную историческую эпоху).

Географический детерминизм как специфический исследовательский дискурс основан на предположении, что «природа», природные условия, климат, географические условия, географическая среда в целом представляют собой своего рода внешних агентов, воздействующих в той или иной степени на развитие человеческих сообществ, культур и цивилизаций. По существу, в когнитивном отношении географический детерминизм является сочетанием крайней (сильной) степени абстрагирования (поскольку «природа», осознанно или неосознанно, считается вынесенной как бы за рамки собственно активных и меняющихся человеческих представлений и не зависимой в своем образе от них) и в то же время жестких мыслительных алгоритмов прикладного характера, действующих, как правило, в рамках обыденной логики. Это одновременно есть и сильная, и слабая сторона географического детерминизма, так как выводы о влиянии географического фактора на развитие цивилизаций в контексте данной парадигмы опираются чаще всего на ряды вполне достоверных и проверенных естест-

веннонаучных и этнографических наблюдений, географических описаний, исторических фактов, организованные вполне корректно с точки зрения обыденной логики – однако сам образ географического фактора, географических условий, географической среды оказывается «вынесенным за скобки», непроработанным, интуитивно «отброшенным» за методологической и практической «ненужностью». Такая формулировка остается верной и при учете тех теоретических и методологических изменений, которые произошли в традиционной науке и в традиционных научных парадигмах в течение XIX – начале XX в. в ходе открытия эволюционизма, эволюционной концепции, принципов комплексности и принятия их «на вооружение» в геологии, биологии, географии¹⁵.

Так или иначе, с помощью географического детерминизма удастся обнаружить и зафиксировать весьма существенные аспекты, связанные с ролью географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций, которые отнюдь не исчезают в результате их технологического, социального и политического развития, а просто приобретают другой когнитивный и практический контекст. Подобная трансформация географического детерминизма, проявляется, как ни странно, во все более скрупулезных и детальных исторических, этнографических, географических исследованиях цивилизаций прошлого в их взаимосвязи с окружающей природной средой (например, изучение формы жилищ, маршрутов передвижения, территориальной организации производства, антропогенных ландшафтов) и, наряду с этим, в рождении и устойчивом идеологическом и культурном воспроизводстве геополитических концепций, теорий развития империализма, традиционалистских построений паранаучного характера, опирающихся на онтологически сакральную значимость того или иного географического положения¹⁶. В любом случае, географический детерминизм оказывается, с одной стороны, вполне «работающим» на традиционных локальных участках социальных и естественных наук, не претендующих на трансцендентальный характер результатов своих исследований; с другой стороны, сами когнитивные формы репрезентации и интерпретации географо-детерминистских построений стали более расширенными и открытыми с точки зрения экологизма, энвайронментализма, ноосферных концепций. Можно сказать, что методологически образ географического фактора, природы как таковой в современном географическом детерминизме сильно расширился, хотя «природа» в данных концептуальных рамках так и остается вне какой-либо включенной в логическое мышление образной рефлексии и образной динамики – способствуя тем самым, как ни парадоксально, все новому и новому возрождению ярких гецивилизационных концепций и теорий с явно иррациональной подосновой или «подложкой» (как, например, концепция евразийцев¹⁷, теория «гидравлических обществ» и «восточного деспотизма» К. Витфогеля¹⁸ или концепция Л.Н. Гумилева).

Геопоссибилизм, оформившийся концептуально приблизительно

в 1910-1920-х годах благодаря трудам Видаля де ла Блаша, а затем работам французской исторической школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и их последователи во Франции и других странах), с одной стороны, тесно примыкает к географическому детерминизму, а с другой – совершает качественный методологический «скачок», «рывок», с помощью которого исследования геоцивилизационного характера приобретают гораздо большую гибкость и теоретическую действенность. Главное, что свойственно в методологическом отношении геопоссибилизму, в отличие от геодетерминизма – это представление о вероятности воздействия географического фактора на развитие отдельных цивилизаций, когда тот или иной элемент природно-климатических условий, тот или иной аспект географического положения трактуется достаточно «мягко» – иначе говоря, предполагается, что цивилизация, в зависимости от определенных обстоятельств (иногда случайных, иногда закономерных) может «заметить» или «не заметить» потенциально положительное или отрицательное воздействие конкретных параметров собственной географической среды на ее динамику. Другими словами, всякое цивилизационное исследование в рамках концепции геопоссибилизма становится, по сути, геоцивилизационным; цивилизация не вычленяется из географического пространства и географической среды, как некий посторонний, инородный объект; она представляется «органичной» для данного географического пространства, и именно из этого положения проистекает очевидная вариативность как спектра способов адаптации к природно-климатическим условиям, к географическому положению, так и самая «мягкость» определений конкретных составляющих географического фактора. Цивилизация здесь всегда рождается в конкретном географическом пространстве и во многом обязана именно ему своим своеобразием, своей культурной, политической, экономической спецификой; ее динамизм проявляется и в расширении спектра способов адаптации к окружающей среде, что отражается в возникновении все новых типов свойственных ей культурных ландшафтов. Характерно при этом, что геопоссибилизм не теряет «вкуса» к изучению мелких, подробных деталей взаимодействия цивилизаций и культур с географической средой¹⁹, что характерно и для геодетерминизма, но, в отличие от детерминизма, геопоссибилизм имеет иные целевые установки и иные контексты для исследования таких деталей, это ведет зачастую к совершенно другим теоретическим и методологическим выводам.

Следует обратить внимание, что в рамках геопоссибилизма частично теряет свой концептуальный смысл понятие географического фактора. Поскольку любая цивилизация имеет свои естественные географические «корни» и обладает в соответствии с этим определенным набором географических представлений, культурных ландшафтов, неких условных «слепок», когнитивных фреймов, связанных с решением конкретных про-

странственно-средовых ситуаций, то географический фактор, сам по себе, «овнутряется», интровертируется, становится стабильной, постоянной цивилизационной интроспекцией, для обозначения которой, как правило, чаще пользуются понятием географической среды. «Природа», образ природы в таком случае обретает черты переходного феномена с двойным онтологическим статусом: он признается когнитивно необходимым при исследовании феномена цивилизации вообще и при изучении взаимодействия определенной цивилизации с географической средой; в то же время «природа» остается все же неким тотальным внешним «зеркалом» для всякой цивилизации, но ее абсолютно внешний образ по отношению к самим методологическим и теоретическим манипуляциям и приемам, присущий, например, геодетерминизму, как бы размывается, растекается; «природа» разделяется на отдельные когнитивные участки, области, в пределах которых отдельные характеристики ее образа осмысляются как свои, «домашние» для данной цивилизации, локализируются и «доместицируются» как уже внутренние характеристики типичных культурных и цивилизационных ландшафтов (например – типичный средиземноморский ландшафт, типичный китайский ландшафт, типичный европейский ландшафт и т.д.).

Предпосылки к формированию той научной парадигмы, которую можно назвать геоспациализмом, начали возникать и развиваться в последней четверти XX – начале XXI веков. По всей видимости, понятия постмодерна и глобализации являются необходимыми коррелятами понятия геоспациализма, однако геоспациализм понимается здесь одновременно и уже, и шире, нежели два первые, более устоявшиеся понятия. Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определенной цивилизации, оперирующей свойственными ей географическими образами²⁰. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идет о том, что всякая локальная цивилизация уже в своем генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют «коды» такой адаптации.

В широком смысле под геоспациализмом понимается идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, причем и человеческое мышление само по себе начинает переходить к специфическим образам пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне

очевидные процессы развития культур и цивилизаций²¹. Начало этого перехода можно проследить, по крайней мере, с эпохи Возрождения; решительный поворот к развертыванию основных форм и выражений геоспациализма можно отнести примерно к 1900-1930-м годам, когда резко активизировавшиеся процессы политическо-географической и политико-идеологической дифференциации сочетались с концептуальными «взрывами» в науке, искусстве, литературе, философии, в ходе которых проблематика пространства и его интерпретации выходит на первый план²². Не углубляясь в подробное рассмотрение генезиса и содержания геоспациализма, взятого в широком смысле, стоит лишь отметить, что основные концептуальные членения современной географии и ее дисциплинарная матрица как раз и начали «отвердевать» в первой половине XX в.²³; в этом смысле можно говорить, что фундаментальная проблематика современной географии есть порождение решительного цивилизационного поворота к геоспациализму, и в то же время она может фиксироваться как одна из его существенных черт и проявлений.

Возвращаясь к вопросу о геоспациализме, взятом в узком смысле, применительно к контексту взаимодействия цивилизации и географического пространства, следует остановиться на трех основных моментах. Первый из них формулируется как проблема методологических «ножниц», связанная с содержательными и формальными различиями в репрезентации и интерпретации географических образов какой-либо цивилизации между внешним наблюдателем/исследователем (он может быть современником, но может жить и гораздо позже, в эпоху, когда данная цивилизация исчезла, перестав себя воспроизводить и оставив лишь материальные и ментальные следы и остатки своей деятельности) и представителями самой цивилизации или же материальными и духовными памятниками древней цивилизации, благодаря которым могут быть реконструированы ее доминирующие географические образы²⁴. В такой когнитивной ситуации можно говорить о транзитных, переходных географических образах гибридного характера, содержащих интерпретации географического пространства исчезнувшей или чужой цивилизации – так, как они возможны с точки зрения представителя другой цивилизации. В любом случае, в методологическом плане геоспациализм предполагает существование и развитие медиативных межцивилизационных пространств с гибкой ментальной структурой, позволяющей фиксировать, изучать и использовать одновременно географические представления, образы, символы различных культур и цивилизаций.

Второй момент следующий: в рамках геоспациализма всякая локальная цивилизация мыслится как пространственно расширяющаяся – причем даже не только и не столько политически (хотя это происходит часто²⁵), сколько экономически и культурно, когда образцы и стереотипы определенного цивилизационного поведения, конкретные цивилизационные установки (часто опирающиеся на сакральные представления и господс-

твующую религию) постепенно выходят за границы своего первоначального распространения (цивилизационного ядра) и, приобретая различные модификации, начинают проникать в переходные межцивилизационные зоны (зачастую «переформатируя» их), а иногда и в сферы традиционного культурного влияния других локальных цивилизаций²⁶. Этот процесс может управляться и контролироваться лишь частично, поскольку ментальные продукты самостоятельной, сформировавшейся цивилизации обладают, как правило, определенной пространственной синергией – они могут быть потенциально востребованы в каком-либо регионе, территории, испытывающих своего рода культурно-цивилизационный «дефицит» или цивилизационный «голод». Так или иначе, локальные цивилизации потенциально чаще всего тяготеют к пространственной экспансии (несмотря на возможные периоды и эпохи сознательной политической изоляции – как, например, Япония в эпоху Токугава – тем более что такая изоляция по разным обстоятельствам никогда не может быть полной²⁷), причем подобная экспансия может быть выражена соответствующими географическими образами, как бы упаковываемыми, представляющими и продвигающими исходную цивилизацию на ее новые пространственные рубежи.

Третий момент акцентирует наше внимание на проблеме геопропространственной относительности локальных цивилизаций. В рамках геоспациализма пространство любой цивилизации может быть адекватно представлено не столько традиционно-картографически, сколько образно-географически, то есть с помощью целевых системных срезов-построений ключевых цивилизационно-географических образов (образно-географических карт²⁸), которые также, в свою очередь, могут быть представлены как пространственные конфигурации. Такая ментальная многомерная «картография» предполагает фрактальный характер обычных, устоявшихся, традиционных цивилизационных границ, часто совпадающих с политическими границами²⁹; цивилизация в геоспациальном контексте – это, скорее, пространственный образ геопространства, выделяющего себя наиболее репрезентативными культурными, социальными, экономическими, политическими маркерами, говорящими внешнему наблюдателю об очевидной, наглядной специфике конкретного воображения³⁰. Иначе говоря, всякое локальное воображение, представляющее себя устойчивыми сериями и системами пространственно сконструированных и построенных образов, может рассматриваться как самостоятельная цивилизация; воображение, включившее в себя пространственность как онтологическое основание, есть безусловная цивилизация. В качестве примера можно отметить, что европейская цивилизация, вне всякого сомнения, может репрезентироваться различного рода ментальными маркерами, чьи физико-географические координаты могут относиться к государственным территориям России, Аргентины или Японии.

Как же содержательно соотносится геоспациализм с географическим

детерминизмом и географическим POSSИБИЛИЗМОМ? Сразу стоит указать, что все три описанных кратко концепта, или парадигмы, являются лишь ментальными, когнитивными схемами; в действительности, практически любое исследование географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций представляет собой чаще всего, в той или иной пропорции, сочетание двух или трех описанных схем³¹. Тем не менее, можно говорить об определенном методологическом и идеологическом «мейнстриме», господствующем в ту или иную историческую эпоху и оказывающем влияние на большинство научных, научно-популярных работ, а также их репрезентации в обыденной или массовой культуре.

В качестве графического выражения содержательного взаимодействия всех парадигм можно представить три концентрические окружности, вставленные одна в другую. Самую маленькую из них можно уподобить геодетерминизму, среднюю – геопоссибилизму, а самую большую – геоспациализму. Интерпретация такого изображения может быть следующей: так же, как механика Ньютона не была отменена теорией относительности Эйнштейна, лишь область ее применения было ограничена и локализована, так же и появление геопоссибилизма, а затем и геоспациализма привело не к отмене геодетерминизма, но лишь к сужению той когнитивной области, в рамках которой геодетерминистская парадигма является достаточно эффективной в научно-исследовательском и обыденном планах (то же верно и в отношении геопоссибилизма к геоспациализму).

Есть, по крайней мере, несколько сквозных содержательных тем, как бы прошивающих всю «ткань» концептуальных представлений о взаимодействии географического пространства и цивилизаций. Среди них можно выделить темы локального знания (локальных знаний)³², феноменологии культурных ландшафтов³³, адаптации представителей какой-либо цивилизации в чуждом им культурно-географическом пространстве или же в культурно-географическом пространстве, которое в ментальном плане необходимо освоить, «обжить», либо «присвоить» (проблема локальной цивилизационной идентичности в широком смысле³⁴). В каждой из описанных парадигм эти темы, в той или иной степени, могут быть изучены и репрезентированы; другое дело, что сам характер интерпретации тем, а также полученные результаты могут довольно сильно различаться – в том числе и потому, что сами исследователи могут относиться к различным локальным цивилизациям с их специфическими культурными, ментальными и научными традициями и установками³⁵.

Вкратце попытаемся описать в разных методологических ракурсах постановки выделенных тем. Если проблематика локальных знаний достаточно уверенно формулируется и исследуется в рамках всех трех геочивилизационных подходов (в рамках геодетерминизма более «приземлено», с большей вероятностью на примерах материальной культуры; в рамках геопоссибилизма – с большим акцентом на вероятностность и методическую

гибкость, вариативность самого характера локальных знаний; в пределах геоспациализма – в сторону большего внимания к цивилизационно-пространственному переносу и диффузии, а также к трансформациям самих локальных знаний в зависимости от географической динамики цивилизаций), то тема феноменологии культурных ландшафтов может интерпретироваться в разных методологических традициях столь отличным образом, что ее видоизменения и теоретические постановки могут привести к взаимному культурному непониманию. Тем не менее, и здесь можно нащупать некий общий «нерв» темы, а именно роль и соотношение материальной и духовной культуры, артефактов и ментифактов, обыденных представлений и представлений «высокой» культуры в становлении конкретных культурных ландшафтов. Наконец, проблематика культурного и цивилизационного наследия, вполне корректно артикулируемая во всех методологических подходах, оказывается наиболее эффективной в своих теоретической и прикладной постановках как раз в рамках динамической и расширенно понимаемой феноменологии культурных ландшафтов, вбирающей в себя актуальные на данный момент когнитивные достижения и геодетерминизма, и геопоссибилизма, и геоспациализма.

Тема цивилизационной локальной идентичности оказывается на поверку наиболее многогранной, наиболее объемной, поскольку глубоко затрагивает онтологическую суть описанных ранее методологических дискурсов. Проблематика свой/чужой (инвариант оппозиции цивилизация/варварство) всегда актуализируется принадлежностью к месту, территории, ландшафту; эта принадлежность может маркироваться по-разному и различными способами в зависимости от конкретной культуры и цивилизации. Понимая, что само понятие цивилизации есть безусловный научный и идеологический конструкт, оказавшийся достаточно эффективным в определенную историческую эпоху, можно предположить, что понятие локальной идентичности как бы увеличивается посредством «цивилизационной лупы», выходит на первый план благодаря широким возможностям пространственного представления и воображения цивилизационной идентичности.

Так или иначе, проблематика геопространства и геопространственного воображения принуждает, обязывает мыслить цивилизации образами, представлять их ключевыми образами, формирующими динамично меняющиеся, возрастающие в своем значении и уменьшающиеся цивилизации-образы, чья символика, семиотика, феноменология может в достаточно серьезной степени опираться на онтологически понимаемый цивилизационный статус места, территории, ландшафта. Здесь геоспациализм фактически смыкается, «по спирали», в идеологическом отношении с географическим детерминизмом, делая «полный поворот кругом», и становясь, в известной мере, «образно-географическим детерминизмом», в рамках которого локальные цивилизации практически полностью самоопределяются соответствующими системами специфических географических образов. Циви-

лизации-образы, будучи в своем ментальном генезисе пространственно расширяющимися, «выталкивают наверх», в актуальное дискурсивное поле проблематику пространственного воображения и пространственной (локальной, региональной) идентичности³⁶; в свою очередь, пространственное воображение «цивилизуется», активно работая в границах задаваемых концептом цивилизации идеологических, культурных и научных форматах.

Цивилизационная идентичность и метагеография

Географические образы и цивилизационная идентичность – взаимосвязанные явления. Феномен формирования и развития географических образов, так или иначе, связан с цивилизацией и культурой, в рамках которых он может быть обнаружен и осмыслен³⁷. С другой стороны, определенные цивилизации и культуры как бы создают «заказ» на конкретные географические образы, отображающие и также выражающие цивилизационную и культурную идентичности³⁸. Я полагаю, что любая цивилизационная идентичность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Такие образы – неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности. Другое дело, что сам «носитель» цивилизационной идентичности может не замечать этого. Исследователь, заинтересованный в комплексном изучении цивилизационной идентичности, должен, на мой взгляд, рассматривать и соответствующие географические образы, обнаруживаемые, прежде всего, в различного рода репрезентативных текстах, характеризующих конкретные цивилизации и цивилизационную идентичность.

Следует учесть, что географические образы представляют собой, как правило, автономное целое, систему, которую можно исследовать, временно дистанцируясь от остальных частей и элементов цивилизационной идентичности. В то же время, некоторые географические образы могут достаточно полно, наиболее развернуто характеризовать цивилизационную идентичность в ее основных проявлениях, быть, по сути, ее ментальным ядром. Это относится чаще всего к молодым цивилизациям в периоды их активного становления, причем важно отметить, что такие периоды могут совпадать с быстрым культурным и экономическим освоением обширных пространств, попадающих в зону влияния растущих цивилизаций. Наиболее яркие примеры здесь – североамериканская, латиноамериканская и российская цивилизации³⁹.

Российская цивилизация, несмотря на ряд очевидных типологических сходств с североамериканской и латиноамериканской цивилизациями в становлении цивилизационной идентичности и роли в ней географических образов, имеет, тем не менее, свои особенности в рамках заявленной темы. В отличие от них, российская цивилизация, несмотря на многочисленные культурные заимствования у византийской и европейской цивилизаций, является автохтонной. Кроме того, историческое время

ее самостоятельного существования и развития намного превосходит соответствующие показатели североамериканской и латиноамериканской цивилизаций. Наконец, что наиболее важно, пространства, оказавшиеся в зоне влияния российской цивилизации, большую часть рассматриваемого исторического времени входили в состав российского государства, будь то Московское царство, Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Территории, не входящие в настоящее время в состав Российской Федерации, но входившие ранее в состав российских государственных образований, в значительной мере осмыслены и культурно освоены именно российской цивилизацией⁴⁰. Такая подавляющая моногосударственность в рамках одной цивилизации, причем государственность, распространившаяся на величайший в мире массив континентальной суши, безусловно, уникальна.

В отличие от китайской цивилизации, также являющейся фактически моногосударственной, российская цивилизация сравнительно поздно стала обретать маркеры и символы собственной идентичности⁴¹. Эту ситуацию можно увязывать в феноменологическом плане с длительным экстенсивным периодом территориального расширения российского государства, в ходе которого требовались в основном лишь политические образы и символы, как бы застолблявшие новые территории. Цивилизационная идентичность населения многих вновь присоединенных или завоеванных территорий долгое время могла оставаться неопределенной, переходной или даже совсем иной, как в случае Прибалтики, Польши, Финляндии, Кавказа и Средней Азии⁴².

Сравнительно поздний поиск Россией своих цивилизационных маркеров привел к тому, что физико-географические параметры ее государственной территории (почти небывалая в истории величина территории, гигантское климатическое и природное разнообразие) непосредственно, напрямую стали рассматриваться как возможные элементы цивилизационной идентичности. По всей видимости, это была очевидная образная экономия – такой подход не требовал поначалу очень серьезных интеллектуальных и культурных усилий. Кроме того, иностранцы, в основном европейцы, уже успели оценить в своих путевых записках и трудах о России ее беспрецедентные пространственные размеры, заложив тем самым первоначальную культурную традицию феноменологии российских пространств⁴³.

Однако, использование географических образов огромных, пугающих и бесконечных пространств в качестве одного из главных маркеров цивилизационной идентичности России породило и ряд проблем – как для исследователей, так и для авторов текстов, представляющих таким способом цивилизационное видение России. Для исследователей подобной проблематики «камень преткновения» связан с трудностями научного системного анализа географических образов, замещающих и/или выражающих ядро

цивилизационной идентичности. Трудности же авторов репрезентативных текстов находятся в области синкретического, нераздельного восприятия и воображения истории и географии цивилизации, «сжатию» их в своего рода ментальный «ком», ясно выражающий эмоции автора, но затемняющий часто сами специфические планы выражения⁴⁴.

Вообразить Россию: к онтологии проблемы

География воображения, имагинальная, или образная география – ментальное порождение эпохи модерна в самом широком смысле; постмодерн лишь по-настоящему осознал эту проблематику – в отличие от предыдущей исторической эпохи – и «перевел игру в миттельшпиль», то есть заострил самые важные и существенные вопросы в рамках образно-географического мышления. По сути дела, в контексте процессов глобализации/глокализации/регионализации – как бы к ним ни относиться – страна, регион, территория могут существовать и очень часто фактически уже существуют в разнообразных коммуникативных и коммуникационных полях как мощные или слабые, сложные или простые, широкие или специализированные виртуальные образы, от продвижения, развития, формирования которых непосредственно зависят политика, экономика, социальные отношения, культурные репрезентации страны или территории⁴⁵. Мы склонны употреблять здесь понятие географического образа – постольку, поскольку именно конкретное географическое пространство, со всеми его социокультурными, художественными, политико-экономическими коннотациями задает в основном параметры, условия репрезентации и интерпретации практически всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов.

Не отвергая, а, по сути, развивая цивилизационное видение и цивилизационную интерпретацию такой постановки вопроса, сконцентрируем наше внимание на способах дискурсивных построений, обеспечивающих определенное «волновое» представление образных географий страны – в нашем случае России. Базовые цивилизационные установки в отношении России представляют собой, с нашей точки зрения, концептуальный консенсус, состоящий из трех основных положений: Россия является достаточно автономной цивилизацией; Россию можно рассматривать как цивилизацию-спутник европейской цивилизации, многим обязанную именно европейской цивилизации; Россия вполне вообразима как цивилизация-государство, в рамках которой подавляющее большинство возможных социокультурных и политико-экономических дискурсов осмысляются посредством перевода в доминирующие способы репрезентаций как государственные, «государственнические» или парагосударственные⁴⁶. Исходя из этого, воображение пространства России и в России связано, безусловно, с проблематикой европейских дискурсов воображения пространства⁴⁷; власть и образы пространства в России чаще всего объединены достаточно типовыми репрезентациями и дискурсами государственного или парагосударственного

характера; наконец, главный вопрос воображения пространства России состоит в следующем: как российская цивилизация-государство может обеспечить, создать, поддерживать достаточно автономные образно-географические дискурсы, идентифицирующие ее цивилизационную уникальность, дистанцирующие ее от других цивилизаций, и – легитимирующие ее как коммуникативную целостность в мировом пространстве цивилизаций?

Что же значит: вообразить Россию? Россия сама по себе не является сколько-нибудь значимым образно-географическим проектом для тех или иных социокультурных сообществ – на ее государственной территории, или за ее пределами. В то же время Россия не является масштабной знаково-символической конструкцией, создаваемой на базе неких общих, генерализованных представлений об ее географии – физической, экономической, политической, культурной. С нашей точки зрения, вообразить Россию – значит вообразить «разбегание», расширение, всевозможные трансформации и взаимодействия тех географических образов, которые создаются, строятся, разрабатываются, творятся как исключения из общих географических предпосылок представления о России; иными словами, чтобы вообразить Россию, нужно упаковать, свернуть, сосредоточить все возможные экзогенные географические представления максимально плотно в знаково-символическом смысле, и, тем самым, попытаться породить, с помощью «образного сжатия» и, может быть, «образно-географического взрыва», новые образно-географические дискурсы, не учитывающие в своем генезисе и развитии существования друг друга – они сосуществуют, они «видят» друг друга, но лишь в том пространстве, которое они создают своим собственным «разбеганием» друг от друга, своей собственной – неуничтожимой и неотъемлемой – метапространственной трансверсальностью.

Что же является той ментальной «меткой», которая поможет нам обнаружить подобное образно-географическое «разбегание» и, следовательно, так или иначе, попробовать вообразить Россию? Мы можем рассчитывать в данном случае на понятие и образ Северной Евразии: как понятие, Северная Евразия «узаконена» традиционными географическими схемами и картографическими проекциями видения мира; как образ, географический образ, Северная Евразия до сих пор является полупустым отображением вполне европеизированных и односторонних, однонаправленных знаково-символических конструкций, призванных хоть как-то описать *tabula rasa* малочисленных коренных народов, чьи географические образы практически либо не репрезентируемы, либо не репрезентированы в рамках внешних по отношению к ним коммуникативных дискурсов⁴⁸. Но речь не идет о том, чтобы просто заполнить какой-то пустой «образный ящик», ранее плохо использованный и маркирующий условное и безразмерное географическое пространство; следует говорить о том, что образные географии России – коль скоро они могут быть представимы и могут развиваться как самостоятельные ментальные поля – должны быть «озабочены» Северной Еврази-

ей как потенциальным ментальным пространством локальных мифологий и мифологических конструктов синкретического толка и «назначения»; в то же время, Северная Евразия может быть очень органичной, емкой когнитивно-географической оболочкой, когнитивно-географическим контекстом для многих образных российских географий, развивающих свои «северность» и «евразийскость» как некие вполне онтологические характеристики – без особого риска попасть в «прокрустово ложе» знаменитого образа России - Евразии 1920-1930-х годов.

Цивилизация географических образов

Пытаясь акцентировать внимание на проблематике условной ментальной воли к образам/географическим образам, приходится задуматься о той цивилизационной специфике России, которая, возможно, не описывается отмеченными ранее концептами. В сущности, пространство российской цивилизации – в той мере, в какой оно представимо в рамках любой социокультурной манифестации или репрезентации – обладает онтологической двойственностью: оно вполне образно и содержательно может быть описано и охарактеризовано внешними «наблюдателями» из иных, хотя бы и соседних, цивилизаций и культур; в то же время, оно может быть описано «изнутри» как пространство предстоящее, как бы еще незанятое и пустое – как пространство, постоянно ждущее «воли к освоению», и это освоение пространства становится часто некоей постоянной онтологической модальностью; российское пространство повсеместно находится, пребывает в стадии перманентного освоения, и тем самым, оно осуществляется в образном плане как пространство перехода и как лиминальное, пограничное, фронтирное пространство⁴⁹. Подобная пространственно-цивилизационная фронтирность может показаться вполне типологическим случаем – в сравнении, скажем, с латиноамериканской цивилизацией⁵⁰ – однако, слишком, может быть, затянувшаяся в масштабах европейского цивилизационного времени фронтирная история России (чего, кстати, все же нет в рамках латиноамериканской цивилизации, там фронтир укладывается во вполне западные по происхождению образы его преодоления и переживания) может подсказать нам, что внешняя фронтирность российских пространств – признак, возможно, совершенно иного типа цивилизационного осмысления и воображения собственного пространства.

Похоже, что, по крайней мере, со второй половины XIX века (хотя первые социокультурные симптомы могут относиться и к первой половине XIX века), российская цивилизация вырабатывает все же постепенно определенные специфические географические образы, которые, с одной стороны, уже не являются простым продолжением и расширением европейского воображения (коим устойчиво «питалась» и воспроизводилась Россия весь XVIII век), а, с другой стороны, фиксируют постоянную ситуацию ментального «оконтуривания» условно пустых пространств, предполагаемых в будущем к освое-

нию. Именно эта ментальная «неоконченность», незавершенность географических образов становится, видимо, в течение всего XX века «фирменным знаком» российских пространств, подтверждая тем самым их несомненную «российскость». Надо ли говорить, что географические образы неосвоенных/слабоосвоенных пространств вполне органично воспроизводились как по преимуществу образы Сибири и Дальнего Востока (реже – Урала и Русского Севера), что становилось серьезной цивилизационной проблемой России, остававшейся в своем «государственническом» самосознании много западнее – как бы запаздывавшей в своей геоисториософии⁵¹?

С большой уверенностью можно было бы говорить о конкретной цивилизационно-образной «шизофрении» России, если бы только по-прежнему доминировали и господствовали социокультурные представления европейского/западного Модерна. Однако когнитивная ситуация Постмодерна оказывается благоприятной для анализа ментально-цивилизационных «расщеплений», разделений и сосуществований, ибо само пространство становится предметом многочисленных пространственных спекуляций⁵² – в силу чего географические образы могут рассматриваться как несомненное свидетельство цивилизационной идентичности уже сами по себе, вне жесткой зависимости от каких-то других цивилизационных признаков. Между тем, традиционные цивилизационные признаки, продолжающие устойчиво воспроизводиться какими-либо локальными сообществами (например, вполне ортодоксальные для России имперскость и православие), существуют в параллельных ментальных мирах, порождая параллельные образно-географические и ментальные карты.

Будущее становится идеей, получающей свои географические образы и представления – таков один из предварительных выводов Постмодерна. Россия, часто воображавшаяся уже в эпоху Модерна как страна будущего, начиная с Лейбница (причем это был по преимуществу европейский дискурс, с той или иной степенью успешности и оригинальности воспроизводившийся отечественными мыслителями), становится, так или иначе, цивилизацией географических образов – таких образов, которые призваны как бы вновь и вновь пересоздавать пространства, не поддающиеся строгому и последовательному ментальному картографированию Модерна⁵³. Возможно, основная цивилизационная сила и одновременно цивилизационная специфика России заключается в моделировании географических образов, выходящих за пределы традиционного пространственного воображения других цивилизаций – «пусковым крючком» выявления подобной цивилизационной специфики стал Постмодерн.

Что же есть тогда Северная Евразия как пучок географических образов, долженствующих представить цивилизационную специфику России в ее максимальной полноте и целостности? Это в любом случае пространство, не мыслимое Европой как самодостаточное и автономное – не в силу какой-то ментальной невозможности помыслить такое пространство, но по

причине отсутствия устойчивой ментальной необходимости; образ Великой Тартарии был минимально необходим европейской цивилизации и в то же время достаточен ей для расширенного воспроизводства собственной идентичности, в рамках которой картезианские образы пространства играли хотя и важную, но не самую главную роль⁵⁴. Ментальный экран китайской цивилизации, оказывающийся мощным «противоходом» для чисто европейского воображения⁵⁵, позволяет говорить о том пространстве, которое «проскакивается» и «не замечается» Европой/Западом, и, одновременно, довольно безуспешно, «втягивается» в пространства Восточной и Юго-Восточной Азии.

Образно-географическое пространство Северной Евразии, возможно, открывается в рамках Постмодерна как метапространство, предоставляющее принципиально новые способы и дискурсы воображения; аналогия слишком прозрачна, однако открытие Америки также действительно изменило европейские дискурсы пространственности, обеспечив тем самым саму возможность разворачивания Модерна⁵⁶. Как бы то ни было, даже виртуальное возникновение таких параформальных географических образов, как Северо-Евразийская республика или же Северо-Евразийская Федерация, может помочь российскому цивилизационному воображению «сбросить», переработать образный балласт Модерна, сняв вполне чуждый и запоздавший национализм как когнитивное излишество распадающегося Модерна. Пучок географических образов Северной Евразии вполне может мыслиться как метапространство без строго национальных/националистических маркеров, как метапространство, собирающее признаки, символы, знаки «трудных пространств» (термин Вадима Цымбурского)⁵⁷ и тем самым как бы предлагающее идентифицировать себя с определенной цивилизацией – здесь-и-сейчас. Иначе говоря, собственно конкретный пространственный опыт, в его образно-географических результатах, версиях, манифестациях и может предстать в условиях Посмодерна как потенциал вновь развертывающейся цивилизации.

По сути дела, даже образ самой российской цивилизации может быть, в конце концов, представлен как необходимая пространственная транзакция⁵⁸, посредством которой обретается, производится в ментальном плане метапространство Северной Евразии, чей дискурс в постмодернистском ключе может оказаться вне каких-либо цивилизационных рамок или натяжек, свойственных эпохе Модерна. Россия как образ цивилизационного перехода (фронттира) порождает необходимое количество и качество оригинальных географических образов; эти географические образы оказываются ментальной транзакцией, как бы снимающей сам цивилизационный фронтир; благодаря подобной геонимической операции, появляется метапространство, чья дифференциация может быть обусловлена сериями последовательных географических образов, определяющих событийность всех вновь возникающих ландшафтов и региональных идентичностей.

Онтология цивилизаций вообще может оказаться в таком случае частной, локальной возможностью когнитивного моделирования ретроспективных географических образов, мыслимых как условно замкнутые ментальные миры.

«Пустое тело» России: социобиологическая эволюция и пространственные идентичности

Если попытаться осуществить «сдвиг на биологический уровень» (концепт Сергея Эйзенштейна)⁵⁹, то воображение страны/пространства предстает задачей не столько цивилизационного или культурного плана, сколько по-настоящему биологической «вехой», за пределами которой жизнедеятельность и жизнеустройство конкретных человеческих сообществ становится эволюцией с заранее наведенными параметрами, имеющими в качестве и онтологического, и феноменологического оснований самоорганизующиеся географические образы. Пространственные идентичности, в таком случае, могут рассматриваться как продукты целенаправленных биологических эволюций, порождающих не только определенные биологические виды и их среды, но и их специфические пространственные реальности – как частные модификации и конфигурации более общих типологически географических образов⁶⁰. Локальные сообщества разрабатывают собственные пространственные идентичности как события и одновременно как органические части своей жизни, чьи образно-географические параметры являются, по сути, чистой биологией земного пространства в его топографической феноменологии.

Всякие вновь возникающие отдельные национальные и региональные истории, предполагающие столь же отдельные и своеобразные географии, заключают в себе когнитивные ядра биологических приспособлений, адаптаций; эти ядра постоянно трансформируются, позволяя локальным воображениям выбирать те когнитивные траектории, которые обеспечивают на данный момент/ эпоху оптимальные биологические стратегии выживания, развития, расширения, экспансии. Если же попытаться в первом приближении осмыслить те вариации развития человеческих сообществ, которые описаны и исследованы в рамках культуры Модерна (по крайней мере, на протяжении XVIII – XX веков), то пространственные идентичности, вполне возможно, оказываются неким образным компромиссом между очевидным стремлением сообществ и отдельных личностей биологизировать пространственные среды, становящиеся конкретными социальными проектами, и наличием устойчивого, по всей видимости, глубинно-психологического фундамента (явившегося, возможно, предметом доисторического/догеографического консенсуса в рамках человеческих сообществ), предполагающего телесные характеристики земного пространства исключительно внутренними, интровертивными по отношению к любой могущей последовать когнитивной интерпретации⁶¹. Иначе говоря, пространствен-

ные идентичности могут как бы накапливаться, нагнетаться соответствующими сериями художественных, научных, интеллектуальных осмыслений, социокультурных и социополитических проектов и манифестаций, оставаясь при этом всякий раз предметом индивидуального биологического выбора/решения.

Что же может значить подобный «сдвиг на биологический уровень» в контексте постоянно формулируемой и переформулируемой проблемы «Вообразить Россию»? Как бы то ни было, серии последовательных историй и географий России на протяжении XIX – начала XXI века представили страну как строго очерченное «ментальное тело»; «биология» российских пространств завязана в промежуточном итоге на пространственные идентичности, расположенные как бы вовне самих российских пространств. Ментальное перемещение, продвижение пространственных идентичностей вовнутрь как бы пустого или полупустого «тела» России может быть связано как раз с его интенсивной «биологизацией» как места разного рода социокультурных проектов локальных сообществ и личностей. Образно-географическое картографирование в процессе подобной «биологизации» России будет означать формирование новых трансформированных пространственных идентичностей, заряженных на экстравертивные, открытые вовне социальные практики, являющиеся, по сути, этапом локальной биологической эволюции.

Нужно ли думать, что проблема «Вообразить Россию» является по преимуществу феноменологической – даже если осмыслять ее в рамках биологической эволюции? Точно так же, как постоянно могут формулироваться проблемы «Вообразить Германию», «Вообразить Францию», «Вообразить Бразилию» и так далее – точно также возможно построение постоянно меняющихся доменов воображения, ориентированных на практически любые социокультурные проблемы как проблемы пространственных идентичностей. Однако, серии пространственных феноменологических опытов, проектов – так или иначе – всякий раз будут стремиться за пределы феноменологии, ускользая в сторону онтологий неразличимых телесных практик, которыми пространство разлагает свои собственные образы.

В сущности, именно телесные практики, выходящие за собственные пределы в качестве социальных репрезентаций, и обеспечивают минимально возможные локальные образы, становящиеся в дальнейшем, в ходе широких социально-проектных мультиплицирований, географическими образами стран. То, что, безусловно, дает возможность подобных мультиплицирований – это мощные технологии закрепления и преобразования памяти/памятей, являющиеся изначально пространственными⁶². Кино, видео, фотография, Интернет, визуальные искусства стали в эпоху Постмодерна тотальными пространственными реальностями, заменяющими и закрывающими неэффективные способы опространствления памяти. Любая страна становится в таком случае своей собственной памятью о наиболее массо-

вых пространственных реальностях, фиксируемых ее географическими образами.

Итак, вообразить Россию приходится как пространство-тело социальных практик, репрезентируемых своей собственной биологической эволюцией в рамках генерализированного пучка географических образов Северной Евразии. Пространственные идентичности, формируемые подобным образно-географическим пучком, будут, скорее всего, постоянно дифференцироваться как в сторону несомненного упрощения («гладкие поверхности» массовых идентичностей типовых локальных сообществ), так и в сторону неожиданных локальных «взрывов» («сложные поверхности» анклавных сообществ, мыслящих свое «технэ» как оригинальный и неповторимый топографический опыт). Такие дифференциации опять-таки могут быть представлены или воображены как расходящиеся, раздвигающиеся пространственные поля, остающиеся, тем не менее, в процессе своего расширения все-таки связными и коммуникативными.

Геокультура: сжатый образ

Итак, анализ понятия геокультуры в связи с процессами межцивилизационной и межкультурной адаптации показывает следующее:

- 1) изучение процессов межцивилизационной и межкультурной адаптации не представимо без глубокого исследования сущности понятия геокультуры и закономерностей развития геокультурных пространств;
- 2) гармоничная межцивилизационная адаптация связана с формированием и функционированием соответствующих геокультурных (культурно-географических) образов, обеспечивающих интенсивный и сбалансированный межкультурный обмен;
- 3) в процессах межцивилизационной адаптации большую роль играет целенаправленное продуцирование стратегий репрезентации и интерпретации геокультурных (культурно-географических) образов;
- 4) механизм использования ключевых геокультурных образов основан на процессах ментального сжатия и растяжения различных цивилизационных и культурных пространств.

Примечания

¹ Впервые это понятие в современных социальных науках стало активно использоваться И. Валлерстайном, см.: Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991; Idem. *After Liberalism*. New York : New Press, 1995. Понятие геокультуры у Валлерстайна тесно связано с его концепцией мир-системного анализа, и рассматривается прежде всего в контексте глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Далее я рассматриваю геокультуру и геокультурные пространства как достаточно автономные понятия.

² О концепции географических образов см.: Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.; Его же. Политико-географические образы и геополитические картины мира : (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полит. исслед. 1998. № 6. С.

80-92 ; Его же. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионоведение. 1999. № 1. С. 152-163 ; Его же. Географические образы регионов и политическая культура общества // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 116-125 ; Его же. Империя пространства : Географические образы в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // Вопр. философии. 1999. № 10. С. 82-90 ; Его же. Образ страны : структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107-115 ; Его же. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Полит. исслед. 2000. № 1. С. 78-81 и др.

³ См.: Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина и В.Л. Иноземцева. М. : Экономика, 2001. 296 с. ; Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, Newbury Park, and New Delhi: Sage, 1992; Buell F. *National Culture and the New Global System*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994 ; Friedman J. *Cultural Identity and Global Process*. London, Thousand Oaks, and New Delhi : Sage, 1994 ; *Global Modernities* / Eds. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. - London, Thousand Oaks, and New Delhi : Sage, 1995 ; *Transnational Connections : Culture, People, Places*. London and New York : Routledge, 1996 ; *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1997 и др.

⁴ См.: *Global/Local : Cultural Production and the Transnational Imaginary* / Eds. by R. Wilson and W. Dissanayake. Durham, N.C.: Duke University Press, 1996 ; Hall, S. *The Local and the Global: Globalization and Ethnicity* // *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 19-41 ; Hannerz, U. *Scenarios for Peripheral Cultures* // *Ibid*. P. 107-129.

⁵ См., например: Olwig, K.F. *Global Culture, Island Identity : Continuity and Change in the Afro-Caribbean Community of Nevis*. Philadelphia : Harwood, 1993. Сравнительно интересный аспект – взаимодействие деловых культур, сформировавшихся в различных цивилизациях; см., например: Льюис Р. Д. *Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию*. М. : Дело, 1999. 448 с.; Hampden-Turner, Ch., Trompenaars, F. *The Seven Cultures of Capitalism*. London : Piatkus, 1995 ; Friedman, T. *The Lexus and Okive Tree: Understanding Globalization*. New York : Anchor Book, 2000.

⁶ См.: Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени*. М. : Наука, 1987. 312 с. ; Фицджеральд С.П. *Китай : краткая история культуры*. СПб. : Евразия, 1998. 456 с.

⁷ См.: Оболенский Д. *Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов*. М. : Янус-К, 1998. 655 с.

⁸ См.: Грюнебаум Г.Э. фон. *Классический ислам : очерк истории (600—1258)*. М. : Наука, 1988. 216 с. ; Большаков А.Г. *История халифата*. Т. 1-3. М.: Вост. лит., 1989-1998.

⁹ См., например: Руссо Ж.-Ж. *Избранное : Исповедь; Прогулки одинокого мечтателя*. М., 1996. С. 349, 572-579, 597-599.

¹⁰ См.: Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М. : Прогресс, 1991. 736 с. ; Леви-Строс К. *Раса и история* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/levestr/rasa.php (дата обращения: 2.03.2014) ; Он же. *Путь масок*. М., 2000. С. 323-357 ; Его же. *Неприрученная мысль* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lev-Str/10.php (дата обращения: 2.03.2014) ; Его же. *Первобытное мышление*. М., 1994. С. 111-337 ; Вернан Ж.-П. *Происхождение древнегреческой мысли*. М.: Мысль, 1988. 224 с. ; Видал-Накэ П. *Черный охотник : Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М., 2001. С. 269-281 ; *Восток – Запад : Исследования. Переводы. Публикации : ист.-культур. альм. 1982-1988* ; *Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов* / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. 560 с. ; МакНейл У. *Территориальная экспансия цивилизации как преодоление варварства* // Там же. С. 168-171 ;

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ : Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с. ; Исаева М.В. Представления о мире и государстве в Китае в III-VI веках н.э. (по данным «нормативных описаний»). М. : Институт востоковедения РАН, 2000. 264 с. ; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М. : Наука, 1987. 312 с. ; Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Ст. 1. Варварство как социологическая модель // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 66-78 ; Его же. Варварство и цивилизация в истории России. Ст. 2. Россия – варварская цивилизация? // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 78-85 ; Его же. Цивилизация и варварство в истории России. Ст. 3. Казачество // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 104-111 ; Его же. Цивилизация и варварство в истории России. Ст. 4. Государственная власть и «блатной мир» // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 87-97 ; Нойманн И. Использование «Другого» : Образы Востока в формировании европейской идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004. 336 с. ; Терин Д.Ф. «Цивилизация» против «варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // *Социологический журнал*. 2003. № 1. С. 24-47 и др.

См. также специфическую версию этой проблематики в концепции фронта, первоначально получившей развитие на материале истории США (Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History* // *Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin*. 1894. № 41. P. 79-112), а затем плодотворно развитой на материалах других регионов и цивилизаций (см., например: Shaw D.J.B. *Southern Frontiers of Muscovy, 1550-1700* // *Studies in Russian Historical Geography* / Bate J.N. & French R.A. (eds.). L., 1983. P. 117-142).

¹¹ См., например: Сармьенто Д.Ф. *Избранные сочинения*. М.: Наследие, 1995. 544 с. ; *Сравнительное изучение цивилизаций...* – С. 437-464.

¹² См.: Февр Л. *Бои за историю*. М. : Наука, 1991. 627 с. ; Витвер И.А. *Французская школа географии человека* // *Избранные сочинения* / И.А. Витвер. М., 1998. С. 513-546 ; Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Ч. 1. *Роль среды*. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 496 с.

¹³ Zelinsky W. *The Cultural Geography of the United States*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, Inc., 1973 ; *The Interpretation of Ordinary Landscapes. Geographical Essays* / Ed. By D.W. Meinig. New York, Oxford : Oxford University Press, 1979 ; Tuan Yi-Fu. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values* / With a new pref. by the author. New York: Columbia University Press, 1990 ; Schama S. *Landscape and Memory*. New York: Vintage Books, 1996 ; Murrey J.A. *Mythmakers of the West: Shaping America's Imagination*. Northland Publishing, 2001 ; *Studying Cultural Landscapes* / Ed. By I. Robertson and P. Richards. New York: Oxford University Press, 2003.

¹⁴ Термин и понятие введены мной. – Д.З.

¹⁵ См., например: Hoskins W.G. *The Making of the English Landscape*. London : Penguin Books, 1985 ; Дулов А. В. *Географическая среда и история России : конец XV-середина XIX в.* М. : Наука, 1983. 257 с.

¹⁶ См.: Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. М.: Мысль, 2001. 426 с. ; Цымбурский В. Л. *Остров Россия : геополит. и хронополит. работы, 1992-2006*. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 544 с. ; Генон Р. *Символика креста*. М., 2004. С. 247-355.

¹⁷ См.: Серио П. *Структура и целостность : об интеллект. истоках структурализма в Центр. и Вост. Европе. 1920-30-е гг.* М. : Яз. славян. культуры, 2001. 362 с.

¹⁸ Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957 ; *Agriculture: Idem. A Key to the Understanding of Chinese Society, Past and Present*. Canberra, 1970.

¹⁹ См., например: Бродель Ф. *Что такое Франция? Кн. первая: Пространство и история*. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.

²⁰ Замятин Д. Н. *Геокультура: образ и его интерпретации* // *Социолог. журн.* 2002. № 2. С. 5-13 ; *Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и*

интерпретации ключевых культурно-географических образов // *Цивилизация : Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*. М., 2003. С. 213-256 ; Ср.: Саид Э. *Ориентализм : Запад. концепции Востока*. – М.: *Русский мир*, 2006. 636 с.

²¹ Ср. по аналогии вполне марксистский подход к проблематике воспроизводства пространства: Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991.

²² См., прежде всего: Флоренский П. А. *Абсолютность пространственности* // *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии* / П. А. Флоренский. М., 2000. С. 274-296 ; Его же. *Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях* // *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии* / П. А. Флоренский. М., 2000. С. 81-259 ; Его же. *Значение пространственности* // *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии* / П. А. Флоренский. М., 2000. С. 272-274 ; Его же. *Обратная перспектива* // *Соч. в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли* / П. А. Флоренский. М., 1990. С. 43-109 ; Его же. *Храмовое действо* // *Иконостас : избр. тр. по искусству* / П. А. Флоренский. СПб., 1993. С. 283-307 ; Ухтомский А. А. *Доминанта*. СПб. : Питер, 2002. 448 с. ; Панофский Э. *Перспектива как «символическая форма» : Готическая архитектура и схоластика*. СПб. : *Азбука-классика*, 2004. 337 с. ; Хайдеггер М. *Бытие и время*. М. : *Ad Marginem*, 1997. 466 с. ; Генон Р. *Царство количества и знамения времени* // *Избр. соч. : Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте* / Р. Генон. М., 2003. С. 32-39, 135-145 ; Его же. *Символика креста*. М.: *Прогресс-Традиция*, 2004. 704 с. ; Юнгер Э. *Рабочий. Господство и гештальт*. СПб. : *Наука*, 2000. 546 с. ; Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. М. : *Медиум*, 1996. 239 с. ; Арто А. *Театр и его двойник*. – М.: *Мартис*, 1993. 448 с. ; Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // *Вопросы литературы и эстетики* / М. М. Бахтин. М., 1975. С. 234-408 ; Его же. *Эстетика словесного творчества*. М.: *Искусство*, 1986. 445 с. ; *Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века*. М. : *РА*, 2000. 132 с. и др. В живописи это – возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагала, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего – Шенберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Естественно, что всех упомянуть здесь невозможно, я концентрирую внимание на наиболее важных явлениях и авторах в рамках данной темы.

²³ См.: Джеймс П., Мартин Дж. *Все возможные миры*. М. : *Прогресс*, 1988. 672 с. При мерно в это же время происходит теоретическое оформление хорологической концепции в географии, зародившейся в первой половине XIX века и ставшей одной из наиболее влиятельных географических концепций, начиная с 1920-х гг. до настоящего времени, см.: Риттер К. *Идеи о сравнительном земледелии* // *Магазин земледелия и путешествий : Геогр. сб., издаваемый Н. Фроловым*. М., 1853. Т. II. С. 353-556 ; Геттнер А. *География : Ее история, сущность и методы*. Л.; М.: *Гос. изд-во*, 1930. 416 с. ; Замятин Д.Н. *Методологический анализ хорологической концепции в географии* // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 1999. № 5. С. 7-16.

²⁴ См., например: *Классический фэншуй : введение в кит. геомантию*. СПб. : *Азбука-классика*, Петербург. *Востоковедение*, 2003. 272 с. ; Гране М. *Китайская мысль*. М. : *Республика*, 2008. 528 с. ; Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. *В преддверии философии : Духов. искания древнего человека*. М. : *Наука*, 1984. 236 с. ; Кэмпбелл Дж. *Мифический образ*. М.: *АСТ*, 2002. 683 с. ; Кнабе Г.С. *Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима* // *Культура Древнего Рима*. М., 1985. Т. II. С. 108-167 ; Топоров В.Н. *Эней — человек судьбы : К «средиземномор.» персоналогии*. М. : *Радикс*, 1993. Ч. I. 193 с. ; Ошеров С.А. *Найти язык эпох : (от архаич. Рима до рус. Серебряного века)*. М. : *Аграф*, 2001. 336 с. ;

Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* : Ориентация по странам света а архаичес. культурах Евразии. М. : Яз. рус. культуры, 1999. 720 с. ; *Его же. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение.* М. : Яз. рус. культуры, 2000. 176 с. и др.

²⁵ См. классические образцы подобного «геомессиянства» на примере : История США. Хрестоматия. М. : Дрофа, 2005. 400 с. ; один из наиболее ярких образцов: Шуриц К. *Предопределенная судьба (1893)* // Там же. С. 116-129.

²⁶ Как правило, это очень ярко может отражаться в классических путевых записках и описаниях путешествий, когда путешественник в ходе своего путешествия попадает в совершенно иную культурную и цивилизационную среду. В качестве примера см.: Дарвин Ч. *Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль».* М. : Мысль, 1975. 453 с. ; Кюстин А. де. *Россия в 1839 году* : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. См. также очень интересную исследовательскую постановку: Холландер П. *Политические пилигримы* : (путешествия запад. интеллектуалов по Совет. Союзу, Китаю и Кубе, 1928-1978). СПб. : Лань, 2001. 592 с.

²⁷ См., например: Кин Д. *Японцы открывают Европу. 1720-1830.* М.: Наука, 1972. 208 с.

²⁸ Замятин Д. Н. *Культура и пространство: моделирование географических образов.* М., 2006. С.118-140.

²⁹ См.: Замятин Д. Н. *Структура и динамика политико-географических образов современного мира* // *Полития.* 2000. № 3 (17). С. 116-122; *Его же. Географические образы мирового развития* // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1. С. 125-138 ; *Его же. Геополитика образов и структурирование метапространства* // *Полит. исслед.* 2003. № 1. С. 82-103.

³⁰ Ср.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества.* М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с. О борьбе образов см. также: Грузински С. *Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике* // *Междунар. журн. социальных наук.* 1993. № 1. Май. Америка: 1492-1992. *Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии.* С. 65-85.

³¹ См., например: Гаравалья Х.К. *Люди и среда в Америке: о понятиях «необходимости» и «вероятности»* // Там же. С. 149-161.

³² Мосс М. *Общества. Обмен. Личность* : тр. по социальной антропологии. М. : Вост. лит., 1996. 360 с. ; Леви-Строс К. *Структурная антропология.* М. : Наука, 1985. 536 с. ; *Его же. Печальные тропики.* Львов : Инициатива ; М. : АСТ, 1999. 569 с. ; *Его же. Путь масок.* М. : Республика, 2000. 399 с. ; *Его же. Первобытное мышление.* М. : Республика, 1994. 384 с. ; Линч К. *Образ города.* М. : Стройиздат, 1982. 328 с. ; Бурдьё П. *Практический смысл.* СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. ; *Его же. Социальное пространство: поля и практики.* СПб.: Алетейя, 2005. 576 с. ; Гирц К. *Интерпретация культур.* М. : РОССПЭН, 2004. 560 с. ; Geertz C. *Local knowledge.* New York: Basic Books, 1983.

³³ Степун Ф. А. *К феноменологии ландшафта* // *Сочинения* / Ф. А. Степун. М., 2000. С. 804-807 ; Муратов П. П. *Образы Италии. Т. I-III.* М. : Галарт, 1993-1994 ; *Его же. Ночные мысли.* М. : Прогресс, 2000. 320 с. ; Фор Э. *Дух форм.* СПб.: Machina; Axioma, 2005. 320 с. ; Ортега-и-Гассет Х. *Камень и небо.* М. : Грант, 2000. 288 с. ; Эйзенштейн С. М. *Неравнодушная природа.* Т. 1-2. М. : Эйзенштейн-Центр, Музей кино, 2004-2006 ; Фуко М. *Другие пространства* // *Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью* / М. Фуко. М., 2006. Ч. 3. С. 191-205 ; Голд Дж. *Психология и география : основы поведенчес. геогр.* М. : Прогресс, 1990. 304 с. ; Подорога В. А. *Выражение и смысл : Ландшафт. миры философии.* М. : Ad Marginem, 1995. 427 с. ; Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу : карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.* М. : Новое лит. обозрение, 2003. 560 с. ; Каганский В. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство* : сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 576 с. ; Лавренова О. А. *Культурный ландшафт: семантика культур.-геогр. взаимодействий* // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2003. № 3. С. 114-121 ; Foucault M. *Questions on Geography* // *Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977* / Ed. by G. Gordon. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1980. P. 63-77 ; Tuan Yi-Fu. *Space and place: The perspective of experience.* Minneapolis : University of Minnesota

Press, 1977 ; Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory*. London: Verso, 1990 ; Schama S. *Landscape and Memory*. New York: Vintage Books, 1996 ; Jackson J.B. *Landscape in Sight: Looking at America* / Ed. by H.L. Horowitz. New Haven and London: Yale University Press, 1997 ; *Imperial Cities: Landscape, Display and Identity* / Ed. by F. Driver and D. Gilbert. Manchester: Manchester University Press, 1999 ; Tuan Yi-Fu *Perceptual & Cultural Geography* // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93. No. 4. P. 878-881 и др.

³⁴ См., например: Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема «Запад-Россия-Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // *Восток-Запад : Исслед. Переводы*. Публ. М., 1988. Вып. 3. С. 110-143 ; Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // *Вопр. философии*. 1991. № 8. С. 102-116 ; Гройс. Б. Поиск русской национальной идентичности // Там же. 1992. № 1. С. 52-60 ; Его же. Россия как подсознание Запада (1989) // *Искусство утопии* / Б. Гройс. М., 2003. С. 150-168 ; Щукин В. Г. Культурный мир русского западника // *Вопр. философии*. 1992. № 5. С. 74-87 ; Мильдон В. И. «Земля» и «Небо» исторического сознания // Там же. С. 87-100 ; Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры : (филос.-ист. анализ). М.: РОССПЭН, 2001. 704 с. ; Рашковский Е. Б. Профессия — историограф : материалы к истории рос. мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001. 252 с. ; Его же. Осознанная свобода : материалы к истории мысли и культуры XVIII-XX столетий. М. : Новый хронограф, 2005. 256 с. ; Цымбурский В. Л. Остров Россия : Геополит. и хронополит. работы. 1992-2006. М. : РОССПЭН, 2007 544 с. ; Фишман О. Л. Китай в Европе : миф и реальность (XIII-XVIII вв.). СПб. : Петербург. востоковедение, 2003. 544 с. ; См. также: Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 1998. 560 с.

³⁵ См., например: Castree N. *Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies* // *Environment and Planning A*. 2001. Vol. 33. P. 1519-1525.

³⁶ См.: Вирт Л. Локализм, регионализм и централизация // *Логос*. 2003. № 6. С. 53-67 ; Роккан С., Урвин Д. В. Политика территориальной идентичности : исслед. по европ. регионализму // Там же. С. 117-133 ; Ассман Я. Культурная память в Письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 368 с. ; Атиас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М. : ЛОРИ, 2002. 396 с. ; Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России : материалы семинара. М., 1999. 244 с. ; Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // *Логос*. 2003. № 6. С. 67-117 ; Крылов М. Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // *Культурная география*. М., 2001. С. 143-171 ; Его же. Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // *Гуманитарная география*. М., 2004. Вып. 1. С. 154-165 ; Его же. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // *Социолог. исслед.* 2005. № 3. С. 13-23 ; Кувенева Т. Н., Манаков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Там же. 2003. №7. С. 77-89 ; Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. 191 с. ; Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России : проект. материалы. Н. Новгород, 2004. 116 с. ; Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. Number 3. P. 763-794 ; *Geography and National Identity* / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994 ; Ayers E.L., Limerick P.N., Nissenbaum S., Onuf P.S. *All Over the Map: Rethinking American Regions*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996 ; Ely C. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. Decalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2002 и др.

³⁷ Замятин Д. Н. Моделирование географических образов : пространство гуманитар. геогр. Смоленск : Ойкумена, 1999. 256 с. ; Его же. Гуманитарная география : пространство и яз. геогр. образов. СПб. : Алетейя, 2003. 331 с. ; Его же. Метагеография : пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с. ; Его же. Власть пространства и пространство

власти : геогр. образы в политике и междунар. отношениях. М. : РОССПЭН, 2004. 352 с ; Его же. *Культура и пространство : моделирование геогр. образов*. М. : Знак, 2006. 488 с.

³⁸ Замятин Д. Н. *Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов* // *Цивилизация : Восхождение и слом : Структурообразующие факторы и субъекты цивилизац. процесса*. М., 2003. С. 213-256.

³⁹ Замятина Н. Ю. *Локализация идеологии в пространстве : (американ. фронтир и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур»)* // *Полюса и центры роста в региональном развитии*. М., 1998. С. 190-194 ; Её же. *Сибирь и Дикий Запад : образ территории и его роль в обществ. жизни* // *Восток*. 1998. № 6. С. 5-20 ; *Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов*. М. : Аспект Пресс, 1998. 560 с. ; Сармьенто Д. Ф. *Варварство – цивилизация : избр. соч.* М. : Наследие, 1995. 272 с. ; Мионов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2-х т.* СПб., 1999. Т. 1. *Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. С. 51-53 ; Цимбаев Н. И. *До горизонта – земля! (К пониманию истории России)* // *Вопр. философии*. 1999. № 1. С. 18-42 ; Яковенко И. Г. *Русское пространство* // *Гуманитарная география*. М., 2004. Вып. 1. С. 283-298 ; Ayers E.L., Limerick P.N., Nissenbaum St., Onuf P.S. *All Over the Map. Rethinking American Regions*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

⁴⁰ Яковенко И. Г. *Российское государство : нац. интересы, границы, перспективы*. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1999. 320 с.

⁴¹ Барабанов Е. В. *Русская философия и кризис идентичности* // *Вопр. философии*. 1991. № 8. С. 102-116 ; Гройс. Б. *Поиск русской национальной идентичности* // Там же. 1992. № 1. С. 52-60 ; Его же. *Россия как подсознание Запада (1989)* // *Искусство утопии* / Б. Гройс. М., 2003. С. 150-168 ; Щукин В. Г. *Культурный мир русского западника* // *Вопр. философии*. 1992. № 5. С. 74-87 ; Мильдон В. И. «Земля» и «Небо» исторического сознания // Там же. С. 87-100 ; Кантор В.К. *Русский европеец как явление культуры : (филос.-ист. анализ)*. М. : РОССПЭН, 2001. 704 с.

⁴² Яковенко И. Г. *Указ. соч.*

⁴³ См.: *Пространства России : хрестоматия по геогр. России : Образ страны*. М.: МИРОС, 1994. 158 с. ; Подорога В. *Простирание, или География «русской души»* // Там же. С. 131-136 ; *Империя пространства : Геополитика и геокультура России : хрестоматия* / сост. : Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М. : РОССПЭН, 2003. 720 с. ; Ахизер А. С. *Российское пространство как предмет осмысления* // *Отечественные записки*. 2002. № 6 (7). *Пространство России*. С. 72-87 ; Смирнягин Л. В. *Культура русского пространства* // *Космополис*. № 2. Зима 2002/2003. С. 50-59.

⁴⁴ Подорога В.А. *Указ. соч.* ; Замятин Д. Н. *Стратегии интерпретации историко-географических образов России* // *Мир России*. 2002. № 2. С. 105-139 ; Его же. *Политико-географические образы российского пространства* // *Вестн. Евразии. (Acta Eurasica)*. 2003. № 4(23). С. 34-46.

⁴⁵ Замятин Д. Н. *Культура и пространство: моделирование географических образов*. М. : Знак, 2006. 488 с.

⁴⁶ *Россия как цивилизация : Устойчивое и изменчивое*. М. : Наука, 2007. 685 с.

⁴⁷ Саид Э. *Ориентализм : запад. концепции Востока*. М. : Русский мир, 2006. 636 с. ; Нойманн И. *Использование «Другого» : образы Востока в формировании европ. идентичностей*. М. : Новое изд-во, 2004. 336 с. ; *Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008.

⁴⁸ Ср.: Замятин Д. Н. *Азиатско-Тихоокеанский регион и Северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI веке* // *Восток*. 2004. № 1. С. 136-142 ; Слезкин Ю. *Арктические зеркала : Россия и малые народы Севера*. М.:

Новое лит. обозрение, 2007. 512 с.

⁴⁹ Ср.: Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75-89.

⁵⁰ Сеа Л. *Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки*. М. : Прогресс, 1984. 342 с. ; *Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов*. М. : Аспект Пресс, 1998. 560 с.

⁵¹ Ср.: Замятин Д. Н. Россия и нигде: географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // *Россия как цивилизация : устойчивое и изменчивое*. М., 2007. С. 341-367.

⁵² Слотердайт П. *Сферы. Макросферология. II. Глобусы*. СПб. : Наука, 2007. 1024 с.

⁵³ Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 560 с.

⁵⁴ Замятин Д. Н. Азиатско-Тихоокеанский регион и Северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI веке // *Восток*. 2004. № 1. С. 136-142.

⁵⁵ Гране М. *Китайская мысль*. М. : Республика, 2004. 526 с. ; Кобзев А. И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // *Этика и ритуал в традиционном Китае*. М., 1988. С. 17-56 ; Малявин В. В. *Китай в XVI-XVII веках : традиция и культура*. М. : Искусство, 1995. 288 с. ; Воскресенский А. Д. *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года*. М., 1995. 444 с. ; Его же. *Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений*. М. : МОНФ, 1999. 405 с. ; Фишман О. Л. *Китай в Европе : миф и реальность (XIII-XVIII вв.)*. СПб. : Петербург. востоковедение, 2003. 544 с.

⁵⁶ Кайзерлинг, фон Г. *Америка : Заря нового мира*. СПб., 2002. 530 с. ; Бодрийяр Ж. *Америка*. СПб. : Владимир Даль, 2000. 206 с. ; Аинса Ф. *Реконструкция утопии : эссе*. М. : Наследие, 1999. 208 с.

⁵⁷ Цымбурский В. Л. *Остров Россия : Геополит. и хронополит. работы. 1993-2006*. М. : РОССПЭН, 2006. 544 с.

⁵⁸ См.: Замятин Д. *Геономика: пространство как образ и трансакция // Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 5. С. 17-19 ; Его же. *Пространство как образ и трансакция: к становлению геономики // Полит. исслед.* 2007. № 1. С. 168-184.

⁵⁹ Эйзенштейн С. М. *Метод*. М. : Музей кино, Эйзенштейн-центр, 2002. Т. 1. 495 с.

⁶⁰ Ср.: Бейтсон Г. *Экология разума : избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. М. : Смысл, 2000. 476 с. ; Его же. *Разум и природа : Неизбежное единство*. М. : КомКнига, 2007. 248 с. ; Элиас Н. *Общество индивидов*. М. : Праксис, 2001. 330 с.

⁶¹ Ср.: Юнг К. *Символическая жизнь*. М. : Когито-Центр, 2003. 326 с. ; Кэмпбелл Дж. *Мифический образ*. М. : АСТ, 2002. 683 с. ; Слотердайт П. *Сферы. Макросферология. II. Глобусы*. СПб. : Наука, 2007. 1024 с. .

⁶² Ср.: Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М. : Новое издательство, 2007. 348 с. ; *Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Гюимеж, М. Винок*. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с. ; Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 368 с. ; Флюссер В. *За философию фотографии*. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 146 с.

КОРЕННЫЕ КОСМОПОЛИТЫ. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА И АКТИВИЗМ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

Летом 2012 г. Родион Суляндзига, вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), напомнил мне: «Россия имеет самую большую долю в регионе Арктики и наиболее серьезные интересы там же. Это влияет и на коренные народы, и на нашу политику». Данная статья, написанная на основе длительных этнологических полевых исследований, расширяет границы его тезиса вследствие анализа различных аспектов политики по отношению к коренным народам: от разрушения общин и ассимиляции до впечатляющих случаев культурного и социального возрождения. Акцентируя внимание на вопросе «коренных космополитов», я в то же время утверждаю, что наиболее эффективными коренными лидерами являются те, чья жизнь наиболее тесно связана с традиционной родиной, будь то таежная зона, тундра или реки. Мои заключения также подчеркивают важность роли социально-политических условий, которые и определяют успешность каких-то групп по сравнению с другими в защите их интересов в социальном, экологическом и культурном аспектах. Мой анализ адаптирует теорию недогматичной, гибкой коренности, примеры которой даются в работах de la Cadena (2010), Forte (2010), Neizen (2003) и Starn (2011).

Весной 2013 г. была успешно завершена первая операция фракционирования, проведенная «Газпромнефтью» в рамках проекта «Развитие Ямала». Летом же 2012 г. транспортные корабли стали проходить по северному морскому пути без помощи ледоколов раньше, чем когда-либо прежде. А в ноябре этого же года российское правительство приостановило деятельность АКМНСС и ДВ, главной зонтичной организации, защищающей права коренных народов. Несмотря на то, что деятельность ее была восстановлена в марте 2013 г., под явным давлением со стороны правительства произошла смена руководства и курса организации. Все эти события взаимосвязаны. В последнее десятилетие темпы освоения и захвата северных земель, связанных с энергетикой и горнодобывающей отраслями, ускорились, и это привело к усилению конфликтов с коренными народами, включая незаконное выселение с земель, которые они считали своими семейными и родовыми угодьями на протяжении веков. Этот процесс также привел к беспрецедентным темпам урбанизации коренного населения Сибири и Дальнего Востока – по некоторым оценкам вплоть до 45% тех, кто считает

себя коренными, живут сегодня в городах или поселениях городского типа (так называемые «асфальтовые коренные»)¹. Их лидеры хорошо понимают связь между развитием индустриализации, возросшим давлением на их активизм и усилившейся урбанизацией.

Уровень самоидентификации коренного народа отражен в росте количества групп (от 26 до 41), подходящих по критериям для членства в Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации со времени развала Советского Союза. Ассоциация охватывает организации из 41 группы коренных народов, представляющих интересы в общей сложности 300000 человек. По правилам, чтобы организация могла стать членом Ассоциации, популяция этнонациональной группы этой организации должна быть менее 50000 человек. Другие, более многочисленные коренные народы Сибири и Дальнего Востока, имеют свои республики, и таким образом не подходят для членства в Ассоциации. Несмотря на то, что у АКМНСС и ДВ были проблемы с правительством, продолжающиеся после приостановки ее деятельности, она все еще остается наиболее жизнеспособной и наиболее организованной зонтичной организацией, защищающей права коренных народов. Две другие, каким-то образом конкурирующие с нею организации, также представляющие интересы коренных народов и признанные Москвой – это «Союз кочевых родовых общин» и «Ассоциация оленеводов».

Московский адвокат и советник правительства, шорский лидер Михаил Тодышев объяснил мне в 1990 г., что коренным народам не нравится, когда их называют «малочисленными»: «Нам больше нравится наше самоназвание или, если все же мы должны быть каким-то образом классифицированы, мы бы предпочли называться «коренными» (индидженос) или «абориджинал», подобно коренным народам Австралии». Это определение перекликается с известным канадским определением коренных людей – «Первые Нации». К тому же, это логично, поскольку определение «меньшинство» является слишком относительным, чтобы являться общей категорией. Оно соотносится с географией и исторически непостоянно. Например, в случае, когда до недавнего времени коренные группы являлись «большинством» на их родине. Таким образом, аналитически важно подчеркнуть, что природа этнодемографии и политики меняется в зависимости от ситуации и времени, и это меняет как само определение, так и представление об определении «коренные»².

Недавние правовые ограничения определения «коренные» в Российской Федерации рассматриваются здесь перед анализом конкретных случаев. Я привожу несколько примеров пугающих случаев в различных регионах, которые демонстрируют общие причины переселения коренных народов в городскую среду – по причине ли вынужденной миграции («под нажимом») или же в силу привлекательности городской жизни («притягивание»). Затем я рассматриваю Республику Саха (Якутия), которая, несмотря на наличие

серьезных проблем, является относительно положительным примером, и где я провела большинство моих полевых исследований, начиная с 1986 г. В фокусе анализов находятся межэтнические трения, созданные скорее развитием в целом, чем только процессом «урбанизации». Также оцениваются последствия для гражданского общества в Российской Федерации.

Борьба определений и почему это важно

Попытки пересмотреть законы о коренных народах и сузить определение «коренные» насколько это возможно, чтобы «льготный» доступ, предоставляемый коренным народам на охоту, рыболовство, лес и землю, доставался как можно меньшему количеству людей, велись в Государственной Думе Российской Федерации с начала 2000-х. Ограничения касаются особенно тех, кто переехал в города и поселки в своих регионах, и кто, возможно, хотел бы время от времени возвращаться к родственникам на их постоянно уменьшающуюся родину. Они ограничивают возможности возвращения на их исконную территорию, как в буквальном смысле, так и психологически, и таким образом способствуют сокращению, насколько это возможно, числа конкурентов, которые могли бы предъявить претензии на земельную собственность. Кроме того, из-за сокращения бюджета практически все законы в советском стиле, касающиеся льгот в сфере образования, исчезли. Двадцать шесть официально признанных «малочисленных» народов имели в советское время ряд привилегий, предназначенных для привлечения их в «цивилизацию» и, тем самым, демонстрации советского прогресса [4; 32].

В дополнение к Конституции Российской Федерации 1993 г. три главных закона федерального значения сформировали основу прав коренных народов в постсоветское время: федеральный закон администрации Б. Ельцина от 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; от 2000-го «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и закон 2001-го «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [39]. Логика закона о правовых преимуществах людей, живущих на «территориях традиционного природопользования», принятого под влиянием адвокатов из коренных народов и социолога Ольги Мурашко, заключалась в том, что там не была указана какая-то определенная этнонациональная группа. Если русские жили на «территории традиционного пользования» и практиковали охоту и рыболовство, теоретически они тоже могли иметь те же права, что и коренные народы. Однако акцент был сделан именно на коренных народах с популяцией меньше, чем 50000 человек, и особенно на тех, кто «осознавал себя самостоятельными этническими общинами». Новый же проект закона (2011) имеет более выраженные ограничения. Человек, чтобы считаться коренным, должен: 1) следовать традиционному образу жизни, таким как

охота/рыболовство/оленоводство; 2) жить в месте, где по документам жили предки; 3) знать свой родной язык.

Каждый из этих пунктов является спорным и закон, по состоянию на 2013 г., все еще обсуждается в Комитете. По мнению ряда экспертов, давших интервью в 2013 г., это может быть одним из факторов, объясняющих, почему было усилено политическое давление на некоторых лидеров коренных народов. Многие из коренных народов занимаются более широкой деятельностью, чем, как это выглядит в так называемом «традиционном образе жизни». Некоторые занимаются торговлей, другие работают в горнодобывающей промышленности, в энергетической индустрии, а также другими видами деятельности, требующими постоянных контактов и поездок по традиционным деревням, стоянкам и городским центрам. Подобно многим другим, живущим по всему Северу, они могут действовать на разных уровнях глобализирующейся экономики и по-прежнему считать себя коренными. Также им приходится иметь дело с пресловутой проблемой изображения их в «лубочном» виде, с давлением местных властей по превращению их в местный «бренд» для привлечения туристов, с более высоким, чем в целом по стране, уровнем алкоголизма и более низкой продолжительностью жизни [3; 30].

Языковые ограничения являются наиболее чувствительными, поскольку коренные, являющиеся сейчас «городскими», в том числе и живущие в «поселках городского типа», имеют меньше возможностей знать или выучить родной язык. Многие потеряли свой язык в советское время, хотя некоторые ханты молятся по-русски о том, чтобы их «родовые земли» не были бы захвачены энергетическими компаниями. Одни программы возрождения языка более эффективны, чем другие. В некоторых местах были внедрены кочевые школы, где квалифицированные учителя из коренных «вернулись в лес» после работы преподавателями в городах и поселениях городского типа [23; 36; 18].

В целом, новые юридические определения дают мало возможностей самоидентифицирования, и это происходит в то время, когда поток приезжих уже дестабилизировал автохтонность. Законы должны были бы корректировать злоупотребления системы, ограничивая свободный доступ к охотничьим и рыболовным ресурсам. Вызывают беспокойство случаи подделки и покупки документов для получения льгот. Федеральный закон «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» 2010 г. стал беспрецедентным по ограничениям доступа коренных к лицензированию. Однако гораздо хуже то, что происходит на Севере сегодня, вдалеке от «гражданского общества», которое могло бы критиковать или исправлять злоупотребления. Случаи, описанные ниже, выходят далеко за пределы критических вопросов об утере языка, проблемах алкоголизма, проблемах со здоровьем или беспокойстве по поводу эксплуатации в растущей индустрии туризма («когда начнутся танцы коренных?»).

Дела и Голоса: выселение людей с их территорий, снегоходы и добыча ископаемых

В 2012 г. один из городских активистов дал мне знать: «Дома коренных людей сгорели при пожарах, происхождение которых подозрительно и не исключено, что это были поджоги». Когда же я попросила рассказать более подробно, он/а объяснил/а, что в Нарыме, где живут селькупы и ханты, «в одну из ночей специальным отрядом поджигателей была подожжена деревня для того, чтобы выселить коренные народы с их земель, чтобы энергетические компании могли бы осваивать эти земли без вмешательства коренных». Преступления такого рода подразумевают сговор с местными властями, и, следовательно, семьи коренных людей могли опасаться при обращении в суд и имели мало шансов на публичные разбирательства. Вместо этого они были вынуждены переехать в дома областного центра, где, как сказал мой собеседник, они могли бы ассимилироваться и «окультуриться», не превращая себя в особый «cause célèbre»³.

Более известный, из-за обвинения в убийстве, случай попал в прессу в 2012-2013 гг. и может достичь Европейского суда по правам человека в Страсбурге. Это ситуация с нефритодобывающей общиной «Дылача», поставившая богатую эвенкийскую общину в Бурятии в конфронтацию с властями, в том числе и с разведслужбами. Эвенки объясняют, что они добывали нефрит в этом регионе издавна, и что до процесса советизации оленеводство не являлось их единственной деятельностью. Эвенкийская община также утверждает, что она получила права на добычу нефрита в 1990-х годах, несмотря на то, что случаи доступа коренных людей к недрам чрезвычайно редки. Осенью 2012 г. подозрительно пропал без вести директор их шахты, после чего российский бизнес-омбудсмен Борис Титов взял это дело под свой контроль. Конкуренты в Бурятии обвиняют эвенков в нелегальной добыче нефрита и в неуплате налогов. Добывающий коллектив подвергся рейдерскому захвату со стороны местных силовых структур. Эта ситуация разрушает стереотип о том, что все эвенки поголовно являются оленеводами, и показывает, как, каким образом собственность коренных может быть потенциально определена или, в идеале, достигнута договоренность о расширении определения и включении в него большего, чем просто «традиционное землепользование»⁴.

Юлия Якель, юрист, жена лидера Амурской общины, часто совершает поездки из Хабаровска в Москву. Во время нашего разговора в 2011 г., она описала шок, который они испытали, узнав, что на общину было заведено дело по лишению их прав на ловлю рыбы на землях, давно считающихся родовыми. Проблема у рыбаков возникла из-за использования снегоходов для поездок из деревень до их баз, отведенных законом для «традиционного пользования». По словам местного судьи (женщины), члены общины, для поддержания их правового статуса, должны добираться до своих традиционных земель только «на оленях или лодках». Однако люди, принадлежа-

щие этой общине – нанайцы (тунгусоговорящая группа, родственная широко распространенным эвенкам), никогда не имели оленей и не занимались их разведением, и поэтому они были в ужасе не только от имплицитной коррумпированности судьи, но и от ее невежества. После подачи апелляции дело было направлено в Москву, на разбирательство в более высокой инстанции, где оно было также проиграно. От дальнейшего судебного разбирательства община отказалась из-за отсутствия денег. Члены этой общины до сих пор ездят на снегоходах, которые используют коренные народы по всему северу, но их беспокоит то, что они могут быть пойманы и оштрафованы на их собственных родовых землях. Сама же территория может быть продана на земельном аукционе покупателю, предложившему за нее наиболее высокую цену и который вряд ли будет нанайцем. Все эти обстоятельства усиливают стресс молодежи общины, размышляющей, остаться ли им на «малой родине» или же переехать в городской центр. Якель также отметила, что в 2013 г. должностные лица местной экологической охраняемой зоны подвозились нанайцами – владельцами снегоходов, и что они все еще рыбачат, несмотря на их неопределенное будущее⁵. Этот и другие случаи подпитывают распространяющиеся по всему северу опасения о том, что «земли традиционного природопользования» не являются стабильными.

В 2011 г., на быстро развивающемся Ямале, две группы (коренные и некоренные) встретились на противоположных берегах реки. Кто-то из местных ненцев сделал выстрел в воздух, предупреждая пришлых людей, что эта земля принадлежит им и что чужакам лучше уйти. В ответ раздалось насмешливое: «Эта река уже не ваша...». После этого некоренные (русские и другие), имеющие отношение к местной энергетической индустрии, позвали своих друзей полицейских. Полицейские позже свидетельствовали, что несколько коренных людей прицелилось и выстрелило на поражение в нового полномочного «владельца» спорной территории. Здесь стоит уточнить, что споры вокруг этой земли начались после проведения «аукциона», который состоялся без консультации с местными людьми и без «этнологической экспертизы». Такое острое межэтническое противостояние закончилось судебными разбирательствами, принося страдания обеим сторонам, накапливая обиды, выходящие далеко за пределы «нормальных» границ, присущих согласованным, аккуратно выбранным путям модернизации. Те же самые ненцы могут иметь телевизоры в чумах и родственников, работающих в энергетических компаниях, но их возмущает то, что их дети вынуждены уезжать, оставляя земли и оленеводческие традиции, не будучи готовыми к этому.

Ненцы также возмущаются тому, что они имеют мало влияния на то, как, где и когда запланировано развитие их края. Например, прокладка системы магистральных газопроводов Газпрома «Бованенково – Ухта» в рамках мегапроекта на Ямало-Ненецком округе. В результате переговоров с

местным населением, Газпром обязался включить «коридоры для оленей», теоретически позволяющих оленям сравнительно легко обойти трубопроводы. Однако, по утверждениям одного из экспертов, это повернулось так, что маршруты оленьей миграции нарушились другими разрушительными способами. По словам другого эксперта: «Олени на Ямале съели все, что можно было съесть», подразумевая, что увеличение популяций коренного населения и оленей означает, что «сожительство» проходит успешно. Но земельные аукционы и изменения миграционных путей оленей являются поводом для беспокойства за будущее благополучие ненцев⁶.

В 2010 г. социолог Ольга Мурашко провела всесторонний 3-4-часовой опрос, с целью выяснить, что беспокоит ненцев оленеводов Ямала, живущих в регионах, где энергетические проекты (нефть и газ) уже идут полным ходом и уже влияют на оленеводство. Результаты опроса определили следующие проблемы: 1) рост уровня алкоголизма; 2) учащение случаев нападения собак работников энергетических компаний и усиление межэтнических конфликтов; 3) ограничение доступа к обучению, включая специализированную техническую подготовку, несмотря на обещания об облегчении доступа; 4) трудности при достижении земель традиционного пользования, нарушение привычных путей миграции оленей из-за появления новых городских центров, дорог и трубопроводов; 5) преднамеренное вторжение приезжих работников энергетических компаний в священные места, разрушение могильников и др.; 6) усиление чувства изоляции при сокращении количества организаций, куда можно было бы обратиться с жалобами. Как отмечали многие участники опроса, местная ассоциация «Ямал – потомкам», АКМНСС и ДВ на национальном уровне недостаточно активны и описываются политиками по развитию края (как местного, так и федерального уровня) как «беспомощные»⁷. В дополнение к этому некоторые ненцы считают, что их местное правительство (администрация и парламент) недостаточно эффективно, несмотря на то, что главой местного парламента является широко известный Сергей Харючи – ненец по происхождению, который до недавнего времени занимал пост председателя АКМНСС и ДВ.

В своей всеобъемлющей прощальной речи на VII съезде малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в марте 2013 г., который знаково и символично проводился в Салехарде – столице Ямало-Ненецкого округа, Харючи [19] признал, что хотя добыча северных ресурсов неизбежна, она должна проводиться «грамотно, с учетом экологических требований, специфики и интересов проживающего там населения, с законодательным оформлением вопросов оценки и компенсации ущерба, наносимого исконной среде обитания, традиционной хозяйственной деятельности, культуре и здоровью коренных малочисленных народов северных территорий». Чувство бессилия, которое должно было уменьшиться во время Конгресса, наоборот, усилилось. В то время как одни участники, у которых я брала ин-

тервью, аплодировали выборам Григория Ледкова – ненецкого оленевода в прошлом, ставшего затем депутатом Думы, другие выказывали обеспокоенность тем, что он более деятелен в качестве представителя «Единой России», чем как защитник прав коренных народов. Для некоторых аналитиков было важно сохранение лидерства в пределах ненецкой общины – как наибольшей из числа коренных людей. Так, по результатам переписи 2010 г. насчитывалось 44 640 ненцев – больше, чем в 2002 г. и их количество может перейти 50 000-й порог до проведения очередной переписи. Один патриотично настроенный участник зашел весьма далеко, намекая на то, что лидеры коренных народов с Амура могут иметь слишком много связей с Китаем! Однако другие собеседники объяснили, что этот удар скорее был направлен на главного политического соперника Ледкова Павла Суляндзига (с реки Амур) для того, чтобы он отказался от выборов, которые были далеки от демократичных⁸.

В поисках положительных примеров: Республика Саха?

Действительно ли обширная (размером с Индию) Республика Саха предоставляет лучшие условия ее коренным народам по сравнению с другими составными частями Российской Федерации, как она это утверждает? Ответ может быть утвердительным, но все же ей еще предстоит пройти долгий путь. Демографические факторы (местные пропорции) и структурные механизмы признания только частично объясняют активизм коренных: они только обеспечивают контекст и какие-то благоприятствующие условия. Официально признанными группами коренных народов здесь являются чукчи, юкагиры, эвены и эвенки, а также «русские старожилы» и долганы – смешанная «саха-эвенко-русская» группа на границе с Таймыром. Незначительным большинством являются саха (якуты), в количестве 466 492 человек от общего населения республики в 958 528 человек (по итогам переписи 2010 г.). Из них 193 251 причисляют себя к «городским» и 284 834 к «сельским» жителям. Поскольку эвенки составляют наибольшее количество людей коренного «меньшинства» (в 2002 г. их было 18 232 человека или около 2% от всего населения; в 2010 г. количество их составило 21 008 человек), их «землячество» в столице также является относительно многочисленным. Общая популяция эвенков в России насчитывает 38 396 человек, из которых 10 141 были городскими и 28 255 жителями села.

Одной из основных причин для осторожного оптимизма является официальное признание прав некоторых групп на собственные, юридически обозначенные, регионы на различных внутренних уровнях (район, улус, наслег) с областными центрами, управляемыми коренными, а также активизация усилий на республиканском уровне (после замедления в постсоветское время) по обучению языкам коренных народов в школах и внешкольных программах. Но наиболее важно то, что коренные народы имеют зонтичную организацию «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера

Якутии», куда входят этнические ассоциации северных народов: эвенков, эвенов, долганов, чукчей, юкагиров и русских старожилов⁹. Эта ассоциация отстаивает права коренных народов в соответствующих комитетах местного парламента, в академических институтах, а также в таких инстанциях, как Министерство охраны природы и Департамент по делам народов Республики Саха (Якутия). Последний также был раньше министерством, но, к сожалению, был понижен в статусе в течение первого срока правления Путина¹⁰. Хотя Департамент по делам народов не такого уровня, как Бюро по делам индейцев в Америке или же Канадское министерство по делам индейцев и аборигенов, где большинство работников являются коренными, но он является полезной бюрократической базой, в условиях, когда руководство и примеры для подражания чрезвычайно важны. Жаль, что Институт проблем малочисленных народов Севера, возглавляемый ныне покойным эвенским лингвистом Василием Роббеком, в 2009 г. был объединен с Институтом гуманитарных исследований. Вопрос о его возрождении обсуждался на разных уровнях, как мне рассказывали в 2013 г., но многие в частных беседах сомневались, что это будет когда-либо возможно.

«Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Якутии», возглавляемая эвенским писателем и депутатом Госсобрания (Ил Тумэн) Андреем Кривошапкиным, начиная с 1989 г., принимала участие в разработке проектов республиканских законов по защите языков, о родовой кочевой общине, об оленеводстве, об охоте и охотничьих хозяйствах, и об устойчивом развитии. Наиболее важной юридической концепцией, позволяющей защищать права коренных народов, является республиканский закон от 2006 г. «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха», отвоеванный Андреем Кривошапкиным, вице-спикером Ил Тумэна. Дополняет его закон 2010 г. о проведении этнологической экспертизы новых ресурсодобывающих проектов¹¹.

Наличие среды, благоприятствующей развитию мультикультурности в городах и поселках республики, является решающим фактором, позволяющим существовать разнообразным полуорганизованным землячествам и ассоциациям. Обычно они плохо финансируются, выживая, однако, на энтузиазме и деньгах волонтеров. Они имеют тенденцию поддерживать постоянный интерес к различным малым родинам – «новостям из дома» через неформальные связи. Я далека от осуждения этого явления, пренебрежительно называемого некоторыми людьми «улуcным менталитетом», поскольку оно поддерживает культурное многообразие и безопасный нешовинистский патриотизм. Другим способом связи, используемой теми, кто может это себе позволить, является неофициальная челночная дипломатия – со многими поездками из столицы на родину [8]. Некоторые коренные лидеры, живущие в Якутске, приезжают домой, как минимум, ежегодно: во время сенокоса, чтобы отметить ритуалы, присущие жизненному процес-

су, и для участия в ежегодных оленеводческих фестивалях. Независимо от того, где встречаются люди: в городе, на свадьбах, на днях рождения, в лечебных центрах или в университетах, - самые разные люди, такие как «тамада», целители или учителя помогают людям найти земляков с того же региона, чтобы они могли помогать друг другу. Подтекстом этого является то, что они соединяют людей определенных этнонациональных групп. И это и является важным социальным механизмом «вхождения» вновь прибывших в среду больших и малых городов.

Некоторые коренные народы Республики Саха преодолели их неутешительный статус «меньшинства» путем нахождения разных причин для общественной солидарности и санкционированной публичной активности. Поэтому политики конца советской эпохи и постсоветского времени характеризуются новыми уровнями самоорганизации и групповой консолидации. Находящаяся в Якутске «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Якутии», Дом народов Севера, начиная с 2003 г., организуют культурные, социальные и развивающие экономику мероприятия, включая многочисленные конгрессы и фестивали. Ассоциация активно участвует в проектах и конгрессах АКМНСС и ДВ (базирующейся в Москве), а также ею был организован конгресс ассоциации в Якутске в 2007 г. Как следствия этого процесса появились творческие коллективы телевизионных программ «Геван» в рамках якутского телевидения (ведущая Наталья Сметанина и Людмила А. Алексеева) и газета республиканского уровня «Илкэн» (редактор Варвара Данилова). Другие схожие организации коренных включают студенческую молодежную группу «Арктика», республиканское отделение Ассоциации оленеводов и местную ассоциацию коренных народов Нижней Колымы.

Опосредованное «расширение» лежит в основе политики общения и солидарности через границы как внутри России, так и за ее пределами. Например, эвенов Республики Саха и Магадана, чукчей Республики Саха и Магадана, якутских и китайских эвенков; непредсказуемый результат дружбы юкагира с лесным финном, приведший к конкретным, результативным проектам в рамках международной кооперации «Snowchange». Этот процесс превратился в парадоксальную многоуровневую глобализационную политику защиты культур. Хорошими примерами этой динамики являются ежегодные собрания коренных народов в ООН, Арктическом совете и Северном форуме. Участие коренных народов в этно-фестивалях в Европе, Канаде и Соединенных Штатах также поднимает моральный дух и способствует формированию культурного достоинства.

Эти примеры связей, расширения и общения на самых разных уровнях не должны отвлекать внимания от процессов отъема земли и экологического загрязнения, которые происходят сейчас в республике с приходом туда Газпрома, Росэнерго и РусГидро с мегапроектами последнего десятилетия. В 2012 г. эвены и юкагиры, живущие на севере Республики Саха,

выражали обеспокоенность по поводу того, что их ближайший аэропорт, расположенный в Тикси – портовом городе северного морского пути с оборонной инфраструктурой, был временно закрыт для общественности без предварительной консультации с местным руководством. В относительно южных регионах республики активисты из коренных народов пытаются создать что-то лучшее из условий, которые становятся все более неблагоприятными для оленеводства, отстаивая возможности получения образования и рабочие места в мегапроектах для местных эвенков, а также заключения договоров, экономически стимулирующих развитие их услуг и туристического бизнеса [24, с. 167-168].

Наиболее известным примером влияния мегапроектов на коренные общины является нефтепровод, который, после протестов общественности, был отодвинут от озера Байкал по распоряжению президента Путина. Нефтепровод, перенаправленный в горную местность и далее вдоль реки Лена, для того чтобы в итоге поставлять энергоресурсы в Китай, является чрезвычайно опасным и, как стало известно общественности, как минимум три раза нефть прорывалась в реку из-за несовершенства технологии туннелирования линии. Мультиэтническая группа активистов экологии, спонсировавшая протесты и сбор общественной информации, имела проблемы с их акцией «Сохраним Лену!». В 2013 г. республиканский советник якутского президента признал, что некоторые серьезные аварии на трубопроводе нанесли вред местным общинам. Он связал эти аварии с халатностью рабочих-мигрантов, прибывших в республику, говоря: «У нас недостаточно квалифицированных кадров. Республика пытается обучать наших, местных жителей техническим навыкам, чтобы они могли получить работу в энергетических компаниях... Местные люди были бы в состоянии лучше защитить экологию. Здесь необходимо чувство причастности к региону»¹².

Один из активистов сказал мне в 2012 г.: «Газпром скупает все земли, которые используются эвенами и эвенками для оленеводства, которые им необходимы». Эти слова соответствуют информации, полученной мной ранее: «С воскресшими планами по аукциону земли, в результате которого земля отходит покупателю, предложившему самую высокую цену, мы снова оказываемся в опасной ситуации, когда наши общины могут остаться ни с чем», - с горечью говорил мне Афанасий Корякин в 2010 г. в Якутске. Афанасий – эвенкийский старейшина, до переезда в столицу он был главой Жиганского улуса Республики Саха (Якутия). Сейчас, со своей престижной позиции городского пенсионера, он пытается сделать все возможное, чтобы помочь эвенкам на его родине. Уроки, преподанные им, были очень важны. Во-первых, благожелательность эвенков устойчиво определяется связями городских родственников (как в республике, так и за ее пределами) с их «малой родиной». Во-вторых, для эвенков главной проблемой является земля и способы ее использования. Так, беспокойство эвенков об их «идентификации» связано с понятием «родная земля» и ее утратой. В-треть-

их, скрытые трения во взаимоотношениях этносов могут или усиливаться, или затихать в зависимости от межэтнических контекстов. Любой «победитель» последнего раунда аукциона, к кому и перейдет земля, вероятнее всего будет или российский бизнесмен – «чужак», или же неместный «якут», но вряд ли эвенк. Бизнес-план Афанасия представлял собой обширное, охватывающее десять больших оленьих стад, юридическое образование «Территория традиционного землепользования», а также банковский кредит, управляемый представителями сельских и городских эвенков родом из деревни Менкер. Официальные лица сказали, что их земельный план является «незаконным» и «сепаратистским»¹³.

Относительно более позитивным примером недавнего бизнес-успеха эвенков, противоположным ситуации с компанией по добыче нефрита «Дылача», является получение нерюнградской эвенкийской общиной лицензии, позволяющей ей, начиная с 2014 г., участвовать в работе артели по добыче золота. 60% от стартового капитала, предназначенного для улучшения благополучия эвенков, идет из фондов республики как компенсация за потерю земли под запланированную Канкунскую гидроэлектрическую станцию, а остальные 40% поступают из существующей золотодобывающей компании, почему-то названной «Янтарь» и расположенной в эвенкийском районе (на слеге) Иенгра, новым директором которой является Николай Арибалов¹⁴.

Часто лидерами эвенков, как в настоящее время, так и в прошлом, становятся женщины, включая бывшего депутата Ил Тумэна Августу Марфусалову и молодых активистов Ассоциации эвенков Республики Саха (Якутия) Эжанну Васильеву и Айтилину Алексееву. Как указывают Gail Fondahl (1998) и другие авторы, «субпродуктом советского образования явилось то, что женщины, как правило, добивались больших успехов в образовании, чем мужчины, вследствие чего они чаще становились посредниками и собеседниками с русскими и саха»¹⁵. Андрей Исаков из Якутска, из коренных мужчин, возглавляет молодежное крыло АКМНСС и ДВ, получившее признание на московском уровне. Другим впечатляющим лидером является Анатолий Чомчоев, в прошлом генерал Советской Армии, работавший советником главы Якутской энергетической компании. Заинтересованный в солнечной энергетике, он является одним из многих коренных, противодействовавших и приостановивших (остановивших?) гидроэлектростанцию, ужасно названную Эвенкийской, которая могла бы затопить большую часть эвенкийской территории в Красноярске на реке Енисей.

Лидеры коренных народов Республики Саха считают, что их главными приоритетами являются: земля, экологический баланс, политический статус и необходимость стабилизации или разворота вспять тенденций сахатизации и русификации. Они работают через широко рассеянные по территориям местные общины, городские и поселковые землячества и культурные объединения на всех уровнях. Несмотря на значительное неравенство, время от времени они одерживают победы, такие как признание

Жиганского эвенкийского национального улуса, Оленекского национального округа и Иенгрийского эвенкийского национального наслега. Эти достижения особенно примечательны тем, что они противостоят тенденции консолидировать небольшие национальные регионы в Российской Федерации. Однако само по себе признание территории не указывает на полновесные самоуправление и самоуверенность. Поэтому хорошо было бы предоставлять больше возможностей творческим бизнесменам-активистам, таким как Афанасий Корякин. Действительно, как утверждают некоторые, когнитивные навыки оленеводов, приспособляющихся к ситуационной неопределенности, сравнимы с таковыми у предпринимателей¹⁶.

В 2013 г. Ульяна Винокурова, в прошлом парламентарий, социолог, родом из северной части Республики Саха (средней Колымы) безрадно высказалась по поводу недавнего политического и экономического давления на коренные народы Республики Саха: «Проблема не просто в борьбе бюрократии, хотя это тоже важно. Проблема заключается в том, что социальная травма уходит вглубь, уничтожая вкус к жизни». После упоминания нескольких случаев суицида в семьях, которые я знаю, она добавила: «Под внешним давлением беспросветности, ненужности, невостребованности появляется чувство безнадежности. Человек не имеет возможности управлять своей судьбой, он загнан в рамки всевозможных ограничений. Надо менять атмосферу, позицию загнанности. Видимо происходит перелом, количество переходит в качество, больше так жить нельзя. Одни умрут, другие восстанут через борьбу умов и знаний. Вырастает другое поколение. Уже исполнилось 5 лет с момента принятия Декларации ООН коренных народов мира, на которую возлагались большие надежды. Мы пытаемся уравновесить конкурирующие притязания, удержать баланс». Здесь «баланс» означает защиту без патернализма, означает возможность обеспечить кочевые семьи коренных народов основными необходимыми ресурсами, а также соблюдение права молодых людей перемещаться между сельской и городской средами без проявления чувства изгнания со своих земель [36].

Сколько раз люди должны прокричать «Кризис» чтобы быть услышанными?

Лидеры коренных народов, живущие в городах и имеющие международный опыт, неоднократно подчеркивали, что в использовании коренными обществами шансов оправиться от советского и постсоветского давления, а также в участии их в развитии региона эффективное руководство значит гораздо больше, чем все остальное. Очень важным моментом также является создание благоприятных условий, позволяющих коренным общинам процветать вне зависимости от того, где они проживают. Невозможно руководить в вакууме, без резонансных откликов, особенно, когда люди изгоняются с их земель, когда теряют возможность свободного передвижения из-за недоступности транспорта, или опасаются разрушения окружа-

ющей среды. После приостановления деятельности АКМНСС и ДВ в 2012 г., Дмитрий Бережков констатировал, что «коренные народы являются невольными соперниками и нежелаемыми конкурентами в обширной экспансии Арктики»¹⁷. В 2012 г. Родион Суляндзига на вопрос, может ли Республика Саха стать образцом, ответил: «Имеются несколько уровней внимания к правам коренных народов и к экологическим проблемам. Основными местами, где отмечалось внимательное отношение к каким-то проблемам коренных народов, являются Ямал, Ханты-Мансийск и Республика Саха. Это регионы, где есть богатства, которые можно разделить. В других же местах все гораздо печальнее – как, например, дело с оленеводческой общиной Тоджи в Туве».

Основными индикаторами редких политических успехов коренных народов внутри России являются парламент коренных или квоты внутри существующих областных парламентов. Валентина Совкина, динамичный и четко выражающий свои мысли лидер парламента Саами, базирующегося в Мурманске, подтвердила это в 2011 г.: «В местах, где парламенты коренных разрешены, голоса коренных слышны лучше всего и развитие каким-то образом совместно координируется»¹⁸. Но это значит, что только саами, ханты и манси могут быть примерами, и очень жаль, что, начиная с 2012 г., небольшой, символический ханты-мансийский парламент находится под угрозой понижения до статуса комитета в рамках окружного парламента. В Республике Саха попытки по установлению стабильных квот для представителей коренных народов в парламенте Ил Тумэн до сих пор не увенчались успехом, несмотря на героические усилия эвенского лидера Андрея Кривошапкина.

Анализируя специфику процесса урбанизации, следует учитывать под понятием «коренность» не только ее относительность, множество идентичностей, ситуационную идентичность, но также флуктуации при защите своего народа. Автохтонность (коренность) как специфический вариант этнической принадлежности – тонок, гибок и относителен, но в то же время базируется на принадлежности к родине [7; 1; 2]. Лидеры, «отходящие» слишком далеко от родины, становятся неэффективными и непопулярными. При защите интересов и в чувстве принадлежности к своему обществу очень важное значение имеет то, где это общество живет – в пределах границ республики (Алтай, Бурятия, Саха, Тыва или Хакасия), округа (Ханты-Мансийск) или же не имеет официального, привязанного к земле статуса. Дело в том, что родина и официальные определения влияют и могут юридически подтвердить идентичность, стимулируя функционирование федерального нешовинистического этнонационализма, превосходящего (нео)колониализм¹⁹.

Потенциальными образцами «коренных космополитов» за пределами России считают инуитов в Канаде, где территория Нунавут (в переводе «Наша земля») имеет процветающую столицу Игалуит (в прошлом Frobisher

Вау), демократически выбранного президента – юриста по образованию – и парламент коренных людей. Дальше к югу находится община инуитов в Оттаве, хоть и с более скромными успехами борющаяся с опасностями жизни в городе: «С развитием транснациональных пространств и созданием [инуитских] общин в городских центрах, возникают новые формы «инуитности». Они не оторваны от инуитской культуры, языковой практики и политических претензий на суверенитет в Арктике. Действительно, представление о месте этнического проживания инуитов (ethnoscapes) меняется и инуиты являются важной частью этой трансформации»²⁰.

Динамичное гражданское общество чрезвычайно важно для появления новых форм коренности и усиления ее возможностей. В России важность зонтичных организаций, таких как АКМНСС и ДВ, заключается в том, что они структурно увеличивают возможности этнических групп с минимальной официально признанной территориальной поддержкой. И действительно, угроза их существованию заставила объединиться часто конкурирующих активистов коренных народов. Угрозы возникали в частности тогда, когда они выступали против конкретных превышений Газпрома, Росэнерго и Рус-Гидро. Неправительственный статус АКМНСС и ДВ под давлением был как бы преобразован в ПНПО (организованная Правительством Неправительственная Организация). Законопроект 2011 г., наделяющий статусом «иностранный агент» российские некоммерческие организации при получении ими денег из-за рубежа, также явился тревожным. В более широком масштабе, серьезной опасностью является отсутствие справедливых выборов региональных лидеров (в республиках или в российских областях). Прекращение самостоятельного существования и слияние территорий в «объединенные округа» тоже наносят ущерб возможностям коренных народов, их населяющим. Ситуации с Коми-Пермяцким, Усть-Ордынским и Агинским округами поляризовали и радикализировали нерусское население этих областей.

Другая категория «расхождений» в гражданском обществе была вызвана заявлением президента Путина в 2012 г. о том, что региональные лидеры несут ответственность за поддержание межнациональных отношений «толерантными» в своих республиках и областях. В Республике Саха это смогло привести к более продуктивному результату – более внимательному отношению официальных лиц к проблемам «малочисленных коренных народов». Например, достигнутое, хоть и спорное, решение о получении компенсации за потерю земель при строительстве Канкунской гидроэлектростанции восемью эвенкийскими общинами, которое может быть продлено на следующие 20 лет. Другим положительным примером является решение о создании нового «Театра малочисленных коренных народов» в 2013 г. в Республике Саха, с городской базой и выездами по республике.

Особенно трудным для свободно организованных групп коренных народов является наличие конкурирующих авторитетов. Несмотря на некото-

рые благоприятные условия для активизма и здоровой дискуссии, все больше людей оцениваются властями как «оппозиция» и «диссидент», используя (нео)советское слово. Большинство коренных лидеров не относят себя к таковым. Конечно же, давно устоявшие группы как АКМНСС и ДВ или Мемориал, или же Helsinki Watch не видят себя ни «предателями», ни «сепаратистами». Но этот стратегический холод целенаправленно применяется государством по отношению к разным выбранным активистам, в том числе и к активистам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в лице АКМНСС и ДВ. Якутские лидеры и экологические активисты, кто часто ездит по республике, считают, что коренные люди, выказывающие недовольство, будь то группа или отдельный человек, должны перестать считать каждое препятствие за ущемление, направленное лично против них, а также отказаться от восприятия слов или дел от «этнических других», как обидных. Это благородная и расширяющая возможности идея, время которой давно назрело. Тем не менее, в более широкой перспективе анализа потенциальных социальных изменений в России, мы должны признать, что одним из признаков гражданского общества является то, как они взаимодействуют с их коренными народами.

*Я благодарна Вере Соловьевой за помощь в переводе.

Примечания

¹ Это, возможно завышенное представление, было высказано в докладе Елены Пивневой на Конгрессе Этнографии и Антропологии в Петрозаводске (Карелия) в июле 2011. См. также Новикова и Функ (2012); и Пивнева (2012: 84-99).

² См. также Todyshev (2013); Donahoe et al (2008); and Vinokurova (2011). Моя саха коллега Ульяна Винокурова дает определение «меньшинствам» как людей, политически сравнительно беззащитных (e-мэйл от 16/05/11). Российские документы, подтверждающие права коренных могут опровергать их собственную пропаганду, например, документ, представленный Совету Европы в 2010 подтверждал «сохранение этнической идентичности народов России» на стр. 12, одновременно сообщая об упразднении национальных названий округов на стр. 200. «Third Report submitted by the Russian Federation pursuant to Article 25, para. 1 of the Framework Convention of National Minorities» to the Council of Europe, 9/4/2010. - http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_fcnmdocs/PDF_3rd_SR_RussianFed_en.pdf. - 14.01.2011.

³ Это тревожное описание 2012 г. не было подтверждено другими собеседниками в 2013 г. Источник надежен, но предпочитает анонимность в связи с угрозами.

⁴ См., например: <http://www.raipon.info/en/component/content/article/8-news/83-evenki-intend-get-to-the-strasbourg-court.html>. - 26.01.2013.

⁵ Для контекста прочитайте ее замечательный обзор законов, касающихся ситуаций с коренными народами, Якель (2012: 8-21).

⁶ Эта информация была почерпнута из нескольких интервью с лидерами коренных народов Московского и локального уровней, но будет слишком чувствительным называть собеседников. Для более положительного примера смотрите материал с продолжающегося международного проекта Kumpula et al (2013) на базе Арктического Центра Университета Лапландии (Финляндия). См. также: <http://www.gwu.edu/~ieresgwu/programs/conference.cfm> (доступ: 16/05/2013).и <http://vnao.ru/news/chto-budem-delat-kogda-neft-zakonchitsya>. - 29.03.2013.

⁷ Ольга Мурашко презентовала результаты этого опроса на 9-м Конгрессе Этнографов и Антропологов России в Петрозаводске (Карелия) в июле 2011 г. См. также в ее журнале Мир коренных народов: Живая Арктика; Новикова (2012: 22-37).

⁸ Было опрошено девять участников Съезда - разных национальностей и уровней образования. Хотя эта выборка не была всеобъемлющей, она все же охватила широкий спектр мнений. См. также второе издание работ Съезда, Штыров и другие (2013).

⁹ См. сайт: <http://assembly.ykt.ru/obshiny/associaciya-korenyx-malochislennyx-narodov-severa-yakutii/>. - 16.05.2013.

¹⁰ См.: <http://sakha.gov.ru/depnarod>. - 16.05.2013. Департамент делит помещение с Ассоциацией коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия), служа также клубом. Здание комплекса пролоббировано эвенским лингвистом Василием Роббеком и Андреем Кривошапкинским с президентом Штыровым. Планы Республики Саха, включающие развитие коренных народов до 2020 г., см.: www.sakha.gov.ru/sites/default/files/story/files/2010_10/114/shema2020. - 16.05.2013.

¹¹ Я благодарна Андрею Кривошапкину за многочисленные интервью, включая интервью в офисе Ил Тумэна в июле 2010 г. См. также: Кривошапкин (2013: 249-256); Романова, Алексеева, Игнатъева (2012: 100-120); и Клоков (2012: 48-49). Тем не менее, одних законов недостаточно, и недавние федеральные законы на рыболовство и охоту были также использованы для ограничения прав коренных народов, переводя предыдущие «льготы» в плоскость арендных соглашений. Президент Штыров, как известно, заявил в телевизионном интервью (14/08/09), что «кажется, что каждый новый закон делает положение наших коренных малочисленных народов хуже».

¹² Это был красноречивый социолог Анатолий Д. Бравин, директор государственного «Республиканского информационно-консалтингового агентства» (РИКА), 6/28/13.

¹³ Афанасий был одним из тех лидеров, предлагающих назвать наслед «Эвенкийей». Он продолжил: «Если бы власти разрешили бы нам управлять нашей собственной экономикой, нашим собственным «бизнес-планом» для успешного оленеводства на уровне наслега, мы могли бы продавать продукцию оленеводства в более широком масштабе и жить лучше. Мы начали было это, но мы были остановлены (начиная с 1990-х)... Тогда нас, эвенков, было 73% в нашем наслеге».

¹⁴ См. статью Виталия Алексеева (2013) «Эвенки займутся золотодобычей»: www.gazetayakutia.ru/component/k2/item/3712. - 21.03.2013.

Также: РусГидро о Канкунской гидроэлектростанции. - http://www.yakutia.rushydro.ru/file/main/yakutia/company/investprojects/17376.html/Kniga_2.pdf; и информацию на сайте ООН: <http://unsr.jamesanaya.info/study-extractives/index.php/en/cases> (доступ на обе ссылки: 16/05/2013).

¹⁵ См. Gail Fondahl (2003): (http://www.culturalsurvival.org/publications/cultural_survival_quarterly/russia/_evenkis_land_and_reform_southeastern_Siberia).

¹⁶ Иван Пешков, исследователь из Университета им. Адама Мицкевича (Познань), изучающий растущий национализм эвенков и их межграничные контакты, оптимично заявил: «Северные эвенки играют важную роль в культурно-интеграционных процессах, поскольку они сохранили свою традиционную культуру, они населяют огромную территорию и избирательно участвуют в процессах социальной модернизации». См.: http://asiandynamics.ku.dk/pdf/Indig_abstracts. - 14.01.2013. Сравнение Fondahl and Sirina (2003) и Anna A. Sirina (2008-9).

¹⁷ См. статью Дмитрия Бережкова (2012) «Why the Russian Government shut down indigenous organization RAIPON», December 4, 2012. - www.huntingtonnews.net/50853. - 15.12.2012.

¹⁸ Эта цитата взята из доклада В.Совкиной в июле 2011 г. на Съезде этнографов и антропологов России в Петрозаводске (Карелия) и последующей беседы. См. также: Wessendorf and Murashko (2005).

¹⁹ Антропологи, борющиеся с разнообразием толкования «коренности», понимают его

как в контексте, так и в вопросе степени примерно так, как в старой лингвистической идее взглядов: «эмический» (изнутри) и «этический» (снаружи), ставшей проблематичной. См. особенно: Orin Starn (2011: 179-204) и Marisol de la Cadena (2007; 2010: 334-370). Также: Axelsson et al (2011); Balzer (2006; 2010); Comaroff and Comaroff (2009); Beier et al (2009); Dean et al (2003); Donahoe et al (2008); Forte (2010); and Neizen (2003).

²⁰ Tomiak and Patrick (2010: 140). «Ethnoscape» терминология Arjun Appadurai (1996).

Литература

1. Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / Benedict Anderson. – London : Verso, 1991.
2. Appadurai, Arjun. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / Arjun Appadurai. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996.
3. Axelsson, Per, Sköld, Peter, eds. *Indigenous Peoples and Demography: The complex relation between identity and statistics*. – New York: Berghahn, 2011.
4. Balzer, Marjorie Mandelstam. *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. – Princeton: Princeton U. Press, 1999.
5. Balzer, Marjorie Mandelstam. *The Tension between Might and Rights: Siberians and Energy Developers in Post-Socialist Binds* // *Europe-Asia Studies*, 58(4), 2006: pp. 567-588.
6. Balzer, Marjorie Mandelstam. *Indigenous Politics, Economics and Ecological Change in Siberia* // *Georgetown Journal of International Affairs*, 11(1), 2010: pp. 27-36.
7. Barth, Fredrik, eds. *Ethnic Groups and Boundaries*. – Boston: Little, Brown, 1969.
8. Beier, J. Marshall, eds. *Indigenous Diplomacies*. – New York: Palgrave Macmillan, 2009.
9. de la Cadena, Marisol. *Indigenous Cosmopolitics in the Andes: Conceptual Reflections beyond 'Politics'* // *Cultural Anthropology*, 25(2), 2010: pp. 334-370.
10. de la Cadena, Marisol, Starn, Orin, eds. *Indigenous Experience Today*. – Oxford: Berg, 2007.
11. Commaroff, John and Jean. *Ethnicity Inc.* – Chicago: U. of Chicago, 2009.
12. Dean, Bartholomew, Levi, Jerome, eds. *At the Risk of Being Heard: Identity, Indigenous Rights, and Postcolonial States*. – Ann Arbor: University of Michigan, 2003.
13. Donahoe, Brian, Habeck, Joachim Otto, Halemba, Agnieszka, Sántha, Ivan. *Size and Place in the Construction of Indigeneity in the Russian Federation* // *Current Anthropology*, 49(6), 2008: pp. 993-1020.
14. Fondahl, Gail. *Gaining ground?: Evenkis, land and reform in southeastern Siberia*. – Boston: Allyn and Bacon, 1998.
15. Fondahl, Gail. «Through the years: land rights among the Evenkis of southeastern Siberia» // *Cultural Survival Quarterly*. Spring 27 (1), 2003: pp. 28-31.
16. Fondahl, Gail, Sirina, Anna. *Working Borders and Shifting Identities in the Russian Far North* // *Geoforum*, 34, 2003: pp. 541-556.
17. Forte, Maximilian C., ed. *Indigenous Cosmopolitans: Transnational and Transcultural Indigeneity in the Twenty-first Century*. – New York: Peter Lang, 2010.
18. Funk, Dmitri A. *Sokhranenie i razvitie iazykov korennykh malochislennykh narodov Severa Rossiiskoi Federatsii* // Novikova, Natalia I, Funk, Dmitri A., red. *Sever i Severiane: Sovremennoe polozhenie Korennykh malochislennykh Narodov Severa, Sibiri I Dal'nego Vostoka*. – Moscow: RAN, Institut Etnologii i Antropologii, 2012: pp. 51-61.
19. Kharyuchi, Sergei N. *Doklad presidenta Assotsiatsii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri, i Dal'nego Vostoka* // VII S'ezd korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri, i Dal'nego Vostoka. – Salekhard: Severnoe Izd., 2013.
20. Klovok, Konstantin B. *Sovremennoe polozhenie olenevodov i olenevodstva v Rossiia* // Novikova, Natalia I, Funk, Dmitri A., red. *Sever i Severiane: Sovremennoe polozhenie Korennykh*

malochislennykh Narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Moscow: RAN, Institut Etnologii i Antropologii, 2012: pp. 38-50.

21. Krivoshapkin, Andrei V. *Praktika zakonodatel'nogo obespecheniia organizatsii I deatel'nosti obshin korenykh malochislennykh narodov Severa i ikh traditsionnoi khoziastvennoi deatel'nosti v Respubliki Sakha (Yakutia) // Shtyrov, Viacheslav A. et al, red. Sovremennoe sostoianie I puty razvitiia korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i dal'nego vostoka Rossiiskoi Federatsii. – Moscow: Sovet Federatsii, 2013: pp. 249-256.*

22. Kumpalo, Timo, Forbes, Bruce C., Stammler, Florian, Meschtyb, Nina. *Dynamics of a Coupled System: Multi Resolution Remote Sensing in Assessing Social Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // Conference paper Arctic Urban Sustainability, 5/30-31/2013, George Washington University, IERES.*

23. Mestnikova, Akulina E. *Sotsial'nyie Osnovaniia Realizatsii Iazykovykh Prav Korenykh Malochislennykh Narodov Severa v Sisteme Obrazovaniia. – Ulan-Ude: Aftoreferat Vostochno-Sibirskogo Gos. Tekhnologicheskogo U., 2010.*

24. Murashko, Olga A. *Uchet kul'turnykh, ekologicheskikh i sotsial'nykh posledstviiv promyshlennogo razvitiia v mestakh traditsionnoi khoziastvennoi deatel'nosti korenykh malochislennykh narodov Severa // Shtyrov, V. A. et al, red. Sovremennoe sostoianie I puty razvitiia korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i dal'nego vostoka Rossiiskoi Federatsii. – Moscow: Sovet Federatsii, 2013: pp. 158-168.*

25. Neizen, Ronald. *The Origin of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity. – Berkeley: U. Cal. Press, 2003.*

26. Novikova, Natalia I, Funk, Dmitri A., red. *Sever i Severiane: Sovremennoe polozhenie Korenykh malochislennykh Narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Moscow: RAN, Institut Etnologii i Antropologii, 2012.*

27. Peshkov, Ivan . «The «Tungus World» Beyond the Borders. New Evenki Nationalism in North-Eastern Asia» presentation Indigenous Peoples in the 21st Century Copenhagen University // http://asiandynamics.ku.dk/pdf/Indig_abstracts. - 2010.

28. Pivneva, Elena A. *Khanty-Mansiiskii Avtonomnyi okrug – Yugra // Novikova, Natalia I, Funk, Dmitri A., red. Sever i Severiane: Sovremennoe polozhenie Korenykh malochislennykh Narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Moscow: RAN, Institut Etnologii i Antropologii, 2012: pp. 84-99.*

29. Romanova, Ekaterina N., Alekseeva, Evdokiia K., Ignat'eva, Wanda B. «Respublika Sakha» / Novikova, Natalia I, Funk, Dmitri A., red. // *Sever i Severiane: Sovremennoe polozhenie Korenykh malochislennykh Narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Moscow: RAN, Institut Etnologii i Antropologii, 2012: pp. 100-120.*

30. Shtyrov, Viacheslav A. et al, red. *Sovremennoe sostoianie I puty razvitiia korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i dal'nego vostoka Rossiiskoi Federatsii. – Moscow: Sovet Federatsii, 2013.*

31. Sirina, Anna A. *People Who Feel the Land: The Ecological Ethic of the Evenki and Eveny // Anthropology & Archeology of Eurasia, 2008-9, 47(3): pp. 9-37.*

32. Slezkine, Yuri. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. – Ithaca: Cornell U. Press, 1994.*

33. Starn, Orin. *Here Come the Anthros (Again): The Strange Marriage of Anthropology and Native America // Cultural Anthropology, 2011, 26(2): pp. 179-204.*

34. Todyshev, Mikhail A. *O Problemakh dokumental'nogo podtverzheniia prinadlezhnosti grazhdan k korennykh malochislennym narodam // Shtyrov, V. A. et al, red. Sovremennoe sostoianie I puty razvitiia korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i dal'nego vostoka Rossiiskoi Federatsii. – Moscow: Sovet Federatsii, 2013: pp. 87-102.*

35. Tomiak, Julie Ann and Patrick, Donna. *Transnational Migration and Indigeneity in Canada: A Case Study of Urban Inuit // M. C. Forte, ed. Indigenous Cosmopolitans. – New York: Peter Lang, 2010: pp. 127-144.*

36. Ulturgasheva, Olga. *Narrating the Future in Siberia: Childhood, Adolescence and Autobiography among the Eveny*. – New York: Berghahn, 2011.

37. Vinokurova, Uliana A. *Tsirkumpolarnaia tsivilizatsiia*. – Yakutsk: ASIAC, 2011.

38. Wessendorf, Kathrin; Olga Murashko, eds. *An Indigenous Parliament? Realities and Perspectives in Russia and the Circumpolar North*. – Copenhagen: Eks-Skolens Trykkeri for IWGIA and RAIPON, 2005.

39. Yakel', Julia Ya. *Obshchaia khrakteristika deistvuiushchego zakonodateľ'stva. Problemy praktiki primeneniia* // Novikova, Natalia I, Funk, Dmitri A., red. *Sever i Severiane: Sovremennoe polozhenie Korennykh malochislennykh Narodov Severa, Sibiri I Dal'nego Vostoka*. – Moscow: RAN, Institut Etnologii i Antropologii, 2012: pp. 8-21

Ю. В. Попков

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ

В связи с перемещением доминирующего глобального противоречия с оси Запад-Восток на ось Север-Юг и существенно возросшей ролью Севера и Арктики в мировом развитии многократно возрастает необходимость активизации разных направлений научных исследований, относящихся к данному региону. Особое значение имеют вопросы концептуального характера, касающиеся проблем и перспектив развития коренных малочисленных народов Севера как носителей уникальной культуры, сформировавшейся на протяжении столетий в процессе адаптации к экстремальным условиям окружающей среды и имеющей непреходящую ценность не только для самих народов, но и для всей человеческой цивилизации. Эти вопросы затрагивают понимание места и роли данных народов в мировой и российской истории и культуре, существа и способов решения существующих жизненно важных проблем.

Актуализация проблем развития коренных малочисленных народов Севера

Всесторонний интерес к проблемам развития коренных малочисленных народов Севера, которые входят в группу коренных народов мира, в настоящее время обусловлен комплексом важных обстоятельств внутреннего и внешнего, глобального и локального характера, среди которых выделим наиболее значимые из них.

Во-первых, имеет место общемировая тенденция роста значимости этничности в ответ на унифицирующие тенденции глобализации, которая породила эффекты не только сближения и унификации культур, но и их от-

носительного обособления при одновременном расширении этнокультурного разнообразия на региональном и локальном уровнях. Современный мир переживает своеобразный этнический ренессанс, конкретными проявлениями которого являются повышение значимости этнической идентичности, интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории. В то же время со стороны мирового сообщества заметно оживился спрос на все, что связано с этнокультурной спецификой, в том числе коренных народов. Во многих случаях именно благодаря включению этнических локальных культур в глобальный контекст наблюдается возросший интерес и спрос на объекты материальной и нематериальной традиционной культуры разных народов.

Во-вторых, как ответ на отмеченную тенденцию, в последние годы мировым сообществом в лице его наиболее авторитетных организаций – ООН, ЮНЕСКО – прилагаются усилия, направленные на правовую защиту коренных народов и сохранение культурного разнообразия. Утвержденные данными организациями важные международные документы, хотя и не являются нормами прямого действия, оказывают серьезное влияние на политику многих государств в отношении коренных народов, вынуждая учитывать их интересы в своей политике.

В-третьих, есть основание говорить о кризисе современной государственной политики в отношении народов Севера и лежащих в ее основе концептуальных представлений, имеющих в качестве своих практических последствий реальное социальное положение данных народов. Последнее характеризуется тем, что за последние два десятилетия ни одна из существенно значимых проблем их развития не получила удовлетворительного разрешения. основополагающие показатели развития данных народов является неблагоприятными, поэтому требуются срочные меры по изменению ситуации и повышению ответственности за это как со стороны органов власти всех уровней, так и самих народов.

В-четвертых, существенное значение имеют новые планы грандиозного промышленного освоения Арктики и Северного Ледовитого океана, которое неизбежно затронет территории проживания многих коренных малочисленных народов и окажет существенное влияние на все стороны их жизни. Необходимо четко представлять возможные негативные последствия этого освоения на жизнедеятельность народов Севера и предусмотреть механизмы их минимизации.

В последнее время наблюдаются важные изменения в отношении к народам Севера: на международном уровне приняты нормативно-правовые документы, провозглашающие широкие права и защищающие интересы коренных народов; работает Постоянный форум коренных народов мира; в Конституции РФ особо выделена статья, посвященная гарантиям прав народов Севера в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской

Федерации; приняты несколько федеральных законов, непосредственно касающихся народов Севера; на федеральном уровне неоднократно утверждались государственные программы их социально-экономического развития; правительством принята концепция их устойчивого развития; в утвержденной Правительством РФ «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» среди приоритетов развития предусмотрены сохранение культуры народов Севера и повышение качества их жизни; при полномочном представителе президента в Сибирском федеральном округе 10 лет работает консультативно-экспертный совет по делам этих народов, ежегодно в разных регионах России 9 августа проводится установленный Генеральной Ассамблеей ООН Международный день коренных народов мира (International Day of the World's Indigenous People), одна из задач которого состоит в том, чтобы привлечь внимание общественности и органов власти к проблемам и правам этих народов и т.п.

Однако, несмотря на это, положение народов Севера во многих сферах жизни остается плачевным. И даже тогда, когда признается, что их интересы необходимо учитывать и что в отношении них требуется особый подход, для многих остается неясным, каковы эти интересы, каким образом их можно учитывать и что вообще с ними надо делать на уровне государственной и региональной политики. Иначе говоря, остаются непроясненными важные вопросы концептуального характера.

Сохранение и развитие коренных народов как задача общемирового значения

В последние десятилетия наблюдается стабильный рост интереса мировой общественности к положению коренных народов, в том числе и малочисленных народов Севера. Оказался несостоятельным взгляд на культуру этих народов как на «отсталую», не имеющую существенного значения для современного и будущего развития человеческого сообщества. Малочисленные этносы, составляющие, по оценке экспертов, три четверти народов планеты (всего более 5 тыс.), вместе с другими народами образуют человечество как целостность. Поэтому все чаще осознается, что решение глобальных проблем современности невозможно без учета их своеобразной культуры и опыта исторического развития. Мировое сообщество в настоящее время признает вклад коренных народов в социальную и экологическую гармонизацию общечеловеческого существования.

Заинтересованность в сохранении и развитии данных культур не только со стороны самих их носителей, но и представителей других народов и мирового сообщества в целом существует потому, что этнокультурное разнообразие многими осознается как необходимое условие жизнеспособности глобального социума. Никто не знает, какая модель жизнеобеспечения и выживания окажется востребованной в будущем. Так, современный

глобальный финансовый кризис, от которого сильно пострадали многие (отдельные люди, социальные группы и целые государства), практически не затронул тех, кто живет за счет традиционного натурального хозяйства. В условиях кризиса данная модель жизнеобеспечения оказалась эффективной. В силу неопределенности будущего нельзя отказываться от любых подобных моделей, сформировавшихся в рамках локальных культур и доказавших свою эффективность уже самим фактом своего существования на протяжении столетий. Так, выработанные малочисленными народами в экстремальных условиях Севера навыки, говоря современным языком, устойчивого развития, нормы трудовой этики, ценности кооперативности оказываются крайне востребованными в современных условиях.

Мировое сообщество в лице Организации Объединенных Наций признает наличие исторической несправедливости в отношении многих коренных народов, проявляющейся в их колонизации, лишении земель, территорий и ресурсов, «что препятствует осуществлению ими, в частности, своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами» [2].

Развитие коренных народов в разных регионах планеты превратилось в глобальную проблему современности. Фундаментальность ее состоит в том, что давление доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, материальных основ этнической культуры и самих народов как своеобразных этнических общностей. Этому во многом способствовала существовавшая до конца 1980-х годов в международном праве ориентация на языковую и культурную ассимиляцию коренных народов, которая воплощалась в государственной политике многих стран мира.

В конце 1980-х гг. была осознана необходимость расширения особых прав коренных народов и на международном уровне приняты важнейшие правовые документы. Наиболее значимые из них – Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.) и Декларация ООН о правах коренных народов (2007 г.), разработчики которой исходят из убеждения, что «все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества». Отметим в этой связи также Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.) и «Конвенцию по вопросам охраны нематериального культурного наследия» (2003 г.).

Принятие этих и других нормативно-правовых актов существенно повысило статус коренных народов, возведя проблему их сохранения и развития в ранг задачи общемирового значения. В этих документах подтвержден широкий спектр прав аборигенных народов, в том числе на ресурсы и территории исконного проживания, а также другие важные для них полномочия. Как справедливо отмечает В.А. Кряжков, только через обладание и ре-

ализацию особых прав малочисленных народов, политику протекционизма и обеспечение определенных преимуществ можно добиться их реального равенства с другими народами и тем самым обеспечить социальную справедливость [4, с. 132-136].

Официальное закрепление за коренными народами правового статуса, отличного от статуса других народов, означает признание их права на реализацию особого пути развития, в основе которого лежат ценности традиционного образа жизни. Данный факт свидетельствует, с одной стороны, о фрагментации общего правового поля и определенном обособлении системы их жизнедеятельности. С другой стороны, это создает основы для интеграции коренных народов в современное общество, ибо провозглашенный особый правовой статус есть не что иное, как признание мировым сообществом и доминирующим обществом отдельных государств их равенства среди остальных субъектов общественного развития.

Коренные народы Севера, выстояв в столкновениях с доминирующим обществом и заставив признать их право на особый путь развития, готовы сегодня пойти на взаимовыгодное сотрудничество с этим обществом, но только под своим собственным контролем. Официальное признание их особого правового статуса, базирующегося на исконном праве на самоуправление и на земли традиционного природопользования, выступает одной из необходимых предпосылок такого развития. С помощью официально признанных особых правовых норм коренные народы имеют возможность сохранять ценности традиционной культуры (как правило, в форме неотриционализма) и в то же время осваивать атрибуты современного общества, к числу которых принадлежит и само право. Если традиционная культура – способ адаптации народов Севера к экстремальным природно-географическим условиям, то особый правовой статус – необходимое условие адаптации к современным социальным условиям.

Таким образом, специфика интеграции коренных народов в современное общество состоит в том, что она опирается на их особый правовой статус и осуществляется преимущественно на базе ценностей не доминирующего, а традиционного общества, что создает условия для сохранения их этнической самобытности.

Изъяны существующей Концепции устойчивого развития народов Севера

В настоящее время к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока официально относят 40 народов. Они расселены компактными группами на огромных территориях России – в 28 субъектах федерации. По данным переписи населения 2010 г., их общая численность составляла 257,9 тыс. чел., а численность отдельных народов колеблется от 44,6 тыс. чел. (ненцы) до 227 чел. (энцы) и меньше [1]. Даже в местах своего традиционного расселения они составляют меньшинство

населения. Около 65 процентов представителей данных народов проживают в сельской местности. Их жизнедеятельность до сих пор прямо или косвенно связана с присваивающим (охота, рыболовство, собирательство) и полупроизводящим (оленоводство) типом хозяйства, определяющим особые системы природопользования, культуры, мировоззрения. В условиях сильного воздействия процессов модернизации и глобализации народы Севера сохраняются как относительно самостоятельные этносоциальные образования. Несмотря на включенность их на протяжении длительного времени в состав развитых государств, они «не растворились» в доминирующем обществе, сохраняя многие элементы традиционного образа жизни.

Важно констатировать, что реальное положение народов определяется не разного рода декларациями и провозглашенными правами как таковыми, а экономической и политической ситуацией в каждой стране, общей государственной политикой в отношении данной группы народов. В России, как отмечалось, многие жизненно важные проблемы народов Севера за последние 20 лет не только не решены, но и усугубились. Это относится и к самому праву. Известно, что в период после 2000 г. наблюдается определенная «правовая стагнация» и откат с уже завоеванных позиций, что выразилось в изъятии из федерального законодательства целого ряда важных ранее принятых положений, касающихся данных народов [4, с. 106-107].

На мой взгляд, есть основания говорить о серьезных изъянах в разработке концептуальных основ и реальной практике реализации национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, что является отражением общего кризиса сложившихся взглядов на развитие и решение проблем данных народов. В целом его можно оценить как кризис применения объектно-ориентированного подхода. Именно такой подход лежит в основе разного рода концепций и программ развития данных народов (всего было обнаружено более 30 концепций и 80 программ), разработанных в последние десятилетия в разных регионах России. Анализ их содержания показал, что неявно они содержат определенные концептуальные взгляды на судьбу и подход к решению проблем коренных народов. Характерными являются следующие черты применения объектно-ориентированного подхода:

- субъектом программирования, а также многочисленных концепций развития этих народов выступают не они сами, а внешние по отношению к ним субъекты;

- народы Севера обычно воспринимаются как однородный укрупненный объект управленческого воздействия;

- акцент делается на внешних источниках их развития, на создание материальных объектов (строительстве жилья, школ, установки оборудования, создании объектов энергообеспечения и др.);

- данный подход не стимулирует актуализацию позитивных жизненных сценариев развития самих народов.

В современных условиях необходима реализация нового концептуального подхода. Его суть выражается в субъектно-ориентированной политике в отношении народов Севера. Главное – создать систему учета социокультурного потенциала каждого из них и механизм его задействования в процессе современного развития.

Субъектно-ориентированный подход не заменяет, а дополняет объектно-ориентированный. Ясно, что нельзя отказываться от строительства школ, детских садов, других объектов социальной инфраструктуры, создания условий для развития экономических структур и т.п. Но этим нельзя ограничиваться.

В феврале 2009 г. Правительство РФ утвердило «Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Ее целью провозглашается создание условий для формирования устойчивого развития народов Севера, которое, в свою очередь, «предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений» [3].

В целом это правильные ориентиры. Верными являются и многие другие провозглашенные в Концепции задачи, а также обоснование необходимости особой государственной политики в отношении народов Севера, оценка ее реальных позитивных достижений, диагностика современного положения. Заслуживает поддержки и то, что обозначено в качестве принципов устойчивого развития народов Севера – от признания гарантий их прав в соответствии с Конституцией РФ, до необходимости «оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемых к реализации проектов и работ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» и возмещения «ущерба, нанесенного исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью малочисленных народов Севера» [3].

В то же время существенные недостатки имеет и сама концепция и ее «привязка» к базисным интересам народов Севера, а также к ныне существующей системе международного права в отношении коренных народов. Для нее, как и для многих других концепций, характерным является рассмотрение народов Севера в качестве укрупненного, однородного, недифференцированного объекта управленческого воздействия. При таком подходе вряд ли можно рассчитывать на реальный практический эффект от ее реализации. В этой связи заметим следующее. Декларация ООН о правах коренных народов специально обращает внимание на то, что их положение «различно в разных регионах и в разных странах и что необходимо принимать во внимание важность национальных и региональных особенностей и различных исторических и культурных традиций». Разработчики анали-

зируемой концепции применительно к России почему-то на это внимания не обращают. И даже не оговаривают наличие серьезных региональных и этнокультурных различий в рамках интерэтнической общности «народы Севера».

Кроме того, в концепции провозглашается, что в результате реализации мероприятий последнего, третьего этапа, к 2025 г. предполагается достигнуть среднероссийских показателей качества жизни малочисленных народов Севера. По сути, это главная цель концепции. На деле же к ним должны применяться другие качественные критерии оценки успешности (или неуспешности) соответствующей политики в силу этнокультурной специфики их исторического развития и современного положения. А если говорить о количественном измерении, то для оценки необходимо, видимо, иметь в виду более высокие показатели уровня жизни – уже по той причине, что стоимость жизни в этих районах гораздо выше, чем во многих других регионах и в среднем в стране.

К недостаткам концепции можно отнести и тот факт, что в качестве одной из главных ставится, как отмечалось, задача сохранения традиционного образа жизни, культуры, культурных ценностей. Но речь должна идти не просто о сохранении, а об их возрождении в обновленном виде в соответствии с нынешними условиями. В рамках предлагаемой модернизации традиционной хозяйственной деятельности планируется развитие сети факторий, но вообще не затрагивается вопрос о развитии стационарных поселений народов Севера, которые играют важную роль в сохранении и развитии традиционной культуры, а также в их общей социально-территориальной организации.

В качестве главного механизма реализации Концепции предусматривается совершенствование законодательной базы РФ в сфере защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов Севера. Но в последнее время произошел, как отмечалось, «правовой откат» в области аборигенного права, многие ранее принятые нормы аннулированы, а Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования» вообще не действует. Поэтому было бы важно показать причины и реальные возможности для изменения создавшегося положения. Иначе получается, что законы принимаются, но они не работают.

Другим важным механизмом претворения концепции в жизнь обозначается осуществление федеральных, региональных, ведомственных целевых программ и планов мероприятий, но кажется странным, что как раз перед принятием данной концепции отменена и до сих пор не воссоздана Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 года», при том, что 21 ноября 2007 г. Правительство РФ утвердило концепцию данной программы.

Весьма актуальным и совершенно оправданным является пункт о необходимости «мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений». Однако из текста концепции неясно, как именно будет решаться эта важная задача.

Стратегические ориентиры политики в отношении народов Севера

С учетом проведенного анализа можно предложить для дальнейшего обсуждения и возможной практической реализации следующие положения, которые, на мой взгляд, могут выступать стратегическими ориентирами в государственной политике по отношению к народам Севера.

1. Требуется изменить основополагающий подход и рассматривать народы Севера не только как нечто единое, но и как множество уникальных народов. Коренные народы Севера во многом сходны в своем развитии и образе жизни. Но они и различны – по своей численности, культуре, мировоззрению, традициям, социальной самоорганизации, реальным потребностям и интересам, конкретным историческим возможностям. Следовательно, формат устойчивого развития для каждого из этих народов будет своим. Поэтому существует потребность в разработке этноориентированных концепций устойчивого развития народов Севера. В своем не абстрактно-обобщенном, а конкретном и развернутом виде концепция должна предусматривать доктрины (подконцепции) устойчивого развития отдельных народов – эвенков, ненцев, селькупов, долган и др. Региональные этноориентированные концепции комплексного устойчивого развития народов Севера на среднесрочную перспективу должны выступать в качестве основы специализированных региональных целевых комплексных программ, реализующих позитивные сценарии устойчивого развития конкретных малочисленных народов Севера.

2. Наряду с активно пропагандируемой и успешно проводимой в ряде регионов политикой обустройства факторий целесообразно большее внимание уделять развитию национальных поселков как значимых компонентов социально-территориальной организации населения. Это будет способствовать возрождению традиционной культуры и устойчивому развитию коренных народов в условиях современных модернизационных процессов.

3. Необходимо усилить научную составляющую при разработке концепций и программ устойчивого развития народов Севера, а также при организации мониторинга их реального положения. С целью оценки нынешнего состояния народов Севера, а также уточнения содержания специализированных региональных целевых программ их устойчивого развития органам власти совместно с научно-образовательными учреждениями целесообразно было бы произвести комплексную научно-статистическую оценку достигнутого уровня развития человеческого потенциала этих на-

родов. Следует наладить систему индивидуального учета представителей народов Севера и их реальных потребностей в режиме мониторинга. Без знания того, что думают о своих проблемах рядовые жители и чего они хотят, никакие концепции и проекты не могут быть эффективными и оправданными. При этом должна быть решена проблема документального подтверждения принадлежности отдельных людей к числу данных народов.

4. Важной задачей является создание механизма выявления и задействования потенциала самих народов и повышения их ответственности за собственную судьбу. Для этого необходимо, в частности, совершенствование существующих социальных структур, органов политической самоорганизации и самоуправления, подготовки соответствующих специалистов. Принятие и реализация нормативно-правовых актов и практических решений, касающихся народов Севера, должны протекать в режиме гражданского диалога с участием лидеров общественных организаций коренных народов, специалистов органов власти и управления, ученых, представителей нефтегазового комплекса и других промышленных предприятий, действующих на территории традиционного расселения народов, а также средств массовой информации.

В заключении обратим внимание на еще один важный аспект обсуждаемой проблемы. Несмотря на то, что многие вопросы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера до сих пор не решены, можно уверенно говорить, что в отношении них проводится целенаправленная государственная этнонациональная политика. Она опирается, как отмечалось, на специальную статью Конституции РФ, посвященную гарантиям их прав, на несколько федеральных законов, т.е. систему специальных законодательных норм, на бюджетное, хотя и крайне ограниченное, финансирование, провозглашенные концептуальные основания. В России такого нет в отношении ни одного народа или другой группы народов.

Примечательно, что в утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 19 декабря 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. проблемы народов Севера нашли отражение в основополагающих ее разделах. В частности, в ней зафиксированы: среди основных вопросов национальной политики – обеспечение прав коренных малочисленных народов; среди основных ее принципов – обеспечение гарантий прав этих народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни; среди основных задач национальной политики – повышение уровня адаптированности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Однако и в этом документе стратегического планирования малочисленные народы рассматриваются в качестве однородного объекта управлен-

ческого воздействия – точно так же, как и в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. На мой взгляд, здесь также необходим иной, дифференцированный, этноориентированный подход. Именно его реализация может создать предпосылки для успешного решения стратегической цели национальной политики по сохранению этнокультурного многообразия и самобытности разных народов.

Возникает вопрос: на каком уровне управления может быть реализован данный подход?

С учетом существующей нормативно-правовой базы и подписанного в октябре 2013 г. Президентом России В.В. Путиным закона о расширении полномочий и повышении ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений целесообразно именно за органами управления муниципальных образований закрепить задачу разработки, принятия и обеспечения выполнения программ развития каждого конкретного малочисленного народа, представители которого компактно проживают на соответствующих территориях, предусмотрев для этого программно-целевой подход с необходимым финансированием. В то же время актуальной потребностью является законодательное расширение не только полномочий и ответственности, но и реальных возможностей органов местного самоуправления в сфере межнациональных отношений (кадровых, финансовых, организационных), без чего создание эффективного механизма решения соответствующих задач будет невозможно.

Литература

1. Богоявленский, Д. Д. Последние данные о численности народов Севера [Электронный ресурс] / Д. Д. Богоявленский // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.URL: http://www.raipon.info/component/content/article/1-novosti/2637-2011-12-27-11-54-03.html](http://www.raipon.info/component/content/article/1-novosti/2637-2011-12-27-11-54-03.html) (дата обращения: 17.01.2013).

2. Декларация ООН о правах коренных народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml) (дата обращения: 15.08.2011).

3. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.URL: http://raipon.org/Официально/Документы/tabid/345/Default.aspx](http://raipon.org/Официально/Документы/tabid/345/Default.aspx) (дата обращения: 15.08.2011).

4. Кряжков, В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве / В. А. Кряжков. – М. : Норма, 2010. – 560 с.

5. Пилясов, А. Н. Игра за белых: чему могут научить мир народы Севера? // И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний / А. Н. Пилясов. – М., 2009. – С. 460-465.

Глава 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ АРКТИКИ

Г. А. Пестова

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРА РОССИИ

В начале третьего тысячелетия как никогда раньше наблюдается оживление этнических процессов, рост национального самосознания, возрастание интереса к национальным ценностям. Перспективы сохранения этносов как социокультурных систем во многом зависят от того, как в дальнейшем будет развиваться социально-экономическая и политическая ситуация в России в целом и на этнических территориях. В многонациональных государствах и республиках, где от стабильности национальных отношений зависит устойчивость всей социальной системы, этнические процессы вызывают не только академический, но и общественный интерес. Переход от одного социально-экономического строя к другому порождает в стране и этническую специфику кризисности различных народов. Особую тревогу в современных условиях вызывают народы Севера, оказавшиеся в период социалистической индустриализации и урбанизации национальными меньшинствами на своей этнической территории. В судьбе народов Российского Севера сфокусированы многие болевые точки этнических проблем.

В каждом этническом регионе общая кризисная ситуация характеризуется индивидуальным сочетанием этнических проблем: у одних групп – это проблемы сохранения этнического языка и регионального своеобразия этнической культуры, у других – сохранение традиционных видов трудовой деятельности как основы жизнедеятельности этноса и связанных с этим проблем экологии, а перед некоторыми этническими группами стоят проблемы биологического и психологического самосохранения. Являясь неизбежными и прогрессивными с точки зрения развития страны в целом, процессы индустриализации, урбанизации поставили под угрозу существование многих народов Севера как самостоятельных субъектов истории, с присущими им культурой, самосознанием, традиционными ценностями, родовыми и культурными связями.

Советский вариант техногенной цивилизации и социалистического строительства, столкнувшись с традиционным укладом жизни северных народов, именно в этих регионах породили наиболее тяжёлые формы этнических кризисов. Развитие ресурсодобывающих отраслей промышленности отрицательно сказалось на традиционных отраслях северного хозяйства, где занята значительная часть коренного населения. Разрушился традиционный уклад жизни многих северных сел, основных хранителей традиционной культуры. Увеличение нагрузки на северную природу превратило проблему «человек – техника – природа» в проблему глобального масштаба. В условиях современной модернизации общества слабая ориентация рыночной экономики на социальную и культурную инфраструктуру жизнедеятельности населения, в том числе коренного этноса, обостряет социально-политическую и этническую ситуацию на Севере страны. Для стабильного и устойчивого развития общества приоритетной должна быть не сиюминутная рыночная выгода, а ценности человеческого бытия, в том числе самобытность культуры народов, исторические корни которых неразрывно связаны с Севером.

В большинстве северных регионов России быстрыми темпами увеличивается разрыв между традиционной культурой и складывающимися социальными отношениями, а традиционные ценности и отношения не успевают приспособиться к постоянно развивающимся инновациям. Необходимо отметить, что в имеющихся теориях по социокультурной динамике традиционных этносов слабо отражён тот момент, что конструктивные инновации постоянно порождают несоответствие между динамикой культуры и сложившимися отношениями. Всякая инновация имманентно разрушает положение равновесия, что ведёт к дезорганизации и снижению эффективности преобразований. В северных регионах вследствие этого развивается высокий уровень дезорганизации, угрожающей необратимостью процесса отторжения традиционных культур с присущими им ценностями от модернизационных процессов. Когда поток конструктивных инноваций, повышение экономической и социальной эффективности ценятся выше, чем исторически сложившиеся отношения, возникает сложная социокультурная дезорганизация, связанная с расхождением потребности в конструктивных преобразованиях и недостаточной потребностью в развитии способности формировать соответствующие способы воспроизводства и необходимые для этого отношения. Сложность изучения данной проблемы требует не только развития теории, но и совершенствования методологии, в том числе методики сбора информации. Для постоянного отслеживания современных реальных и потенциальных сдвигов в развитии новых элементов культуры и возврата к традиционным культурам необходимо создать поливариантную теоретическую концепцию трансформации традиционных культур в качественно новое состояние.

В России, как и во многих развивающихся странах, модернизация име-

ет характер модернизации «догоняющего», анклавного типа, когда наряду с центрами современности сохраняются зоны нищеты и отсталости. Это приводит к дуализму экономики, социальной и профессиональной структуры и массового сознания, а также к маргинализации самосознания значительной части населения и даже к национальной дезорганизации. Эти процессы порождают также социальную и экономическую поляризацию этноса с тяжёлыми социальными последствиями для значительной части населения.

Рассматривая современное мировое сообщество в целом, можно заметить, что миру присуща определенная стандартизация жизни, обусловленная нарастающей глобализацией социальных процессов – общепланетарным распределением транснациональных потоков рабочей силы, развитием общемировой компьютерной сети, транснациональной денежной системы, созданием наднациональных политико-управленческих систем. В этих условиях аграрные страны, сохранившие в себе пережитки патриархального строя, с присущими ему элементами материально-производственной структуры, организацией поселенческих структур, духовной и семейной жизни, вынужденно и не всегда успешно включаются в процесс модернизации, характеризующийся урбанизацией, высокими технологиями, наукоемким и капиталоемким производством и т.д.

Характер модернизации догоняющего типа зависит не только от уровня развития производительных сил, социально-экономической и технологической структуры, но и от распространения модернизаторской идеологии, примиряющей модернизацию и национальные социокультурные традиции. Поэтому в странах догоняющего типа модернизации должна предшествовать значительная работа по выработке идеологии модернизации. Идеология модернизации является многоуровневой. В первую очередь, она ориентирована на субъектов модернизации – представителей властных и технократических структур. На этом уровне идеология прагматична и реалистична. Второй уровень ориентирован на гуманитарную и инженерно-техническую интеллигенцию, специалистов и высококвалифицированных рабочих, поддерживающих модернизацию. Эта идеология должна иметь гуманистический характер в русле социал-демократических идей. Третий уровень идеологии должен отражать и выражать идеи массового сознания, в том числе традиционного этнического сознания и самосознания. В этих идеях может выражаться и стремление изолировать северные народы от модернизационных процессов и рассмотрение свободного рынка как достижения мировой цивилизации. Задача идеологии на этом уровне заключается в том, чтобы социальные и технологические модернизационные преобразования сделать приемлемыми даже для противников модернизации. Характер и результаты модернизации во многом определяются социально-профессиональным и этническим составом её лидеров и субъектов.

В России в настоящее время сложилась динамическая остросоциаль-

ная ситуация, характеризующая непредсказуемость хода социокультурных этнодинамических процессов. Идеологическое посткоммунистическое пространство деидеологизировано, а создание российским субэтносом своего собственного бытия невозможно без соответствующей социальной идеологии, в которой наряду с всеобщим интересом должны быть представлены стратегия и тактика этносоциального развития. В создании этноидеологии возможны два пути: первый путь – жесткое подчинение всеобщей государственной идее, второй путь допускает полную инициативу этнического мифотворчества. Реальная жизнь демонстрирует несбыточность обоих подходов – первого по причине невозможности лишения самостоятельности этнических общностей на современном этапе и превращения российского общества во всенародную казарму, второго – силу того, что в сложных общественных системах во избежание этнического сепаратизма должна быть определённая регуляция поведения. Логика модернизационного преобразования заключается в оптимальном сочетании административного регулирования центра и свободной инициативы этнических субъектов модернизации.

С учетом особенностей социально-экономического, культурного и социально-психологического развития народов Севера идеология модернизации не должна подрывать национальные корни (что было сделано в период бурной индустриализации Российского Севера), а мобилизовать народ на реформирование традиционного уклада в русле социокультурных модернизационных преобразований. Этносознанию многих северных народов исторически была присуща солидарность с русскими, которая в районах их совместного проживания имеет более сильные исторические корни, чем общеэтническая идеология и мифология. Это обусловлено географической изолированностью отдельных культурно-хозяйственных групп титульных этносов Севера. Это прослеживается на обширном лингвистическом материале, в фольклоре, в хозяйственной деятельности, в быту. Весь этот пласт культуры передаётся сельскими общинными образованиями, а в современных северных городах это закрепляется землячествами. В отличие от российской идеологической элиты, склонной к самобичеванию, чувству вины перед народом, берущему начало в этике православия, современной интеллигенции северных народов, выросшей в советское время и не порвавшей на уровне самосознания с традиционной культурой, присущи иные качества.

В условиях этнического шока в посткоммунистическом обществе на некоторых этнических территориях получил развитие этнопопулизм, который имеет политико-культурные и политико-идеологические конструкции. Этнопопулизм возникает там, где перекрещиваются несовершенные модернизационные теоретические и практические преобразования, с одной стороны, и тенденции этнического сепаратизма, с другой. В России этнопопулизм возник на основе самоорганизации людей по национальному признаку на

фоне общей экономической и социально-политической нестабильности перестроечного и постперестроечного процессов. В зарубежной литературе исследователи модернизма акцентируют своё внимание на его социальной стороне, определяя популизм как политическую традицию мобилизации беднейших слоев населения на борьбу с существующими государственными институтами, которая атакует традиционные символы престижа во имя народного равенства, но, как правило, не обещает создания нормальной либеральной демократии [1, с. 393]. По мнению Ю. Левады, популизм является антиподом демократии, которая представляет собой систему институтов и механизмов, превращающих толпу в народ, а популизм низводит общественное до уровня наиболее распространенного, безоглядно раздавая потребительские обещания [2]. Наиболее опасным является этнопопулизм, рождающий этнофобии и этнические амбиции. Сопоставление этнопопулизма и национализма выявляет их общие черты и различия. Их общая природа связана с наличием консолидируемой этнической общности, различие же заключается в том, что национализм обращается ко всей этнической общности, наделяя её надсоциальными и внеисторическими характеристиками, а этнопопулизм социально ангажирован, обладает обострённым вниманием к проблеме справедливости внутри спланиваемой общности. Если в национализме образ врага связан с иноэтническим, инонациональным, то в этнопопулизме этот враг находится как в рамках базовой общности, так и вне её. В условиях догоняющей модернизации этими врагами являются представители иноэтнических культур, реформаторы. Адресаты этнопопулизма – представители средних и низших слоёв этноса, испытывающие страх и неуверенность в будущем и ностальгию по социалистическому прошлому. Распространённость этнопопулизма в данных слоях этноса обусловлена оперированием его идеологами социальными антиноминами следующего ряда: верхи – низы, правящие – подвластные, имущие – неимущие, элита – низы и т.п. В обществах переходного периода с высоким уровнем социальной и экономической напряжённости и неразвитостью либерально-демократических основ массовой политической культуры, этнопопулизм в идеологии и политике играет значительную роль, так как социальная и экономическая стратификация общества в этих условиях растёт высокими темпами. При исследовании таких социальных процессов как демократизм, равенство, законность, конфликты и т.п. специалисты считают, что ведущим фактором в данных процессах являются степень равенства – неравенства в распределении собственности, доходов, прав и контроля над капиталом [3, с. 28-38].

На современном этапе общественного развития в северных регионах страны носителем массового сознания традиционного типа, является не этническая общность в целом, а культурно-хозяйственная или культурно-историческая группа. По мнению Ю.П. Шабаяева, у современных коми локальная самоидентификация выражена гораздо сильнее, чем общеэтническая

[4, с. 55]. В полиэтнических коми городах хранителями локальных и общеэтнических коми культурных традиций являются землячества. Несмотря на динамизм современной эпохи, этнические культурные традиции продолжают оставаться универсальным механизмом, который придает стабильность и устойчивость этносознанию как отдельных индивидов, так и этнических общностей в целом. Так, ханты в течение многих столетий и до настоящего времени жили малыми поселениями – семьями, иногда несколькими семьями, а часто и в одиночку. До начала XX века у хантов, как и у многих северных народов России, уклад жизни был первобытнообщинным с зачатками классового расслоения [5, с. 28]. Разделенные тайгой и болотами они были удалены друг от друга на сотни километров. Это было обусловлено их существованием лишь за счет природы и необходимостью нанесения ей минимального ущерба. Особенности трудовой деятельности выработали и определенный стереотип эстетического видения мира, воспроизводство его в особых формах художественного освоения действительности, которые не всегда понятны представителям других культур. У манси до настоящего времени сохранились переходные обряды, моделирующие родильные, свадебные и похоронные обрядовые действия. Они призваны приобщить человека к социальным стандартам через совокупность предписанных норм, обычаев, прав и обязанностей и служат регулирующей программой поведения человека на всем протяжении его жизни. Эти тайные знания передавались из поколения в поколение лишь по женской линии. Часто обряды сопровождались магическими действиями, в которых выражалось противостояние негативным силам, и охранительными действиями, регулировавшими процесс социализации как каждого члена семьи, так и социума в целом [6, с. 8]. Аналогичные обряды сохранились и у коми, живущих на Севере Европейской части России.

В настоящее время жизнь традиций стала значительно короче, чем это было в традиционном обществе, усложнились и увеличились вариации передачи стереотипов поведения. Объем и характер передаваемого традицией опыта предшествующих поколений определяется актуальностью передаваемого содержания, а так как традиционная культура была культурой сельского этноса, то и многие рациональные моменты ее не являются актуальными в городской высоко урбанизированной среде. Тем не менее, на бытовом уровне отдельные элементы многовековой культуры северян могут быть востребованы не только горожанами титульного этноса, но и представителями других этнических общностей. Это могут быть знания народной медицины, элементы экологической, художественной культуры, знания ремесел и т.п. Внедрение в городской образ жизни сельских традиций коренного населения является промежуточным вариантом между традиционной сельской и городской профессиональной культурой северных народов. В этом случае профессиональная культура не является слепым копированием невостребованной сельской культуры. Обогащенная поли-

этническими и общеэтническими компонентами городской среды, она аккумулирует в себе рациональные моменты и культурную специфику города и является базой создания и развития профессиональной современной этнической культуры. Таким образом, культурные традиции, реконструируемые городскими землячествами и профессионалами в сфере культуры, будут намечать альтернативные траектории развития и трансформации традиционной сельской культуры в городской среде. В сельской местности важную роль в возрождении и сохранении традиционной этнической культуры могут сыграть Товарищества общественного самоуправления (ТОСы), члены которых сами определяют актуальность и последовательность решения местных проблем. Например, в Удорском районе Республики Коми, расположенном на северо-западе республики, при поддержке районной администрации уже создано несколько таких товариществ. Так, в январе 2014 г. в деревне Ёлыкыб было создано Товарищество общественного самоуправления, председателем которого единогласно была избрана кандидат исторических наук доцент Коми государственного педагогического института Надежда Леонидовна Афанасьева, родовыми корнями связанная с этой отдаленной деревней. Активисты ТОС решили заняться восстановлением сохранившихся домов своих предков, а в дальнейшем создать этнографический музей под открытым небом. В этой работе принимают активное участие не только жители района, но и те, кто волею судьбы оказался далеко от родной деревни, но остался патриотом своей малой родины. Современная жизнь со всей очевидностью показала, что учет всех параметров, выражающих неповторимое своеобразие этнических общностей разного уровня, становится в наши дни одним из важнейших условий научно обоснованного управления и прогнозирования этнодинамических процессов.

В условиях современной модернизации традиционных структур происходит массовая смена системы ценностей, на смену общинно-коллективистским ценностям приходят ценности рыночной экономики и идеала соответствующей личности – динамичной, инициативной, предприимчивой. Отличительной особенностью нравственного идеала западноевропейской либеральной цивилизации, базирующейся на интенсивных культурах и на протестантской этике, является свобода и неприкосновенность частной собственности, свобода выбора, уважение к достоинству личности и её свободу выбору, трудолюбие и усердный труд как путь к успеху и самореализации человека. К сожалению, «язык рации» с акцентом на личностном потенциале не всегда адекватно соотносится с ценностями менталитета представителей традиционных культур и поэтому не может выполнять интегрирующие функции в полиэтничестве. По образному выражению Мориса Бланшо, язык рациональных культур – это выражение сущностного одиночества [7, с. 11]. Ценности традиционного общества в своей основе имеют слабо выраженную христианскую природу с элементами

дохристианского мистицизма, психологией социального и экономического равенства, что существенно отличает их от ценностей рыночной психологии. Суровые климатические условия и отдалённость края от центра России заставляли людей объединяться, а не обособляться. Значительное влияние на сознание северян в период бурной индустриализации Севера оказала атеистическая пропаганда, которая ослабила значимость христианских принципов.

Успех модернизации традиционных обществ в социально-культурной сфере, в конечном счёте, зависит от эффективности целенаправленного формирования нового массового идеала, оптимально сочетающего в себе традиционализм и либерализм, отечественные духовно-нравственные ценности и ценности других цивилизаций. Только так нравственный идеал сможет интегрировать народы Севера независимо от этнической принадлежности и сформировать единое культурное субэтническое пространство с богатой полиэтнической культурой при высоком уровне развития культуры каждой региональной и этнической группы и общности.

Литература

1. Canovan, M. // *The Blackwell encyclopedia of political thought*. – N.Y., 1997. – P. 393-395.
2. Левада, Ю. А. *Общественное мнение в год кризисного перелома* / Ю. А. Левада // *Сегодня*. – 2004. – 17 мая.
3. Лапин, Н. И. *Новые проблемы исследований региональных сообществ* / Н. И. Лапин // *Социс*. – 2010. – № 7. – С. 28-38.
4. Шабает, Ю. П. *Народы Европейского Севера России : положение, специфика идентичности* / Ю. П. Шабает // *Социс*. – 2011. – № 2. – С. 54-63.
5. Кулемзин, В. Н. *Знакомьтесь: ханты* / В. Н. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Новосибирск : Наука, 1992. – 135 с.
6. Попова, С. А. *Обряды перехода в традиционной культуре манси* / С. А. Попова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2003. – 180 с.
7. Бланшо, М. *Пространство литературы: пер. с фр.* / М. Бланшо. – М. : Логос, 2002. – 288 с.

С. С. Игнатъева

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ АРКТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Развивающаяся теория человеческого капитала доказывает, что интеллектуальные и творческие качества человека могут выступать главной силой как общественного, так и экономического прогресса общества. Поэтому исследование и культурологическое осмысление человеческого капитала является актуальным и востребованным не только наукой, но и практикой.

В исследовании человеческого капитала мы исходим из следующих позиций:

1. Человеческий капитал – это сложный системный динамический феномен, имеющий свою структуру (культура, нравственность, мораль, этика, здоровье, интеллект, талант, способность к труду, организации, предпринимательству – все то, что можно назвать человекоразмерностью в модернизации).

2. Человеческий капитал – это двигатель инновации и исторического прогресса в социальной и культурной сферах.

3. Каждое общество формулирует свое понимание человеческого капитала и его содержание.

Методологическим основанием исследования проблемы является проводимое нами различие между концепцией модернизации, представляющей собой широкий теоретический проект или разветвленную теорию, складывающуюся в социальном познании XIX-XX веков, и теориями модернизации, как более узким явлением, характеризующим научные модели, созданные в середине XX века. Концепция модернизации – это коллективный проект в более чем одном измерении, имеющий исторические, философские, социологические, культурологические и другие теоретические основания, предполагающие наличие собственного теоретического инструментария, идеологического и семантического фона, соответствующего этим дисциплинарным подходам.

Отметим, что в классической философской литературе, как правило, называют три типа модернизации. Первый тип модернизации сводится к процессу симбиоза, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиций и современности в различных сферах общественной деятельности. Это приводит к возникновению анклавов современной жизни, окруженных со всех сторон морем традиционности. Одни элементы общества развиваются динамично и вполне сопоставимы с мировым уровнем, другие отстают в своем развитии, содержат в себе архаичные черты. Наряду с современным университетским образованием и научными центрами значительная часть населения страны может оставаться неграмотной и придерживаться традиционных мифологических и религиозных взглядов. Космическая или информационная технология может соседствовать с примитивными ремеслами. С одной стороны, идет процесс постепенной модернизации уклада жизни городских средних слоев, что означает рост урбанизации, расширение образования, появление новых профессий, активизацию политической жизни, развитие средств массовой информации. Но, с другой стороны, значительная часть населения города и деревни погружена в традиционные уклады, постоянно воспроизводимые низкими технологиями и демографическим ростом.

Такой тип модернизации характерен для колониальных систем, в которых введение новых элементов осуществлялось иностранными властями,

исходя из интересов метрополий. Она обычно затрагивала лишь отрасли, связанные с поставкой сырья и сельхозпродуктов в центры капитализма. В идеологическом плане оправданием такой политики служили европоцентристские установки, в соответствии с которыми прогресс мыслился как проникновение европейской цивилизации во все регионы мира, как приобщение покоренных народов к достижениям западной культуры.

Примером такой симбиозной модернизации является Индия. В 1947 году в момент провозглашения независимости это была отсталая аграрная страна, в которой 85% населения страны проживало в сельских районах. Во второй половине XX века началась модернизация, в результате которой стали развиваться новаторские отрасли экономики – производство компьютеров, атомная энергетика, космонавтика, медицинская промышленность. Страна постепенно превращается в индустриальное государство, в котором к 2010 году в селах останется не более 40% населения. Вместе с тем, 48% жителей этой страны не умеют читать и писать, половина детей в возрасте до 5 лет страдает от недоедания. В Индии очень сильны религиозные традиции, сохраняются некоторые кастовые ограничения.

Второй тип модернизации представляет собой противоположность первому, поскольку построен на конфликте между традиционной и современной культурами. В этом случае результатом модернизации является слабая адаптация к техническим достижениям Запада. При этом происходит потеря традиционной культуры без обретения современной. Такая ситуация характерна для некоторых стран африканского региона. Традиционное общество может просто разрушиться, деградировать, так и не став современным. Обостряются этнические, религиозные, классовые конфликты. Возникает угроза дезинтеграции общества.

Наконец третий тип модернизации, результатом которой становится синтез как взаимодействие, органическое соединение традиций и современности. Особенностью синтеза является освоение тех достижений других культур, которые в самой культуре развиты недостаточно. Однако культура сохраняет свою исходную основу и самобытность, способность к поддержанию целостности и устойчивости. В качестве образца плодотворного соединения собственных национальных и модернистских компонентов можно привести Японию и ряд других стран Восточной и Юго-Восточной Азии: Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзию. Подобные тенденции имеют место и в других странах Азии и Латинской Америки, хотя далеко не везде они оказываются преобладающими.

Культурная модернизация – модернизация на собственной культурной основе, основанная на соединении западных достижений с традиционными ценностями культуры. Этот путь нам видится наиболее продуктивным, так как: позволяет сохранить уникальную культуру и избежать многих культурных проблем, связанных с разрушением собственных традиций.

Наши размышления по-поводу модернизации, которая сегодня являет-

ся жизненной необходимостью для России, подтверждаются материалами опубликованного доклада в 2011 году «Культурные факторы модернизации» фонда «Стратегия 2020» [1]. Доклад основан на анализе и выводах социологического исследования, проведенного Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) под руководством В. Воронкова. Авторы доклада определили два основных вектора модернизации – А и Б. К вектору А отнесли страны, вышедшие на модернизационное развитие в начале XX века (Австралия, Великобритания, Дания, Норвегия и др.) и во второй половине XX века (Гонконг, Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея). К вектору Б – страны, не сумевшие выйти на траекторию А и развивающиеся по более «низкой» траектории (Аргентина, Греция, восточно-германские земли в составе ФРГ и др.).

Главной идеей доклада, на наш взгляд, является представление о том, что «модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса, в котором управленческие и технологические решения подчинены гуманитарным целям, а гуманитарные цели соотносены с экономическими задачами» [1, с. 4]. При этом авторы подчеркивают, что главный вопрос заключается не в том, учитывать ли культурные факторы модернизации, а в том, как с этими факторами работать [1]. Далее в докладе представлен анализ цивилизационных установок (архаика, модерн, авангард), содействующих или препятствующих модернизации посредством факторов культуры. Он сводится к идее о создании в России идеологии ненасильственного обновления всей сферы общественных отношений, экономических практик и культурных установок, которые позволили бы выйти на траекторию модернизации А. «Успех модернизации напрямую зависит от того, удастся ли каждому значимому явлению найти законное место в модернизированном мире, грамотно использовать его потенциал. Но это возможно только в том случае, если ставка сделана на социальный модерн как несущую конструкцию модернизации» [1, с. 6].

Авторы доклада приводят доводы и примеры потенциала и опыта России в отношении успешной модернизации, после чего формулируют семь тезисов для политики комплексной модернизации:

1. Неформальные институты и культурные установки могут служить не тормозом, а драйверами модернизации;
2. «Длина взгляда» – необходимое условие модернизации;
3. «Дефицит ценностей» – шанс на обновление культурных установок;
4. Вытеснение метафизических ценностей – угроза для модернизации;
5. Новые ценности – стимулы для модернизации;
6. Артикулирование ценностей – роль независимых групп;
7. Развитие институциональной среды – поддержка культурных факторов модернизации.

Принципы политики социокультурного модерна видятся авторами следующим образом: во-первых, в России возможны системные, воспроиз-

димые и тиражируемые модернизационные проекты, не требующие революционной ломки всей системы общественных отношений и культурного обихода; во-вторых, в российских неформальных институтах, в традиционных установках русской культуры (бытовой, трудовой, политической, в устойчивом наборе социальных мифов) есть факторы, которые не только не противоречат целям модернизации, но и могут служить ее опорой; в-третьих, модернизация может быть только комплексной, она потерпит поражение, если попытаться ограничиться только сферой управленческих решений [1, с. 6-7].

Как видим, концепция, представленная в докладе, актуальна для сегодняшней России, где существует дефицит идей, способствующих динамизации её развития в условиях перехода к креативной экономике. В отечественном социальном познании зреет запрос на новый теоретико-методологический инструментарий, позволяющий анализировать социальную динамику в терминах модернизации поля, детерминированного культурно-историческими факторами, и включает в себя цивилизационные установки массового сознания, содействующие или препятствующие модернизации посредством факторов культуры. Это обстоятельство ещё более усиливает значимость разработки принципов альтернативной модели развития, ориентированной не только на использование социокультурного потенциала российского общества, но и его последовательную трансформацию, направленную на модификацию человеческого поведения и общественной организации, способную вызвать глубокие и устойчивые преобразования не в технологии, а в обществе и культуре.

В контексте вышесказанного, концептуальной основой нашего исследования может стать идея разработки Северной (Арктической) модели культурной модернизации. При этом гарантом целостности и благополучного развития человеческого капитала может стать собственная культурная основа народов Севера – это традиционная культура, доставшаяся в наследство от предков и имеющая многовековую историю развития.

Традиционная культура народов Севера на сегодняшний день сохранена в трех основных ипостасях: 1) в виде подлинного (аутентичного) фольклора, исполняемого отдельными знатоками и носителями традиции; 2) в форме организованного творчества любительских коллективов; 3) в виде преломления фольклора в произведениях профессионального искусства.

В XX веке ввиду ценностной установки на инновационность в регионах Севера произошла полная переориентация культуры, и сложилось отношение к традиционной культуре как к архаике и пережитку, обреченному на исчезновение. Для организации новой культурной жизни была создана сеть учреждений – библиотеки, музеи, клубы, детские музыкальные школы, в крупных регионах – театры и филармонии. Культурное наследие народов Севера в основном сосредоточилось в научных архивах, центрах народного творчества, библиотеках и музеях.

В регионах с высокой активностью творческих лидеров происходил

процесс профессионализации отдельных форм национального искусства, результатом которого стало создание государственных ансамблей в Чукотском и Корякском автономных округах, Республике Саха (Якутия), национальных драматических театров в республиках. Уже в новое время был сформирован национальный театр в Ханты-Мансийском автономном округе как центр традиционной культуры, аккумулирующий духовные силы народа и дающий перспективу дальнейшего развития.

В настоящее время во всех регионах действуют коллективы народного творчества, созданные в домах культуры. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе из 190 культурно-досуговых учреждений только 10 являются центрами, занимающимися сохранением и развитием традиционной культуры народов Севера. В сотрудничестве с Научно-исследовательским институтом угроведения учреждения культуры проводят работу по сбору фольклорных материалов, но, к сожалению, богатейшая культура ханты и манси пока еще не стала способом самоидентификации всего региона и не является приоритетным направлением в культурной жизни округа. Для этого необходимо формирование национальной творческой интеллигенции, целенаправленная политика по подготовке специалистов из числа представителей народов ханты и манси по традиционной культуре, специальностям искусства, менеджменту и др.

В Эвенкийском и Таймырском долганско-ненецком муниципальных районах Красноярского края инфраструктура учреждений культуры значительно менее развита и деятельность по распространению культуры коренных народов Севера сосредоточена в основном в рамках работы самостоятельных фольклорных коллективов. Наиболее известными являются эвенкийские ансамбли «Осиктакан», «Улта», нганасанские «Нгамтусуо», ненецкий «Май'ма», долганский «Хэйро». В 70-х годах XX века на базе Окружного дома народного творчества были предприняты попытки создания эвенкийского театра. Учитывая то, что исчезающие культуры могут обрести «вторую жизнь» в произведениях искусства, необходимо направить усилия для создания в Красноярском крае профессиональных коллективов – Государственного ансамбля песни и танца на Таймыре и национального театра в Эвенкии. Для этого нужно наладить систему подготовки специалистов, которые составят в будущем постоянно действующие труппы.

В Чукотском автономном округе и Камчатском крае культура коренных народов ярко выражена благодаря государственным ансамблям «Эргырон» и «Мэнго», в творчестве которых сложился особый, индивидуальный стиль сценической интерпретации древнейших культур чукчей, эскимосов, коряков, ительменов, кереков. Кроме того, в этих регионах на профессиональную основу поставлена деятельность косторезных мастерских и центров прикладного творчества. Немаловажным фактором, постоянно будирующим и стимулирующим данное направление деятельности, является активное развитие на Камчатке и Чукотке туристической индустрии. Дальнейшая

политика в отношении национальных культур видится в расширении деятельности ансамблей «Эргырон» и «Мэнго» в сторону театрализации, т.е. в аспекте глубинного прочтения мифологического и эпического наследия народов и формирования собственной эстетики палеоазиатского театра.

Как ответ на потребность самоидентификации народа саха и сохранения традиций в Республике Саха (Якутия) в настоящее время формируется Театр Олонхо¹. Средоточием сценического действия театра является драматический актер, поющий тойук², и в основе его пластики находится культура жестов, используемых в традиционных обрядах, танцах, сказительском искусстве. Таким образом, соединение театральной (сценической) формы с эстетикой, органично вышедшей из глубин архаичной культуры, и может стать основой актуализации и продления жизни самобытной культуры народов Севера. В этом контексте значительно повышается роль учреждений культуры, специалистов сферы культуры с точки зрения поиска и обоснования механизмов культурной модернизации других субъектов Российской Федерации.

Республика Саха (Якутия) является одним из активных регионов России в сфере культуры и искусств, что обнаруживается в региональном нормативно-правовом обеспечении, основанном на нормах международных актов по сохранению и развитию культур малочисленных народов, в проведении целенаправленной культурной политики. К настоящему времени сформировалась своеобразная культурная модель Республики Саха (Якутия), одного из крупнейших культурных центров на северо-востоке Российской Федерации. Основу ее составляют 525 культурно-досуговых учреждений, 538 библиотек, 87 детских музыкальных школы, 4 художественные школы и 19 детских школ искусств, 43 музея, 9 профессиональных театров, филармония, цирк, кинокомпания и другие. В учреждениях культуры и искусства работает 9299 человек, из которых в республиканском звене – 2196 человек, улусном – 7103. В настоящее время действует сеть Президентских центров культуры и искусства, включающая в себя 24 учреждения, имеющих социально-направленный характер деятельности, высокий уровень профессионального мастерства и опыт внедрения современных форм работы в сфере культуры.

Основной целью культурной политики республики в этой области стало сохранение культурного пространства и создание экономических условий для ее дальнейшего развития. Разработана и создана соответствующая законодательная система, регулирующая отношения в сфере массовой культуры и профессионального искусства, это законы: «О культуре», «О библиотечном деле», «О музейном фонде и музеях», «О государственной охране памятников истории и культуры», «Об особо ценных объектах национально-культурного достояния» и другие. Развитие культуры и искусства в последнее десятилетие шло двумя путями: возрождение национальных культур народов Якутии и дальнейший рост профессионализации культуры и ис-

куства, интеграция в культурное и образовательное пространство РФ.

Безусловно ведущую роль в развитии культуры и региона в целом играет кадровый потенциал учреждений культуры и искусства, интеллектуальная элита региона, т.к. согласно теории человеческого капитала, креативные качества человека могут выступать главной силой общественного и экономического развития общества. В связи с этим изучение и культурологическое осмысление человеческого капитала необходимо прежде всего для практической деятельности.

Еще в XVII веке к работам У. Пети предлагал оценивать человеческий капитал выше, чем богатство вещественное. Эта идея ценности была поддержана представителями классической политэкономии конца XVIII – начала XIX веков. Но в учении марксизма коренным образом изменилось отношение к человеку, он стал лишь дополнением к сложной машине. В советской экономической политике человек рассматривался как сырье для великих строек, или как составляющая социальной сферы, которая финансировалась по остаточному принципу. В отличие от России, в Европе и США разрабатываются основы научной организации труда, производства и управления. Современная теория человеческого капитала сформировалась в 1960-1970-е годы. Главной работой в этом направлении стало исследование Г. Беккера «Человеческий капитал». Ядром концепции становятся знания индивидуума, его производственные навыки и мотивации. Среди представителей социальной науки, занимающихся проблемой человеческого капитала, первым был М. Вебер, высказавший идею о духе, который формирует капитал. Именно он одним из первых обосновал взаимообусловленность культурного и экономического капитала. Концептуализацию культурного капитала через сферу образования осуществили П. Бурдье и Ж.-К. Поссрон. Они определяли культурный капитал через уровень образования и образовательные компетенции, которые позволяют учащимся формировать и выбирать более успешные жизненные стратегии. П. Бурдье проводил аналогию между человеческим и культурным капиталом, под которым понимал «преимущества, которые передаются элитами своим детям (навыки устной и письменной речи, эстетические ценности, умение взаимодействовать с людьми, ориентация на достижения) и расширяют возможности их социальной мобильности» [9, р. 242]. Такое определение, по мнению автора, позволяет считать культурный капитал конструктивным ресурсом, дающим позитивный эффект от преобразований.

Предтечей культурологических изысканий в области капитала стали исследования американца Д. Тросби, который на основе междисциплинарного анализа определил культурный капитал как специфическую форму проявления стоимости любого объекта, обладающего культурной ценностью. Многие современные концепции человеческого капитала сводятся к тому, что это существенный ресурс модернизационных процессов, выраженный в потенциальных способностях предлагать неочевидные решения

в различных сферах человеческой жизнедеятельности. В конце концов, человеческий капитал это практически единственный источник постоянного обновления и прогресса.

Рассмотрим характеристику человеческого капитала в сравнительной таблице [8].

Неотчуждаемые виды человеческого капитала (неликвидный капитал)	Отчуждаемые виды человеческого капитала (ликвидный капитал)
Культурно-нравственный капитал Интеллектуальный капитал Капитал здоровья (биофизический) Трудовой капитал Организационно-предпринимательский капитал	Социальный капитал Клиентский капитал (бренд-капитал) Организационный капитал

Высокая культура и нравственность человека сегодня необходимы в любом из видов деятельности. Педагогическая и деловая этика, кодекс чести, трудовая и бытовая мораль создают здоровый нравственно-психологический климат в коллективах, повышают производительность труда и доходы. Репутация работника, имидж, деловая честь, совесть, порядочность, ответственность ценятся высоко в цивилизованных деловых отношениях. Потому культурно-нравственный капитал необходимо учитывать как особый вид человеческого капитала во всех отраслях деятельности.

При ориентации на национальную модель модернизации приоритет экономического роста уступает свое место «неуловимым и неосязаемым» (П. Штомпка), ценностям, отношениям, символическим смыслам и культурным кодам, без которых модернизация не может быть успешной. То есть национальная модель модернизации обязательно должна учитывать фактор культуры. В ней придается большое значение местным традициям, использованию заложенных в них модернизационных потенциалов и формированию у широких слоев общества «запроса на модернизацию».

Таким образом, сущность культурологического подхода заключается в рассмотрении человеческого капитала как социально-культурного ресурса, без которого невозможна продуктивная инновационная деятельность, обеспечивающая успешность культурной модернизации. Приоритетными направлениями региональной культурной политики, создающими условия для актуализации человеческого капитала и культурных традиций, могут стать:

1. Создание в регионе культурного пространства духовного и интеллектуального роста, которое обеспечивает преемственность духовно-нравственных традиций культуры региона, сохраняет и способствует увеличению слоя национальной творческой, духовно-интеллектуальной элиты.
2. Расширение общественной базы культурной жизни путем мотивации и поддержки культурных индустрий и самодеятельной активности

населения региона; развитие инфраструктуры, обеспечивающей условия сохранения, экспонирования, трансляции и воспроизводства культурных ценностей; поддержка образовательных и просветительных организаций, участвующих в формировании культурного пространства, обеспечивающего преемственность поколений; разработка механизмов противостояния экспансии явлений массовой коммерческой культуры, которые приводят к деградации личности и утрате самобытности отечественной культуры.

Вместе с тем, надо отметить, что развитие человеческого капитала – это актуальная проблема для всех развитых стран. Современные постиндустриальные вызовы и демографические проблемы вынуждают задумываться над благополучием человека. Для успешной реализации продуктивной инновационной деятельности, проектирования современной социокультурной среды, на наш взгляд, необходимо решение как финансовых, так и структурных и организационных проблем. Можно выделить следующие характерные черты сферы культуры, необходимые при осуществлении структурной модернизации и создания условий для развития человеческого капитала:

1. Новые культурные установки, направленные на развитие человеческого капитала, которые послужат драйверами модернизации.

2. Прогноз на долгосрочную перспективу развития культуры региона, путем проведения форсайт-исследований по выявлению и анализу новых культурных потребностей людей, предоставление новых и усовершенствованных культурных услуг, инструментария стимулирования качественного прорыва культурологического и художественного образования.

3. Развитие непрерывной системы образования в сфере культуры и искусства (развитие человека в течение всей жизни, воспитание духовно сильного, грамотного, творческого, ответственного человека).

4. Качественный прорыв в содержании предоставляемых культурных услуг населению в соответствии с их потребностями (создание многофункциональных культурных центров, творческих кластеров, креативной индустрии).

5. Устранение дефицита ценностей посредством разработки и внедрения национальной стратегии, направленной на освоение людьми основ «искусства долго жить» (М.Е. Николаев).

6. Создание социокультурной среды для появления новых ценностей, развития человека мыслящего, думающего, творческого, ответственного, для которого характерны такие чувства, как патриотизм, коллективизм, здоровый дух соперничества.

7. Системное финансовое вливание в культуру и искусство, развитие частно-государственного партнерства, меценатства, изменение ментальности элиты, понимающей смысл инвестиций в человеческий капитал.

Примечания

¹ Олонхо – якутский героический эпос.

² Тойук – традиционное песнопение якутов с использованием гортанных звуков.

Литература

1. Аузан, А. А., Архангельский, А. Н., Лунгин, П. С., Найшуль, В. А. Культурные факторы модернизации. Доклад фонда «Стратегия 2020» / А.А. Аузан и др. – М., СПб. : Фонд «Стратегия 2020», 2011.
2. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход : избр. тр. по экон. Теории : пер. с англ. / Г. Беккер ; сост., науч. ред. Р.И.Капелюшников. - М. : ГУ ВШЭ, 2003. -672 с.
3. Горшков, М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки / М. К. Горшков // Социс. – 2010. – № 12. – С. 28-41.
4. Заславская, Т. И. Социокультурный аспект трансформации российского общества / Т. И. Заславская // Там же. – 2001. – № 8. – С. 10.
5. Игнатьева, С. С. Теории модернизации: анализ культурологической составляющей / С. С. Игнатьева // Вестн. АГИИК. – 2013. – № 1 (5). – С. 12-19.
6. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
7. Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах. – М. : Академический Проект, 2002. – С. 662.
8. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование : монография / В. Т. Смирнов, И. В. Сошников, В. И. Романчин, И. В. Скоблякова; под ред. В. Т. Смирнова. – М. : Машиностроение- ; Орел : ОрелГТУ, 2005. – 513 с.
9. Bourdieu, P. The Forms of Capital/ Bourdieu, P. // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education/ Richardson J. G. - New York: Greenwood Press, 1984. - P. 242.

В. И. Сморчкова

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

В процессе формирования новой системы отношений по развитию экономики характерной ее особенностью становится социальная ориентированность, востребованность интеллектуальных и нравственных ресурсов. В обществе заметно повышается роль и значение культуры, усиливается ее влияние на стиль мышления, на развитие духовных качеств человека, на экономическое поведение людей.

Несмотря на снижение качества и уровня жизни за годы становления рыночной экономики и проведения реформ, коренным народам Севера удалось сохранить культурные корни, национальные традиции, сформировавшиеся веками многими поколениями.

Как показывает история, именно традиционная культура в самые труд-

ные времена в судьбе российского Севера оставалась наиболее устойчивой областью, на передачу молодому поколению традиционных знаний, национальных обычаев, культуры ведения традиционного хозяйствования не влияли никакие бури и невзгоды в экономической жизни страны.

В этой связи сегодня в условиях трансформации и модернизации экономики необходимо с большой продуманностью и бережностью подступать к реформам в системе управления развитием культуры народов Севера, чтобы реализовать ее потенциал в полную силу.

Начиная с 1990-х годов, появилось большое число трудов о развитии культуры народов Севера, написанных самими представителями этих народов, что свидетельствует об усилении тенденции к самопознанию культуры. Известные исследователи традиционной культуры и истории Е. Айпин, У.А. Винокурова, Т.В. Волдина, Е.И. Ромбандеева, А.М. Сязи, Г.П. Харючи, Н.Н. Ядне и другие направили свои научные исследования и организационные усилия на сохранение традиционного уклада, фольклора, языка северных народов [4; 3; 6; 9; 10; 12]. Многолетние исследования культурного наследия Арктики под руководством П.В. Боярского кроме всего, способствуют укреплению национальной безопасности России в этом регионе [2; 1].

В настоящее время, система управления развитием сферы культуры в РФ представляет собой многоуровневое образование, включающее взаимодействие центральных и региональных органов управления и региональных органов управления.

Схема 1. Структура системы управления развитием культуры

Исполнительным органом государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа, осуществляющим функции по выработке государственной политики, правовому регулированию, обеспечению реализации полномочий автономного округа как субъекта Российской Федерации в сфере культуры, искусства и кинематографии является Департамент культуры.

Кроме того, функции по осуществлению развитием культуры осуществляют так же государственные учреждения культуры ЯНАО:

- Окружной Дом ремесел,
- Культурно-деловой центр,
- Окружной центр национальных культур,
- Национальная библиотека ЯНАО,
- Окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского,
- Информационно-аналитический центр.

На уровнях муниципалитетов, соответствующие функции выполняют Управления культуры.

При общей численности населения 541 тыс. человек в автономном округе работают 224 учреждения культуры, в том числе:

- 6 государственных учреждений культуры, подведомственных департаменту культуры автономного округа,

- 218 муниципальных учреждения культуры, среди которых 79 муниципальных библиотек, 81 учреждение культурно-досугового типа (центры национальных культур, дома культуры, молодежные и культурно-досуговые центры, дома ремесел и др.), 38 образовательных учреждений культуры и искусства, 19 музеев.

Государственная политика в сфере культуры на территории Ямало-Ненецкого автономного округа реализуется через окружную долгосрочную целевую программу «Культура Ямала (2011 – 2015 годы)» (ДЦП).

В 2012 году на реализацию мероприятий программы были выделены средства в размере 1 563 375 тысяч рублей, в том числе по подпрограмме «Развитие культуры, искусства и кинематографии» – 101 239 тысяч рублей. Все мероприятия данной подпрограммы были выполнены в полном объеме, ряд индикативных показателей был выше запланированного уровня.

Целенаправленная поддержка в рамках окружной долгосрочной целевой программы позволила улучшить показатели по охвату населения услугами профессионального искусства, услугами культурно-досуговых и музейных учреждений. По данным Ямалстата каждый третий житель автономного округа посетил музейные учреждения. В электронный музейный каталог внесено 205 488 единиц хранения, что составляет 85% от совокупного музейного фонда автономного округа. Доля библиотечного фонда, занесенного в электронный каталог, составила по итогам года 95% от общего объема фонда.

В округе уделяется внимание сохранению и развитию библиотечного фонда. Значительно улучшился показатель «Количество экземпляров новых поступлений в библиотечные фонды общедоступных библиотек на 1 тысячу человек населения», который по итогам 2012 г. составил 253 экземпляра книг (2011 год – 206 экз.) при нормативе 250 экземпляров. Данный показатель с 2010 года имеет положительную динамику и превышает общероссийский показатель и показатель по субъектам Уральского федерального округа. В библиотеки автономного округа в 2012 году поступило 135 900 экземпляров книг (в 2011 году – 108 238).

Приоритетными направлениями в рамках Стратегии социально-экономического развития автономного округа до 2020 года являются строительство и реконструкция объектов культуры.

В рамках подпрограммы «Строительство объектов культуры на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» окружной долгосрочной целевой программой «Культура Ямала (2011 – 2015 годы)» в 2012 году было построено 14 объектов культуры: культурно-спортивные комплексы в с. Красноселькуп Красноселькупского района и с. Мужы Шурышкарского района, Центр национальных культур с музейно-библиотечным комплексом и архивом в с. Яр-Сал, сельские Дома культуры в с. Панаевске Ямальского района и с. Ныда Надымского района, Детские школы искусств в г. Тарко-Сал, г. Губкинское и с. Горки Шурышкарского района,

детский парк отдыха и парк Победы в Салехарде, городской Дом культуры «Октябрь» в г. Новый Уренгой (реконструкция) и другие. В 2012 году на строительство объектов культуры было запланировано 1 462 136 тыс. рублей, фактически же объём выполненных работ составил 1 697 401 тыс. рублей (116%).

В целях модернизации и развития инфраструктуры отрасли осуществляется и реализация проектов по созданию на селе модельных сельских библиотек и модельных сельских домов культуры. В 2012 г. была проведена модернизация муниципальных библиотек в с. Харсаим Приуральского района, п. Уренгой Пуровского района, с. Красноселькуп, а также сельских Домов культуры в п. Пуровск Пуровского района и с. Харсаим Приуральского района.

Гарантом реализации государственной политики в сфере сохранения объектов культурного наследия является окружная долгосрочная целевая программа «Сохранение объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2014 годы», на реализацию которой в 2012 г. было выделено 17 260 тыс. рублей (в 2011 году – 7000 тыс. рублей).

Увеличение бюджетного финансирования позволило в 2012 году многократно увеличить количество мероприятий по проведению историко-культурной экспертизы, отработать на практике принципы определения предмета охраны объекта культурного наследия и определить зоны охраны и границы территорий в отношении 54 объектов. В результате проведенной инвентаризации удалось определить состояние и месторасположение 38 памятников истории и культуры.

В рамках программы была впервые проделана работа по сохранению уникального объекта культурного наследия «Комплекс городской усадьбы: жилой дом, ворота, амбар (1898 г.)» – памятника архитектуры обдорской застройки конца XIX в. Реконструкция памятника позволит создать для местного населения рабочие места и в дальнейшем использовать его в туристских целях в качестве музея старожильского населения. Ведется работа по созданию историко-мемориального комплекса «ГУЛАГ 501».

С целью привлечения дополнительных средств на реализацию культурных проектов, а также для поддержки детей, инвалидов, традиционных культур коренных малочисленных народов, профилактике негативных явлений в молодежной среде Департамент культуры совместно с государственными и муниципальными учреждениями культуры участвует в реализации других окружных долгосрочных целевых программ (ОДЦП).

К числу таких программ относятся следующие ОДЦП: «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2015 годы», «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010 – 2014 годы», «Комплексные меры по противодействию экстремизму, гармонизации межэтнических и межкультурных

отношений, профилактике проявлений ксенофобии, укреплению толерантности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа на 2011 – 2014 годы» и др.

В округе регулярно проводятся различные культурно-массовые мероприятия: открытый межрегиональный конкурс эстрадного творчества «Полярная звезда», конкурс молодых исполнителей «Песня не знает границ» Уральского федерального округа, окружной праздник татарской и башкирской культур «Сабантуй», праздничные концерты ансамбля песни и пляски Центрального военного округа (г. Екатеринбург), окружной фестиваль любительских театральных коллективов «Ямальская рампа». Под патронатом губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа проводится фестиваль семейного кино «Мамонтоша».

Большое внимание окружной властью уделяется развитию музейной сферы. Музейный фестиваль «Музейный калейдоскоп», в котором приняли участие 20 музеев, позволяет развивать межрегиональное сотрудничество с Ненецким автономным округом и Архангельской областью [11].

В рамках окружной долгосрочной целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010 – 2014 годы» реализуется семь проектов, из них наиболее крупные: молодежная акция «Скажи – ДА, скажи – НЕТ!» и социокультурный проект «Мир без одиночества» (ГАУК ЯНАО «Окружной Центр национальных культур»), фестиваль детского кино «Синяя птица» (г. Ноябрьск), проект «Город мастеров» - граффити торцевых стен домов, подъездов, остановочных павильонов (г. Муравленко).

Функции по возрождению, сохранению и развитию народных промыслов и декоративно-прикладного искусства на территории Ямало-Ненецкого автономного округа осуществляют четыре специализированных учреждения: муниципальные учреждения «Городской Центр ремесел» (г. Ноябрьск), «Районный Дом ремесел» (с. Красноселькуп), «Дом ремесел» (с. Толька, Красноселькупский район) и ГБУК ЯНАО «Окружной Дом ремесел».

В 2012 году численность работников в данных учреждениях, в том числе штатных, составила 95 человек (2011 году – 102 человека), из них 39 человек являются специалистами культурно-досуговой сферы, 42 человека относятся к основному персоналу. Высшее образование имеют 17 человек (46%), что на 10 человек меньше по сравнению с 2011 годом, 15 человек – среднее профессиональное (36%). Из общего числа штатных работников 52 имеют стаж работы свыше 10 лет (54%).

Общее количество мастеров и художников, работающих в области народных художественных промыслов, на территории округа составляет около 850 человек. На 6 человек по сравнению с 2011 года выросло число членов ВОО «Союз художников России». Общее число ямальских мастеров и художников, входящих в состав данной творческой организации, составляет на 1 января 2013 года 15 человек.

Межкультурный диалог, опора на краеведческие знания, поиск новых презентационно-просветительских форм в деятельности учреждений культуры имеют большое значение в патриотическом воспитании и формировании гражданственности. В приобщении к историко-культурному наследию страны видится основа российского патриотизма, который способствует поддержанию межнационального согласия и сохранению единства в многонациональном российском обществе [11].

В целях информационно-методического обеспечения отрасли информирование специалистов культуры и жителей автономного округа об основных направлениях культурной политики, а также о значимых культурных проектах, проводимых в округе и за его пределами, осуществляется с помощью сайта «Культура Ямала» [11]. В активном режиме функционируют новостной раздел и интернет-приёмная, организовано три публичных обсуждения проектов законов и культурных инициатив.

Организация доступа населения и общественных институтов к информации осуществляется также посредством выпуска сборника информационно-аналитических материалов «Культура Ямала», который распространяется в округе, включая библиотеки, и доступен пользователям. В 2012 году – в связи с объявлением Президентом России Года российской истории – выпущено 4 сборника, один из которых был посвящён истории развития культуры на Ямале.

Несмотря на то, что за последние годы в ЯНАО много сделано для сохранения и развития культуры, существующая система управления сферой культуры не в полной мере учитывает духовные потребности местного сообщества и требует своего совершенствования.

Рассматривая положение дел в сфере культуры ЯНАО, нельзя не обратиться к общероссийскому опыту. В России несколько последних лет происходит ускоренное формирование многоуровневой системы программно-целевого планирования и управления, которая призвана способствовать достижению более прочной и устойчивой взаимосвязи федеральных, региональных и муниципальных программ, их прикреплению к бюджетам соответствующих уровней. В настоящее время в контексте общей реформы государственного управления один из основных акцентов трансформаций в сфере культуры, как представляется, следует сделать на дальнейшем расширении практики применения и использования стратегического планирования.

Ряд исследователей, и автор с ними солидарен, предлагают стратегическое планирование в сфере культуры проводить на уровне регионов в виде системы взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга плановых документов [5]. Эти стратегические плановые документы следует рассматривать как единую систему взаимосвязанных структурных элементов. Верхний уровень планирования, как представляется, должен основываться на Концепции развития сферы культуры в регионе, которая по

своему содержанию является документом, формулирующим приоритетные направления развития и стратегические цели, базовые принципы и реально доступные средства их реализации. В свою очередь к ключевым инструментам осуществления региональной и муниципальной концепций развития сферы культуры можно отнести целевые отраслевые и территориальные программы. Одним из основополагающих принципов регионального стратегического планирования в сфере культуры рекомендуется сделать совмещение территориальных и отраслевых особенностей.

Стратегическое планирование в сфере культуры позволит задавать перспективные направления развития организаций и учреждений, определять основные виды культурной и просветительской деятельности, увязывать в единую комплексную систему маркетинговую, проектную, сервисную, финансовую составляющие. Стратегический план будет обеспечивать адаптацию культурных организаций к внешней среде.

В настоящее время особое значение приобретают институты, основанные на неформальных межэтнических отношениях (традициях, обычаях), которые в существенной мере способны повлиять на укрепление процессов стабилизации в обществе Российского Севера. Развивается диалог между коренными малочисленными народами Севера и представителями крупного бизнеса России при участии органов власти, что позволяет сгладить существующие противоречия и конфликты [7].

В канадских бизнес-школах преподают предмет «Этика бизнеса», который учитывает многогранность особенностей жизнедеятельности в Арктике, это способствует у работников лучшему пониманию особенностей традиционного образа жизни коренного населения, уважению их интересов и развитию диалога, пониманию потребностей этнических сообществ. Среди российских компаний, ведущих свою деятельность в Арктике, практикуется издание брошюр, содержащих особенности традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера и уклада жизни на территории присутствия [8]. После проведения в стране ряда реформ все более становится очевидным, что при принятии управленческих решений необходимо учитывать региональные особенности и культуру проживающих здесь народов. Чтобы более точно планировать и прогнозировать устойчивое развитие Арктики, надо хорошо знать прошлое с его традиционными ценностями, изучать культуру проживающих здесь народов, их самобытный образ жизни и традиционные виды деятельности (оленьеводство, рыболовство, охота и др.), в которых скрыта основа самой жизни, адаптированной к экстремально жестким природным условиям.

Литература

1. Боярский, П. В. Новая Земля. Природа, история, археология, культура / П. В. Боярский. – Кн.2. Ч. 2. – М., 2000.
2. Боярский, П. В. Остров Вайгач, Хэбидя Я – священный остров ненецкого народа. Природное и культурное наследие / П. В. Боярский. – М., Институт наследия, 2000.
3. Винокурова, У. А. Экософия как мировоззрение арктической циркумполярной цивилизации / У. А. Винокурова // Партнерство цивилизаций. – 2013. - № 4. – С. 187-193.
4. Волдина, Т. В. Библиографический указатель по фольклору хантов:1880-1999 гг. / Т. В. Волдина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 128 с.
5. Пакулина, И. С. Стратегия государственного регулирования развития сферы социальных услуг / П. С. Пакулина // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 1. Ч. 1. – Тула, 2012. – С. 325-335.
6. Ромбандеева, Е. И. История создания научного центра по изучению обско-угорских языков и культуры в Ханты-Мансийске / Е. И. Ромбандеева // Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера : материалы междунар. науч. конф. – Ханты-Мансийск, 2013. – С. 6-10.
7. Сморчкова, В. И. Арктика – регион мира и глобального сотрудничества (Институциональные предпосылки устойчивого развития) / В. И. Сморчкова. – М. : Изд-во РАГС, 2003.
8. Сморчкова, В. И. Перспективы развития традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера: опыт Ямала / В. И. Сморчкова // Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера : материалы междунар. науч. конф. – Ханты-Мансийск, 2013. – С. 371-379.
9. Сязи, А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья / А. М. Сязи. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 248 с.
10. Харючи, Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века) / Г. П. Харючи. – Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2001. – 228 с.
11. Электронный сайт «Культура Ямала». – Режим доступа: <http://cultura-yamala.ru> (дата обращения: 2.03.2014).
12. Ядне, Н. Н. Я родом из тундры. / Н. Н. Ядне. – М. : ППО «Известия», 1999. - Кн. 2. – 152 с.

С. Х. Хакназаров

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ

По данным переписи 2010 г. численность постоянного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО – Югры) составила 1 532 243 человек. На территории округа проживают представители более 125 национальностей, большинство из которых принадлежат к славянской, тюркской, финно-угорской группам. В национальном составе населения округа преобладали: русские, татары, украинцы, башкиры.

В процентном соотношении это выражалось так [4]: русские 68,1; татары – 7,6; украинцы – 6,4; башкиры – 2,5; ханты – 1,3; манси – 0,8; ненцы – 0,1, прочие – 13,2. Учитывая национальный состав округа, можно выделить ведущие конфессии – православие и ислам.

Численность КМНС Югры в 2010 г. составила 31 483 чел. (2,1% от общей численности населения округа). Из них: ханты – 19068, манси – 10977, ненцы (в т.ч. лесные) – 1438 чел.

Немаловажно отметить, что разрабатываемые здесь природные ресурсы гарантируют экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального и регионального бюджетов, источником валютных поступлений. Широкомасштабное освоение природных ресурсов Севера, которое осуществлялось в советский период при полной государственной поддержке, выявило целый ряд проблем экономического, социального и экологического характера [3]. В переходный период значительная часть северных территорий оказалась в депрессивном состоянии, которое было вызвано снижением федерального финансирования, ростом транспортных и энергетических тарифов, отработкой ряда крупных месторождений полезных ископаемых и других причин.

Далее мы будем рассматривать и анализировать некоторые из этих проблем КМНС на примере Нижневартовского района Югры в контексте социологических исследований.

Краткая характеристика района исследований. Нижневартовский район расположен в центральной части Западно-Сибирской низменности и характеризуется континентальным климатом с суровой продолжительной зимой, короткой и бурной весной, непродолжительным летом и короткой осенью. Район является одним из крупнейших районов ХМАО – Югры и занимает площадь в 114,07 тыс. кв. км и расположен в восточной части округа.

На территории Нижневартовского района, у самой границы Ямало-Ненецкого округа, находится географический центр бывшего СССР: 82° 30'' градусов восточной долготы, 62° 30'' градусов северной широты. Протяженность района с запада на восток – 620 км, с севера на юг – 370 км. С севера район граничит с Пуровским и Красноселькупским районами Ямало-Ненецкого автономного округа, с востока с Туруханским и Енисейским районами Красноярского края, с юга – с Александровским и Каргасокским районами Томской области и с запада с Сургутским районом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [1].

На территории района находится 23 населенных пункта, в которых, по данным Всероссийской переписи (2010 г.), проживает 34 651 чел. (36341 чел. на 2012 г.) [2]. На территории района проживает население более 70 национальностей, в том числе – 2,4 тыс. чел. представителей коренной национальности – ханты (84%), манси (около 3%), лесные ненцы (12%), эвенки, шорцы и селькупы (менее 1%). Возрастная структура населения трансформируется в сторону увеличения населения старших возрастных

групп – увеличивается доля населения старше трудоспособного возраста, а доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшается. С 2009 года наметилась тенденция к уменьшению доли населения трудоспособного возраста.

Район относится к территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. В 6 населенных пунктах района численность коренных народов Севера составляет от 50 до 100%.

В районе расположено 135 территорий традиционного природопользования (родовых угодий, общин), на которых проживают и занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности (охотопромысел, рыболовство, оленеводство, сбор дикоросов) 319 чел. Район также является одним из важнейших индустриальных центров страны, основу его промышленности составляют предприятия топливно-энергетического комплекса. И в связи с этим существует проблема рационального недропользования.

В настоящее время на территории Нижневартовского района ХМАО – Югры ведется промышленная разработка на более чем 90 нефтегазовых месторождений.

С целью исследование проблем социально-экономического и экологического развития коренных малочисленных народов Севера, автором в 2006-2011 гг., были проведены этносоциологические исследования среди коренных жителей Нижневартовского района Югры. Исследования были проведены в тех населенных пунктах, где компактно проживают представители КМНС (с.п. Ларьяк, п. Аган, с. Варьеган, с. Корлики, с. Охтеурье и д. Чехломей). Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед и интервью по наиболее проблемным.

В опросах приняли участие:

- в 2006 г. – 235 респондента. Из них: мужчин – 31,91%, женщин – 68,09%. КМНС: мужчины – 25,58%, женщины – 74,42%. Среди них: ханты – 50,21%, манси – 4,68%, другие КМНС – 0,43%, другие национальности – 44,68%;

- в 2008 г. – 255 респондента. Из них: мужчин – 33,0%, женщин – 67,0%. КМНС: мужчины – 25,58%, женщины – 74,42%. Среди них: ханты – 69,2%, манси – 1,4%, лесные ненцы – 9,0%, другие КМНС – 2%, другие национальности – 3,2%;

- в 2010-2011 г. – 164 респондента. Из них: мужчин – 33,25%, женщин – 66,75%. Среди них: ханты – 76,15%, манси – 3,95%, ненцы – 16,65%, другие национальности – 3,25%. Возраст респондентов – от 18 до 60-ти лет и старше;

- в массовом опросе 2013 г. приняли участие 147 респондентов. Из них: мужчины – 20,4%, женщины – 79,6%. Среди них: КМНС – 65 (44,2%): ханты – 46 (31,3%), манси – 2 (1,4%), ненцы – 16 (10,9%), русские и другие – 82 (55,8%).

В ходе исследований нам было интересно узнать взгляды жителей на

их финансово-материальное положение. Выяснилось, что основными источниками доходов представителей КМНС являются (табл. 1): сдача дикоросов, мяса, рыбы – 58,56% (21,71%), заработная плата – 50,45% (62,79%), 23,42% (3,88%)¹, выплаты из социальных фондов – 32,88% (17,05%), продажа продукции традиционных промыслов – 23,42% (3,88%), доход от предпринимательства – 3,60% (0,78%), другие источники – 2,70% (3,10%). Как мы видим, значительными источниками доходов представителей КМНС являются: сдача дикоросов, мяса, рыбы, заработная плата и выплаты из социальных фондов (табл. 1). Это связано с тем, что значительная часть респондентов занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности.

Таблица 1. Основные источники доходов КМНС
(n* = 634), в % от частоты ответов [5; 7; 6]

Варианты ответов	Нижневартовский район		
	2006 (235)**	2006 (235)**	2010- 2011*** (144)
Заработная плата	62,79	50,45	58,25
Выплаты из социальных фондов	17,05	32,88	43,95
Сдача дикоросов, мяса, рыбы	21,71	58,56	64,6
Продажа продукции традиционных промыслов	3,88	23,42	35,85
Доход от предпринимательства	0,78	3,60	2,1
Другие источники	3,10	2,70	2,1

* n – число респондентов;

** в скобках показано число респондентов по года;

*** в 2010 г. исследований были проведены в ареалах Варьегана и Агана и в 2011 г. в ареалах Ларьяка, Охтеурье и Чехломея Нижневартовского района Югры.

А ситуация в других районах округа выглядит несколько иначе. По данным Т.Г. Харамзина, Н.Г. Хайруллиной [8], по мнению большинства опрошенных² (69,1% - в 1993 г., 64,8% - в 1995 г., 76,2% - в 1999 г., 75,4% - в 2001 г., 66,2% - в 2004 г.), главными источниками существования коренных народов Севера по-прежнему являются: заработная плата и надбавки к ней; выплаты из социальных фондов; а также бесплатные услуги и дотации предприятия. Как отмечают авторы, уменьшился доход респондентов от продажи продукции традиционных промыслов (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.), что является тревожным фактом.

Далее нам было интересно узнать, на что тратят основную часть своих доходов представители КМНС (табл. 2).

Таблица 2. Ответ на вопрос «На что тратят КМНС основную часть своих доходов?»

(n = 634), в % от частоты ответов [5; 7; 6]

Варианты ответов	Нижневартовский район		
	2006 (235)	2008* (255)	2010-2011 (144)
На питание и одежду	51,90	72,52	80,5
На лекарство, лечение	12,80	44,14	41,3
На развлечение	3,11	18,92	6,4
На образование детей	9,00	43,69	32,6
На одежду	23,18	-	-
Запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности**	-	42,79	30,6
Затруднялись ответить	-	10	19,7

* в опросе 2008 г. варианты «на еду» и «на одежду» были объединены

** в опросе 2006 г. данный вариант не рассматривалась.

Как видим из данных, приведенных в табл. 2, представители КМНС основную часть своих доходов тратят на: еду и одежду (51,90% и 72,52% соответственно по годам), лекарства, лечение (12,80% и 44,14% соответственно по годам), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (42,79%). В отличие от 2006 г., респонденты стали больше тратить на: образование детей (9,00% и 43,69% соответственно по годам), еду (51,9% и 72,52% соответственно) и лекарства, лечение (12,80 и 44,14% соответственно по годам). В 2010-2011 гг. респонденты стали меньше тратить на: образование детей (с 43,69% в 2008 г. до 32,6% в 2011 г.), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (с 42,79% в 2008 г. до 30,6% в 2011 г.) и развлечения (с 19,0% в 2008 г. до 6,4% в 2011 г.).

Ответы респондентов на вопрос «Получают ли представители КМНС от органов государственной власти и других организаций материальные и финансовые средства на цели их социально-экономического и культурного развития?», представлены в табл. 3.

Таблица 3. Мнение респондентов по поводу получения материальной и финансовой помощи от органов государственной власти и других организаций на цели социально-экономического и культурного развития

(n = 399), в % от опрошенных [5; 7; 6; с дополнениями]

Варианты ответов	2008 (255)			2013 (147)	
	КМНС	В целом	В целом	В целом	В целом
Да	50,90	54,55	38,85	52,72	38,8
Нет	27,03	21,21	32,25	24,12	14,3
Затрудняюсь ответить	22,07	24,24	28,9	23,16	46,9

* В опросе 2006 г. данный вопрос не рассматривалась

Как показывают данные, приведенные в табл. 3, относительное большинство респондентов (в т.ч. эксперты) (50,90% и 54,55% соответственно) отметили, что представители КМНС получают материальную и финансовую помощь на цели их социально-экономического и культурного развития от органов государственной власти и других организаций. Не получают такую помощь лишь 27,03% и 21,21% респондентов соответственно.

Затрагивая вопроса получения материальных и финансовых средств коренными народами, необходимые для их социально-экономического развития, по результатам массового опроса 2013 г., незначительное количество опрошенных респондентов (38,8%) утвердительно сказали «да». Ответили «нет» лишь – 14,3% респондентов. Наоборот, увеличилась доля лиц, которые затруднялись ответить на данный вопрос - 46,9% (табл. 3).

Касаясь проблемы здоровья местного населения, респонденты, отвечая на вопрос: «Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье местного населения?», отметили следующие основные факторы: 1) пьянство и алкоголизм (65,3%); 2) плохое качество воды (55,1%); 3) нехватка денег на медикаменты (43,5%); 4) загрязненный воздух, почва, вода (42,2%); 4) стрессы на работе (35,4%); 6) низкое качество медицинского обслуживания (34,0%); 7) низкое качество продуктов питания (32,0%) (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье местного населения?» (респондентам разрешалось выбрать не более 5 вариантов ответа) n = 147

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Стрессы на работе	52	35,4
Стрессы дома	22	15,0
Загрязненный воздух, почва, вода	62	42,2
Низкое качество медицинского обслуживания	50	34,0
Плохое качество воды	81	55,1

Отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, какие проблемы в Вашем населенном пункте нужно решать в первую очередь?»³, респонденты из числа КМНС и экспертов Нижневартковского района в целом отметили, что в первую очередь нужно решить проблемы: 1) алкоголизма и пьянства (79,61%); 2) организации рабочих мест (74,90%); 3) жилищные (72,94%); обеспечения стариков и малоимущих (56,08); 4) снижения цен на товары (50,98%); 5) повышения уровня образования (43,14%); 6) транспортные (38,82%); 7) индексации заработной платы, пенсии и пособий (34,12%); улучшения состояния окружающей среды (31,37%). Далее по убывающей: улучшения качества продуктов питания (26,67%); преступности (19,61%); наркомании (10,20%) и т.п. [5].

Как показывают результаты, проведенных повторных исследований в 2010-2011 гг., мнения респондентов по данному вопросу практически не изменились. Отвечая на этот же вопрос, на первом месте обозначена проблема организации рабочих мест (81,9%)⁴. На втором и третьем местах – решение проблем алкоголизма и пьянства, жилья (73,6% и 68,1% соответственно). Далее по убывающей: обеспечение стариков и малоимущих (52,8%), транспортные (55,6%), снижение цен на товары (54,2%) и улучшение состояния окружающей природной среды (33,3%) [7].

Мнения респондентов по данному вопросу и в 2013 г. также практически не изменились. Отвечая на этот же вопрос, респонденты Нижневартковского района также выделили следующие, наиболее актуальные проблемы, требующие соответствующих решений: 1) алкоголизм и пьянство (71,4%); 2) организация рабочих мест (69,4%); 3) жилищные проблемы (53,7%); 4) снижение цен на товары (49,0%); 5) своевременная индексация зарплаты, пенсий, пособий и т.п. (38,8%); 6) улучшение состояния окружающей среды (38,1%); 7) транспортные (прокладка новых и улучшение существующих дорог) (37,4%); 8) обеспечение стариков и малоимущих (33,3%); 9) повышение уровня образования (24,5%) и т.п.

Как показывают результаты наших исследований, точки зрения респондентов по рассматриваемому вопросу практически не изменились. Это говорит о том, что существует необходимость решения данных проблем на местах при содействии окружных и местных административных органов государственной власти.

Другая не менее важная социальная проблема – это проблема сохранения и развития родных языков и культуры коренных народов Севера. Рассматривая вопрос об общественной значимости родных языков коренных народов Севера в современных условиях, отвечая на схожий вопрос (табл. 5), относительное большинство респондентов (38,1%) Нижневартковского района общественную значимость родных языков коренных народов Севера оценили как низкую. Опрошенные респонденты оценивали ее как: недостаточно высокую – 25,2%; высокую – 12,9%; достаточно высокую – 9,5%.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили общественную значимость языков коренных народов Севера?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Как высокую	19	12,9
Как достаточно высокую	14	9,5
Как не достаточно высокую	37	25,2
Как низкую	56	38,1
Затруднялись ответить	21	14,3
Итого	147	100,0

Отметим, что вопрос об оценке жизнестойкости родных языков коренных народов Севера, как и вопрос оценки общественной значимости родных языков коренных народов Севера, является важным и актуальным в современных условиях. Отвечая на схожий вопрос (табл. 6), незначительное большинство респондентов (35,4%) Нижневартовского района жизнестойкость родных языков коренных народов Севера оценили, как находящуюся в критическом состоянии. Опрошенные респонденты также оценивали, что родные языки коренных народов Севера: находятся в критическом состоянии – 10,9%; находятся в серьёзной опасности – 9,5%; их положения вызывает опасения – 8,2%; исчезли – 7,5%.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили жизнестойкость языков коренных народов Севера в современных условиях?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Находится в безопасности	4	2,7
Положение вызывает опасения	12	8,2
Находится под угрозой исчезновения	52	35,4
Находится в серьёзной опасности	14	9,5
Находится в критическом состоянии	16	10,9
Исчез	11	7,5
Затруднялись ответить	28	19,0
Другое	10	6,8
Итого	147	100,0

Затрагивая вопрос о предпринимаемых государством мерах в деле сохранения и развития языков и культуры коренных народов Севера, перед респондентами был поставлен аналогичный вопрос (табл. 7). В качестве

предпринимаемых государством мер по данному вопросу респонденты предложили содействие:

- обучению и пропаганде родных языков и культуры;
- повышению значимости родного языка, путем его использования;
- преподаванию родных языков детям с дошкольного возраста;
- финансированию программ по развитию и сохранению родных языков и культур.

Незначительное количество респондентов (18,4%) считают, что государством принимаются недостаточные меры для сохранения и развития родных языков и культуры коренных народов Севера на федеральном уровне и лишь 8,8% респондентов отметили, что по данному вопросу ничего не изменилось (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, государством принимаются достаточные меры для сохранения и развития родных языков и культуры коренных народов Севера на уровне РФ?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Скорее достаточно	19	12,9
Ничего не изменилось	13	8,8
Не достаточно	27	18,4
Затруднялись ответить	49	33,3
Другое	39	26,5
Итого	147	100

Также респонденты предполагают, что родные языки должны учить знающие люди, что все зависит, прежде всего, от коренных народов Севера и необходимо прекратить баловать их подачками, сохранять, что есть. Следует сдавать экзамен на знание родного языка, проводить конференции, курсы и семинары и издавать больше литературы, а также заинтересовывать молодежь и строить центры досуга.

Отвечая на вопрос: «От кого, по Вашему мнению, в большей мере зависит сохранение и развитие языков и культуры коренных народов Севера?» (табл. 8), большинство респондентов (42,2%) отметили, что это, прежде всего, зависит от самих граждан. А 34,7% респондентов полагают, что сохранение и развитие родных языков и культуры коренных народов Севера зависит скорее, от властей округа, района и поселения и лишь 4,1% респондентов считают, что это зависит, безусловно, от федеральных властей.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «От кого, по Вашему мнению, в большей мере зависит сохранение и развитие языков и культуры коренных народов Севера?», (n = 147)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Безусловно, от федеральных властей	6	4,1
Скорее от федеральных властей	5	3,4
Скорее от властей округа, района, поселения	51	34,7
Безусловно, от властей округа, района, поселения	20	13,6
От самих граждан	62	42,2
Затруднялись ответить	21	14,3

Следует отметить, что в современных условиях важно изучать мнение населения о деятельности различных административных органов государственной власти. Это является важным и для самих административных работников.

Затрагивая вопрос о деятельности различных органов государственной власти на местах и их отношении к проблемам коренных народов Севера, в ходе исследований мы поставили задачу выяснить отношение респондентов к вопросу о том, как люди оценивают деятельности различных административных органов государственной власти на местах. Ниже приведены результаты опросов по конкретным вопросам. Относительное большинство представителей КМНС Нижневартовского района работу местных административных органов государственной власти считают неудовлетворительной (49,55%). В отличие от КМНС эксперты думают наоборот (78,79%). Как показывают результаты исследований, проведенных в 2010-2011 гг., относительное большинство респондентов (46,7% в целом), работу местных администраций по решению проблем КМНС оценивали неудовлетворительно.

А вот как показывают данные, полученные по результатам исследований, проведенных в 2013 г.: возросла доля лиц (по сравнению с 2010-2011 гг.), считающих работу местной администрации, в том числе уполномоченных по вопросам коренных малочисленных народов Севера Нижневартовского района, удовлетворительной (36,9%). Неудовлетворительную оценку деятельности местной администрации, дали 29,2% респондентов. Увеличилась доля лиц, которые затруднялись ответить на данный вопрос (33,8%).

Для сравнения отметим, что большинство респондентов (включая и экспертов) Сургутского района работу местных административных органов государственной власти считают удовлетворительной (77,11% и 48,28% соответственно КМНС и эксперты). Примерно такого же мнения придерживались респонденты и в опросе 2006 г. (72,55% в целом). Это дает нам основания говорить о том, что местные органы власти на местах в разных районах к проблемам КМНС относятся неоднозначно.

Как показывают результаты прежних исследований [8], значительное количество респондентов (более трети) оценили работу районных органов власти как плохую. Позитивно работу органов власти населенного пункта оценили в 2001 г. – примерно каждый второй опрошенный (9,2% - «хорошо», 45,6% - «удовлетворительно»).

Отвечая на их же вопрос: «Приходилось ли Вам обращаться с просьбами в органы власти Вашего района (населенного пункта)?» [8], значительная часть респондентов ответили утвердительно (38,0% и 51,4% соответственно к властям района и населенного пункта). Каждый третий респондент считает, что обращение к органам власти своего района бесполезно.

В свою очередь, 44,14% представителей КМНС и 75,76% экспертов работу бывшего Комитета по вопросам МНС администрации округа муниципального образования (Нижневартовского р-на) оценивали удовлетворительно. Если оценку рассматривать в целом, то 60% респондентов работу бывшего Комитета по вопросам КМНС оценивали как удовлетворительную.

Рассматривая социологический портрет проблем социально-экономического развития коренных народов Севера Нижневартовского района Югры, в заключение еще раз отметим, что социальные и экономические проблемы КМНС в настоящее время являются актуальными и требуют поиска путей их решения. Как показывают вышеизложенные материалы, взгляды респондентов по рассматриваемым вопросам неоднозначны. Например, касаясь вопроса жизнестойкости родных языков в современных условиях, незначительное большинство респондентов района отметили, что родные языки коренных народов Севера находятся в критическом состоянии. Опрошенные респонденты также отметили, что родные языки коренных народов Севера находятся в серьезной опасности и их положение вызывает опасения. На вопрос: «От кого, по Вашему мнению, в большей мере зависит сохранение и развитие языков и культуры коренных народов Севера?», большинство респондентов ответили, что это, прежде всего, зависит от самих граждан. Большинство опрошенных, в качестве главных факторов, влияющих на здоровье местного населения, отметили следующие: пьянство и алкоголизм, плохое качество воды, нехватка денег на медикаменты, загрязненный воздух, почва, вода.

Как мы неоднократно отмечали [5; 7], поскольку происходит дальнейшее снижение уровня жизни коренного населения, промышленное освоение минеральных и энергетических ресурсов должно стать социально ориентированным, обеспечить нормальное качество жизни всего населения (в т.ч. коренного) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Примечания

¹ В скобках указаны данные за 2006 г.

² Исследования проводились в Белоярском, Березовском, Октябрьском и Кондинском районах ХМАО – Югры.

³ По результатам опроса 2008 г.

⁴ В % от частоты ответов.

Литература

1. Географическое положение Нижневартовского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nvraion.ru/o-rayone/geograficheskoe-polozhenie/> (дата обращения: 15.01.2014)
2. Демография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nvraion.ru/ekonomika-i-finansy/social-economic-district/demography.php> (дата обращения: 15.01.2014)
3. Логинов, В. Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Сибири / В. Г. Логинов. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2007. – 311 с.
4. Территориальный орган государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу-ЮГРА [Электронный ресурс] : Федер. служба гос. статистики : сайт. – Режим доступа: www.khmstat.gks.ru (дата обращения 02.03.2014)
5. Хакназаров, С. Х. Социально-экономические проблемы коренных народов Нижневартовского района Югры в аспекте социологических исследований / С. Х. Хакназаров // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия : материалы VIII Междунар. НПК (г. Нижневартовск, 4 марта 2011 г.). – Нижневартовск, 2011. – С. 372-377.
6. Хакназаров, С. Х. Социодинамический анализ социально-экономических проблем коренных народов Севера Югры: на примере Нижневартов. р-на / С. Х. Хакназаров // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока : традиции и инновации : материалы науч.-практ. конф. X Югорские чтения (20 дек. 2012 г., г. Ханты-Мансийск). – Ханты-Мансийск, 2013. – С. 323-334.
7. Хакназаров, С. Х. Социологический анализ социально-экономических проблем коренных народов Югры: Нижневартовского района Югры / С. Х. Хакназаров // Вестн. угроведения. – Ханты-Мансийск. - 2011. – №1(4). - С. 131-136.
8. Харамзин, Т. Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – СПб. : Миралл, 2006. – 200 с.

Глава 3. КУЛЬТУРА

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В АРКТИКЕ

Л. С. Богословская

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ – СИСТЕМА КУЛЬТУР ИЛИ СУММА ТЕХНОЛОГИЙ?

Север (Арктика и Субарктика) всё яснее осознается человечеством как один из последних регионов планеты, в котором доля природных сообществ, не затронутых или мало освоенных людьми, еще высока. Если

раньше проблема охраны природы понималась как сохранение отдельных видов животных и растений, а проблема охраны культурного наследия как сохранение отдельных памятников истории и культуры, то сейчас очевидна необходимость сохранения целостных участков биосферы с живущим в них населением, то есть блоков ноосферы. Это положение особенно актуально для Арктики, где системные связи человека и природы находятся в постоянном напряжении.

В 1996 г. была опубликована книга «Российская Арктика: на пороге катастрофы» [13]; спустя восемнадцать лет с грустью можно говорить: наша Арктика, к сожалению, уже переступила порог и всё дальше уходит от «точки невозврата». По нашему мнению, этот процесс обусловлен, прежде всего, заменой пространственно динамичных, но медленных во времени традиционных культур коренного населения Арктики на пространственно статичные, но чрезвычайно скоростные во времени ресурсодобывающие технологии, представляющие лишь части культуры современного доминирующего постиндустриального общества, причём части, экологически самыми «грязные».

Традиционные культуры Арктики и Севера в целом – это опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, древний, успешный и принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков. Тонкий знаток внутреннего мира коренных народов, ханты Леонтий Тарагупта [17] так определяет различие между «северной» и «западной» культурами:

Первый наш закон – абсолютное неприятие статики. Любое название, присвоение имени – это уже статика, это уже убивает наш дух, наши знания. Сам факт закрепления какого-то уровня знаний в соотношении с характером духовной жизни северянина сразу делает их вчерашними. А европейская традиция, ведь, какая – потом, опираясь на эти знания, власти будут прогнозировать нашу экономику, социальное развитие, программировать наш путь мировоззренческий. А это уже – отставший момент, как оставшая позади железнодорожная станция. Как она может проектировать конечный путь? Она уже превратилась в статику. Потому что духовная жизнь – она сегодняшняя и постоянно меняющаяся. Статика нашими народами вообще не признается.

И вот эта красивая концепция о единстве мира и умении слияния с природой – тоже статика. Самое важное для нас – не знание о единстве мира, а умение войти в это единство мира и умение выйти из него».

1. Коренное население Российской Арктики

Более 30 тыс. лет назад Арктику начали осваивать древние народы, чьи потомки и теперь живут в столь экстремальных природных условиях. В России Арктика стала родиной и для больших по численности народов – карелов, коми, русских и якутов, которые сформировали свои полярные

сообщества (субэтноты, популяции, этнотерриториальные группы, общины). Разные по происхождению народы веками активно взаимодействовали между собой, и сейчас в Арктике традиционный образ жизни ведут три основные группы коренных жителей, или «малочисленные этнические общности». Это название приведено в соответствии с Конституцией РФ (пункт «м», часть 1., статья 72).

1-ая группа. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока являются потомками древних народов-первопоселенцев Арктики, охотников, рыболовов и собирателей. Они принадлежат к особым этносам планеты, их называют по-разному, – аборигенные народы, Первые нации, а в России – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Далее мы будем называть их коренные народы Севера, или просто коренные народы. В Российской Арктике живут 12 таких коренных народов – саами, ненцы, ханты (полярные популяции), селькупы, энцы, нганасаны, долганы, эвенки (полярные популяции), эвены (полярные популяции), юкагиры, чукчи, эскимосы. Оленеводство, появившееся у ряда народов позднее охоты, рыболовства и собирательства, включает в себя эти способы природопользования в качестве обязательных компонентов.

Коренные народы Арктики отличаются от других народов мира по многим антропологическим, физиологическим и биохимическим показателям [18; 9; 8; 10 и др.; 21 и др.]. Традиционные культуры, созданные этой группой, по словам С. А. Арутюнова, являются «памятниками больших человеческих усилий в почти нечеловеческих условиях» [1, с. 12].

Для защиты прав и законных интересов всех коренных малочисленных народов России «в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» в Конституции РФ существует статья 69, однако она не имеет реальной правоприменительной практики.

2-ая группа. Этнические группы (нередко метисные) больших по численности народов Севера и Сибири, которые ведут традиционный образ жизни предков, самобытный у каждой группы. Это поморы (русские и карелы) и коми Севера Европейской части России, коми Зауралья и арктические группы якутов. В составе каждого большого народа существуют несколько таких групп численностью менее 30 тыс. человек, они имеют право быть отнесёнными к «малочисленным этническим общностям».

3-я группа. Старожильческое русское (как правило, метисное) сельское население Сибири и Дальнего Востока: обские старожилы и другие русскоговорящие группы Западной Сибири, усть-енисейцы, затундренные крестьяне, ленские старожилы, якутские казаки, индигирщики, колымчане, марковцы и другие. Охота, рыболовство и собирательство входят в традиционные системы жизнеобеспечения, культурные традиции и духовную практику этих небольших сообществ, также относящихся к «малочисленным

ным этническим общностям». Третья группа исторически самая молодая, она формировалась постепенно, начиная со второй половины XVI века, когда Российское государство начало активно осваивать Сибирь и Дальний Восток.

Представители всех трёх групп образуют коренное население Арктики и Севера в целом. Далее мы будем также называть их традиционными группами.

На протяжении многих веков происходило смешение национальных культур коренного населения, вплоть до заимствования традиционных способов природопользования, от орудий производства и технологий до целых систем жизнеобеспечения. В результате наряду с древними традиционными культурами возник обширный спектр культур смешанного типа; культурное взаимопроникновение продолжается и в наши дни.

Три группы полярного сельского населения России, по экспертным оценкам составлявшие 120-130 тыс. человек до второй половины XX века, практически не защищены от негативных последствий современного промышленного освоения своих территорий. Если соответствующие права коренных народов Севера хотя бы прописаны «на бумаге» (ст. 69 Конституции РФ, ряд федеральных и региональных нормативно-правовых актов), то две остальные группы как таковые не учитываются в национальном законодательстве, обычно их считают несущественным «приложением» к коренным народам. Федеральные органы исполнительной власти вообще не склонны принимать во внимание вторую и третью группы – отсутствуют утвержденные списки, численность и карты расселения таких арктических сообществ.

2. Традиционное природопользование, локальные культуры и культурные ландшафты

Едиственной формой и условием существования культур коренного населения Арктики и всего Севера были и остаются традиционные способы природопользования. Именно они обеспечивают сохранение и воспроизводство этнической самобытности, действие механизмов культурной преемственности и стабильность этнолингвистической ситуации в каждой из групп [4]. Важно подчеркнуть, что традиционные способы природопользования осуществляются как образ жизни северных сообществ, а не как отрасли современного сельского хозяйства.

Любая национальная культура, большая или малая, всегда неоднородна, всегда представлена несколькими вариантами – локальными, или местными, культурами. Социальным отображением локальных культур являются общины (семейные, родовые, территориально-соседские) и их объединения, формировавшиеся на основе географической близости, сходства традиций природопользования, духовной организации, обычаев и родственных связей.

Пространственное воплощение локальных культур представляют культурные ландшафты – освоенные людьми территории вместе с их флорой и фауной. Культурные ландшафты соединяют в себе, с одной стороны, традиционные схемы расселения и хозяйственного использования территорий, иначе говоря, схемы размещения производительных сил, с другой, – системы материальных объектов, связанных с хозяйственной практикой, исторической, культурной и духовной памятью народов [5; 15 и др.]. Традиционные схемы расселения способствуют наилучшей пространственной организации дробной и сложной внутриэтнической структуры северных народов и популяций, предохраняя генофонды небольших по численности сообществ от оскудения и вырождения на протяжении веков и тысячелетий.

Именно культурные ландшафты понимаются коренными северянами как «свои земли». При всех кочёвках, странствиях и вынужденных переселениях люди особо ценят возможность рано или поздно вернуться на них, а невозможность этого лишает жизнь коренных северян духовной основы. Вот почему уничтожение маленьких «неперспективных поселков», разрушение традиционных схем расселения, начавшееся в советский период и продолжающееся в наши дни, нанесло непоправимый удар по самой сердцевине существования коренного населения Арктики.

Можно полагать, что для всех традиционных групп сельского населения Севера «свои земли», или культурные ландшафты, состоят из следующих компонентов:

а) Земля родного селения, где родился и вырос человек (в современной законодательной системе – категория «земли поселений»). Эта земля обеспечивает кровнородственные, социальные и этнокультурные связи с сородичами, предками и будущими поколениями, что дает возможность осуществления во всей полноте процессам генетической и культурной преемственности.

б) Земли, где захоронены предки и где рассчитывают быть похороненными ныне живущие (современные категории «земли поселений» и «историко-культурные земли»);

в) Священные места: территории, водные пространства и другие природные объекты, часто отмеченные особыми ритуальными сооружениями (современная категория «историко-культурные земли») – важнейшие материальные объекты духовной культуры каждой «малочисленной этнической общности» Арктики. Такие места создают и оберегают связи между людьми и природой в образах предков и духов-хозяев частей культурного ландшафта. Знания о священных местах у ряда народов являются эзотерическими и составляют важнейшую часть так называемой «культуры молчания».

г) Заповедные земли и водные пространства (современная категория «особо охраняемые природные территории») – обеспечивают сохранение природной среды и традиций взаимоотношения людей и природы.

д) Охотничьи угодья, рыболовные участки, олени пастбища, маршруты кочевков, традиционные транспортные пути, резервные земли также входят в понятие свои земли. На первый взгляд, отношения коренных жителей по поводу этих земель ближе всего к современным имущественным отношениям. Однако коренные северяне не знали принципа частной собственности на землю, промысловые угодья, как и на любые другие виды природных ресурсов.

Закрепление подобных территорий за родом или семьей имело скорее характер общественного договора, традиции. Более того, у поморов существовала ротация промысловых угодий для того, чтобы все семьи в деревне жили в равных условиях. При этом промысловые угодья одного сообщества всегда «проницаемы» для других таких же групп своего народа и даже народов-соседей, когда последние испытывают какие-либо трудности в природопользовании на своей территории [16]. А для бедных земли соплеменников были открыты всегда. Вот что говорил в 1929 г. один из богатых оленеводов Ямала:

«Езенда рассказал, что раньше, «по-старому», каждый род имел свои определенные земли, границы между которыми не были жесткими, менялись время от времени...

– А как же бедняк, где он тогда будет пасти своих оленей? – заинтересовался я.

– Везде, – ответил Езенда, – разве я могу запретить пасти и промышлять на моей земле. Я сильный, куда хочу, туда и пойду, а бедный идет туда, куда «терпят» его олени. Пусть бедные ходят везде, где пожелают» [7, с. 57].

3. Традиционные культуры – жизнь «внутри» экосистем

Современное коренное население Арктики до сих пор считает природу не окружающей средой с набором природных ресурсов, а членом своих социумов. Японский этнолог Х. Ватанабе назвал такое явление «системой социальной солидарности с природой». Подобное отношение базируется на понимании неразрывности связи и равноправного взаимодействия всех объектов природы, включая человека.

Культурные, биологические, а также психологические адаптации коренного населения являются частями единой системы, которая сохраняет и воспроизводит этническую самобытность на уровне индивида и человеческой популяции. Существуют, по меньшей мере, два пути воспроизводства этнических и популяционных характеристик:

- генетический (антропологические (биологические) и психологические специфические особенности и адаптивные механизмы);
- негенетический (культурные механизмы, духовные и психологические адаптации).

Оба пути объединены перекрестными связями, в число которых входят языки и диалекты коренных жителей. Прямые связи между биологически-

ми и культурными механизмами адаптации к природным условиям наиболее четко прослеживаются при изучении традиционного питания и обеспечивающих его технологий добычи (сбора), переработки, приготовления и хранения различных видов пищевой продукции. Все это вместе с обычаями и ритуалами, связанными с традиционной диетой, составляет особый блок в национальных культурах народов Севера [9 и др.].

При всем своем разнообразии традиционные культуры Арктики и Севера в целом складывались и развивались по единым принципам, главные из них перечислены ниже.

1) Создание стационарных и временных поселений на стыках полярных экосистем, то есть в местах с самыми высокими показателями биологического разнообразия и продуктивности, что позволяет коренным северянам добывать максимальное количество белковой пищи с минимумом энергетических затрат.

2) Пространственный и сезонный динамизм антропогенных нагрузок на «свои» культурные ландшафты.

Форма реализации этого важнейшего механизма традиционного природопользования определяет образ жизни каждого народа. В обобщенном виде можно выделить три главных стиля, или образа, жизни [4].

Кочевой образ жизни. Человеческие коллективы вместе с биоресурсами, дающими животный белок (домашние олени), перемещаются относительно биоресурсов, дающих первичную продукцию (пастбища). Таковы народы и субэтноты, ведущие крупнотадное тундровое оленеводство, прежде всего, тундровые ненцы и оленные чукчи.

Оседлый образ жизни. Относительно человеческих коллективов перемещаются источники животного белка (магистральные сезонные миграции морских животных). Этот образ жизни ведут арктические охотники на морского зверя (эскимосы-юпик и береговые чукчи), рыболовы морских побережий и бассейнов крупных рек.

Смешанный образ жизни. Человеческие коллективы используют разнообразные ограниченно мигрирующие виды животных в сочетании с оседлыми и далеко мигрирующими видами. Это образ жизни многих групп коренного населения.

3) Разнообразие стратегий природопользования в соответствии с разнообразием осваиваемых ландшафтов, объемом и характером используемых биоресурсов, дающих животный белок.

Широко расселенные народы имеют несколько стратегий природопользования с многообразием локальных вариантов (ненцы, эвены, эвенки, чукчи). Народы и популяции, занимающие небольшие регионы с однотипными природными условиями, используют одну стратегию, но также в локальных вариантах, формирующих локальные культуры (нганасаны, азиатские эскимосы, энцы и др.).

Народы-соседи, даже различающиеся по своему происхождению, мо-

гут иметь сходные, иногда практически одинаковые формы хозяйствования, но всегда стремятся найти свою экологическую нишу и поделить пространство с соседними народами.

4) Высокая комплексность использования биоресурсов и максимальная утилизация полученной продукции.

Каждое северное сообщество всегда использует несколько природных ресурсов, сезонно чередуя и постоянно стремясь сохранить их достаточно высокое разнообразие. При значительном снижении запасов главных ресурсов коренное население переходит на вспомогательные источники пищи, либо временно или постоянно меняет территорию обитания. Комплексный характер природопользования до недавнего времени обязательно сочетался с максимально полной утилизацией всей полученной продукции.

5) Традиционные (народные) знания.

Традиционные, или народные, знания коренного населения являются своеобразным шифром, ключом, который открывает путь к устойчивому взаимодействию с природой и неистощительному использованию ее возобновляемых компонентов. Эти знания – особая, мало изученная часть наследия бесписьменных народов Севера; она дошла до наших дней с невосполнимыми потерями, поскольку устный и наглядный способы передачи знаний практически исчезли к концу XX века. Судьба уникальных знаний сейчас напрямую зависит от понимания их ценности молодыми поколениями северян.

Следуя положениям Всемирного объединения по интеллектуальной собственности (ВОИС), традиционные знания следует признать объектами неделимой коллективной интеллектуальной собственности каждого сообщества людей. Они представляют обширный свод материалов для научного понимания микроэволюционных процессов в экосистемах Севера.

Традиционные знания позволили внести ряд положений в основные международные экологические документы (Конвенция о биологическом разнообразии, 1992; Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике, 1993; Севильская стратегия для биосферных резерватов, 1995; Декларация ООН о правах коренных народов, 2007).

6) Правила поведения в природе.

Первое правило – «Не брать у природы больше, чем нужно для выживания» - коренные народы Севера выработали давно и буквально до последнего времени твердо следовали ему.

Второе правило – «Немного людей на большой территории» – коренные северяне соблюдали, основываясь на своем длительном опыте существования в экстремальных условиях с резкими, порой катастрофическими, изменениями запасов промысловых ресурсов или состояния пастбищ. Это правило обусловлено замедленными процессами сукцессии (естественного воспроизводства ресурсов) в северных экосистемах с обедненным ви-

довым составом биоты и её низкой продуктивностью.

Северные, особенно арктические, традиционные группы населения никогда не были многочисленными, но всегда стремились освоить обширные пространства. Например, по расчетам И.И. Крупника [11, с. 90], кочевые общины насчитывали в среднем 120-170 человек (от 60 до 300 человек) и состояли обычно из 5-12 стойбищ. Общее количество кочевых общин не превышало, по-видимому, 50-70 для оленных чукчей и 40-50 – для ненцев и коми Северного Зауралья, включая полуостров Ямал. Расчеты показывают, что средняя площадь территории кочевой общины в 100-200 человек была равна 3-8 тыс. км. в ареале ненецкого и 8-15 тыс. км. в ареале чукотского оленеводства.

4. Связь между культурным и биологическим разнообразием Арктики

Традиционные способы природопользования коренного населения являются устоявшимися, исторически сложившимися компонентами современных экосистем Арктики и Севера в целом. Они демонстрируют принципы долговременного, экологически сбалансированного освоения окружающей среды, основанного на использовании возобновляемых ресурсов.

Следует отметить две важные особенности осуществления традиционного природопользования в полярных экосистемах:

1) Все перемены, вносимые в свои культурные ландшафты, традиционные сообщества совершают постепенно, не превышая скорость биологических процессов, тем более процессов сукцессии экосистем.

2) Коренное население стремится к тому, чтобы хозяйственная деятельность как можно меньше изменяла окружающую среду. Так, принципиальным отличием культурных ландшафтов коренных народов от культурных ландшафтов других этносов становится их визуальное единство с окружающей природой, благодаря чему создается впечатление, что эти территории еще не освоены, не тронуты человеком.

В конце XX века специалисты осознали невозможность сохранения уровня биологического разнообразия только с помощью «правильных действий европейской науки». К этому времени уже было установлено, что биологическое разнообразие лучше всего сохраняется в границах культурных ландшафтов коренных народов Севера, и предложено включать такие ландшафты в региональные системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Первыми это сделали биологи Приморского края – они включили в проектируемую систему ООПТ своего региона новую категорию – «этнические территории»: «3) система «этнических территорий», имеющих щадящий режим природопользования и обеспечивающих сохранение национальной культуры и уклада жизни у не имеющих собственной автономии малочисленных народов и народностей в местах их историчес-

кого проживания. <...> Общая площадь «этнических территорий» равна 49.340 км., что составляет 29,7% территории края» [14, с. 11, 35].

О связи культурного и биологического разнообразия замечательно сказал известный этнограф В.М. Кулемзин [16, с. 450]: «... речь идёт о двух типах культур народов Западной Сибири:

1. чулымских татар, селькупов и хантов, которые занимались ещё в недавнем прошлом охотой и рыболовством;
2. старожильческого русского населения, хозяйство которого основано, прежде всего, на земледелии и животноводстве.

Процесс взаимодействия этих культур, продолжающийся три столетия, был отмечен вторжением факторов, разрушительных для традиций коренных народов:

- массовой христианизацией, начавшейся в первой трети XVIII века,
- коллективизацией 30-х–40-х годов XX века,
- индустриализацией, вступившей в силу в 1960-х годах.

Такое вторжение всякий раз вводило в целостное развитие местной культурной системы чуждую ей концепцию примата какого-то одного из составляющих её элементов: духовного – в период христианизации или, напротив, материального – в период советизации.

Анализ этнографических наблюдений позволяет понять, что разница между двумя указанными типами культур, прежде всего, обуславливается неодинаковым количеством внутренних ресурсов каждой из них, направленных на поддержание и воспроизводство целостной системы. Эти наблюдения хорошо иллюстрируются современными движениями в защиту природы, которые у коренных народов всегда неотделимы от требований духовного характера.

Всё это подводит нас к признанию довольно необычного факта: человек проявляет бережливое, щадящее отношение к природе только в рамках соответствующих традиций. Образно говоря, природу бережёт не человек, а традиция». (Выделено Л.Б.).

Итак, биологическое разнообразие может быть сохранено реально – «на местах» – только в контексте сохранения культурного разнообразия, прежде всего локальных культур коренного населения. Активно используя биологические ресурсы, коренные народы создали эффективные способы поддержания высокого качества окружающей природной среды, благодаря чему смогли не только обеспечить свое устойчивое существование в течение столетий и даже тысячелетий, но и передать потомкам «свои» культурные ландшафты с такими же параметрами биологического разнообразия и продуктивности, которые использовали предшествующие поколения.

Система сохранения локальных культур и их ландшафтов, в конечном счете, определяет силу и устойчивость каждой традиционной культуры и жизнеспособность её носителей. То же самое наблюдается в природе

– чем большее число популяций имеет вид, тем более устойчиво его существование. Системные связи людей и природы, особенно локальных культур и промысловых популяций растений и животных, обеспечивают уровень культурного и биологического разнообразия, максимально возможный в данном участке биосферы.

5. Технократическая цивилизация – жизнь «вне» экосистем и культур

Доминирующее постиндустриальное общество быстро утрачивает культуру поведения в природе, заменяя её суммой технологий освоения природных ресурсов. Неслучайно бесконечное реформирование Министерства охраны природы СССР превратило его в Министерство природных ресурсов РФ. В технократической цивилизации все более превалирует потребительское (ресурсное и рекреационное) отношение к природе, определяемое в данный конкретный момент интересами группы лиц или даже отдельной личности.

Современное промышленное освоение Арктики происходит вахтовым методом в «ненормально короткие» сроки, не совместимые с адаптивными возможностями биоты и сообществ коренного населения. Оно превращает культурные ландшафты в «лунные пространства», восстановление которых естественным путем займет тысячелетия.

Места добычи полезных ископаемых (ГОКи, шахты, нефтяные платформы и пр.) и обслуживающая их густая сеть линейных сооружений (дороги, трубопроводы, ЛЭПы) фрагментируют экосистемы, разбивая естественные границы живых и тем самым обрекая их на гибель. Отрицательный эффект крупных технических сооружений добывающие компании стремятся не рассматривать целиком, экосистемно. Обычно промышленные монстры дробятся на участки и участочки, в которых негативные эффекты можно свести к нулю, особенно если обмануть жителей на общественных слушаниях или вообще пренебречь их мнением. Хорошо известно, что любые нагрузки на природные экосистемы, тем более промышленные, нужно рассматривать с позиций экологии и популяционной генетики, поскольку такие нагрузки способны изменить устойчивость и судьбу биоты [19].

Представители ускоренного освоения Арктики («техногенные люди», как называют их коренные жители), не задумываясь, переносят грязные технологии в отдалённые регионы страны и объявляют коренных северян, сопротивляющихся этому, варварами, тормозящими экономическое развитие своего края или даже всей России. Сейчас наша страна живёт в основном за счёт добычи полезных ископаемых в своих северных регионах, то есть за счёт уничтожения обширного участка ноосферы. Правительство планирует для России такой способ существования и в будущем, надеясь на продолжение потепления. Анализ нескольких прогнозных материалов о последствиях изменения климата не выявил даже следов заботы о коренном населении Арктики [2 и др.].

Помимо агрессивного современного промышленного наступления, «малочисленные этнические общности» Севера испытали и продолжают испытывать тяжелейшие последствия двух культурных разрывов между поколениями, которые также вызваны неграмотными действиями власти.

Первый культурный разрыв пришелся на период 1940–1960-х гг., его символы – начало уничтожения традиционной системы расселения и замена традиционной культуры воспитания интернатом. Эти меры разрушили общинные традиции и семейное воспитание, т.е. наиболее совершенные способы культурной преемственности.

Второй разрыв – повсеместное введение в 1990-е годы рыночных отношений, которые уничтожают самые глубинные структуры духовной организации людей. Как известно, рынок сохраняет и развивает только то, что легко воспроизвести и продать, то есть материальные атрибуты и внешние признаки традиционных культур, которые можно имитировать. Уникальный менталитет, особые психологические качества и связанные с ними языки коренных народов не имеют рыночной цены, не могут быть проданы и, соответственно, не нужны доминирующему обществу.

«Рынок» оказывает поистине разрушительное действие на природную среду, физическое и психическое здоровье, менталитет и социальную организацию коренного населения высоких широт. Наиболее значительны системные утраты в культурах коренных народов Севера, причем процессы культурной деградации далеко не всегда осознаются самими народами. Вот пример ненцев острова Колгуев.

«В духовно-культурной сфере с 1990-х годов происходит спад, который, к сожалению, на острове продолжается и сейчас. Размылись понятия община, старейшины. Молодежь не знает своей истории, не знает своих родовых корней, родовых угодий. Многие из них практически не были в тундре, а находятся все время в поселке или поблизости от него. Теряются навыки охоты, оленеводства. Молодые оленеводы не ездят на оленьих упряжках, а все время передвигаются по тундре на «Буранах». Оленеводы должны строго соблюдать правила выпаса оленей, но сейчас стада плохо контролируются, и многие группы оленей (отколы) разбросаны по всей тундре.

Выходит из оборота ненецкий язык. Мало кто из молодежи знает его и тем более использует. Все это типично и для всех северных поселков на Европейской части России. Основными, кого волнуют эти вопросы, являются пожилые люди» [6, с. 54].

Автор этих строк, П.М. Глазов, даже не подозревал, что еще полвека назад на Колгуеве, помимо ненцев, жили поморы, метисная группа, чей облик сохранили редкие фотографии и картина художника Г. Семакова (см. рис. 1).

В настоящее время коренные жители Арктики находятся под двойной угрозой: первая – потепление климата, вторая – агрессивное воздействие доминирующего общества в его современном технократическом и рыноч-

ном вариантах, вольно или невольно их внедряет приезжее население. Все коренные жители, опрошенные моими коллегами и мной, считают, что промышленное освоение, особенно в условиях неконтролируемых рыночных отношений и правовой вседозволенности добывающих компаний, намного страшнее потепления климата.

Необходимо помнить, что традиционные группы Арктики и всего Севера никогда не вступали в какие-либо правовые отношения с государством по поводу исторически принадлежащих им земель: они не продавали свои земли, как коренные жители Аляски, не получали за них денежных компенсаций и не поручали государству управлять ими. Советская власть просто объявила эти земли «государственной собственностью», что дало право современной власти распоряжаться ими по своему усмотрению. В настоящее время Россия остается единственным приарктическим государством, не до конца урегулировавшим законодательно свои отношения в области земле- и природопользования с коренными народами Севера [4; 3].

В условиях лавинообразно нарастающего промышленного потенциала Севера у коренных жителей любыми способами отбирают принадлежащие им территории. При отсутствии правоприменительной практики даже положений Конституции РФ современные политические и экономические перемены, включая неадекватные управленческие решения и прямые техногенные нарушения природной среды, становятся для населения Арктики мощными культурными и социальными стрессорами. Во многих случаях они уничтожают отдельных людей (рост числа суицидов) и отрицательно влияют на здоровье и демографическую ситуацию в общинах и популяциях [12].

Коренные народы Севера не могут сохраниться как самостоятельные этносы вне своих традиционных культур. Ни один из этих народов не воспринял индустриальные способы хозяйствования. Ненцы, селькупы, ханты, манси Западной Сибири вымирают рядом с нефтегазовыми поселками, но не идут работать на буровые вышки или другие промышленные объекты. Сейчас коренные жители стремятся только к одному – не дать поглотить себя полностью, отстоять хотя бы основы своей этнической самобытности, языка и культурных традиций.

Необходимо отметить, что в большинстве северных регионов до сих пор нет альтернативы экологически сбалансированным традиционным методам природопользования, которые соответствуют уровню биологического разнообразия и продуктивности локальных культурных ландшафтов. Именно их приоритетное развитие есть неременное условие экологически безопасного устойчивого развития нашей Арктики. Лишь в этом случае можно оптимизировать этносоциальные и демографические процессы, ставя местное население в наиболее выгодные условия. Тем самым снижая влияние приезжих, несущих с собой «суммы технологий», а также экологические, социально-экономические и культурные стереотипы, крайне опасные для северных регионов.

Забота о сохранении самого коренного населения со стороны государства и понимание самими коренными народами своей ответственности за будущие поколения есть наиболее эффективный способ сохранения и экосистем, и традиционных культур Российской Арктики.

Литература

1. Арутюнов, С. А. Введение / С. А. Арутюнов // Мир арктических зверобоев : шаги в непознанное. – М.; Анадырь, 2007. – С. 10-13.
2. Батунова, Г. Тепло идет на Север: необходима разработка и реализация стратегии адаптации к глобальным климатическим изменениям / Г. Батунова, А. Коновалов // Морские вести России. – 2012. - № 3. – С. 1, 14.
3. Богословская, Л. С. Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды / Л. С. Богословская, П. Н. Павлов // Человек и право. – М., 1999. – С. 69-74.
4. Богословская, Л. С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера / Л. С. Богословская // Проблемы традиционного природопользования : Север, Сибирь, Дал. Восток Рос. Федерации : анализ. Материалы, правовые акты. – М., 2000. – С. 14-20.
5. Богословская, Л. С. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики / Л. С. Богословская, В. В. Голбцева, А. А. Шаларев // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы первой междунар. науч.-практ. конф. (СПб, 27-30.10.2010). – Калининград, 2010. – С. 348-357.
6. Глазов, П. М. Остров Колгуев / П. М. Глазов // Проект «Indigenous Monitoring and Education on Climate Change: from Grassroots Measures to State Adaptation Plan». – 2012. – 57 с. – Рукоп.
7. Евладов, В. П. По тундрам Ямала к Белому острову : экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. / В. П. Евладов. – Тюмень : ИПОС СО РАН, 1992. – 280 с.
8. Козлов, А. И. Медицинская антропология коренного населения Севера России / А. И. Козлов, Г. Г. Вершубская. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1999. – 288 с.
9. Козлов, А. И. Питание морских зверобоев Чукотки: традиции и современность / А. И. Козлов // Тропюю Богораза : науч. и лит. материалы. – М., 2008. – С. 180-194.
10. Кольские саамы в меняющемся мире / под ред. А. И. Козлова, Д. В. Лисицына, М. А. Козловой. – М. : Институт Наследия, 2008. – 96 с.
11. Крупник, И. И. Арктическая этноэкология / И. И. Крупник. – М. : Наука, 1989. – 272 с.
12. Модернизационный стресс у коренного населения Западной Сибири / А. И. Козлов [и др.]. – М. : АрктАН-С. 2002. - 27 с. - Препринт.
13. Российская Арктика: на пороге катастрофы / под ред. А. В. Яблокова, В. Н. Калякина, Г. Е. Вильчек. – М. : ЦЭПР., 1996. – 207 с.
14. Система охраняемых природных территорий в экологической программе Приморского края : Осн. положения и метод. подходы / под ред. П. А. Лер, Б. И. Лебедев. – Владивосток : Биолого-почвенный ин-т ДВОАН СССР, 1989. – 40 с. - Препринт.
15. Спиридонов, В. А. Морские и приморские культурные ландшафты Беломорья и Чукотки как компоненты природно-культурного морского наследия России / В. А. Спиридонов, Л. С. Богословская, Ю. С. Супруненко // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : материалы первой междунар. науч.-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). – Калининград, 2010. – С. 442-453.
16. Стойбище Сопочиных : О чём думают в общине «Ханто» : (Мысли вслух). – Сургут : ИИЦ Сургутского гос. Университета, 1998. – 14 + 2 с.
17. Тарагупта, Л. Интервью о смысле жизни / аудиозап. Л.С. Богословской. – 1994.

18. Физиологические особенности коренного населения Чукотки / Алексеева, Т. И., Волков-Дубровин, В. П., Гудкова, Л. К., Павловский, О. М. // На стыке Чукотки и Аляски. – М., 1983. – С. 137-169.

19. Экология и природопользование : к методологии программ эколог. исслед. Акад. наук СССР. – Кишинев : Ин-т экологической генетики АН МССР, 1989. – 46 с. - Препринт.

20. Koulemzine V.M. Traditions culturelles et environnement // Cultures & sociétés. Sibérie II. -Paris: Institut d'Études Slaves, 1999. - P. 447-450.

21. Krogh A., Krogh M. A study of the diet and metabolism of eskimos undertaken in 1908 in an expedition to Greenland // Medd. Grønland. - 1914. - Bd. LI.

О. А. Мурашко

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Вопросы защиты этнокультурной среды в законодательстве и научных исследованиях

Предпосылки защиты нематериальной основы культуры жизнеобеспечения содержатся как в законодательстве Республики Саха (Якутия), так и в законодательстве Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО [14, 16, 20, 19, 13].

Законодательство Республики Саха (Якутия) об этнологической экспертизе ставит своей целью защиту традиционного образа жизни и культурного развития коренных малочисленных народов, но пока не решает проблемы сохранения нематериальной основы культуры жизнеобеспечения.

В Положении о порядке проведения этнологической экспертизы определено содержание этнологической экспертизы, которая включает в том числе: характеристику этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов, характеристику расположения отдельных природных объектов историко-культурного наследия, мест древних поселений, мест семейных и родовых захоронений и иных объектов, имеющих культурную, историческую, религиозную ценность; оценку размера убытков, причиненных малочисленным народам и их объединениям в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания [13].

Но Методика исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации от 09.12.2009 № 565, по которой ведется оценка ущерба и убытков, не предназначена для оценки последствий воздействия

промышленного освоения на нематериальную основу традиционной культуры жизнеобеспечения. К таким последствиям относятся воздействия на социальную, демографическую, языковую, культурную ситуацию в малочисленных этнических группах, оказываемые отчуждением земель, изменением ландшафта, появлением больших групп пришлого населения, связанных со строительством и эксплуатацией промышленных объектов. Поэтому вопросы законодательного обеспечения защиты этнокультурной среды и, в особенности, нематериальной составляющей культуры жизнеобеспечения остаются пока открытыми.

Периодически проблема определения и защиты нематериальной составляющей этнокультурного развития коренных народов поднимается в научной литературе [3, 5, 6, 7, 9]. Интересный подход к этой теме был обозначен в одной из последних публикаций на тему этноэкологической экспертизы. Ее авторы называют «способность традиционного этнического общества (далее ТЭО) продолжать и развивать свои традиции ее креативной деятельностью. Традиции формируются путем заимствования и усвоения новаций, а также путем трансформации старых традиций, поэтому креативная деятельность в общем случае есть формирование новых традиций на основе старых традиций и новаций. Этнокультурная безопасность ТЭО заключается в поддержании ее способности к креативной деятельности, или креативного потенциала. ...Этноэкологическая экспертиза может провести инвентаризацию уже накопленных в этнокультурной среде культурных ценностей и выявить существующие в ТЭО «живые» традиции. К числу последних относятся технологии, с помощью которых члены ТЭО адаптируются к «кормящему ландшафту», готовят пищу, делают одежду, транспортное снаряжение и другие предметы, необходимые для кочевой или полукочевой жизни» [4].

Содержание и определение понятия «традиционные знания»

Традиционные знания коренных народов Севера – часть культурного и духовного наследия в недалеком прошлом бесписьменных народов. Эти знания являются основой устойчивого взаимодействия с природой и рационального, бережного использования её ресурсов для обеспечения жизни, социальной и духовной практики жителей Севера.

Представления об определенном комплексе традиционных знаний, связанных с природопользованием и культурой каждого народа, каждой его локальной группы, жителей отдельного поселения, семьи складываются с детства.

Традиционные знания в обыденной жизни передаются методом показа и рассказа, они, как правило, не записываются и поэтому меняются и обогащаются от поколения к поколению, в соответствии с меняющимися условиями жизни.

Различные виды традиционных знаний образуют следующую систему:

- знание территории с ее биологическими ресурсами, составом популяций одомашненных и диких животных, видами и свойствами дикорастущих съедобных и лекарственных растений, особенностей хозяйственного освоения различных участков территории и природно-климатических зон, системы сезонного и пространственного расположения стационарных и временных поселений, пастбищ, маршрутов кочевков;

- знание технологий использования природных ресурсов и форм организации деятельности, связанных с оленеводством и другими формами разведения местных и аборигенных пород домашних животных, рыболовством, речным, озерным, морским зверобойным промыслом, мясной и пушной охотой, собирательством дикорастущих растений, способов лова, сбора и обработки продукции, навыков в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода;

- знание традиционной системы самоуправления и регулирования деятельности, обеспечивающей долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации, в том числе: правил межличностных и общественных отношений, форм распределения угодий и продукции, традиционного хозяйственного календаря, промысловых запретов, системы изъятий из хозяйственного оборота участков территории в виде священных мест и пр.;

- знание родного языка, фольклора, традиционных представлений о мире [8].

В одном из последних вариантов документа «Охрана традиционных знаний: проекты статей», подготовленных Секретариатом Всемирной организации интеллектуальной собственности, дано следующее определение традиционных знаний: «Традиционные знания характеризуются динамизмом и эволюционностью. Они являются результатом интеллектуальной деятельности, передаются из поколения в поколение и включают, в частности, ноу-хау, навыки, инновации, практику, процессы, познания и учения, которые существуют в кодифицированных, устных или иных формах систем знаний. Традиционные знания также включают знания, связанные с биоразнообразием, традиционным укладом жизни и природными ресурсами» [26].

Традиционные знания оленеводов тундры в культуре жизнеобеспечения коренных народов Ямала

Тундровое оленеводство, как уникальная форма культурной адаптации человека к суровым условиям Арктики, характеризуемая экстенсивным использованием окружающей среды и минимальным воздействием на природу, возникла давно и, судя по находкам археологов, практикуется в Российской Арктике более двух тысяч лет [28]. Развитие тундрового оленеводства стало важнейшим стабилизирующим фактором в процессе освоения человеком Арктики, так как оно гарантировало обитающим здесь, в суровых условиях древним охотникам на северного оленя постоянный источник пи-

тания и необходимое сырье для изготовления одежды и утепления жилищ.

Среди традиционных знаний, обеспечивающих развитие тундрового оленеводства, в первую очередь, необходимо отметить знание ландшафта, умение ориентироваться на местности в интересах сохранения человеческого коллектива и оленьего стада, круглогодичный выпас оленей с помощью оленегонных лаек, круглогодичное использование оленей в качестве транспортного средства, умение изготавливать нарты, кочевое жилище, одежду, способную выдержать очень низкие температуры, семейно-родовые традиции кочевания, стереотипы межличностных и общественных отношений, способы разделения труда в семье и передачи оленеводческих навыков подрастающему поколению.

Традиционные знания окружающего ландшафта дают возможность оленеводам использовать различные типы тундровых пастбищ в разные сезоны, так что в рационе оленей имеются различные сочетания ягеля, трав и листьев кустарников и кустарничков. Максимальное использование пространства, осуществляется за счет круглогодичной миграции бригад оленеводов вместе со стадами в пределах длинных миграционных коридоров или, у оленеводов частников, на ограниченных участках вдоль берегов рек и озер. Маршруты кочевков тщательно продумываются и учитывают как интересы животных (наличие корма и воды, облегчение от гнуса, продуваемость пастбищ летом и их защищенность от ветра зимой), так и интересы и потребности людей (возможность управления стадом, близость рынков, наличие дополнительных природных ресурсов, таких как дикие животные и пресноводные рыбы) [32].

Ориентирование на местности, основанное на глубоких знаниях особенностей окружающего ландшафта на огромных пространствах, имеет своей целью обеспечение безопасности людей и оленей. Из года в год, следуя по маршруту кочевки, оленевод замечает места, где можно зимой укрыть стадо от пурги, найти безопасные перевалы или корм во время гололеда, где весной безопаснее перевести стадо через реку, где установить кочевые жилища и т.д.

Регулирование жизни стада обеспечивается традиционными знаниями оленевода в области биологии, ветеринарии, селекции и этологии оленей и оленегонных собак. Оленеводы знают приемы управления движением стада, постоянно осматривают оленей, отбирают больных и ослабленных. Летом выхаживают новорожденных оленят. Отбирают племенных самцов – хоров и быков, приспособленных к работе в упряжке, обучают их. Отбирают и обучают собак для окарауливания стада [31].

Приемы кочевания, средства передвижения. Оленеводы сопровождают и охраняют свои стада круглогодично и круглосуточно, руководя движением стада с помощью оленегонных собак и оленьих упряжек или обходя стадо на лыжах. Во время кочевков, и летом, и зимой, оленеводы используют нарты, запряженные оленями. Оленевод кочует не один, а вместе с семьей,

поэтому караван упряжек с имуществом семьи, бригады может составлять не один десяток нарт [31]. В настоящее время иногда для коротких поездок используются снегоходы, на водных объектах – резиновые лодки.

Традиции устройства стойбища, кочевого жилища и быта. Места стоянок бригады или семьи предусмотрены кочевниками заранее и определяются по наличию корма для оленей, наличию воды и другим признакам. Стойбище устраивают вне полей лишайников, чтобы их не вытаптывать. Прибыв на место нового стойбища, сооружают кочевое жилище – чум. Покрышками конического каркаса из жердей служат олени шкуры, брезент. Топливом в тайге и лесотундре служат валежник и сухостой, а в тундре – плавник или кустарник (ивняк, березняк, ольховник). В местах, где редок даже кустарник (например, на северном Ямале), топливом часто является «черный мох» (вид лишайника) [31]. Для обогрева жилища используется открытый очаг, сейчас часто металлическая печь.

Одежда арктических оленеводов является адаптивным изобретением коренного населения Арктики к суровым климатическим условиям. Знания и умения в обработке шкур и изготовлении традиционной одежды передаются женщинами из поколения в поколение [31]. Важной особенностью меховой одежды в древности, сохранившейся до наших дней у ненцев и чукчей, является ее многослойность и традиционный способ ношения нижней части одежды мехом к телу. Такой способ ношения одежды продиктован гигиеническими свойствами меха оленей. Мужчинам приходится много двигаться, работая в стаде. Ворсинки меха собирают с тела пот и грязь. По возвращении в жилище нижнюю одежду тщательно выбивали, трубчатые ворсинки оленьего меха обламывались вместе с шариками пота и грязи, и одежда вновь становилась чистой [2]. Сейчас летом часто используется покупная одежда, резиновые сапоги.

Рацион оленеводов, в котором преобладают мясо и рыба, традиционное употребление в пищу сырого мяса, крови животных, сырой рыбы и мяса в виде строганины зимой, также является результатом адаптации к окружающей среде. Организм коренных жителей генетически приспособлен к усвоению высококалорийной пищи. Новейшие исследования питания северян показали, что природный рацион коренного жителя Севера с высоким потреблением белка и животных жиров является единственно возможным для поддержания энергетического баланса организма в суровых условиях Севера. Белки и жиры в организме выполняют энергетическую, терморегуляторную, гормональную и защитную функции. Их недостаток в питании или замена покупными продуктами ведет к дисбалансу обмена веществ, хроническому стрессу, заболеваниям [30] и постепенной утрате сформировавшегося тысячелетиями кочевого генотипа, способного выживать в условиях кочевки.

Традиционный календарь оленеводов отражает соответствующие виды их хозяйственных занятий, а также названия жизненных циклов животных.

Год оленевода начинается во время гона оленей, т.е. когда зачинается новое поколение оленей. В настоящее время счет времени у оленеводов ведется как по традиционному, так и по современному календарю. По традиционному лунному календарю совершаются ритуалы годового цикла и обряды жертвоприношений [29].

Традиционные социально-культурные связи, ценности, стереотипы межличностных и общественных отношений обусловлены центральной ролью оленеводства в жизни кочевников. Знание границ родовых территорий выпаса оленей обеспечивает соблюдение общественного договора в отношении использования на них охотничьих, рыболовных и иных ресурсов. Сохраняются обычаи взаимопомощи между много- и малооленными семьями, приема в семью оставшихся одинокими взрослых и детей. Традиционное разделение труда направлено на упорядочение взаимоотношений в семье. Мужчины-олeneводы охраняют и пасут оленей, попутно занимаясь охотой и рыболовством, заботятся о безопасности перекочевки. Женщины отвечают за порядок в жилище, носят воду, готовят пищу, обрабатывают оленьи шкуры, шьют из них одежду и обувь, собирают съедобные и лечебные травы, ягоды, готовят снадобья. Традиционный стереотип репродуктивного поведения кочевников нацелен на большое число детей в семье, которые участвуют во всех сферах жизни. Мальчики с раннего возраста во всем помогают пастухам, а девочки участвуют во всех женских работах. Таким образом, с младенческих лет дети на практике усваивают традиционные социально-культурные связи, правила поведения, закаляются и проходят обучение всем нужным навыкам выживания в условиях кочевой жизни [31]. Современные бригады формируются с учетом семейно-родовых связей.

В традиционной медицине используются лечебные свойства растений, крови, мяса, жира животных, массаж, иглоукальвание, прижигание. Также проводятся обряды по предупреждению и излечению болезней. «Следует отметить, что многие обряды и ритуалы были направлены на коррекцию экологически обусловленного психоэмоционального стресса... здоровье воспринималось не только как физическое состояние, но и являлось подтверждением гармоничного состояния с Верхним и Нижним миром» [29]. Традиционные приемы лечения совмещаются со средствами современной медицины.

Родной язык. Известно, что у ненцев-олeneводо-в, ведущих традиционный образ жизни, в повседневной жизни используется родной язык. Во многом это обусловлено тем, что в родном языке существует множество терминов, связанных с кочевым образом жизни, оленеводством, характеристикой природных объектов и ритуальной практикой, для которых нет аналогов в русском языке [29]. Использование родного языка в повседневной жизни оленеводов является причиной его усвоения в качестве родного языка детьми, кочующими с родителями, с младенческого возраста. Знание и использование родного языка этой частью молодого поколения является

важнейшим залогом сохранения родного языка и культуры в будущем.

Традиционное мировоззрение и обряды. Оленеводы обладают сложной религиозной системой, состоящей из пантеона различных духов и правил отношений с ними. Их традиционное мировоззрение основано на почитании духов природы (анимистические представления) и духов предков [29, 32]. Вера в духов-хозяев мест и почитание предков воплощается в обычае почитания священных мест. Почитание таких мест выражается в обрядах жертвоприношений хозяевам места и предкам. Каждая определенная местность имеет своего хозяина, духа, поэтому необходимо почтительно относиться к духам земли, гор, рек, озер, лесов и т.д. К священным местам относятся особо примечательные элементы ландшафта – возвышенности, реки, озера. Каждое из таких почитаемых мест имеет свою легенду и обладает определенными свойствами [27]. К священным местам относятся захоронения предков, как отдельно стоящие, так и семейные, родовые кладбища. Родовые священные места расположены по маршруту кочевания, на них запрещено охотиться, рыбачить, ловить рыбу, собирать ягоды, шуметь. Правила поведения и ритуалы, совершаемые на священных местах, по мнению оленеводов, необходимы для поддержания духовной связи человека с окружающей средой и предками через мир духов. Поэтому разрушение священного места или невозможность исполнения ритуала, по их мнению, ведет к опасному разрушению этих связей [27].

Перечисленные выше традиционные знания и представления являются актуальными живыми традициями в среде ямальских оленеводов, и лишь отчасти адаптированы к современным условиям незначительными заимствованиями.

Из вышесказанного очевидно, что традиционные знания и мировоззрение являются ментальной основой традиционного образа жизни и тесно связаны с его материальными выражениями. Без перечисленных выше видов традиционных знаний невозможна организация кочевой жизни и быта оленеводов, сохранение кочевого генотипа, способного выживать в условиях кочевки, и стереотипа репродуктивного поведения кочевников, без связи со священными местами и традиционными культовыми предметами невозможно сохранение устойчивого психологического и социального состояния современного кочевого общества. Утрата возможности ведения кочевого образа жизни для значительной части населения в зоне воздействия проекта промышленного освоения приведет к потере традиционных знаний, мировоззрения, утрате кочевого генотипа и стереотипа репродуктивного поведения кочевников. Их сохранение является непременным условием для защиты и развития креативного потенциала традиционного этнического общества, его способности к самообеспечению и саморегулированию.

Правовые основы защиты традиционных знаний и мировоззрения

Права коренных малочисленных народов на сохранение, защиту и передачу традиционных знаний и мировоззрения, как основы культуры жизнеобеспечения содержатся в прямом или косвенном виде в Федеральном законодательстве [23; 10; 18], законодательстве Ямало-Ненецкого АО и международных стандартах [1; 23; 24; 21; 23; 12; 15; 17; 19].

Обзор федерального, регионального законодательства, международных стандартов и норм предоставляет возможности сформулировать рекомендации по разработке мероприятий, способствующих сохранению, защите и проявлению уважения к нематериальному культурному наследию коренных народов. Особенно подробно правовые нормы, касающиеся сохранения традиционных знаний, языка и объектов культурного наследия разработаны в законодательстве Ямало-Ненецкого АО, что позволило связать наши рекомендации с конкретными мерами, заложенными в законах ЯНАО.

Приведенные рекомендации предложены для обсуждения с целью разработки на их основе трехстороннего соглашения по сохранению культурных традиций в условиях реализации проекта промышленного освоения территорий традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Ямальского района в соответствии с законодательством и в связи с задачами его реализации в Ямало-Ненецком АО.

Рекомендации по предотвращению нанесения ущерба этнокультурным основам жизнеобеспечения коренного населения Ямальского района ЯНАО и содействию его защите и сохранению

В целях предотвращения рисков утраты традиционных знаний, связанных с ведением традиционного кочевого образа жизни, утраты кочевого генотипа, способного выживать в условиях северной кочевки, стереотипа репродуктивного поведения кочевников, а также родного языка и традиционного мировоззрения, обеспечивающего социальную устойчивость коренного населения, заказчику/исполнителю проекта рекомендуется включить в проектный документ ряд мероприятий, планируемых во взаимодействии с организациями коренных малочисленных народов Ямальского района, органами местного самоуправления и органами государственной власти ЯНАО на основе требований законодательства и в связи с конкретными задачами его реализации.

I. Проведение консультаций с представителями коренных малочисленных народов Ямальского района, оказывающимися в зоне непосредственного и опосредованного воздействия проекта, во взаимодействии с представителями местной общественности, органами местного самоуправления

и органами государственной власти ЯНАО для выявления всех заинтересованных сторон в деле сохранения культурной основы жизнеобеспечения и озабоченностей населения. Получение свободного, предварительного, осознанного согласия коренных малочисленных народов на реализацию проекта.

II. Создание рабочей группы, разработка соответствующих рабочих планов и программ по выявлению и документированию этнокультурной основы жизнеобеспечения, включая традиционные знания и мировоззрение коренных народов. Обеспечение рабочей группы необходимыми ресурсами для выполнения конкретных задач. В первую очередь, выявления и описания священных мест и документирования, связанных с ними обычаев и легенд, как наиболее уязвимых объектов, попадающих в зону риска в ходе реализации проекта. Содействие скорейшему внесению выявленных объектов в реестры объектов культурного наследия местного и регионального значения, созданию охранных зон, а также условий для доступа коренных народов к традиционному использованию священных мест.

Обеспечение информирования и широкого участия представителей заинтересованного коренного населения в процессе исследования священных мест, их фиксации, охраны и использования должно осуществляться в соответствии со ст. 9 закона «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа» - «коренные малочисленные народы Севера через своих представителей вправе: 1) участвовать в разработке программных мероприятий по охране священных мест и мест захоронений коренных малочисленных народов Севера, включаемых в окружные программы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера; 2) оказывать содействие органам государственной власти автономного округа и органам местного самоуправления в осуществлении учета священных мест и мест захоронений коренных малочисленных народов Севера; 3) содержать священные места и места захоронений коренных малочисленных народов Севера в соответствии со своими обычаями, осуществлять общественный контроль за их состоянием; 4) принимать собственные меры по охране священных мест и мест захоронений коренных малочисленных народов Севера, если такие меры не противоречат федеральным законам и законам автономного округа; 5) в случаях, предусмотренных законодательством, осуществлять контроль за намечаемой и осуществляемой деятельностью в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, а также научно-исследовательскими и иными работами, связанными с изучением традиционного образа жизни, культуры коренных малочисленных народов Севера» [23].

III. Определение форм взаимодействия и долгосрочных планов содействия органам государственной власти и местного самоуправления в создании организационных, материальных условий для выявления, учета, изуче-

ния, сохранения и популяризации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера (народные танцы, музыка, игры, произведения устного народного творчества, традиции декоративно-прикладного искусства; праздники и обряды; знания, умения и навыки, обычаи, представления и иные формы фольклора, связанные с традиционным образом жизни указанных народов). (ст. 9 Закона о фольклоре коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе) [19].

В качестве практического долгосрочного мероприятия предлагается: выявление и поддержка знатоков традиционных знаний, документация их знаний в области сохранения традиционных навыков в оленеводстве, ориентировании в тундре, устройстве чумов, обработке меха, пошиве одежды, приготовлении национальных блюд, изготовлении предметов прикладного искусства, организации традиционных праздников, обрядов, игр, приемов народной медицины, носителей фольклора, в первую очередь, среди коренного и местного населения, попадающего в зону риска в ходе реализации проекта.

IV. Содействовать органам государственной власти ЯНАО во «введении в учебную программу сельских общеобразовательных учреждений и учреждений начального и среднего профессионального образования предмета «Оленеводство», включающего также фольклор, традиции и обычаи коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей; издание учебников, пособий, художественной литературы, создание видео- и кинофильмов, посвященных оленеводству (ст. 14 Закона ЯНАО «Об оленеводстве») [24].

Содействовать органам государственной власти ЯНАО в организации образовательного процесса для детей из числа коренных малочисленных народов Севера, ведущих совместно с родителями (законными представителями) кочевой и (или) полукочевой образ жизни; детей, не относящихся к коренным малочисленным народам Севера, но ведущих совместно с родителями (законными представителями) кочевой и (или) полукочевой образ жизни, на ступени начального общего образования в местах их кочевий. В целях обеспечения и организации образовательного процесса для детей, ведущих кочевой образ жизни, содействовать направлению в места их кочевий педагогического работника (Закон «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе», ст. 7) [21].

В первую очередь, осуществить подобную программу среди коренного и местного населения, попадающего в зону риска в ходе реализации проекта.

Содействовать органам государственной власти ЯНАО в развитии оптимальных форм обучения детей коренных малочисленных народов Севера (кочевых, семейных, стойбищных школ, интернатов с ведением видов традиционной хозяйственной деятельности и др.); обеспечение реализации их прав на получение образования и воспитания на родном языке, в традици-

ях культуры и истории своего народа, приобщение детей к традиционным промыслам, национально-прикладному творчеству; обеспечение мер по обязательному получению детьми коренных малочисленных народов Севера основного общего образования (ст. 26 закона «О семейной политике, социальной поддержке, защите прав и законных интересов семьи, материнства, отцовства и детства в Ямало-Ненецком автономном округе») [17].

V. Содействовать разработке и участвовать в реализации в Ямальском районе целевых программ, в которых могут предусматриваться: а) разработка мер по использованию родных языков в общественной жизни, постепенное расширение их социальных и культурных функций; б) обеспечение соответствующей материально-технической поддержки образовательных учреждений, осуществляющих обучение на родных языках; в) внедрение системы непрерывного обучения родным языкам в соответствующих образовательных учреждениях; г) совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров для преподавания родных языков в общеобразовательных учреждениях, специалистов в области средств массовой информации, науки; д) финансирование средств массовой информации, использующих родные языки; е) подготовка и издание учебных программ, учебников, методических пособий и словарей, обеспечение выпуска учебных пособий и произведений художественной литературы на родных языках (ст. 5 закона «О родных языках коренных малочисленных народов севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа») [15].

VI. Компаниям, реализующим проект, рекомендуется разработать информационные материалы о коренных народах и правила поведения для своих сотрудников и подрядчиков в целях предупреждения действий, могущих оказать негативное воздействие на нематериальные основы этнической культуры коренных народов, а также предусмотреть процедуру подачи жалоб и их рассмотрения от коренного населения по вопросам сохранения нематериального культурного наследия.

Данные рекомендации, подготовленные для проектной документации проекта промышленного освоения, в части предотвращения и снижения рисков негативного воздействия на социально-экономическое и культурное развитие коренного населения, сформулированы на основе норм федерального, регионального законодательства и международных стандартов, направленных на сохранение основ этнической культуры коренных народов.

При согласовании этих рекомендаций с сообществами коренных народов, затрагиваемыми проектом, органами государственной власти региона, органами местного самоуправления и заказчиком/исполнителем проекта, рекомендации могут послужить основой для разработки конкретных мероприятий раздела программы (плана содействия), касающейся поддержки социально-экономического и культурного развития коренных малочислен-

ных народов, направленной на сохранение основ этнической культуры коренных народов.

Сведения и рекомендации, обобщенные нами, могут послужить информационной базой для разработки соответствующих рекомендаций при осуществлении проектов промышленного освоения земель, используемых народами Севера, а также для совершенствования федерального и регионального законодательства в области защиты культурного наследия и этнокультурного развития коренных малочисленных народов.

Литература

1. Декларация Организации Объединенных наций о правах коренных народов, 13 сентября 2007 г. // Статус коренных малочисленных народов России. – М., 2007. – С. 115-124.
2. Житков, Б. М. Полуостров Ямал / Б. М. Житков // Записки ИРГО по общей географии, т. XLIX. – СПб., 1913. – 349 с.
3. Звиденная, О. О. Удэгейцы : охотники, собиратели реки Бикин : (этнолог. экспертиза 2010 г.) / О. О. Звиденная, Н. И. Новикова. – М., 2010. – С. 1-163.
4. Клоков, К. Б. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера : теорет. и методолог. подходы / К. Б. Клоков, С. А. Хрущев, А. В. Бочарникова // Известия РГО. – Вып. 3. – 2012. – С. 30-36
5. Кряжков, В. А. Право... и традиционные знания / В. А. Кряжков // Мир коренных народов – Живая Арктика. – 2010. – № 25. – С. 68-72.
6. Методы этноэкологической экспертизы / под ред. В. Степанова. – М., 1999. – 299 с.
7. Мурашко, О. А. Как сохранить традиционные знания и использовать их для защиты своих прав / О. А. Мурашко // Мир коренных народов – Живая Арктика». – 2010. – № 25. – С. 103-113.
8. Мурашко, О. А. Традиционные знания, культура и природопользование народов Севера / О. А. Мурашко. – М., 2005. – 116 с. – (Серия: Библиотека коренных народов Севера).
9. Новикова, Н. И. Правовые обычаи коренных народов Севера: кто напишет правила для оленеводов / Н. И. Новикова // Олень всегда прав : исслед. по юрид. антропологии. – М., 2003. – С. 125-140.
10. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30 апр. 1999 г. № 82-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. -1999. - № 18. - Ст. 2208.
11. О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия) : закон Респ. Саха (Якутия) от 19 февр. 2009 г. // Якутия. - 2009. – № 51.
12. О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе : закон Ямало-Ненец. автоном. окр. от 6 окт. 2006 г. // Ведомости Гос. думы Ямало-Ненец. автоном. окр. – 2006. – № 8.
13. О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Саха (Якутия) от 6 сент. 2011 г. № 428. – Режим доступа: http://sakha.gov.ru/sites/default/files/doc/2011_09/8/1.pdf (дата обращения: 2.03.2014).
14. О празднике и памятной дате Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : закон Ханты-Мансийс. автоном. окр. от 30 апр. 2011 г. // Собр. законодательства Ханты-Мансийс. автоном. окр. - 2011. - №4. - Ст. 324.
15. О родных языках коренных малочисленных народов севера на территории Ямало-

Ненецкого автономного округа : закон Ямало-Ненец. автоном. окр. от 5 апр. 2010 г. // Ведомости Гос. думы Ямало-Ненец. автоном. окр. – 2010. – № 2.

16. О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : закон Ханты-Мансийс. автоном. окр. от 8 нояб. 2005 г. // Собр. законодательства Ханты-Мансийс. автоном. окр. - 2005. - № 11. - Ст. 1277.

17. О семейной политике, социальной поддержке, защите прав и законных интересов семьи, материнства, отцовства и детства в Ямало-Ненецком автономном округе : закон Ямало-Ненец. автоном. окр. от 29 нояб. 2006 г. // Красный Север. – 2006. – № 142.

18. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 20. - Ст. 1972.

19. О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» : закон Ямало-Ненец. автоном. окр. от 3 дек. 2007 г. // Ведомости Гос. думы Ямало-Ненец. автоном. окр. – 2007. – №9/1.

20. О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : закон Ханты-Мансийс. автоном. окр. от 18 июня 2003 г. // Собр. законодательства Ханты-Мансийс. автоном. окр. - 2003. - № 5. - Ст. 627.

21. Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе : закон Ямало-Ненец. автоном. окр. от 31 янв. 2000 г. // Ведомости Гос. думы Ямало-Ненец. автоном. окр. – 2000. – № 1-2.

22. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Рос. газ. – 2002. – 29 июня.

23. Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа : закон Ямало-Ненец. Автоном. окр. от 6 окт. 2006 г. // Ведомости Гос. думы Ямало-Ненец. автоном. окр. – 2006. – № 8.

24. Об оленеводстве : закон Ямало-Ненец. автоном. окр. от 2 нояб. 1998 г. // Ведомости Гос. думы Ямало-Ненец. автоном. окр. – 1998. – № 5.

25. Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) : закон Респ. Саха (Якутия) от 14 апр. 2010 г. // Якут. ведомости. – 2010. – № 30.

26. Охрана традиционных знаний : проекты статей : подгот. Секретариатом Всемир. орг. интеллект. собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/ru/wipo_grtkf_ic_21/wipo_grtkf_ic_21_ref_facilitators_text.pdf (дата обращения 02.02.2014).

27. Священные места Арктики // Значение охраны священных мест Арктики : исслед. корен. народов Севера России. – М., 2004. – С. 57-66.

28. Федорова, Н. В. История Ямальского оленеводства / Н. В. Федорова, А. А. Арефьева. – Салехард, 2011. – С. 9-10.

29. Харючи, Г. П. Природа в традиционных мировоззрениях ненцев / Г. П. Харючи. – СПб., 2012. – 160 с.

30. Хаснулин, В. И. Этнические особенности психофизиологии коренных жителей Севера как основа выживания в экстремальных природных условиях / В. И. Хаснулин // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: Труды по медицинской антропологии. – М., 2009. – С. 36-53.

31. Хомич, Л. В. Ненцы / Л. В. Хомич. – СПб. : Русский двор, 1995. – 336 с.

32. Штаммлер, Ф. Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал) : возможности и ограничения в свете недавних перемен / Ф. Штаммлер // Экологическое планирование и управление. – 2008. – № 3-4. – С. 78-91.

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Основополагающими для развития понятия «природопользование» стали идеи Ю.Н. Куражского в монографии «Очерки природопользования», в которой говорится об отвержении идей эксплуатации природных ресурсов, если это причиняет вред здоровью людей и угрожает биологическому разнообразию природы. Под «природопользованием» автор понимал «общую систему взаимоотношений человека с природой, возникающую в процессе его трудовой деятельности и складывающуюся в соответствии с характером исторических, социальных и географических условий» [6, с. 6].

На сегодняшний день на территории Севера России сосредоточены колоссальные экономические и природные ресурсы. Экономика практически любого северного региона РФ зависит от добычи полезных ископаемых и биологических ресурсов. Однако это неизбежно связано с промышленным освоением территорий, изъятием земель под строительство промышленных и инфраструктурных объектов, а добыча же возобновляемых биологических ресурсов, напротив, связана с рациональным, экологосберегающим природопользованием, имеет важное экономическое, социальное, культурное и этносохраняющее значение для многих народов России, в том числе и для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее коренные малочисленные народы Севера – КМНС).

Взаимодействие представителей традиционного и промышленного природопользования стало предметом дискуссий ученых и юристов, изучающих социально-экономические процессы, происходящие в арктических регионах России, что нашло свое отражение в нормативно-правовых актах и научно-популярной литературе современности.

Согласно Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», традиционное природопользование – это исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование, способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами, а их обычаи - это традиционно сложившиеся и широко применяемые коренными малочисленными народами правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни [10].

По мнению многих заслуженных юристов России, основная проблема

применения Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» заключается в том, что территории традиционного природопользования входят в состав особо охраняемых природных территорий, но при этом они должны осуществлять задачу не охраны природы, а охраны традиционного образа жизни коренных народов, который строится именно на потреблении природных объектов. Данный федеральный закон не устраивает добывающие компании, ведущие активное промышленное освоение на местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера РФ, так как это жестко ограничивает их деятельность. Именно поэтому в судебной практике РФ споры о формировании территорий традиционного природопользования КМНС заканчивались в пользу федеральных органов исполнительной власти [16, с. 9]. На сегодняшний день, можно с уверенностью сказать, что действие данного федерального закона заочно заблокировано [5, с. 48].

Ямало-Ненецкий автономный округ, как один из самых динамично развивающихся арктических регионов Российской Федерации, является примером тесного взаимодействия представителей традиционного и промышленного природопользования.

Традиционное природопользование в округе представлено оленеводством, рыболовством и охотничьим промыслом, из которых оленеводство и рыболовство имеют важнейшее значение для жизнеобеспечения коренного и местного населения, охотничий промысел - играет второстепенную роль.

На основе проведенного анализа и исследования состояния территорий традиционного природопользования в Ямало-Ненецком автономном округе выявлена тенденция к ухудшению состояния видов традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера по следующим причинам: истощение оленьих пастбищ; неконтролируемый рост поголовья оленей; загрязнение водных биологических объектов и сокращение поголовья сиговых и иных видов рыб; незаконное рыболовство и браконьерство; техногенные аварии и слабый экологический контроль и мониторинг на производствах топливно-энергетических компаний; несоответствие и неисполнение федерального законодательства в области защиты исконной среды проживания КМНС.

С учетом Всероссийской переписи населения 2010 года численность КМНС в Ямало-Ненецком автономном округе на 1 января 2013 года составляет 41 200 человек [4], из которых в оленеводстве занято более 15 000 человек, в рыбной отрасли около 2 000 человек, в охотничьем промысле, в той или иной степени, занято большинство коренного и местного населения округа.

Наиболее успешной сферой экономики Ямало-Ненецкого автономного округа является промышленность, на которую приходится около 600 млрд.

рублей. Промышленность представлена добычей полезных ископаемых, обрабатывающим производством, а также производством электроэнергии, газа и нефти. Развитие топливно-энергетического комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа связано, прежде всего, с долгосрочными проектами освоения газового потенциала полуостровов Ямала и Гыдана, а так же шельфа Карского моря. На сегодняшний день потенциал с учетом газа на шельфе оцениваются в 50,5 трлн. кубометров, жидких углеводородов - более 5 млрд. тонн.

Промышленное освоение прошлых лет уже негативно отразилось на состоянии окружающей среды автономного округа, на современном этапе еще и обостряется с увеличением промышленного освоения новых территорий, с проложением газовых и нефтяных трубопроводов, линий электропередач, строительством транспортной инфраструктуры, что приводит к усиленной нагрузке на водные ресурсы, к загрязнению поверхностного слоя тундры и ее опустыниванию.

При этом следует подчеркнуть, что традиционное природопользование КМНС опирается на триаду природно-социально-хозяйственного комплекса. К ним относятся природные ландшафты как среда обитания и жизнедеятельности этносов, их духовная, бытовая и хозяйственная культура как базис природопользования [1, с. 184], что обеспечивает единство и сохранность традиционной системы жизнеобеспечения северных этносов.

Согласно расчетам, общая площадь негативного влияния промышленных и инфраструктурных объектов в ЯНАО составляет порядка 2,6 млн. га, по некоторым данным, около 5 млн. га оленьих пастбищ погибло в результате освоения газовых месторождений [7, с. 202-203], при этом более половины площади этих земель приходится на зоны около магистральных и промысловых трубопроводов. Также страдают основные водные объекты ихтиофауны рек Обь, Таз, Пур и озер в связи с проложением по дну нефтегазовых трубопроводов, и дноуглубительных работ в бассейне Обской губы [11].

С развитием газового потенциала Ямало-Ненецкого автономного округа, повысилось качество жизни населения округа и России в целом, трансформировался образ жизни коренных малочисленных народов округа, при этом доля коренного населения, занятого в традиционных отраслях, снизилась. Большая часть коренного населения региона занята в образовании, здравоохранении, культуре, торговле, бытовом обслуживании, что также свидетельствует об ускоренных темпах хозяйственного освоения.

В отрасли оленеводства уже на протяжении нескольких лет наблюдается деградация и истощение оленьих пастбищ по причине промышленного освоения и превышения поголовья оленей над допустимой оленеемкостью пастбищ.

На данный момент в автономном округе функционируют порядка 96 хозяйств с различной организационно-правовой формой, 50 общин и более

3000 хозяйств оленеводов-частников. Численность поголовья северного оленя на 1 января 2013 г. составляет 704 тыс. голов, в том числе в сельхозпредприятиях – 330,3 тыс. голов и в хозяйствах населения – 373,7 тыс. голов [9, с. 10].

Общая площадь земель в Ямало-Ненецком автономном округе, пригодных для использования в качестве оленьих пастбищ, составляет 49 млн. га [13]. Однако, по данным специалистов АНО «Институт региональной политики», в начале 2009 года площадь оставшихся пригодных пастбищ для выпаса оленей в Ямало-Ненецком автономном округе составляет 39 млн. га [11, с. 42], то есть оптимальное количество оленей для пастбищ должно составлять порядка 350 тыс. голов.

Главная особенность оленеводства округа заключается в том, что 53% всего поголовья оленей находится в хозяйствах населения и только 47% голов в собственности сельхозпредприятий, что затрудняет контроль над передвижением оленеводов по маршрутам календария. В таких районах, как Тазовский (81,1%), Ямальский (43,3%), Приуральский (70%) олени находятся преимущественно в собственности населения [12, с. 7].

В связи с сокращением оленьих пастбищ, а также климатическими изменениями (ранний весенний паводок), изменяются методы выпаса оленей, и нарушается традиционность взаимоотношений внутри этнического сообщества оленеводов: передвигаются сроки и нарушаются маршруты кочевья в целях сохранения поголовья и личной безопасности передвижения через водные артерии округа. В результате раннего потепления оленеводы в хаотичном массовом движении гонят стада, которые, смешиваясь с другими стадами, вытаптывают пастбища для оленей, нарушают границы кочевков.

Первостепенная роль промышленного развития позволяет экономике региона оказывать оленеводству поддержку за счет местных финансовых ресурсов (общий объем финансирования сельского хозяйства в I полугодии 2013 года составил порядка 653,3 млн. рублей.), создает платежеспособный рынок для сбыта продукции [8], улучшает качество жизни оленеводов, но при этом способствует масштабному росту поголовья оленей путем выплат дотаций, выплачиваемых оленеводам на содержание одного оленя. Материальное стимулирование оленеводов является одной из веских причин роста поголовья оленей на предприятиях (общинах, совхозах), что приводит к нарушению растительного покрова пастбищ и исчезновению кормовых лишайников, что в перспективе может подорвать оленеводческую отрасль и отразится на экономическом положении семей оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Сохранение в Ямало-Ненецком автономном округе биологической ресурсной базы оленеводства, в первую очередь, лишайниковых пастбищ (ягельников) зависит от оптимизации нагрузки на пастбища при выпасе домашних оленей путем сокращения размеров стад, смены маршрутов

кочевий, отдельного сезона выпаса [15, с. 49], рекультивации земель промышленных объектов.

Также авторы наиболее пессимистичных прогнозов утверждают: «С потеплением климата в период до 2015 года увеличивается вероятность аварийных повреждений трубопроводов (вплоть до их разрывов) с разливами нефти и выбросами газа, влекущими значительные экологические катастрофы (меняется растительный покров пастбищ и загрязняются арктические почвы и воздух). На сегодняшний день на нефтепроводах Западной Сибири происходит примерно 35 тыс. аварий в год, и только около 300 из них официально регистрируются» [2, с. 19].

Рыболовство является второй по важности отраслью хозяйства для коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. Бассейн реки Обь на территории округа располагает уникальными запасами ценных сиговых пород рыб: муксун, пелядь, чир, нельма, ряпушка и др., которые проводят зимний период в районе Обской губы.

Ежегодно в округе добывается свыше 7 тысяч тонн рыбы, включая ценные сиговые породы, при этом рыбодобычей занимаются: 6 государственных и муниципальных организаций и 31 негосударственная организация. Количество реализованной рыбы в 2013 году составило 1725 тонн и 6167 тонн соответственно, на общую сумму субсидий 538769 рублей [9, с. 10].

На сегодняшний день рыбная отрасль региона – это полный технологический комплекс: от добычи рыбы и ее транспортировки до переработки и сбыта готовой деликатесной продукции. Внедрение передовых, инновационных технологий позволяет значительно повысить качество продукции, сделать ее конкурентоспособной. Но за последние десять лет имеется тенденция к снижению объемов вылова всех видов рыб, что отражается на занятости коренных малочисленных народов в рыбопромысловых предприятиях. На рынке труда в сфере рыболовства идет жесткая конкуренция среди профессиональных рыбаков из числа коренных малочисленных народов ЯНАО. Каждый год часть рыбаков муниципальных предприятий оказываются на грани банкротства. Многие предприятия используют временный труд рыбаков и только во время летней путины, чтобы хоть как-то справиться с расходами. После окончания путины часть рыбаков получают статус безработных и получают пособие по безработице. С началом нового сезона рыбаки снова устраиваются на предприятия.

По данным рыбохозяйственного совета Ямало-Ненецкого автономного округа, в 2013 году для осуществления промышленного рыболовства в реках произошло увеличение объема квот добычи водных, однако в прогнозе общего допустимого улова на 2014 год ожидается значительное уменьшение квот на муксуна – до 77 тонн, на нельму – с 135 тонн до 100, на пелядь – до 1037 тонн.

По мнению экспертов-ихтиологов, муксуна могут внести в Красную кни-

гу ЯНАО из-за катастрофического снижения популяции. По сравнению с 1990 г., в 2013 году муксуна добыли в 17 раз меньше. Предприятия, чтобы хоть как-то компенсировать расходы, увеличили вылов менее ценных породы рыб, что в разы увеличило нагрузку на водные биологические ресурсы.

Причинами нарушения воспроизводства рыбных ресурсов округа, по мнению ученых, является не только снижение уровня воды в водоемах рек ЯНАО [9, с. 9], как официально сообщали в СМИ, но и ряд других причин:

1. Промышленное влияние, которое вызвано, во-первых, нарушением экосистемного воспроизводства рыбных ресурсов, во-вторых, ухудшением экологической ситуации региона вследствие освоения нефтегазовых месторождений. Кроме того, практика проведения трубопроводов по дну рек (Таз, Пур, Обь) вызывают колебания воды, что отпугивает рыбу и не позволяет основной массе сиговых проходить на нерест. Происходящие под водой аварии достаточно сложно ликвидируются, что не исключает случаев отравления рыбы, особенно в зимний период, когда в течении восьми месяцев все реки покрыты льдом.

2. Экологическое состояние воды – в Ямало-Ненецком автономном округе реки и озера уже в течение многих лет подвергаются загрязнению. По оценкам ученых, почти вся водная поверхность и даже подземные водные источники региона претерпевают качественные изменения в силу техногенного воздействия. Показатели концентрации вредных веществ во всех изучавшихся специалистами в 2008 году реках и озерах многократно превышали норматив ПДК – что обусловлено сбросом в них вредных веществ местными нефтегазовыми предприятиями [3, с. 18].

3. Браконьерство – по оценке экспертов только в Ямальском районе каждый год потребляется около 800 тонн рыбы, приблизительно такой же объем рыбы поступает на «черный рынок», из которых 80% составляют ценные породы сиговых рыб. Начиная с 1980 года, количество сиговых сократилось: сиг (пыжьян), пелядь – в 4 раза, чир (щекур) – в 10 раз. За 2012 год службами по охране водных биоресурсов выявлено 280 нарушений (264 за весь 2012-й г.), изъято более 30 км сетей (60 км в 2012-м) и 10,7 тонн незаконно добытых биоресурсов (16,3 тонны в 2012-м). Борьба с браконьерством отразилась на жизнедеятельности коренных малочисленных народов округа, на сегодняшний день в число браконьеров попадают все жители округа, занимающиеся выловом рыбы без разрешительных документов. Рыбакам из коренного населения, проживающим в малых населенных пунктах или ведущим оседлый образ жизни вблизи акватории реки Обь, не имеющим соответствующих документов на вылов рыбы, изъятие сетематериалов и административные штрафы наносят значительный ущерб. Выделенные для коренного населения квоты содержат перечень рыб, используемых только для нужд потребления.

Уменьшение рыбы в водоемах округа, ужесточенная борьба с браконь-

ерством, уменьшение квот, отсутствие свободных рыболовных участков для ведения традиционного рыболовства в непосредственной близости от мест традиционного проживания КМНС, промышленное воздействие на акватории округа доводит рыбаков до нищенского существования.

Охотничий промысел является второстепенным видом деятельности, но играющим важную роль в традиционном укладе жизни коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Основным объектом охоты всегда был пушной зверь, который используется в пошиве традиционной для КМНС одежды, выступал главным товарным объектом на ярмарках и использовался при натуральном обмене.

Важным промысловым объектом животного мира для жизнедеятельности коренного населения играли копытные животные: лось, дикий северный олень. Перелетные и местные птицы входят в основной рацион питания в распутицу, в осенний и весенний периоды.

Охота не теряет своей актуальности и сегодня, занимая все свободное время оленеводов, рыбаков, – и является главным мужским занятием, дополняющим культуру, верования и традиции, рациональное природопользование северных этносов.

Но заготовка пушнины (белого песца, лисицы, ондатры) уже не является рентабельным охотничьим промыслом. При СССР заготовкой пушнины занимались государственные предприятия, и соответственно все расходы по заготовке и реализации продукции охотничьего промысла брало на себя государство, что позволяло коренным малочисленным народам округа иметь дополнительные доходы от охотничьего промысла.

На данный момент добыча объектов животного мира производится оленеводами и рыбаками в основном только для потребления и бытовых нужд: для пошива национальной одежды, изготовления сувениров, для натурального обмена.

Уменьшение квот на добычу лося, северного оленя и водные биологические ресурсы, прежде всего, отражается на аборигенах, проживающих в сельской местности, так как эти отрасли – единственный источник средств к существованию.

Звероводство является новой отраслью, в которой также заняты коренные малочисленные народы Севера. Ежегодно сельскохозяйственные предприятия получают до 20 тыс. шкурок голубого песца, серебристой лисицы. Охотниками добывается до 4 тыс. шкурок полевого белого песца и 1 тыс. шкурок соболя. На всех предприятиях агропромышленного комплекса успешно действуют пушно-меховые мастерские, в которых выпускаются изделия из шкур оленя, меха песца и лисицы [14].

В 2013 году звероводством в округе занимаются 2 предприятия: Общество с ограниченной ответственностью «Совхоз «Верхне-Пуровский» и Открытое акционерное общество «Совхоз «Байдарацкий». Количество реализованных шкурок составило 3725 штук на общую сумму субсидий 23000 тыс.

рублей. При этом количество заготавливаемой пушнины от охотпромысла составило 2000 штук, при этом ставка субсидий шкурок лисицы и песца равна 280 рублям [14].

В последнее время власти округа активно начали реализовывать сбор дикоросов в национальных поселках. Основными видами ягод являются: морошка, брусника, голубика. За 2012 год от населения сельских поселений на предприятия было принято 45 тонн дикоросов, в 2013 году собранно 65 тонн, основным потребителем является внутренний рынок и рынки соседних регионов, что позволяет семьям коренных малочисленных народов округа иметь дополнительный доход от реализации дикоросов.

Для реализации полномочий Ямало-Ненецкого автономного округа в сфере агропромышленного комплекса правительство Ямало-Ненецкого автономного округа утвердило окружную долгосрочную программу «Развитие сельского хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа на 2014-2020 годы» [12, с. 7], целью которой является комплексное развитие и повышение эффективности производства продукции сельского хозяйства и продуктов ее переработки.

В целях продовольственной безопасности округа и поддержания традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, администрация округа развивает систему забойных комплексов, расширяет рынок сбыта оленьей продукции, предпринимает попытки глубокой переработки оленины, но проблема истощения пастбищ и уменьшение водных биологических ресурсов пока остаются неразрешимыми.

На сегодняшний день проблемы взаимодействия представителей промышленного и традиционного природопользования должны развиваться, исходя из основного принципа - рационального экологосберегающего природопользования.

В этой связи представляется целесообразным использование положительного опыта урегулирования данных отношений в зарубежных странах, в том числе: закрепление за аборигенным населением территорий традиционного природопользования, как на Аляске в США; договорный порядок урегулирования отношений и приоритетность прав пользования поверхностными ресурсами, как в Канаде; создание отдельных федеральных министерств, как, к примеру «Саамский Парламент» в скандинавских странах; создание экономически выгодных нетрадиционных для КМНС видов скотоводства, как овцеводство в Гренландии. Учитывая опыт США, Канады и Скандинавских стран, в России для поддержания традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера также необходимо:

- сделать адресным характер финансирования и льготных кредитов коренных малочисленных народов, занимающихся оленеводством, рыболовством, охотой и другими видами традиционного хозяйствования;
- ввести государственный заказ на продукцию оленеводства и других традиционных занятий народов Севера в местах их компактного проживания.

На уровне федеральных органов власти – в качестве рекомендаций:

1. Подготовить предложения по внесению изменений и дополнений:

- в Лесной, Земельный и Водный кодексы Российской Федерации в части приоритетного доступа коренных малочисленных народов к возобновляемым природным ресурсам, независимо от форм собственности данных объектов;

- в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» - в части приоритетного доступа коренных малочисленных ресурсов к рыбопромысловым участкам, находящимся в непосредственной близости от мест их традиционного проживания; в отдельные законодательные акты Российской Федерации – в части привлечения представителей коренных малочисленных народов к охране объектов животного мира и водных биологических ресурсов;

2. Внести изменения в Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» - в части того, что основная задача закона должна заключаться в охране традиционного образа жизни коренных народов, которая строится на рациональном потреблении природных объектов;

3. В судебной практике вести систему обязательности учета фактора традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера, и обязательного привлечения, по ходатайству общественных организаций коренных малочисленных народов Севера, третьих лиц для консультативного разъяснения официально признанных данными сообществами традиций и обычаев;

4. Создать Федеральный закон, регламентирующий систему компенсационных выплат инвесторов за причиненный ими ущерб коренным малочисленным народам Российской Федерации в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, при этом учесть обязательный контроль над системой распределения компенсационных выплат между представителями коренных малочисленных народов и муниципальных органов власти, а также вопросы организации землеустройства в местах традиционного проживания данных народов и закрепления за ними статуса муниципальных земель, а не федеральных и региональных. В этой связи органам местного самоуправления нужно предоставить полномочия для создания территорий традиционного природопользования;

5. Закрепить за коренными малочисленными народами Севера первоочередность получения лицензий на добычу объектов животного мира, на предоставление рыболовных квот, на предоставление рыбопромысловых участков без проведения конкурсов и торгов. При этом квоты на все виды рыб должны быть рассчитаны не только для личного потребления в сутки, но и с обязательным учетом средней рыночной стоимости промысловых рыб и учетом доходов на каждого члена семьи в месяц, которые не

должны быть ниже прожиточного минимума данного субъекта РФ.

Кроме того, во всех нормативно-правовых актах, по возможности, создать единые понятия для более точной трактовки законов.

В результате ухудшения состояния видов традиционного природопользования в Ямало-Ненецком автономном округе возникает необходимость принять меры:

1. для стабилизации поголовья оленей в соответствии с оленеемкостью пастбищ отменить дотации для крупных оленеводческих предприятий (муниципальных предприятий, коммерческих организаций) на содержание одного оленя, но при этом увеличить закупочную цену оленины за 1 кг мяса до рыночной цены в 150 рублей и ввести субсидии на каждый реализованный килограмм мяса – 150 рублей, что могло бы стимулировать оленеводов к уменьшению оленьего поголовья.

2. Совершенствовать систему экологического контроля за промышленными предприятиями и внедрения новых экологических стандартов и технологий: разработку и усиление новых методов рекультивации земель; совершенствование технологий разведки и добычи нефти и газа, для уменьшения сжигания объемов газа; введение новых методов утилизации и вывоза отходов производства и потребления; усовершенствование системы проложения трубопроводов по дну нерестовых рек; усиление системы мониторинга и ликвидации аварий на нефтегазовых трубопроводах; введение системы посадки деревьев и тундровых растений на нарушенные земли.

3. Внедрить контроль над распределением компенсационных выплат в бюджетах муниципальных образований и целевой метод распределения данных компенсаций.

4. Проводить мониторинг популяции ценных пород рыб в Обском бассейне с выработкой системы методов восстановления популяции и законодательного закрепления норм и правил, регламентирующих деятельность промышленных компаний, ведущих работы в акваториях региона, а также создать особо охраняемые территории водных биологических ресурсов в местах основного скопления рыбы.

5. Усилить деятельность природоохранных служб в сфере незаконного промысла водных биологических ресурсов, а также объектов животного мира с обязательным трудоустройством КМНС.

6. Предоставить исключительное право добычи водных биологических ресурсов и объектов животного мира (по принципу расчета лимитов, не только для личного потребления, но и с правом продажи данных объектов, совокупный доход от которых должен составлять не ниже одного и не выше двух прожиточных минимумов на каждого члена семьи в месяц) для следующих категорий граждан из числа коренных малочисленных народов Севера: ведущих кочевой, полукочевой образ жизни; безработных граждан, малообеспеченных и многодетных семей, пенсионеров, инвалидов, ветеранов ВОВ и участников иных боевых действий, проживающих в

муниципальных образованиях округа.

7. Отказаться от принципа временной занятости коренных малочисленных народов Севера на предприятиях, занимающихся добычей и производством продукции из оленины и рыбы.

8. В поселениях с преимущественным проживанием коренного населения организовать пункты приема пушнины, боровой и водоплавающей дичи, дикоросов, а также в муниципальных образованиях с предприятиями, занимающимися производством молочной и овощной продукции, организовать временную трудозанятость для заготовки сена и сбора овощей.

9. Для обеспечения системного маркетингового продвижения продукции и содействия внедрению научно-технических разработок в области переработки продукции Агропромышленного комплекса, обеспечения ветеринарной и племенной работы в области северного оленеводства, геоботанических исследований пастбищ, содействия внутриотраслевой кооперации в области пантового оленеводства целесообразно создание Ямальского центра развития оленеводства.

На сегодняшний день практически все вопросы социально-экономического характера коренных малочисленных народов Севера рассматриваются в контексте промышленного освоения и развития субъектов Российской Федерации. Зачастую промышленное освоение исконной среды проживания коренных народов является причиной их конфликта с представителями топливно-энергетических компаний.

Уменьшение биологического разнообразия, проблемы истощения оленьих пастбищ ставят под угрозу не только существование видов традиционного природопользования в Ямало-Ненецком автономном округе, но и под угрозой ассимиляции, аккультурации находятся уникальные культуры северных этносов.

Интерес государства и крупных энергетических компаний к природным ресурсам Арктики понятен и обоснован с точки зрения глобально-политических и социально-экономических процессов, происходящих в нашей стране и в мире, но меньше всего к этим процессам подготовлены коренные малочисленные народы Севера России. От традиционного (рационального) природопользования зависит будущее не только коренных малочисленных народов Севера, но и продовольственная безопасность будущих поколений населения всей страны.

Литература

1. Абалаков, А. Д. Традиционное природопользование: проблемы и перспективы развития / А. Д. Абалаков // География и природные ресурсы. – 2013. – № 1. – С. 43-50.
2. Барсегов, Ю. Г. Арктика: Интересы России и международные условия их реализации / А. Д. Барсегов [и др.]. – М. : Наука, 2002. – 356 с.
3. Бешенцев, В. А. Ресурсы и качество природных вод Ямало-Ненецкого нефтегазодобывающего региона и их использование / В. А. Бешенцев // Вестн. Тюменского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 10-14.

ного университета. ТГУ. – 2011.- № 4. – С. 17-28.

4. Итоги всероссийской переписи населения (ВПН-2010 года) [Электронный ресурс]. Раздел I. Численность населения субъектов Российской Федерации по административно-территориальным единицам.. - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.07.2013).

5. Кряжков, В. А. Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования / В. А. Кряжков // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М., 2012. – С. 46-57.

6. Куражковский, Ю. Н. Очерки природопользования / Ю. Н. Куражковский. – М. : Мысль, 1969. – 268 с.

7. Курский, А. Н. Правовые проблемы учета интересов малочисленных народов прибрежных субъектов РФ при использовании природных ресурсов морских пространств / А. Н. Курский // Homo juridicus. – М., 1997. – С. 202-203.

8. Клоков, К. Б. Современное состояние циркумполярного оленеводства [Электронный ресурс] / К. Б. Клоков. – Режим доступа: http://www.jurant.ru/publications/reindeer_disc/olen/klokov.html (дата обращения: 05.04.2013).

9. О социально-экономической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе за январь-июнь 2013 года : докл. Департамента экономики Ямало-Ненец. автоном. окр. – Салехард, 2013.

10. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 07.05.2001 N 49 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. №20. Ст.1972..

11. Проект концепции инвестиционной стратегии Ямало-Ненецкого автономного округа. 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.gov.yanao.ru/doc/invest/invest_yanao_2011.pdf (дата обращения: 11.03.2013)..

12. Развитие сельского хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа на 2014-2020 годы [Электронный ресурс] : окр. долгосроч. целевая программа. – Режим доступа: http://de.gov.yanao.ru/doc/prog_cel_plan/projects/proj_post_10.doc (дата обращения: 21.12.2013).

13. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 [Электронный ресурс]. Агропромышленный комплекс – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-302901.html?page=3> (дата обращения 05.04.2013).

14. Традиционные виды хозяйствования Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dkmns.ru/northpeople/formy-khozyajstvennoj-deyatelnosti> (дата обращения: 19.12.2013).

15. Югай, В. К. Экстерьерные особенности северных оленей в условиях Ямала / В. К. Югай // Аграрный вестник Урала. – 2009. – № 10 (64). – С. 48-51.

16. Яковлева, О. А. Право коренных народов на землю и природные ресурсы: практическое руководство по защите конституционных прав для активистов и общественных объединений коренных малочисленных народов России / О. А. Яковлева. – М., 2009.

Глава 4. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДОВ АРКТИКИ

У. А. Винокурова

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизационный подход к изучению истории человечества трансформируется в процессе развития социогуманитарных наук. Сначала понятие «цивилизация» характеризовало индустриальную стадию развития, затем, благодаря теории русского историка Н.Я. Данилевского, объяснялось как «культурно-исторический тип». В настоящее время понятие «цивилизация» стало основной типологической единицей истории (окультуренной исторической природы), методологическим подходом в междисциплинарных исследованиях общества. Мы придерживаемся определения Е.Б. Черняка, в котором он выделил следующие характерные особенности цивилизации: это целостная, саморазвивающаяся система сущностных отношений между людьми, созданная в соответствующей среде обитания и самовоспроизводящаяся в системе ценностей [9, с. 11].

Английский философ, социолог, историк А. Тойнби [8], один из основателей цивилизационного подхода в изучении современного развития человечества, выделял пять видов вызовов природной и социальной среды, заставляющих территориальные сообщества людей выработать адекватные ответы. Он описал 5 типов вызова: вызов суровых земель, вызов новых земель, вызов ударов (например, военные поражения), вызов давления (геополитика), вызов ущемления (бедностью, иммиграцией, рабством, кастой, религиозной дискриминацией и т.д.). В качестве факторов, определяющих тип цивилизации, исследуются географическая среда обитания, система ведения хозяйства, социальная и политическая организация сообщества, религия и духовные ценности, особая ментальность самоосознания и картины мира. Вызов суровых земель, скудных ресурсами для жизнеобеспечения теплокровного человека, в наиболее агрессивном виде проявлен в Арктике и Антарктиде. Арктику удалось сделать ойкуменой человека, благодаря многовековой коэволюции человека с изменяющейся природной средой, в экстремально низком температурном режиме, на многолетнемерзлом грунте и к энергетическим ресурсам своеобразной флоры и фауны.

А. Тойнби выделил так называемый тип задержанных цивилизаций. По

его мнению, субъектами задержанных цивилизаций, родившихся в результате ответа на вызов природной среды, являются полинезийцы, эскимосы и кочевники. Английский учёный полагает, что они потерпели фиаско, пытаясь преодолеть возникшие препятствия рывком, и остались без истории.

Под субъектами задержанных цивилизаций можно, если следовать логике А. Тойнби, без большого труда обнаружить и всех коренных народов Арктики, поскольку они все принадлежат к описанным типам – «кочевники» и «эскимосы». Поэтому более пристально рассмотрим раскрытие Тойнби судеб этих народов «без истории».

А. Тойнби признает, что хотя с точки зрения социальной организации общество эскимосов представляется примитивным, но если учесть тяжелейшие жизненные обстоятельства, в которых они находились с незапамятных времен, то они полностью приспособились к требованиям среды, точнее, к тирании арктической природы. Такая полная адаптация к среде обитания была достигнута за счет умелого приспособления к арктическому окружению, использованию скрытых резервов Севера и жесткому подчинению годовому циклу сурового климата.

Таким образом, задержанные общества столь удачно адаптировались в своем окружении, что утратили потребность преобразовать его. Равновесие сил здесь столь точно выверено, что вся энергия общества уходит на поддержание ранее достигнутого положения. Эскимосам и кочевникам не остается перспективы на самосохранение и самоопределение, ибо критерием роста является прогрессивное движение в направлении самоопределения.

Столь неутешительные выводы можно сделать, рассматривая историю только как линейное прогрессивное развитие непрерывного человеческого бытия и абстрагируясь от конкретной дискретности и многовекторности исторической судьбы народов. Более того, столь крупная масштабность осмысления не позволяет рассматривать судьбы народов из фокуса их собственного мировоззрения и ценностного сознания.

При изменении угла зрения «изнутри» ступенчатываются столь трагические краски описания судеб циркумполярных народов. Такой поворот происходит прежде всего потому, что каждый народ несет в себе заряд исторического оптимизма, осмысливаемый как преемственность духовной культуры и ценности человеческого бытия. Северные народы не только удержали за человечеством уникальный плацдарм среды обитания человека, но и создали на нем своеобразную материальную и духовную культуру.

С точки зрения техногенной цивилизации и человека арктические народы не только удержали за человечеством уникальный плацдарм среды обитания человека, но и создали на нем культурное многообразие стратегий жизни в условиях экстремального холода и многолетне-мерзлого грунта.

Циркумполярная среда обитания человека существует только вокруг

Северного полюса, соединяющего через моря три великих океана планеты. Она занимает политические и административные образования, соотносимые с Арктикой на трех континентах – Америки, Европы и Азии. К ним относятся: Аляска (США), Юкон, Северо-Западные Территории, Нунавут, Нунавик, Лабрадор (Канада), Гренландия, Фарерские острова, Исландия, Нордланд, Тромс, Финнмарк, Свалбард (Норвегия), Вестерботтен и Норботтен (Швеция), провинции Оулу и Лапландия (Финляндия), арктические территории Республик Карелия, Коми и Саха, Красноярского края, Архангельская, Мурманская, Тюменская, Камчатская и Магаданская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Чукотский автономные округа (Россия). Циркумполярная зона Земли в значительной степени подчиняется юрисдикции Российской Федерации, где обитают более 20 коренных народов.

Социально-научная картина мира изучает коэволюцию природы и общества как единый процесс развития. Общество рассматривается как исторически меняющаяся система, состоящая из подсистем экономики, социальной структуры и соответствующих ей институтов, культуры в соответствующей среде обитания.

Существует 3 ведущих отношения человека к миру:

1. отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде;
2. отношение к другим людям, к социальным сообществам;
3. отношение к духовному миру, в котором аккумулируются как индивидуальный опыт человека, так и общественная история, опыт поколений.

Нами доказано существование локального типа цивилизации, расположенной вокруг Северного Ледовитого океана и отличающейся от других видов цивилизаций тем, что здесь коренные народы создали своеобразный стиль данных отношений в природно-климатических условиях арктической зоны земли. Этот тип цивилизации мы назвали арктической циркумполярной цивилизацией [2]. Истоки её обнаруживаются примерно 20 тысяч лет назад. В тот период уровень мирового океана был на десятки метров ниже нынешнего и между Евразией и Северной Америкой на месте современного Берингова пролива существовал обширный перешеек, по которому азиатские общины перекочевали в Америку и расселились на ней. Затем этот перешеек ушел под воду, и процесс, становления и развития первых трех поколений локальных цивилизаций (до конца XV века) проходил изолированно в Старом и Новом Свете, хотя и имел немало общих черт.

Человек создает свою жизнь в координатах биосферы, социосферы и ноосферы. Географический детерминизм в развитии человечества претерпел смену различных подходов от абсолютизации до полного отрицания. Активно развивается теория биологического детерминизма, суть которого сводится к признанию гена как исходной единицы биологической эволюции человека. Она в традиционном представлении народа саха

сформулирована в поговорке «хаангын кыһыйбаккын, сууйбаккын» (родовую кровь не отмоешь, не соскоблишь). Э.О. Уилсон утверждает, что гены держат культуру на привязи [7, с. 10]. Социобиологи доказывают вариативную эволюцию человечества, вводят понятие «биограмма человека», представляющее собой врождённый репертуар стратегий поведения, матрицы с закодированными в ней модусами социальных реакций, духовных предпочтений и подсознательных инстинктов, передающихся из поколения в поколение представителями одной расы [7, с. 10]. Теория холодных зим объясняет, почему у европейцев и аборигенов Восточной Азии развился высокий IQ. В течение последнего ледникового периода, от 28000 до 12000 лет назад, высокий интеллект явился результатом естественного отбора по признаку увеличения мозга. Повышенный IQ улучшал способность индивидов строить жилища, хранить пищу, изготавливать одежду и успешно охотиться на крупных животных, чтобы выжить самим и сохранить своё потомство в течение долгих морозных зим. Теорию холодных зим поддерживает корреляция на уровне 0,62 между средним объёмом черепа и расстоянием проживания от экватора, полученная на материале 20000 черепов [7, с. 15]. Феномен когито (акт мышления, воли, чувств, представления) как движущий фактор эволюции объясняет ментальное разнообразие сообществ, адаптированных к отличающимся жизнеобеспечивающими ресурсами местам обитания. Жизнь в условиях Арктики формирует своеобразную философию, которую мы называем экософией, нацеленной на снижение риска опасности смерти от холода, голода, потери смысла жизни в условиях длительной полярной зимы, поддержания энергоинформационной связи с предками, родовыми священными местами и маршрутами кочевания. В условиях Арктики устанавливается ценность взаимопомощи как фундаментального фактора эволюции. Нравственное кредо взаимопомощи в жизни человеческого сообщества сформулировано П.А. Кропоткиным, служившим чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, исследователем ледниковых отложений в Финляндии и Швеции на основе наблюдения за жизнью на территории Восточной Азии. Оно зиждется на осознании человеческой солидарности, взаимной зависимости людей, на практике взаимопомощи, на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам [6]. Путешественники и сосланные на Крайний Север отмечали, что всё, что пригодится здесь путешественнику, все это создание пытливого ума аборигена. Данный подход приобретает большую убедительность при введении в него социокреативной созидательной роли труда человека. Труд как выражение жизни и утверждение жизни, по Марксу, является ведущей ценностью в стратегии выживания в холодной природной среде.

Среда обитания человека строится по принципу конструктивного со-

подчинения внутренним и внешним связям ландшафтных и автономных сил, влияющих на жизнедеятельность человеческого сообщества. Пространство как среда обитания имеет соответствующую внешнюю и внутреннюю структуру и конфигурацию, степень проницаемости в виде меры открытости и закрытости для проникновения различных видов информации и деятельности. Арктическое пространство отличается низкой проницаемостью, труднодоступностью для внешнего проникновения, наличием автономных сил в виде культур коренных народов. Поэтому освоение Арктики различными мореплавателями и так называемыми первопроходцами происходило с надрывными усилиями, если они не обращались за помощью к исконным жителям. Теория *terra incognita* арктических земель стоило многих жизней отважных «открывателей». Их беда состояла в пренебрежении и невладении геокультурными знаниями, умениями и духовными ценностями создателей арктической циркумполярной цивилизации. Этот пробел продолжает довлеть и в умах многих руководителей арктических территорий и переселенцев. Продолжаются попытки насильственно изменить социокод арктической цивилизации, состоящей из системы 3 ведущих ценностей:

- власть над судьбой;
- культурная целостность как принадлежность к жизнеспособной местной культуре;
- ценность природы, выражающейся в коэволюции с исконной средой обитания.

Все эти ценности достигаются благодаря неустанному творческому труду на основе совершенствования человеческого организма, использующего материальные ресурсы и учитывающего экологические особенности среды обитания. Провозглашение культа труда как основы физического и духовного благополучия, гармоничного баланса между человеком и природными процессами пронизывает фольклорное наследие и этнопедагогику народов Арктики.

Геокультурные знания и ценности коренных народов Арктики формируются на основе Живой Логике, одухотворяющей среду обитания и строительства жизни, используя энергоинформационную связь с Космосом и Землей. Жизнь арктического человека по его восприятию не является выживанием, а полноценной жизнью, формирующей культуру достоинства (по выражению психолога А.Г. Асмолова). Культура достоинства была описана в живой реальности в наблюдениях православного просветителя И. Вениаминова. Он выделял выносливость как отличительную черту алеутов, которые каждое утро ходили купаться в покрытое льдом море и стояли нагими на ветру, вдыхая морозный воздух. От внимательного взгляда миссионера не ускользнули и внутриродовые отношения. Так, если случится недостаток пищи, алеут прежде всего заботится о своих детях: он отдает им все, что имеет, а сам голодает. Алеут с трудом решается дать какое-

нибудь обещание, но, раз давши, он сдержит его во что бы то ни стало. Их нравственный кодекс разнообразен и суров. Так, например, считается постыдным: бояться неизбежной смерти; просить пощады у врага; умереть, не убив ни одного врага; быть изобличенным в воровстве; опрокинуться с лодки в гавани; бояться выехать в море в бурную погоду; лишиться сил раньше других товарищей, если случится недостаток в пище во время длинного пути; обнаружить жадность во время дележа добычи, - причем, дабы устыдить такого жадного товарища, остальные отдают ему свои доли. Постыдным считается ... будучи вдвоем на охоте, не предложить лучшую долю добычи товарищу; хвастать своими подвигами, а в особенности вымышленными; ругаться со злобою; также — просить милостыню; ласкать свою жену в присутствии других и танцевать с ней; торговаться самолично: продажа всегда должна быть сделана через третье лицо, которое и определяет цену. Для женщины считается постыдным: не уметь шить и вообще неумело исполнять всякого рода женские работы; не уметь танцевать... [1].

Так культура достоинства распространяется и на отношения к природному миру, о чем свидетельствует свод обрядов, ритуалов обращения к природным явлениям, духам, животным, в организации хозяйственно-культурного уклада жизни. Культура достоинства формирует личность свободную и ответственную, способную к безопасному самостоянию, что исключительно важно в условиях автономной жизни в Арктике. Кочевание в условиях непрерывно меняющихся погодных условиях формирует модель неопределенных ситуаций, требующих решения жизненных задач. Историко-эволюционный смысл геокультурного воспитания состоит в передаче культуры человекобережения в исконной природно-климатической среде обитания. Он заключен в этнопедагогике фольклорного, культурного наследия, передающего подрастающим поколениям тексты памяти и совести как духовной основы жизни. Подобные тексты создаются как механизм памяти культуры достоинства в природно-культурном ландшафте Арктики. Таким образом, особенности природно-культурного ландшафта Арктики определяют качество жизни населения, историческую, художественную, научную и познавательную ценность арктической циркумполярной цивилизации.

Геокультурные особенности арктической циркумполярной цивилизации проявляются в следующих видах жизнедеятельности коренных народов:

- Традиционные знания об особенностях ландшафта накапливаются в процессе длительной коэволюции человека в соответствующей среде обитания и передаются от поколения к поколению посредством этнопедагогических способов обучения и воспитания. Геокультурные знания о ресурсах тундровых пастбищ, рек, озер, морей, гор в разные сезоны, маршрутах кочевания, миграций диких оленей, уток, рыб, морских животных и т.д. – не входят в современные школьные программы. У арктических народов эти знания передаются преимущественно изустными способами

в актуальной трудовой и житейской практике в природной среде. Замена традиционного канала преемственности школьным образованием привела к отчуждению современных молодых оленеводов-кочевников от среды обитания, что часто приводит к трагическим последствиям. Обычная школа не имеет механизмов воспроизводства историко-эволюционного смысла геокультурного воспитания, культуры достоинства кочевника, не нацелена на обеспечение преемственности системного пространственного воображения в открытых ландшафтах Арктики, способности решать неопределенные задачи жизнеобеспечения.

- Сонастроенность на пространство (знания об истории расселения предков, знание о границах родовых территорий, опасных местах, перевалах, знания о месте установки стойбищ, кочевого жилья и т.д.). У арктического человека наблюдается «феномен сонастроенности на пространство», своеобразный ритм связи с природой. Юрий Рытхэу сформулировал этическое кредо: для северного человека место обитания – это «живая часть собственного существа, часть сердца, души. Для него север – это воля и надежда» [10]. Если пришлым населением Арктика воспринимается как место ужаса, тьмы, дикости и безмолвия, то коренные народы называют исконные места «Ойотунг» (Хорошее место), «Ючюгэй» (Хорошо), «Кюндэ-эйэ» (Солнечное), нарекают своих детей образами прекрасных мгновений природы. Восприятие красоты исконной земли представляет эстетическую основу геокультурных ценностей.

- Следование ритму природы (сопряжение хозяйственной деятельности с ритмом природы, жизненными циклами флоры и фауны и т.д.). Все традиционные праздники, виды хозяйственной деятельности основываются на ритмах природы. Организация видов деятельности, внедренных как заимствованные от других типов цивилизаций, не учитывают природно-климатические особенности среды обитания. Например, деятельность образовательных учреждений организуется в соответствии с ритмом природы оседлого населения Европы. В Якутии только Верхоянская школа пыталась согласовать свою работу с ритмом природы и традиционным хозяйственно-культурным укладом местного населения.

- Духовная связь с исконной средой обитания. Священные места - почитание природных объектов посредством установления культовых предметов и присвоения статуса священности местностям, территориям и отдельным элементам ландшафта (памятники природы и природное наследие, родовые места и места захоронения знаменитых людей, наскальная живопись, достопримечательные места, места отправления религиозных обрядов и ритуалов и т.д.). Ст. 25 Декларации коренных народов гласит: ««Коренные народы имеют право поддерживать и укреплять свою особую духовную связь с традиционно принадлежащими им или иным образом занятыми или используемыми ими землями, территориями, водами и морскими прибрежными водами, а также другими ресурсами и нести свою

ответственность перед будущими поколениями в этом отношении» [3].

- Энергоинформационные знания и ценности.

Жизнь в условиях преобладания информации только из природных источников, собственной рефлексии и интеллектуальной деятельности в форме предвидения формирует особую энергоинформационную связь на тонком уровне, преобладание механизмов ментальной коммуникации. Астрономические и экологические знания сочетаются в единый опыт, учитывающий взаимосопряженность космических, земных и природных явлений. Правильная переработка информации о движении, процессах, темпах, ритмах и их причинно-следственных связей обеспечивала жизнеспособность и безопасность человека. В.П. Казначеев и А.В. Трофимов доказали [5], что на 73 градусе северной широты начинается бесконтактная передача информации между людьми и возможность получения информации с прошлого, настоящего и будущего. Геоинформационная среда Севера влияет на особенности формирования сенсорных способностей арктического человека. Энергоинформационные процессы происходят через соответствующие передающие каналы и структуры. Одним из таких трансляторов может быть психика арктического человека, проживающего за пределами Полярного круга и выше по северной широте.

Свидетельства передачи информации через огромные пространства тундры и моря Ледовитого океана, её сохранения на неопределенно длительное время и извлечения в соответствующей ситуации существуют в космологических воззрениях народов Арктики.

Способами общения с красотой Земли владеют особо одаренные люди, обладающие высокой экологической этикой на уровне ментальности Земли. Все эти представления исходят из умения почитать красоту природы Земли и красоту бытия на ней.

Энергоинформационная гармония, резонанс человека со средой обитания, Космосом и Вещим Разумом сформировала следующие экологические и этические императивы:

- почитание Дороги и её энергетической связи с путником;
- сохранение гармонии и баланса человека со средой обитания;
- от места расположения дома зависит судьба потомков, их физического и психического здоровья и благополучия.;
- почитание огня в жилище и в среде обитания;
- признание существования геопатогенных зон;
- нельзя разрушать слой вечной мерзлоты.

Этика и эстетика народов Арктики исходят из понимания места человека в координатах биосферы, социосферы и космосферы.

· Феномен странствующего селения (термин А. Головнёва), свойственный культуре кочевничества. Пространственные миграции по огромным территориям Евразии, Сибири, Арктики кочевых скотоводов, коневодов, оленеводов оставили после себя не архитектурные объекты, а свидетельс-

тва сакрального восприятия: эпосы, фольклорные предания, легенды и топонимика и т.д. Наличие природно-культурных объектов является важной основой признания исконности места обитания конкретным этносом. Именно наличие духовных свидетельств о местах обитания являются показателем освоенности данных территорий и исконности как места обитания коренных общностей.

· Феномен духовной связи с местом рождения проявляется прежде всего в песнях, воспевающих красоту родной природы, места жительства, родных людей, образа жизни. Музеефикация, краеведение, разные формы туризма и путешествий, рекреаций, установка памятных знаков на священных, почитаемых и достопримечательных местах, создание заповедных мест, особо охраняемых природных территорий, - геокультурное содержание данного феномена.

Географический образ Арктики имеет специфические особенности у коренных народов и пришлого населения. У россиян в целом не сформировалась ментальная карта России, включающая земли за Уралом. Как справедливо отмечает Д.Н. Замятин, наблюдается геократический «провал»: сибирские пространства и до сих пор остаются во многом образно-географической терра инкогнито [4]. Для коренных народов пространство Арктики представляет их боль и надежду на достойное развитие.

На просторах арктической циркумполярной цивилизации формируется своеобразная циркумполярная культура, которую мы можем определить следующим образом: «циркумполярная культура – это исторически сложившийся региональный тип культуры, состоящий из сосуществующих традиционных культур коренных народов и полиэтнических социокультурных организмов техногенной модернизации, формирующийся в процессе креативной трудовой коэволюции в суровых природно-климатических условиях Арктики».

Таким образом, геокультурные особенности арктической циркумполярной цивилизации могут быть концептуальной основой для организации социокультурной деятельности на арктических территориях.

Литература

1. Вениаминов, И. Замечания об алеуцах (из записок об островах Уналашкинского отдела / И. Вениаминов. – М., 2010. – 336 с.
2. Винокурова, У. А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты / У. А. Винокурова. – Якутск, 2012. – 312 с.
3. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 10.02.2014)
4. Замятин, Д. Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации / Д. Н. Замятин // Полис. – 2009. – № 1. – С. 71-99.
5. Казначеев, В. П. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля / В. П. Казначеев, А. В. Трофимов. – Новосибирск : Наука, 2004. – 312 с.

6. Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции / П. А. Кропоткин. - М. : Самообразование, 2011. – 240 с.
7. Раштон, Д. Ф. Раса, эволюция, поведение: Взгляд с позиции жизненного цикла / Д. Ф. Раштон. – М., 2011. – 416 с.
8. Тойнби, А. Дж. Постигание истории : сборник / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
9. Черняк, Е. Б. Цивилиография : Наука о цивилизации / Е. Б. Черняк. – М. : Междунар. отношения, 1996. – 381 с.
10. Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/11/cy17.html> (дата обращения: 10.02.2014).

И. Л. Набок

АРКТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Арктическая идентичность – одно из самых широко обсуждаемых сегодня явлений. И в то же время – одно из самых малоизученных. Причин этому достаточно много. Прежде всего, отметим необычайно широкий смысловой спектр понятия «арктическая идентичность» – от «макроуровня» – идентичности государства по отношению к его жизненно важным арктическим регионам; до «микроуровня» – идентичности конкретного человека, жителя Арктики, прежде всего, представителя коренных народов, для которых Арктика – территория этногенеза, среда обитания, сфера жизнедеятельности, культуропорождающий фактор. А это требует того самого комплексного междисциплинарного подхода, который сегодня, увы, остаётся в основном декларированной, но мало реализованной задачей современной науки с её «непрозрачными» границами между гуманитарным и естественнонаучным знанием, между многочисленными и строго стратифицированными областями общественнознания и человековедения. Это – то фрагментарное, дискретное знание, которое не позволило бы людям (если бы они руководствовались только им) выжить в суровых, экстремальных арктических условиях, и не только выжить, но и создать уникальные культуры, составляющие своеобразную этнокультурную мозаику, которую сегодня именуют «циркумпольной цивилизацией». Изучение добытого многовековым опытом арктических народов знания было и остаётся одной из важнейших задач современной науки. И это, очевидно, должно стать важнейшим основанием для современной арктической политики российского государства.

Как отмечает один из исследователей этой проблемы, традиции циркумполярной цивилизации «могут рассматриваться не просто как уникальное наследие прошлого, но и как такое наследие, которое в современных условиях приобретает особое значение для будущего развития человечества» [6, с. 142]. Чрезвычайно важный акцент, на наш взгляд, был сделан в одном из выступлений первым Президентом Республики Саха (Якутия) М.Н. Николаевым: «Сегодня возрастает роль циркумполярного мира, имеющего решающее значение для сохранения экологии планеты... Всесторонняя информация о циркумполярной цивилизации позволит капитально развивать теоретическую и методическую базу общей экологизации мышления и сознания, этики и культуры в подходах к дальнейшему освоению Арктики»¹.

В то же время, в последние годы наблюдается определённая смена основной парадигмы в арктической политике как российской, так и мировой. По справедливому замечанию К.В. Киселёва, здесь «отчетливо наблюдается следующее: если 20-30 лет назад акцент в национальной активности и международном сотрудничестве ставился на экологическом, природоохранном аспекте арктической тематики, то постепенно интерес заметно смещается в направлении экономики и связанных с ней военно-политических проблем» [4, с. 136]. Причины такой смены очевидны: они связаны, с одной стороны, с активизацией интереса к арктическим регионам со стороны арктических государств (Канада, Норвегия, США, Дания) и соответствующими попытками пересмотреть устоявшиеся границы арктических владений (Россия остаётся самым крупным арктическим государством); с другой стороны, с новыми данными изучения арктических недр, демонстрирующими огромные природные ресурсы (в частности, около трети всех мировых запасов газа и до 13% - нефти), которые в условиях глобального изменения климата становятся всё более доступными. Т. е. речь идёт об энергетической безопасности – одном из высших политических приоритетов². Возросший интерес мирового сообщества к Арктике связан кроме того с тем, что это - регион, где эффекты глобального потепления проявляются особенно ярко, а это создаёт особые условия для научного исследования причин данной масштабной мировой проблемы.

Но сегодня всё же трудно говорить о развитой арктической идентичности России прежде всего в гуманитарном, общественно-психологическом плане. В этом смысле чрезвычайно интересен пример Канады, где в качестве главной особенности канадской идентичности и её большого преимущества (в частности, перед ближайшим и единственным соседом – США) рассматривается «северность», а суровый климат оказывается важнейшим фактором формирования национального характера и менталитета. Так, нынешний премьер-министр Канады Стивен Харпер заявил: «Канада – это северная страна. Север вдохновлял наших художников и исследователей. Он делает нас всех канадцами. И сейчас, как никогда раньше, он занимает

центральное место в нашей национальной судьбе» [10]. И это притом, что подавляющая часть населения Канады живёт на юге страны (в отличие от севера, где обитают коренные жители - инуиты и индейцы)! Известный российский канадолог Ю.А. Акимов комментирует это следующим образом: «О погоде и климате говорят все и очень часто. Но погода и климат редко становятся атрибутами национальности. Канада в этом смысле представляет собой редкое исключение. Россия, будучи географически северной страной, не основывает свою государственную (национальную) идеологию на своей «северности». Возможно, такая перспектива была бы оправданной. По крайней мере, канадский опыт подтверждает это» [1, с. 201].

Обратимся теперь к «микроуровню» арктической идентичности – человеку, народу. В концепции документа «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г.» перечислены основные особенности Арктической зоны, которые оказывают влияние на формирование государственной политики. И хотя население в ряду этих признаков-особенностей (климат, природа, экология, хозяйственная деятельность, население) стоит на последнем месте, именно арктические народы, на наш взгляд, должны быть отнесены к решающим факторам арктической политики. Очевидно, главной особенностью упомянутой циркумполярной цивилизации является то, что она представляет собой результат взаимоадаптации человека и природы: не только человек адаптировался к сложным природно-климатическим условиям, но и природа изменяется, адаптируясь к человеку, к его культуротворческой, жизнеобеспечивающей деятельности. Здесь в известной степени находит своё подтверждение социобиологическая концепция этноса Л.Н. Гумилёва, который считал этнос не социальной группой, а некой биофизической реальностью, облечённой в «социальную оболочку» и неразрывно связанной с «кормящим и вмещающим ландшафтом». В этом смысле, выработанные арктическими народами специфические системы жизнеобеспечения могут быть отнесены к числу великих цивилизационных достижений. Длительное господство «линейного» формационного понимания общественного и экономического прогресса в 20-30-е годы XX века нанёс существенный урон этим системам жизнеобеспечения. Политика «перевода» хозяйств на «социалистические рельсы» строилась без достаточного учёта их арктической специфики. Речь идёт в частности об «укрупнении хозяйств», насильственной смене типа хозяйственной деятельности (например, из животноводческого в земледельческий), переводе кочевников на оседлый образ жизни. Последнее, очевидно, нанесло особенно большой урон именно арктическим, в значительной мере оленеводческим народам, кочевнический тип хозяйства которых воспринимался как «культурный рудимент», противоречащий социальному прогрессу, принципам социалистического строительства. Между тем, кочевничество (номадизм) сегодня рядом исследователей рассматривается не просто в качестве способа хозяйствования, а как особый тип цивилизации, к которому не приме-

нимы традиционные критерии концепции «социально-формационного прогресса», и который заслуживает особого интереса в ситуации глобального экологического кризиса³.

Арктическая идентичность коренных народов циркумполярной зоны представляет собой достаточно сложную многоуровневую систему, и, безусловно, должна стать предметом комплексного междисциплинарного исследования. Не претендуя на окончательную характеристику, попробуем выявить некоторые существенные особенности этого феномена.

Прежде всего, отметим, что в данном случае в качестве субъекта идентичности будет выступать этнофор – представитель этноса, носитель этнической культуры, этнического сознания. Современная этнопсихология, рассматривая характер «этнического человека» делает акцент на тех типичных для индивида качествах, которые его интегрируют с этнической общностью, с другими её представителями, определяя его поведение в проблемных ситуациях, ситуациях выбора. И этот выбор всегда – в пользу традиционных, стандартных установок этноса⁴. «Этническое сознание, - пишет Я.В. Чеснов, – порождает этнический образ - представление о типичном для этноса индивиде. Этнический образ, исходно воплощающий в себе единство всеобщего (универсального) и единичного (уникального), строится на основе такого понимания типичности, которое учитывает чувственную конкретность... Этнический образ близок к образам искусства. Его сходство с последними состоит еще в том, что, будучи формой отражения действительности, он одновременно и программирует эту действительность, поощряя или ограничивая поведенческие акты людей» [8, с. 118].

Понятие «идентичность», как известно, означает тождественность, соответствие (лат. *identicus* - тождественный, одинаковый, англ. *identity* – тождественность). Этническую идентичность в этом смысле можно рассматривать как определенное состояние, достигнутое в процессе «идентификации», и означающее постепенное перенесение индивидом на себя (освоение, интериоризация – перенесение «внутри») качеств общности, в которой индивид формируется как личность. Этот процесс называют также «самоидентификацией», подчеркивая тем самым роль в нем самой личности, ее осознанный выбор. Идентичность с точки зрения американского психоаналитика Эрика Эриксона, обосновавшего психосоциальный подход к идентичности, является своеобразным эпицентром жизненного цикла каждого человека. Именно идентичность обуславливает способность индивида интегрировать личный и социальный опыт и обретать цельность, самодостаточность, устойчивость («достигнутая идентичность», по Э. Эриксону). Идентичность при этом должна пониматься не как нечто застывшее, неизменное, но как динамичный процесс. Говоря об идентичности, отмечает Э. Эриксон, мы имеем дело «с процессом, «локализованным» в ядре индивидуальной, но также и общественной культуры, с процессом, который в действительности устанавливает идентичность этих двух идентичностей» [9, с. 31].

Есть еще одна очень важная сторона идентичности и идентификации. Речь идет о том, что идентичность - это не только сознание идентичности. Известный этносоциолог Л.М. Дробижева вычленяет в идентичности три основных взаимосвязанных компонента: когнитивный (познавательный), эмоциональный и регулятивный (поведенческий) [6, с. 11]. Таким образом, идентичность можно понимать и как постоянное, повседневное деятельное (поведенческое) воспроизводство своей принадлежности к группе. Соответственно, этническая идентификация (самоидентификация) означает «интериоризацию» качеств этнической общности, сформировавшихся в процессе этногенеза, т. е. интериоризацию этих трех компонентов, в том числе того, который Л.Н. Гумилев называл «стереотипом поведения» и считал главным признаком этноса, этнической общности⁵. Этническая идентичность, таким образом, понимается как: а) факт самосознания индивида и группы, связанный с осознанием единства и отличия от других (подобных групп и индивидов) по соответствующему набору признаков (язык, стереотип поведения и прочие качества, приписываемые этнической общности в приведенных нами выше определениях этноса); б) переживание человеком своего тождества с определенной этнической группой; в) поведение, соответствующее этническим установкам, т. е. интересам и ценностям этнической общности.

Чрезвычайно важен здесь вопрос о возможности смены этнической идентичности. Но ответ на этот вопрос напрямую зависит от того, что до сих пор является предметом дискуссий в этнологии – понимания природы этноса и этничности. Речь идет о споре «примордиалистов» и «конструктивистов», который «расколол» отечественное этнологическое научное сообщество на два лагеря в самом главном, фундаментальном вопросе этнологической науки, своеобразном «основном вопросе этнологии», касающемся объективных оснований этноса – его укоренённости/конструируемости⁶. Разумеется, вопрос о возможности смены этнической идентичности совершенно по-разному выглядит в «конструктивистском» и «примордиалистском» понимании этноса и этничности. Если для конструктивизма такая смена представляет собой просто «смену роли», то для сторонников идеи укорененности этнического все выглядит гораздо сложнее, особенно в той ситуации, когда различной оказывается этническая принадлежность родителей. Здесь, действительно, часто возникает ситуация выбора, хотя вполне реальной признается и ситуация двойной идентичности, парадоксальным образом не учитывающаяся в практике проведения переписей населения, основанной на принудительности выбора идентичности. Кардинально сменить этническую принадлежность, основанную на этническом происхождении, вряд ли возможно. Очень жестко такую позицию высказывает этнопсихолог Г.У. Солдатов: «Пожизненная, унаследованная от предков этническая принадлежность, коренится не только «в головах», но и «в сердцах людей». Большинство людей все же замешано на «крови и почве». В каждом человеке есть какие-то «примордиальные струны» [5, с. 43].

Очевидно, необходимо все же теоретически «развести» два понятия - этническая принадлежность и этническое происхождение. Их нельзя рассматривать в качестве синонимов, как это часто делается сегодня. Этническое происхождение может быть зафиксировано достаточно объективно (по «корням», предкам), но оно не обязательно совпадает с этнической принадлежностью, т. е. идентичностью.

В то же время, выбор этнической (этнонациональной) идентичности в большинстве современных стран рассматривается в качестве демократической нормы социальной жизни (как и, например, идентичности половой). Человек, очевидно, вправе выбирать, кем себя считать (т. е. как себя идентифицировать) - русским, китайцем, эскимосом, африканцем или американским индейцем. Хотя здесь есть трудно переходимые границы, в частности, расовые, связанные с внешними, фенотипическими различиями человеческих рас, которые могут препятствовать общественному «признанию» этого личного выбора. Но вопрос состоит в другом: насколько этот выбор соответствует присущим данному человеку качествам и предрасположенностям, задаткам, насколько этот выбор будет способствовать развитию внутренней гармонии и самодостаточности личности, ее бытия в обществе. Ибо достижение этой гармонии и самодостаточности есть необходимое условие достижения гармонии и гражданского согласия в самом обществе. Трудно согласиться с тем, что идентичность при этом не имеет никаких внутренних оснований, никаких внутренних опор, что она сводится только к культуре, языку, внешнему виду, образу жизни и т. д., которые в разной степени, действительно, сменить можно (т. е. «сменить культурную принадлежность»). Но ответ на этот самый сложный вопрос еще впереди. Сегодня мы можем судить об идентичности только по ее внешним поведенческим, функциональным проявлениям. Здесь следует подчеркнуть также то, что в современной литературе практически синонимически употребляются два понятия – «этническая идентичность» и «этнокультурная идентичность». Очевидно, с позиций примордиализма следует различать идентичность с этносом, с конкретной этнической общностью и идентичность с его культурой, т. е. с продуктами его культуротворческой деятельности (т. е. предпочтительное к ним отношение, которое может иметь необязательный, ситуативный характер).

В современных работах обычно выделяются 7 типов этнической идентичности, формирующихся под воздействием различных условий и обстоятельств в соотношении с особенностями и предрасположенностями личности: 1. «Нормальная» или «позитивная» идентичность, связанная с формированием положительного образа своего народа, положительного отношения к своему этническому происхождению. 2. «Этноцентрическая» идентичность, предполагающая не критическое предпочтение какой-либо этнической группы и сопровождающаяся стремлением к изоляции, замкнутости. 3. «Этнодоминирующая идентичность» - тип идентичности, в котором

преобладает не изоляционизм, а, скорее, наоборот, - признание этнической принадлежности – высшей, приоритетной для человека ценностью и, более того, - признание превосходства своего народа, сопровождающееся дискриминационными установками в отношении других этнических групп, а также стремлением к «этнической чистоте» (недопустимости смешанных браков и т. д. 4. «Этнический фанатизм» - крайне агрессивная форма предыдущего типа идентичности, связанная с абсолютным и подавляющим доминированием этнических интересов своей группы (иногда иррационально интерпретируемых) и готовностью идти на любые жертвы и действия. 5. Этническая индифферентность – практически полное равнодушие к своей этнической принадлежности, ценностям культуры своего народа и к межэтнической коммуникации, независимость от традиций и норм своей этнической группы. 6. Этнонигилизм – тип идентичности, являющийся выражением «космополитической позиции»: отрицание ценности этничности как таковой, связанное обычно с уничижительной оценкой статуса этнической группы, с которой личность связана по происхождению. 7. Амбивалентная этничность – тип идентичности, широко распространенный в этнически смешанной среде, и не явно выраженный в поведении. Здесь идентичность имеет как бы неустойчивый «дрейфующий» характер [7, с. 134-135]. Эту вполне традиционную типологию, на наш взгляд, можно было бы дополнить еще одним типом идентичности - «толерантной идентичностью». Это - тот тип этнической идентичности, который развивает ее «нормальный» (или «позитивный») тип до состояния, когда «иная» этническая идентичность признается вполне равноправной, «рядоположенной». Следует подчеркнуть, что именно этот тип этнической идентичности только и может стать основой для нормальной, паритетной межэтнической коммуникации.

В то же время отсутствие этого типа идентичности в традиционных классификациях и типологиях оказывается совсем не случайным – в их основе лежит определенное представление об этногенезе, т. е. процессе исторического формирования этноса как общности. Дело в том, что тенденция «отделения» от других подобных общностей, даже противопоставления им, совершенно неизбежная на этой стадии для формирования ощущения единства, сплоченности, солидарности, очень часто рассматривается в качестве некоей внеисторической «универсалии», отражающей главную сущность этноса. Речь идет о главенствующей роли для определения этноса так называемых «этнодифференцирующих» признаков, т. е. признаков, по которым он отличается от других подобных общностей. В русле этой тенденции сформировалось и понимание «этноцентризма» (смотри выше - «этноцентрический» тип идентичности) как аналога национализма, т. е. неприятия, непризнания иной этничности, иной национальности как равноправных. На наш взгляд, у понятия «этноцентризм» есть двойной смысл – исторический и актуальный и, соответственно, две формы: первая из них связана с исторически неизбежной концентрацией внимания и интереса

на своей этнической общности, ее цельности, консолидированности, самодостаточности (при этом, разумеется, происходит своеобразное «отталкивание» от других подобных общностей); вторая – с последующим (после состоявшегося и завершившегося процесса этногенеза) противопоставлением «своего» и «чужого», иногда приобретающего агрессивный смысл. Если первый вариант – неизбежен, обусловлен исторически, психологически, то второй – необязателен, связан с определённым вектором развития этнического сознания, с конкретно-исторической ситуацией, в которой осуществляется межэтническая коммуникация. Вторым вариантом, очевидно, обусловлен представлением об укорененности в сознании и поведении человека этноцентристской установки, но это не может не вызывать большие сомнения, так как сама история общества, культуры опровергает такую установку. Как, например, объяснить тот факт, что немецкий композитор Ф. Гендель стал создателем английской оратории как национального музыкального жанра, французский художник Поль Гоген сумел выразить в своей живописи глубину и красоту мироотношения, национальной картины мира жителей Таити, а еврей по национальности И. Левитан стал одним из классиков русской пейзажной лирики? Очевидно, укорененность в человеке этничности не предполагает укорененности этноцентризма – этноцентризм выполняет, как мы отмечали выше, совершенно определённую «инструментальную» роль на стадии этногенеза, как фактор укрепления сплоченности, формирования сознания единства группы, но не является обязательным вневременным атрибутом этничности.

Возвращаясь к определению «арктической идентичности», подчеркнём, что она может быть рассмотрена и как важнейшая, системообразующая часть этнической идентичности арктических народов, и как особый вид идентичности метаэтнорегионального характера. Первый вариант связан с особой ролью территории, экстремальной природно-климатической среды этногенеза в формировании этнической идентичности арктических народов, её специфики, «особости»⁷. Вторым – с иным характером стратификации идентичностей. Речь идёт о выделении в качестве особого типа (или уровня) «региональной идентичности», получившей в последнее время достаточно широкое освещение в научной литературе. В то же время чрезвычайно важно учитывать полиэтничность российских регионов. По словам якутской исследовательницы С.И. Бояковой, важным фактором, определяющим специфику арктического региона является «многонациональный характер, наличие довольно значительного в количественном отношении коренного населения, представленного несколькими народами, принадлежащих к разным языковым семьям, отличающихся культурным своеобразием, отличной друг от друга общественной организацией и социальной структурой» [2, с. 23]. Указанная полиэтничность, на наш взгляд, делает более предпочтительным по сравнению с термином «региональная идентичность» (подчёркивающему территориально-административное разделение

регионов), термин «этнорегиональная идентичность», отражающим именно полиэтничность населения регионов и объединяющим народы регионов. Связующим моментом здесь оказывается и то, что некоторые народы (например, ненцы или ханты) живут не в одном, а в нескольких регионах. Кроме того, речь идёт не только о малочисленных народах, но и тех, которые являются частью больших этносов (например, северные якуты, субэтнические группы русского старожильческого населения). В современной национальной политике одним из самых острых вопросов является вопрос об интеграции этнической и гражданской (общероссийской) идентичностей населения, как необходимого условия сохранения целостности Российского государства, гражданского мира и согласия в российском обществе. Этнорегиональная идентичность может, на наш взгляд, рассматриваться как необходимое связующее звено, как своеобразный «мостик» между этнической и гражданской идентичностью⁸. И это не «игра в слова», а реальная жизнь полиэтничного общества, тем более в ситуации, когда боязнь этнического или регионального сепаратизма приводит некоторых современных политиков к попыткам отказаться от поддержки этнической идентичности, якобы «изначально противоречащей» единству России, формированию идентичности общероссийской, гражданской⁹. Арктическая идентичность, безусловно, относится к уровню этнорегиональной идентичности (термин «метаэтнорегиональная» связан с реальной многорегиональностью Арктики).

Особую роль в формировании и развитии арктической идентичности, безусловно, играет образование как основной социокультурный институт, обеспечивающий межпоколенную культурную преемственность. В этом смысле особое внимание заслуживает современная культурно-образовательная политика российского государства, смысл и направленность произошедших в последние годы серьёзных реформ отечественной образовательной системы, в значительной степени усиливших, на наш взгляд, кризис этнической идентичности коренных народов Севера и Арктики. Это связано, в первую очередь, с отсутствием учёта северной специфики, особенностей культурно-образовательной среды северных регионов, преобладанием здесь малокомплектных школ, «не вписывающихся» в новую концепцию «подушевого финансирования», с фактической отменой обязательности преподавания родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В то же время необходимо отметить, что определённые коррективы в указанную политику здесь вносятся на региональном уровне, так, несомненно, на формирование и развитие арктической идентичности направлены усилия по поддержке кочевой формы обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста в Якутии, на Ямале, на Таймыре. Достаточно определённо это выразил в своём выступлении на ежегодном совещании работников образования в августе 2013 г. Президент Республики Саха

(Якутия) Е.А. Борисов, отметив, что Россия - государство неоднородное. В ее составе есть субъекты, особенности которых не совпадают со среднестатистическими показателями в целом по стране, поэтому «Республика Саха (Якутия) всегда принимала и принимает свои собственные законы в поддержку школы и учителя».

Формирование и развитие арктической идентичности коренных народов циркумполярной зоны является, на наш взгляд, важнейшим фактором укрепления и устойчивого развития Российской Федерации.

Примечания

¹ Выступление М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра». 29 июля 2009 года, г. Якутск [Электронный ресурс] // Сайт первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева. Режим доступа : <http://www.1sakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709> (дата обращения: 01.03.2014)

² См. об этом подробнее: Назукина М. В. Образы Российской Арктики в официальном дискурсе: поиск основания для макрорегиональной идентичности // Арктика и Север. 2013. № 11. С. 1-11.

³ См. об этом, например: Шаисламов А. Р. Социальная история номадизма : проблемы изучения и оценки ист. развития кочевых о-в : автореф. дис. на соискание учёной степ. канд. ист. Казань, 2009. 14 с.

⁴ См. об этом подробнее: Крылов А.А. Психология : учебник. М. : Проспект, 2011. 744 с.

⁵ Надо иметь в виду, что понятие «идентификация» употребляется на практике и в другом смысле, не как процесс обретения определенного качества, а как акт оценки соответствия, уровня и характера идентичности. Этот акт носит «внешний» характер и является важнейшей стороной коммуникации – вступая в общение, мы неизбежно идентифицируем того, с кем общаемся, т. е. выстраиваем его «образ», формируем представление о нем, его качествах, особенностях, статусе, принадлежности к какой-либо общности, группе, системе ценностей и т.д.

⁶ См. об этом подробнее, например: Набок И.Л. Педагогика межнационального общения : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Академия, 2010. 303 с.

⁷ Понятие «арктические народы» до сих пор считается условным. Обычно к арктическим относят коренные народы Северной Азии и Северной Америки, обитающих в тундре и западных тундровых областях – чукчей, коряков, юкагиров, ительменов, алеутов, эскимосов, а также саамов, ненцев, энцев, нганасан, северных якутов, эвенков, эвенов.

⁸ Это можно наблюдать на примере полиэтничного по составу студентов Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, где формируется и интегрируется (совместно с северными округами) трёхуровневая идентичность будущих учителей (например: я – ненец, я – ямалец, я – россиянин).

⁹ См., например, об этом: Тишков В. Забыть о нации // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 3-24 ; Реальность этноса : роль образования в формировании этн. и гражд. идентичности : сб. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Астерион, 2006. 703 с. ; Реальность этноса : образование и гуманитар. технологии интеграции этн., этнорегион. и гражд. Идентичности : сб. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Астерион, 2008. 475 с. ; В поисках России : сер. публ. к дискуссии об идентичности. Т. 3. Вост. Россия – Дал. Восток. СПб. : Интерсоцис, 2011. 496 с. ; Nabok I. Integration of Ethnic and Citizen Identity: Pro and Contra of Cultural- Educational Policy in Russia// European ideas in the pedagogical thought: from national to supranational points of view. Some totalitarian aspects. Editors: Ryszard Kucha and Henryk Cudak. Lodz: Spoleczna Frdemia nauk, 2013. Pp. 131-150

Литература

1. Акимов, Ю. Г. Истинный север, сильный и свободный : фактор северности в формировании канад. нац. идентичности / Ю. Г. Акимов // *Общество. Среда. Развитие.* – 2012. – № 1. – С. 197-201.
2. Боякова, С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии : XIX-30-е годы XX вв. : автореферат дисс. ...д-ра ист. наук / С. И. Боякова. – Якутск, 2004. – 38 с.
3. Дробижина, Л. М. Государственная и этническая идентичность : выбор и подвижность / Л. М. Дробижина // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России : [сб. ст.].* М., 2006. С. 10-29.
4. Киселев, В. К. Арктические регионы России: динамика символической политики власти / В. В. Киселев // *Арктические регионы России : проблемы парламентаризма, представительства и регион. идентичности (от родовых общин – к парламенту Ямала) : сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф.* – Екатеринбург ; Салехард, 2013. – С. 134-139.
5. Обсуждение доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности» // *Этногр. обозрение.* – 1998. – № 3. – С. 31-50.
6. Подвинцев, О. Б. Арктические регионы России как новые переселенческие территории: формирование идентичности и политических традиций / О. Б. Подвинцев // *Арктические регионы России : проблемы парламентаризма, представительства и регион. идентичности (от родовых общин – к парламенту Ямала) : сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф.* – Екатеринбург ; Салехард, 2013. – С. 140-145.
7. Садохин, А. П. Этнология : учебник / А. П. Садохин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Гардарики, 2004. – 287 с.
8. Чеснов, Я. В. Лекции по исторической этнологии : учеб. пособие / Я. В. Чеснов. – М. : Гардарики, 1998. – 400 с.
9. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
10. Harper St. The true North Strong and free // *Ottawa Life Magazine.* – 2010, November, 16.

С. А. Алексеева

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ЭТИКЕТ И КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ ТУНГУСОВ (АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ И ВЫБОР НОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ)

Исторические события, происходившие на всем протяжении XX века, наглядно иллюстрируют все большее возрастание роли этнического фактора в общемировом культурно-историческом процессе. Это находит выражение в консолидации этнических общностей в борьбе за обладание природными ресурсами, политическую власть, территориальную и этнокультурную целостность. Сегодня фактически невозможно найти ни одного народа, который не проявлял бы интереса к своей культурной самобытности, не стремился сохранить и развить свою целостность и культурный облик. Эта тенденция отстаивания собственной неповторимости и сохранения культурной традиции подтверждает, что человечество не утрачивает своего этнического разнообразия.

Произшедший разрыв связи времени и поколений, потеря духовных ориентиров в обществе заставляют искать пути выхода из кризисных ситуаций и возрождения интереса к этнической культуре, к национальным традициям. Выход из создавшегося положения во многом видится нам в обращении народа к своим истокам, в возрождении этнического самосознания, в изменении шкалы внутренних оценок и ценностных ориентиров. Такая работа предусматривает изучение глубинных механизмов тех традиций и ценностей, которые копились народом веками и передавались из поколения в поколение.

В связи с вышесказанным огромное значение приобретает опыт реконструкции традиционных этикетных норм и культуры поведения тунгусов, позволяющий понять особенности самого народа и раскрыть механизмы передачи этнокультурных традиций.

Настоятельная необходимость обращения к вопросам традиционного этикета, правилам и нормам поведения (культуры общения) самым непосредственным образом связана с проблемой семьи, от которой зависит воспроизводство самого этноса. Ведь в семье преломляются все силы/интересы общества, в ней фиксируются социальные ценности и интересы.

Сегодня исследования, связанные с проблемой семьи, признаны приоритетными целым рядом наук. Современные идеологические установки, ориентируясь на общечеловеческие ценности, должны учитывать позитивный опыт прошлого и взять на вооружение то ценное, что служило укреплению социального института семьи. Заложенный в традиционной семье огромный гуманистический потенциал может стать фундаментом духовного и нравственного воспитания подрастающего поколения, привития им достойных образцов поведения и правильных ценностных ориентиров в стремительно меняющемся мире.

Наконец, возросшая актуальность исследования диктуется тем, что смена существующих социальных парадигм, огромный интерес к историческому прошлому, к культурному наследию поставили настоящую задачу создания современных концепций их этнокультурного развития, где вопросы, связанные с социокультурной подготовкой молодого поколения, должны занять свое достойное место/нишу.

Таким образом, с одной стороны, тематика этого актуального исследования получает определенный интерес в широких научных кругах, с другой стороны, существует недостаточная разработанность в прикладном плане.

При этом актуальность этнографических/этнологических исследований определяется не только академическим интересом ученых, но и требованиями реальной политики. Стала очевидной прагматическая ценность таких работ. Сегодня знания и практические рекомендации этнографов/этнологов по вопросам из самых разных сфер социальной жизни становятся

первостепенными для осуществления решения политических, экономических и социальных проблем. Более того, решение этнических вопросов является залогом выживания всего человечества. Соответственно, произошла переориентация взглядов на роль традиционных знаний (обычаев и обрядов), произошло понимание их исключительности и значимости как одного из механизмов социализации личности, в т.ч. привитию устойчивых образцов поведения и этикета.

Нами предпринят краткий историографический обзор зарубежных и отечественных исследований по этикету и культуре поведения, и представить этикет как систему исторически обусловленных норм и стандартов поведения, характерных для традиционного общества тунгусов-кочевников.

Изучение истории и этнографии тунгусов имеет определенную историографическую традицию. Вместе с тем такие вопросы, как проблемы этногенеза и этнической истории, свадебно-брачные институты, религиозный синкретизм, эволюция традиционных общественных институтов и отдельные вопросы в сфере этнографии/культуры общения остаются малоисследованными.

До сих пор традиционный этикет тунгусов не являлся предметом специального научного исследования, хотя фрагментарные упоминания о различных этикетных нормах и описания некоторых стандартов поведения имеются во многих этнографических трудах, посвященных традиционной культуре тунгусов. Поэтому комплексное изучение различных сторон этикета, выявление его традиционных специфических черт, как общетунгусских, так и региональных, анализ их трансформации в современных условиях в различных регионах и местах локального проживания тунгусов является актуальной научной задачей.

Этикетные нормы в традиционном обществе пронизывают практически всю повседневную/профанную жизнь человека, определяя модели и стереотипы поведения, поэтому важно выделить основные/базовые принципы, на которых строится традиционный тунгусский этикет. В первую очередь это связано с тем, что человек не отделял себя от природы, считал себя его неотъемлемой частью.

«Образ жизни охотников, рыболовов и оленеводов настолько тесно связан с хрупкими экосистемами тундры и тайги, что человек в их сознании не отделяется от природы. Это обстоятельство объясняет, почему в системе морально-нравственных ценностей и, соответственно, в поведенческих нормах объекты природы (животные, растения, реки, озёра и др.) фигурируют наравне с человеком.

У народов Сибири, в особенности у охотников, рыболовов и оленеводов, нормы этикета ориентированы не только на людей, но и на объекты природы и вещи. Это объясняется особым синкретизмом общественного сознания, основанным на взаимопроникновении мира природы и мира людей. Каждый акт поведения — это некое «послание», а поскольку при-

рода и вещи одушевляются, то любые действия, направленные на них, — это тоже «послание», требующее «ответа». У них можно выделить регулирующие поведение мировоззренческие категории, которые в равной степени относятся и к людям, и к объектам природы. Степень взаимопроникновения культуры и природы выше у охотников и оленеводов, чем у их южных соседей-скотоводов, и в этом основа некоторых отличий традиционного этикета» [40].

Место этикета в социальной структуре общества, его конкретное содержание определяются типом общества. Так, в традиционных обществах — в обществах с выраженной тенденцией к групповому единству, замкнутых, мало подверженных влиянию извне — этикет почти всецело определял форму поведения его членов. По мере модернизации общества, естественно, происходит трансформация различных сторон этикета, развивается тенденция его упрощения, обобщения. В тунгусском обществе в начале XX века произошли сильнейшие изменения: насильственный перевод к оседлости, коллективизация, развитие торгового капитала/товарно-денежных отношений. Все это, без сомнения, меняло существовавшие традиционные стандарты и нормы поведения тунгусов.

Поведение человека в традиционной культуре регламентировалось целым рядом механизмов, которые сложно взаимодействовали друг с другом. В традиционном обществе человек обращен к окружающим, прежде всего своими социальными атрибутами, а не личными свойствами: он член семьи, рода, общины и т. д. Именно социально-общественные и семейно-родственные характеристики и определяют в первую очередь его коммуникативный статус [6; 7].

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют фундаментальные труды ведущих отечественных исследователей Б.Х. Бгажнокова, А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова, С.А. Арутюнова, С.А. Токарева, А.М. Решетова, А.А. Никишенкова, Я.С. Смирновой, С.А. Лугуева и др., посвященные общетеоретическим проблемам исследования традиционной культуры поведения. В их работах, составляющих основное ядро отечественной этнографии по исследованию этикета, наиболее полно раскрыты принципы и методы исследования этикета во всем его многообразии и сложности, а также определены его связи с лингвистикой, психологией, физиологией и рядом других наук.

Наиболее богатый аналитический материал, связанный с изучением этикета как социально-культурного феномена, был накоплен этнографами, изучающими особенности этикета у разных народов (в основном, восточных). Так, Б.Х. Бгажноков является первым этнографом, предпринявшим основательную научную разработку отдельных теоретических и практических вопросов этнографии и теории коммуникации и обосновавшего на этой основе правомерность специального историко-этнографического изучения общения с целью выделения особой субдисциплины

– этнографии общения. Эти разработки нашли отражение в его монографическом исследовании «Адыгский этикет» (1978). Среди других его трудов необходимо отметить следующие работы: Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983; Этикет у народов Передней Азии. – М., 1988. Много внимания было уделено Б.Х. Бгажноковым понятию-категориальному аппарату создаваемой субдисциплины, в частности, им был введен термин «этноэтикет» - система характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализованного общения в типичных, повторяющихся ситуациях взаимодействия, а также «стандарты и атрибуты общения» - это шаблоны коммуникативного поведения, которые передаются от поколения к поколению и выполняют функцию социального контроля и интеграции [11]. Таким образом, Б.Х. Бгажноков являлся тем, кто вывел проблему этикета на качественно новый уровень исследования, его теоретические разработки в области этноэтикета дали возможность исследователям взглянуть на проблему с новых позиций.

Большой вклад в разработку вопросов теории коммуникации и этнографии общения, этноэтикета, стереотипных форм поведения внесли А.К. Байбурун и А.Л. Топорков. В их работах очерчен значительный круг важных теоретических вопросов, связанных с анализом этикета: структура этикета, виды этикета, взаимосвязь этикета с моральными нормами и ритуалами, значимость социальных различий в формировании этикетных ситуаций и т.д. Они вводят читателя в понятийно-терминологический круг «этикет», «этнография общения», «культура поведения», подчеркивают исторические основы складывания и развития этикетных отношений. В статье «Об этнографическом изучении этикета» А.К. Байбурун описывает происхождение этикетного поведения, определяет общее и особенное в его различных формах как жесты, гостеприимство и т.д., дает развернутую специальную программу, разработанную для исследований по этикету [6, с. 12-39].

Монография А.А. Никишенкова является серьезным вкладом в изучение этикета и первым в историографии опытом сводного описания традиционного этикета России. Помимо целого свода ценного конкретного историко-этнографического материала, им было сделано много для теоретического изучения этикета. Во введении к его монографии рассматриваются проблемы этнологического изучения этикета, далее в работе автор рассматривает поведенческую культуру коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока наряду с другими сибирскими народами, и подчеркивает, что культура поведения сибирских народов имеет много общих черт и в то же время поражает разнообразием. Различия этикетных принципов определяются тем, что многочисленные коренные народы региона на протяжении веков проживания в различных природных зонах создали разные хозяйственно-культурные системы и соответствующие им модели образа жизни.

В работе Н.Л. Жуковской освещается этикет монголов, в ней рассмотрены категории и символы культуры монголов, выделены специфические черты, присущие монгольскому кочевому миру [22].

Значительный вклад в разрабатываемую проблематику внес А.М. Решетов, составивший типологию этикетных ситуаций [45, С. 3-11].

Особенности культуры поведения народов бывшего СССР и некоторых зарубежных стран, интересные нам в свете проведения культурно-исторических параллелей, отражены в статьях, вошедших в научные сборники под ред. А.К. Байбурина «Этнические стереотипы поведения», «Этнические стереотипы мужского и женского поведения» [6; 7].

Достаточно хорошо изучен этикет у народов Кавказа помимо уже упомянутых работ Б.Х. Бгажнокова, необходимо отметить работы Ш.Д. Инал-Ипа, З.Х. Берсанова, Я.С. Смирнова, А.Х. Хадиковой [11; 27; 10; 4; 56].

Работа С.А. Лугуева является одной из первых в плане всестороннего анализа традиционного этикета дагестанских народов [32].

В российской историографии помимо указанных работ также следует выделить труды С.А. Арутюнова и Ю.В. Бромлея [5; 13].

Общетеоретическим исследованиям традиционной культуры общения в зарубежной же историографии посвящены труды таких этнологов/социальных антропологов, как Б. Малиновский, М. Мосс [35; 37].

Таким образом, из анализа историографии проблемы можно сделать вывод о том, что предшествующими исследователями были достигнуты определенные успехи в изучении в целом, как традиционной культуры, так и социальных институтов разных народов, в частности.

Что касается специальных исследований по тунгусам, непосредственно по изучаемой теме, то, хотя специального монографического исследования по этикету и культуре поведения ни по тунгусам в целом, ни по отдельным локальным группам не было, эти вопросы по эвенкам/эвенкам в прошлом в той или иной степени (в виде фрагментов, отдельных сведений и заметок) освещались в разного рода публикациях, начиная с XVII в.

В описаниях путешественников, в общих работах по этнографии тунгусов встречаются ценные характеристики тех или иных сторон семейного быта, образа жизни, культурно-обрядовой сферы. Интересны в этом плане документы, принадлежащие участникам экспедиции И.Ю. Москвитина, описания участника Второй Камчатской экспедиции Я.И. Линденау, материалы участников экспедиции И.И. Биллингса-Г.А.Сарычева, Колымской экспедиции Ф.П. Врангеля, дневниковые записи А.Э. Кибера, итоги полевых исследований Г.Л. Майделя, работы политических ссыльных И.А. Худякова, В.Г. Богоразы, В.И. Иохельсона, И.И. Майнова и др. [43; 46; 17; 28; 31; 57; 12; 24; 34].

Определенный интерес представляют путевые записки, отчеты и описания поездок в Якутию в разные годы правительственных чиновников Н.С. Щукина, И.С. Булычева, Н.В. Слюнина, С.А. Бутурлина и некоторых других, из которых

можно почерпнуть много полезных сведений об экономическом положении эвенов, их образе жизни и культуре во второй половине XIX – начале XX вв. [58; 14; 52; 15].

В целом, можно сказать, что авторы рассматриваемого периода ограничиваются констатацией отдельных сторон семейного быта, образа жизни, культуры, этикета без полного описания, осмысления или объяснения.

Только с конца 1920-х гг. XX в. начинаются широкие этнографические исследования тунгусов, обусловленные задачами приобщения к процессу преобразований экономики и социальных отношений. Организуются специальные экспедиции в районы проживания тунгусов для сбора полевых этнографических материалов. Над глубоким изучением хозяйства и быта эвенов и эвенков в стационарных условиях работали в этот период Е.П. Орлова, М.Г. Левин, М.К. Расцветаев, М. Антропов, К.А. Новикова и др. Однако, большинство накопленных в те годы материалов не было опубликовано, перед войной увидели свет преимущественно лишь информационные сообщения [41; 30; 44; 14; 39].

В 1925-1930 гг. начинается работа грандиозной по масштабам того времени Комиссии по изучению производительных сил экономики, истории и культуры Якутской АССР (КЯР), всего было организовано 4 специальных историко-этнографических отряда, перед которыми стояли задачи сбора историко-этнографического материала, изучения традиционной культуры и быта, выявления этнографического облика населения, сложившегося в данных исторических условиях.

Изучение культуры народов Севера как особого этнотерриториального комплекса становится одним из приоритетных исследовательских направлений. В этом отношении особый интерес вызывают материалы Тунгусского этнографического подотряда – самого первого этнографического отряда, организованного КЯР, руководителем которого был В.Н. Васильев. Участниками экспедиции была проведена колоссальная работа, собран огромный материал, имеющий непреходящую ценность для этнографической науки. По результатам этой экспедиционной поездки В.Н. Васильевым была подготовлена к печати авторская рукопись «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов», до сих пор не увидевшая свет. «Эта работа представляет собой подлинную энциклопедию по восточной части Якутии и смежным районам Охотского побережья. Она содержит подробные сведения по географии, истории русской колонизации, хозяйственной деятельности якутов, эвенов и эвенков. Их традиционной культуре, верованиям и социальным отношениям» [25].

В послевоенные годы историко-этнографическое изучение тунгусов практически не проводилось, лишь в начале 1950-х гг. вышла статья М. Г. Левина об эвенах Камчатки, Чукотки, Охотского побережья, характеризующая их общественный быт и занятия [30].

В 1960-1980-е гг. оживился интерес к истории и культуре народа, раз-

вернули исследования среди тунгусов этнографы В.А. Туголуков, С.И. Николаев, У.Г. Попова, А.Б. Спесивовский, А.В. Беляева, И.С. Гурвич [55; 38; 42; 53; 9; 18].

Большую ценность по нашей теме представляет исследование В.А. Туголукова «Социальная организация эвенов и эвенков» содержащее, несомненно, ценные сведения о социальном строе, родовой численности, системе родства, формах семьи, характере брачных отношений, о калыме и приданом эвенов. Другой, представляющей не менее важный интерес для нас работой В.А. Туголукова, является специальный раздел по вопросам семьи и брака в книге «Семейная обрядность народов Сибири», в которой автор характеризует родительные и свадебные обряды тунгусов на основе сравнительно-сопоставительного анализа с другими народами Сибири.

В исследовании С.И. Николаева «Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии» содержится описание семьи и семейного быта у тунгусов.

Особого внимания заслуживает монография У.Г. Поповой «Эвены Магаданской области», являющаяся самой полной этнографической сводкой о традиционном хозяйстве эвенов и семейных обрядах, религиозных верованиях. Жаль, что в данной работе рассматриваются вопросы семейно-брачных отношений всего лишь одной территориальной группы эвенов.

Работа «Семейный быт народов СССР», изданная в 1990 г., посвящена национальным семейным традициям, культуре и быту народов СССР. В центре внимания авторов – брачные обычаи, типы и состав семей, отношения внутри семьи (между супругами, родителями и детьми, между родственниками). Интересующие нас сведения мы можем найти в разделе «Народы Севера и Дальнего востока», в котором в обобщенном виде содержатся сведения о семейной обрядности тунгусов.

Начало 1990-х гг. знаменуется всплеском в возрождении и развитии культуры, ростом национального самосознания эвенов. Начинается новый период в изучении социально-экономической, политической и духовной культуры народов Севера, когда исследования проводятся самими носителями этнической культурной традиции.

В 1993 г. выходит книга А.А. Алексеева «Забывтый мир предков», где содержится богатый материал по религиозно-мировоззренческой системе эвенов, также по свадебной и родительной сторонах обрядности, воспитанию детей на основе многовекового духовного наследия предков [1].

В 2006 г. издана монография А.А. Алексеева «Эвены Верхоянья: история и культура (конец XIX-80-е гг. XX в.)», в котором впервые предпринята попытка изучения истории и традиционной культуры эвенов Северо-Западного Верхоянья, проживающих на территории Республики Саха (Якутия). В работе проанализированы история и особенности формирования культуры эвенов, рассмотрены традиционный и современный хозяйственно-культурный комплекс, особенности духовной культуры эвенов Северо-Западного Верхоянья [2].

В 2008 г. увидела свет монография С.А. Алексеевой «Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографический аспект», в которой впервые реконструированы архаичные формы семьи и брака у эвенов Якутии, проанализированы основные семейные обряды, затрагиваются этикетные нормы при заключении браков, свадебный этикет и т.д. [3].

Что касается работ, выполненных коллективами/группой авторов, то в 1997 г. издана коллективная монография «История и культура эвенов» – первое в отечественной историографии комплексное исследование, охватывающее все основные территориальные группы эвенов. В работе приводятся данные по родовой структуре эвенов, хозяйстве и традиционных обрядах эвенов [25].

В коллективной монографии «История и культура дальневосточных эвенков» рассматриваются проблемы этногенеза и этнической истории дальневосточных эвенков, основные особенности и материальной и духовной культуры, а также социальная организация и семья, правила поведения и этикет [26].

В книге М.Х. Белянской «Традиция и современность: культура выживания северных тунгусов (эвенов и эвенков) (историко-этнографический очерк)» в широком контексте истории народов Восточной Азии рассматриваются вопросы этнической истории и мировоззренческие основы традиционной культуры северных тунгусов [8].

Сравнительное исследование типологии и преемственности культуры эвенков и эвенов в сферах идентичности, природопользования и мировоззрения, в т. ч. анализ основных принципов экологической, в частности, промысловой этики эвенков и эвенов, было проведено Сириной А.А. [51].

Заканчивая анализ имеющихся материалов по исследуемой нами теме, отметим, что проблемы традиционного этикета, в частности, семейного у тунгусов (эвенов и эвенков) рассматривались обычно в коллективных монографиях и статьях наряду с другими вопросами повседневности. Имеющаяся историко-этнографическая литература не дает сколько-нибудь цельного представления об эволюции этикета. Анализ истории вопроса убедительно показывает, что к настоящему времени необходимы специальные изыскания по реконструкции этикета и традиционной культуры поведения у тунгусов.

В целом, подводя итоги предпринятого обширного историографического обзора, хотелось бы отметить, что, учитывая результаты предшествующих работ и на основе собственных полевых этнографических материалов, а также данных архивных материалов, мы предприняли попытку комплексного и всестороннего изучения культуры поведения и традиционного этикета тунгусов.

Необходимо также отметить, что в настоящее время происходят изме-

нения в направлении исследований, расширяющихся и углубляющихся за счет междисциплинарного подхода и характера. Объектом научных интересов становятся проблемы современного детства, подросткового и молодежного социума, семьи и культуры общения, обычно связанные с социологией, психологией и культурологией, что в свою очередь детерминирует их предметную и методологическую специфику.

Но все же, наиболее привычными, традиционными для этнографии являются авторские монографические труды, сочетающие данные непосредственного полевого материала с изучением основных компонентов культуры, дающие в итоге целостное описание отдельного этноса в эволюционно-историческом или структурно-функциональном плане.

Таким образом, вопросы, так или иначе связанные с традиционным этикетом, культурой поведения или, шире, с этнографией общения тунгусов, поднимаются во многих этнографических исследованиях и интерпретируются в различных контекстах. Эти разнородные и разрозненные данные требуют систематизации и научного осмысления с новых методологических позиций современной науки.

Данное исследование является первой попыткой обобщения накопленного обширного историко-этнографического материала по традиционному этикету, нормам и правилам поведения в контексте реконструкции глубинных механизмов социализации в семье, ее ценностей в традиционной культуре тунгусов.

Литература

1. Алексеев, А. А. *Забытый мир предков : (очерки традиц. мировоззрения эвенов Сев.-Зап. Верхоянья)* / А. А. Алексеев. – Якутск : Ситим, 1993. – 96 с.
2. Алексеев А. А. *Эвены Верхоянья : история и культура (конец XIX-80-е гг. XX в.)* / А. А. Алексеев. – СПб. : ВВМ, 2006. – 248 с.
3. Алексеева, С. А. *Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX вв.) : ист.-этногр. аспект* / С. А. Алексеева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 110 с.
4. Антропов, М. *Среди ламутов* / М. Антропов. – М. : Л. : Госучпедгизд, 1931. – 47 с.
5. Арутюнов, С. А. *Народы и культуры : развитие и взаимодействие* / С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – 287 с.
6. Байбурин, А. К. *Об этнографическом изучении этикета* / А. К. Байбурин // *Этикет у народов Передней Азии.* – М., 1988. – С. 12-37.
7. Байбурин, А. К. *У истоков этикета : этногр. очерки* / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л. : Наука, 1990. – 166 с.
8. Белянская, М. Х. *Традиция и современность: культура выживания северных тунгусов (эвенов и эвенков) : (ист.-этногр. очерк)* / М. Х. Белянская. – СПб. : Бельведер, 2004. – 122 с.
9. Беляева А.В. *Некоторые данные об эвенах села Тахтоямск* / А. В. Беляева // *Краеведческие записки Магаданского областного краеведческого музея.* – 1962. – Вып. 4. – С. 119-140.
10. Берсанова, З. Х. *Чеченский этикет: феномен «нохчолла» : середина XIX – начало XX века* : дис...канд. ист. наук / З. Х. Берсанова. – М., 1999. – 147 с.
11. Бгажноков, Б. Х. *Адыгский этикет* / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик : Эльбрус, 1978. – 160 с.
12. Богораз, В. Г. *Ламуты. Из наблюдений в Колымском крае* / В. Г. Богораз // *Землеведение.* – № 1. – М., 1900. – С. 59-72.

13. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. - 412 с.
14. Булычев, И. Путешествие по Восточной Сибири : Якут. обл., Охот. край / И. Булычев. — СПб., 1856. – Ч. I. - 298 с.
15. Бутурлин, С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края мирового судьи С.А. Бутурлина. – СПб., 1907. – С. 80-175.
16. Василевич, Г. М. Эвенки : ист.-этногр. очерки (XVIII-нач. XX вв.) / Г. М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
17. Врангель, Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. / Ф. Врангель. – М. : Изд-во Главсевморпути, 1948. – 139 с.
18. Гурвич, И. С. Эвены-тюгясиры (Группа эвенов Якутской АССР: по материалам экспедиции Якутского филиала АН СССР, 1953-1954 гг.) / И. С. Гурвич // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.– М., 1956. – Вып. 25. – С. 42-55.
19. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
20. Долгих, Б. О. Этнический состав населения Севера СССР (вопросы численности коренных народностей и классификации их языков в свете последних статистических данных) / Б. О. Долгих // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – М., 1970. – С. 11-27.
21. Дитмар, К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851-1855 годах / К. Дитмар. – СПб., 1901. – Ч. I. – 579 с.
22. Жуковская, Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 1998. – 1947 с.
23. Иохельсон, В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении / В. И. Иохельсон // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. – Якутск, 1895. – Вып.1. – С. 109-151.
24. Иохельсон, В. И. Бродячие роды тундры между р. Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимосвязи различных племенных элементов / В. И. Иохельсон // Живая старина. - 1900. – Вып. 1-2. – С. 151-193.
25. История и культура эвенов : ист.-этногр. – СПб : Наука, 1997. – 182 с.
26. История и культура дальневосточных эвенков : ист.- этногр. очерки. СПб. : Наука, 2010. – 332 с.
27. Инал-Ипа, Ш. Д. Очерки об абхазском этикете / Ш. Д. Инал-Ипа. – Сухуми : Алашара, 1984. – 190 с.
28. Кибер, А. Э. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 г. / А. Э. Кибер // Сиб. вестн. – Ч. II.– СПб, 1823. – Кн. 10. – С.121-136 ; Кн. 11. – С. 137-150 ; Кн. 12. – С. 151-164.
29. Кибер, А. Э. Извлечения из дневниковых записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири / А. Э. Кибер // Сиб. вестн. – Ч. I. – СПб., 1824. – Кн. 3. – С. 1-10 ; Кн. 3-4. – С. 11-36 ; Кн. 5. – С. 37-58.
30. Левин, М. Г. Эвены / М. Г. Левин // Народы Сибири. – М. ;Л., 1956. – С. 760-775.
31. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : ист.-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
32. Лугуев, С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX-начало XX вв.) / С. А. Лугуев. – Махачкала, 2006. – 304 с.
33. Майдель, Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. / Г. Майдель.– СПб., 1894-1896. – Т.1-2.
34. Майнов, И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края / И. И. Майнов. – Иркутск :

Типо-литография П.И. Макушина, 1889. – 220 с.

35. Малиновский, Б. Избранное : Динамика культуры / Б. Малиновский. – М. : РОССПЭН, 2004. – 957 с.

36. Миддендорф, А. Путешествие на север и восток Сибири / А. Миддендорф. – СПб., 1878. – Ч. II. – 872 с.

37. Мосс, М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность : тр. по социал. антропологии / М. Моос. - М., 1996. - С. 140-141.

38. Николаев, С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии / С. И. Николаев. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 202 с.

39. Новикова, К. А. О расселении, численности и родоплеменных названиях эвенов Якутской АССР. Эвены / К. А. Новикова // Народы Сибири. – М. ; Л., 1956. – С. 760-775.

40. Никишенков, А. А. Традиционный этикет народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока / А. А. Никишенков // Восточный свет : прил. к газ. «Татар. Мир». — 2005. — № 21-22.

41. Орлова, Е. П. Ламуты полуострова Камчатка / Е. П. Орлова // Советский Север. – 1930. – №5. - С. 39-48.

42. Попова, У. Г. Эвены Магаданской области : очерки истории, хоз-ва и культуры эвенов Охот. побережья, 1917-1977 гг. / У. Г. Попова. – М. : Наука, 1981. – 304 с.

43. Распросные речи И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 1963. – Т.4. – Вып. 2.- С. 26-35.

44. Расцветаев, М. К. Тунгусы Мьямьского рода / М. К. Расцветаев. – Л. : Изд-во АН СССР, 1933. – 178 с.

45. Решетов, А. М. Народы Передней Азии и их этикет / А. М. Решетов // Этикет у народов Передней Азии. – М., 1988. – С.3-11.

46. Роспись рекам и имена людям... // Известия ВГО СССР. - 1958. – Т.90. – Вып.5. -С.440-441.

47. Сарычев, А. Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 г. / А. Г. Сарычев. – СПб. : Мор. типогр., 1802. – Ч. I-II. – 410 с.

48. Семейный быт народов Сибири. – М. : Наука, 1990. – 310 с.

49. Семейная обрядность народов Сибири. – М. : Наука, 1980. – 240 с.

50. Смирнова, Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства) / Я. С. Смирнова // Совет. этногр. – 1982. - № 6. – С. 40-51;

51. Сирина, А. А. Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов (конец XIX-начало XXI веков) : дис... д-ра. ист. наук / А. А. Смирнова. – М., 2011. – 608 с.

52. Слюнин, Н. В. Охотско-Камчатский край / Н. В. Слюнин. – СПб. 1900. – Т. 1-2.

53. Слеваковский, А. Б. Материалы по терминологии родства и свойства эвенов Камчатки / А. Б. Слеваковский // Полевые исследования Института этнографии. 1978. - М., 1980. - С.128-121.

54. Токарев, С. А. «Избегание» и «этикет» / С. А. Токарев // Совет. этногр. – 1979. – №1. – С. 68-75.

55. Туголуков, В. А. Эвенки и эвены / В. А. Туголуков // Семейная обрядность народов Сибири. – М., 1980. – С. 54-60.

56. Хадикова, А. Х. Традиционный этикет осетин : дис...канд. ист. наук / А. Х. Хадикова. – СПб, 1992. – 205 с.

57. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. – Л. : Наука, 1969. – 441 с.

58. Щукин, Н. С. Поездка в Якутск / Н. С. Щукин. – СПб., 1833. – 231 с.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА ОЛОНХО)

Процесс идентификации имеет локальные особенности, происходящие на ментальном уровне, что необходимо учитывать в коммуникации, социализации и инкультурации личности в современной социокультурной среде [1]. Актуальность рассматриваемого вопроса в современном поликультурном пространстве очевидна. Мы представим практические примеры применения выявленных нами этапов процесса идентификации, сделанных дополнений к существующей в современной науке типологизации этнической идентичности и выделенных уровней идентификации личности, а также осуществим междисциплинарный анализ идентификационных явлений и процессов на материале эпического текста саха. Исследование основано на элементах лингвокультурологического анализа и психоаналитическом подходе к обозначенной проблеме.

Идентичность – это определенное состояние, означающее постепенное перенесение индивидом на себя (освоение, интериоризация) качеств общности, в которой индивид формируется как личность. Идентичность можно понимать и как постоянное, повседневное деятельное (поведенческое) воспроизводство своей принадлежности к группе. Соответственно, этническая идентификация (самоидентификация) означает «интериоризацию» качеств этнической общности, сформировавшихся в процессе этногенеза [4].

В этнической идентификации роль играют два фактора – наследственность и сознательность (по И.П. Набоку), и это, по нашему мнению, объясняется дуальностью природы человека и природы культуры. В качестве наследственности проявляется природное начало в человеке и культуре, а в качестве сознательности – культурное начало. Поэтому можно утверждать о двойственности идентичности.

Одновременно, идентичность как состояние человека непременно имеет характер тройственности, и на этот факт указывают многие исследователи. Например, Л.М. Дробужева вычленяет в идентичности три основных взаимосвязанных компонента: когнитивный (познавательный), эмоциональный и регулятивный (поведенческий) [2].

Три взаимосвязанных компонента человеческой сущности в культуре саха известно как Кут, который в нашем понимании представляет собой триединую психофизическую субстанцию. На языке саха они называются Ийэ кут, Буор кут, Салгын кут и соответственно представляют собой сущностную основу духовно-интеллектуальной, био-физиологической, нравственно-социальной сфер личности человека. Отмечаемые Л.М. Дро-

близкой компоненты можно соотнести к этим самым трем Кут.

Конкретизация органических процессов в человеке, осознание и переживание человеком своей принадлежности к общности и, наконец, ощущение им «самости» также соответствуют проявлениям Буор кут, Салгын кут и Ийэ кут человека. Отсюда следует вывод о том, что проявление, реализация данности, вложенной в Кут человека, есть динамичный процесс идентификации, а идентичность как состояние наступает в виде текущего, но одновременно статичного результата процесса идентификации из внутренней триединой сути человека Кут. Тогда получается, что укорененность этничности (по И.Л. Набоку) есть факт неоспоримый и естественный, оттого требующий постоянного учета.

Идентичность есть триединое духовно-душевно-телесное статическое, стабильное состояние человека. Притом духовность выступает как свойство нервной системы человека (айылгы – здесь и далее по-якутски. Г.П.), душевность как свойство психо-эмоциональной системы (уйулгха), а телесное в человеке есть свойство его физиологической системы (сиин). Соответственно, духовное заложено в Ийэ кут человека, душевное – в Салгын кут, а телесное – в Буор кут. Человеку присущи разного рода идентичности, которых он достигает постепенно в ходе своей социализации и инкультурации. Эти роды идентичностей группируются по природе в девять разновидностей, которые мы представили в виде таблицы.

Идентичность бывает следующих родов: человеческая, гендерная, этническая, территориальная, мировоззренческая, идеологическая, социальная (субкультурная), духовно-творческая, возрастная. Идентификация идет постоянно, а идентичность как состояние наступает, созревает временами, затем прибавляется новый род идентичности, таким образом, постепенно формируется этнокультурная идентичность человека – разнообразие и богатство личности как целостность ее внутреннего самоосознания (баардыланы, билинии).

Культурная идентичность – это оформленное в виде истории, мифов, религии, духовной жизни народа стремление сохранить и защищать культурные достояния. Это постоянно пересматриваемый и оцениваемый проект жизни индивида или народа, направленный на будущее. Важнейшие признаки идентичности личности – отличие от других и целостность [3]. Речь здесь идет об абстрактном понятии, но на практике то же самое можно утверждать про идентичность этноса и этнической личности. Здесь основным аргументом введения понятия этнокультурной идентичности выступает факт того, что ни культуры, ни человека без этнической принадлежности практически не существует, а этнос в свою очередь генетически прикреплен к определенной природной среде со своими особенностями и биокультурным языковым однообразием.

А.П. Садохин выделяет 7 условных типов этнической идентичности: [7, с. 178-179]. И.Л. Набок указывает на еще один тип идентичности, который на-

зывает «толерантной идентичностью» – это когда «иная» этническая идентичность признается вполне равноправной, паритетной, «рядоположенной». Т.е. тип идентичности, имеющий диалоговый характер, направленность не только «на себя». Автор подчеркивает, что «именно этот тип идентичности только и может стать основой для нормальной, равноправной межэтнической коммуникации» [4, с. 23].

Исходя из триединства Кут и тринарности культуры, мы в свою очередь предложили девятый тип этнокультурной идентичности, а именно – осознание и ощущение в себе наличия духа творчества (айыы тыына), свободы на творчество (айар кэнгюл), идентификацию себя человеком, наделенным свободой на творчество (айыы кихитэ) – «творческую» идентичность. Для саха этот тип идентичности мы назвали «Идентичность человека-айыы (Айыы кихитэбин дэнии)» [6].

Приведя рассмотренные типы этнической идентичности в соответствие с тремя Кут человека, мы расположили их в девятиричную матричную структуру (см. табл. 1).

Таблица 1. Типология этнокультурной идентичности личности

1. Идентичность по Ийэ кут. 1.1. «Творческая» идентичность (Идентичность человека-айыы)	2. Идентичность по Буор кут. 2.1. «Толерантная идентичность»	3. Идентичность по Салгын кут 3.1. «Нормальная» или «позитивная» идентичность
1.2. Этническая индифферентность	2.2. «Этноцентрическая» идентичность	3.2. «Этнодоминирующая идентичность»
1.3. Этнонигилизм (космополинизм)	2.3. Амбивалентная этничность	3.3. «Этнический фанатизм»

Первый уровень идентичности (см. в табл. 1 пункты 1.1., 2.1., 3.1.) по всем трем Кут человека соответствует нормальному (нормативному), одновременно природному и культурному проявлению заложенных в человеке данностей и способствует нормальной, творческой, взаимообогащающей коммуникации в любом социуме. Этот уровень назовем «человеческим» уровнем идентичности.

Второй уровень идентичности (там же, пункты 1.2., 2.2., 3.2.) еще не представляет явной угрозы для сохранения человеческого общества, но, как правило, не одобряется социумом – назовем этот уровень «асоциальным».

Третий уровень идентичности (там же, пункты 1.3., 2.3., 3.3.) представляет собой проявление в человеке антидуха – открыто противостоит обществу

и вызывает проявление антикультурных действий – назовем этот уровень «нечеловеческим». Какая бы то ни была толерантность, она на этом уровне нивелируется и человек становится способен на антигуманные действия.

Что особенно важно для ресоциализации личности, то есть возвращения в адекватное социальное положение, с третьего уровня возможен переход на второй и первый уровни, и процесс идентификации при этом называется «очеловечивание» человека – «киһитийи». Это есть процесс эволюции духа, отличающий человека от всего остального животного мира, а также преодоления в себе антидуха.

Также отметим, что по представлениям саха вне указанных девяти типов идентичностей есть идентичность «внечеловеческая». Это есть одновременно и социальная оценка психологического состояния личности. Критерии этой оценки состоят в оценивании степени утери качеств человечности и определяются в культуре саха по следующим маркерам:

«Кыыллыыы» («озверение» человека) – разрушение гармонии в субстанции Буор кут;

«Абааһытыыы» («бешенство») – разрушение гармонии в субстанции Салгын кут;

«Киһи аатыттан ааһыы» (утрача человечности) – разрушение гармонии в субстанции Ийэ кут.

В проявлении этих внечеловеческих типов идентичностей играет роль не дух, а антидух. В человеке при его появлении на свет по закону двойственности перинатально вселяется не только Дух, но и Антидух (подробно см. в монографии автора) [5, с. 80-96].

Способ восстановления человечности из власти антидуха – это своего рода инициация – становление на путь очеловечивания, путь нового постижения сути свободного творчества – Айыы суолунан айан. Здесь проявляется нормативность культуры – чтобы встать на путь творчества, необходимо придерживаться культурных норм – айыы суолун тутуһуу. Путь – это жизненный путь человека, его биография – олох суола. Испросить, вернуть в себя дух творчества (Айыы тыына) – значит вдохнуть этот дух (айыы тыынын ылыы). Вот способ возвращения себя в человеческое состояние.

Здесь самое место рассмотреть практический пример возвращения человека на «человеческий» уровень идентичности. Как мы выше указали, этот пример взят из текста якутского эпоса олонхо. Писатель С.С. Яковлев-Эрилик Эристиин, которого называют «Якутским Островским», будучи слепым, оставил за собой олонхо под названием «Буура Дохсун» [8].

Текст данного эпоса олонхо изучен нами во многих аспектах, и мы пришли к выводу, что этот текст составлен автором как программный документ для будущих поколений саха во многих направлениях человеческой деятельности и именно для самоосознания в качестве айыы киһитэ, саморазвития и национальной самоидентификации как этнос саха. Так, одним из этих направлений выступает возможность возвращения человека из

состояния «нечеловеческого» уровня идентичности в «человеческий». Как известно, в современном социуме очень часты случаи асоциальности, девиантности и различного рода неадекватного поведения, приводящих к отчуждению и насильственной изоляции допустивших таковое поведение от общества.

В анализируемом тексте двое из трех главных героев-богатырей являются по своему характеру и нраву подходящими к описанным выше состояниям «Кыыллыйыы» («озверение» человека) – разрушения гармонии в субстанции Буор кут и «Абааһытыйыы» («бешенство») – разрушения гармонии в субстанции Салгын кут. В первом состоянии находится герой Буура Дохсун – младший из двух сыновей первой из двух изображаемых семей на Срединном мире, который без видимой на то причины звереет, сердится на всех подряд и оставляет родной кров, ища повода схватиться с кем-нибудь в битве. Во втором состоянии находится единственный сын второй семьи – богатырь, имя которому родители дали Тюнгнэри Холорук, что означает Вихрь с обратным солнцу вращением, то есть это имя объясняет его дьявольский нрав, и его, соответственно, держат взаперти и не показывают посторонним, стыдясь своего недостойного сына.

В ходе всех перипетий олонхо, достойно победив силы зла, оба героя возвращаются в свой родной социум, женятся и приходят к миру и согласию со всеми своими сородичами и новыми родственниками со стороны невест и женихов. Что примечательно, для коренных этносов окончательный мир приносит результат конных скачек – кони богатырей Буура Дохсун и Алып Туйгун, то есть деверя и зятя, приходят к финишу ухо в ухо, и этот факт является окончательной точкой в деле признания зятя «Своим». То есть у зятя происходит момент самоидентификации себя «Своим» в новом для него социуме родных своей жены.

То, что средством идентификации выступают кони – миинэр мингэ – является особо примечательным моментом. Здесь проявляется духовная сторона вопроса идентификации – участие Божества Айыы конного скота Джёсёгёй. Три отдела этноса саха – Үс саха – нами не зря выделяется по виду тягловой силы (конные якуты = сылгылаах сахалар, якуты с рогатым скотом = огустаах сахалар, оленные якуты = табалаах сахалар. Подробно см. в монографии автора) [5, с. 244-247]. Можно предположить, что в данном случае зятя признали как конного саха и посчитали «Своим». Также происходит и в случае с другими видами тягловой силы – есть у коренных северных народов в традиции и оленье скачки, да и про скачки быков бытуют народные сказы. Проблема «Свой-Чужой» в процессе коммуникации и идентификации стоит на первом месте по природе вещей.

Из пяти молодых людей в этом тексте образовывается всего три семьи – это происходит потому, что две пары молодых объединяются семейными узами из рассказываемых двух семей, и только старший сын из первой семьи, чью идентичность мы относим к первому «человеческому» уровню

идентичности, находит себе суженую на стороне – из другого рода.

Но вопрос здесь в том, почему же эти два героя сначала находятся в указанных нежелательных, «внечеловеческих» уровнях идентичности? Ответ нужно искать в родителях или же в состоянии социума. Отец Буура Дохсуна в свое время был, оказывается, сослан в Срединный земной мир из Верхнего мира Божеств-Айыы за то, что три года воинственно претендовал на должность судьи при Верховном Божестве Юрюнг Айыы Тойон. А на самом деле эту должность занимал и занимает всегда его старший брат Юрюнг Аар Тойон. Вот за этот раздор и был сослан отец нашего героя вместе со своей женой, т.е. с матерью будущих его детей, которая, кстати, также имела претензии насчет должности своего мужа. И вот эта семья родила на земле троих детей – двух сыновей и дочь. Буура Дохсун, с детства наслышанный об этой истории, был зол и на своего дядю, и на отца с матерью, и на этой почве, отрешившись ото всех, решается идти на поиски путей решения накопившихся проблем самостоятельно.

Причину появления второго героя по имени Тюнгнири Холорук следует искать в социуме – по его объяснению, он таковым родился по воле богини деторождения Айыысыт для того, чтобы злые силы не обнаружили его прежде времени, принимая за своего. И вот, когда наступает самый критический момент, герой направляется на расправу с обидчиками рода человеческого и побеждает самого сильного из них. При возвращении победителя домой Буура Дохсун, который сосватался к его родной сестре Кыыс Ньургун и у которого уже подрастает сын, предлагает ему в жены свою спасенную от абаасы сестру. Девушка, видя, за какое страшилище сватает ее брат, падает в обморок, и здесь все проясняется – герой сбрасывает с себя внешнюю бесовскую накидку и превращается в прекрасного юношу со сладким голосом и человеческими речами. И обрадованный таким поворотом дел отец нарекает его новым именем – Алып Туйгун, что означает «отличительный очарователь».

Подобные сюжетные линии, когда главный герой вначале находится в указанных нежелательных, порицаемых обществом уровнях, встречаются в текстах многих олонхо. А вот последний уровень, который назван нами «нечеловеческим», в якутских эпических текстах не наблюдается. Данный случай отмечен лишь в драме «Бюдюрюйбют кэммэт = Споткнувшийся не исправляется» классика и одного из основателя якутской литературы А.И. Софронова, который предупреждает о том, что звание человека можно потерять лишь вследствие пристрастия к спиртному и азартным играм – этих элементов в традиционной культуре саха исконно не имеется. И действительно, ферментов, расщепляющих алкоголь, в крови коренных народов Арктики природно не выработано. Не знает природа Арктики таковых явлений и видов флоры. Таким образом, здесь раскрывается корень зла алкоголизма и табакокурения на Севере – от них излечения нет, и, значит, к ним и притрагиваться нельзя – это «чужое» в корневой культуре. Аккуль-

турация неминуемо ведет к ассимиляции – это объективный закон развития культуры.

Вывод здесь напрашивается следующий: дети, молодое поколение в своем заблуждении относительно самоидентификации фактически не виновны – причину следует искать либо в родителях, либо в социуме – нарушении культурного начала, то есть неадекватная самоидентификация молодого поколения есть проблема глубоко семейная и социально-культурная, требующая участия всех человековедческих наук и междисциплинарного подхода.

Подводя итог исследованию, можем утверждать, что, как видно из построенной нами классификации и типологии, выделения этапов и уровней идентификации, на основании вводимого понятия «творческой» идентичности, самоидентификация всех коренных северных этносов, всех без исключения этнических общностей мира в целом соответствует трем основным указанным выше типам идентичности первого («человеческого») уровня. А также современной идее всеобщего культурного равенства и многообразия, возможности вступления в поликультурное пространство на уровне диалога культур – разговора равных, идее выхода из культурного кризиса путем культурного диалога. На этом человеческом уровне идентичности и держится мир и вся человеческая культура.

Этнические общности циркумполярного региона претендуют на этнокультурную целостность, и каждый представитель северного этноса естественным (природо-культуросообразным) путем может самоидентифицироваться в современном поликультурном пространстве как России, так и мира. Проблемы в процессах социализации и инкультурации личности, в межкультурной, межличностной и иных видах коммуникаций в современном социуме можно и нужно решать путем «очеловечивания» человека и человеческих масс – формированием адекватной этнокультурной самоидентификации, где решающую роль играет «творческая» идентичность личности, занимающая основное место в разработанном нами согласно трем Кут человека структурировании уровней идентичности.

Литература

1. Винокурова, У. А. Сказ о народе саха / У. А. Винокурова. – Якутск : Бичик, 1994. – 144 с.
2. Дробижина, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л. М. Дробижина // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. – М., 2006. – С. 10-11.
3. Ерасов, Б. С. Социальная культурология : в 2 ч. / Б. С. Ерасов. – М., 1994. – 312 с.
4. Набок, И. Л. Этническая толерантность и идентичность / И. Л. Набок // *Реальность этноса : роль образования в формировании этн. и межконфессион. толерантности : сб. ст. : в 2-х ч. Ч. 1* / И. Л. Набок. – СПб., 2009. – С. 18-24.
5. Попова, Г. С. Триединство в духовной культуре этноса : (на примере саха) / Г. С. Попова. – СПб. : Астерион, 2010. – 346 с.
6. Попова, Г. С. Этническая идентификация в условиях современного социума [Электронный ресурс] / Г. С. Попова. – Режим доступа : <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/rules.html> (дата обращения: 03.03.2014)

7. Садохин, А. П. Г. *Этнология* / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2003. – 320 с.

8. Яковлев, С. С.-Эрилик Эристиин. *Буура Дохсун : олонхо* / С. С. Яковлев-Эрилик Эристиин. – Якутск : Бичик, 1993. – 416 с.

М. А. Абрамова

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГРАФИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ «КАРТИНЫ МИРА» МОЛОДЕЖЬЮ АРКТИКИ

Исторически сложилось так, что объекты-образы-символы национальной идентификации в России не носили этнического характера. Например, в опросных листах первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. вопрос о национальности отсутствовал. Впервые он появился в переписях 1920 г. Самоопределение в дореволюционной России осуществлялось по вероисповеданию («мы - православные») или по территориальному признаку («мы - тверские»). Но данный факт не препятствовал сохранению различными этническими группами своей культуры, своего языка. М. Бахтин писал: «Я существую не потому, что мыслю, сознаю, а потому, что отвечаю на обращенный ко мне призыв другого человека» [3, с. 80]. Диалогичность (или даже полилогичность) - естественное состояние и важнейший механизм развития культуры, выявления ее сущностных потенциалов. Единое смысловое, ценностное и коммуникативное пространство общества обеспечивают духовные факторы консолидации.

В этой связи обнаружение общих для народов Арктики традиций, идей, системы базовых ценностей является средством консолидации общества, обеспечением гражданского согласия. Отождествление с исторически устойчивой для конкретной культуры системой базовых ценностей и идентификация с их носителями определяет принадлежность человека к культуре, социуму.

Особую актуальность приобретает изучение современного семантического пространства, которое обуславливает формирование картины мира молодежи Арктики. Возрастающее значение визуальной коммуникации как фактора формирования общественного сознания и современной культуры предопределило выбранный нами предмет исследования, а именно - графические образы как способ репрезентации картины мира. В эпоху, когда роль визуальных образов в политике, СМИ, повседневной жизни становится все более важной, потребность в анализе и интерпретации графических образов, учет их воздействия на подсознание реципиентов является акту-

альным. Таким образом, данное исследование посвящено изучению невербальной символики графических образов как отражения архетипичного уровня этнического самосознания личности.

Обращение к северным территориям России связано с тем, что в современных условиях именно Арктика испытывает серьезные экономические и политические потрясения. И одним из условий бесконфликтного сосуществования различных этнических групп в данном экономически и геополитически важном регионе является осознание и признание того факта, что исторически для него характерно взаимодействие культур приполярных зон, а также взаимопроникновение их культур с культурой европейской части России. Мультикультурность – важнейшая характеристика и величайшее достижение Арктики, она должна стать отправной точкой для построения и осуществления грамотной политики развития его как стратегически важного района. К сожалению, необходимо признать, что последние десятилетия нанесли серьезный ущерб восприятию и осознанию северянами территории проживания как полиэтничного региона. Многие идеи, вербализированные в эпоху социализма, сейчас ушли в прошлое. В то же время свидетельства существования мультикультурности как свойства картины мира северян можно еще обнаружить на уровне предсознательного и подсознательного. В этой связи особый интерес для нас представляет в первую очередь молодежь как особая группа населения России, сформировавшаяся уже в постперестроечный период.

Данный материал является продолжением обобщения теоретических и эмпирических исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия) в 2006-2008 гг. по гранту президента РФ для молодых ученых МД - 3562.2007.6 «Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера: репрезентация в графических образах» [2].

«Картина мира» является одним из фундаментальных понятий, отражающих специфику личности и ее бытия, принципы и модели взаимодействия с миром. Обращение к рассмотрению генезиса понятия «картина мира» в научном дискурсе обусловлено актуальностью проведения междисциплинарных исследований, его интегрирующего характера. Данное свойство понятия, позволяет нам в едином контексте рассматривать специфику формирования мировоззрения, мировосприятия, мироощущения социальных субъектов, под которыми мы будем понимать индивида, социальную и этническую группы.

М. Вебер в рамках разрабатываемой им концепции «понимающей социологии» анализировал социальное действие и пытался найти его объяснение. Выделяя следующие признаки социального действия: осмысленность и ориентирование на ожидания окружения, М. Вебер делал вывод, что сочетания социальных действий образуют «смысловые связи», на основе которых формируются социальные отношения и институты [4].

Культурологический подход к исследованию понятия «картина мира»,

развиваемый зарубежными антропологами, этнологами, лингвистами, философами в первую очередь был сосредоточен на объяснении разнообразия культурных моделей.

Культурологический подход нашел свое развитие в трудах отечественных исследователей А.М. Золотарева, А.Я. Гуревича, который в опубликованной работе «Категории средневековой культуры», полемизируя с французскими исследователями, предложил свое видение «картины мира средневекового человека» на основе следующих составляющих: время – пространство, право, труд, богатство [5, с. 11].

Отметим, что традиции российских исследований феномена «картина мира» закладывались скорее в области психолингвистики и психосемантики (А.А. Залевская, Р. Павиленис, В.Ф. Петренко, В.А. Пищальникова, В.П. Серкин и др.), что обусловило развитие интереса к феноменологическим особенностям «картины мира». Проблему образа, символа, знака в отношении к отображаемому объекту поднимали Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, В.В. Ким, В.И. Колосницын, И.С. Нарский, рассматривавшие знаковые структуры как форму объективации представлений, существующих в сознании. Вопросами представления реального и воображаемого пространства занимались Б.М. Величковский, И.В. Блинникова.

Новые возможности в анализе человеческого мышления открывает подход к изучению картины мира в сопоставлении не с какой-либо культурной эпохой, а с определенным типом мировоззрения: обыденным, научным, религиозным, мифологическим. В данном случае на первый план выходит проблема соотношения идеального конструкта, созданного в сознании и воплощенного в тех или иных формах деятельности, с отображаемой действительностью [6, с. 11]. В результате субъект становится одним из составляющих предмета исследования. В рамках данного подхода особый интерес приобретают такие понятия, как мировоззрение, мироощущение, мировосприятие, этническое самосознание, этническая идентификация, «Концепция – Я», социокультурные установки.

Развитие в социальной психологии когнитивного направления привело к усиленному изучению коллективных социальных представлений (М. Московичи). В какой-то мере данная тенденция развития была заложена еще в работах К.Г. Юнга: «Только в зеркале нашей картины мира мы можем увидеть себя целиком. Только в образе, который мы создаем, мы предстаем перед самими собою» [10].

В российской психологии в большей степени уделяли внимание субъективным смыслам образа «картины мира» и закономерностями его построения и функционирования в контексте деятельности субъекта. Необходимо отметить, что в нашей стране более распространен термин «образ мира», который стал широко известен после выхода статьи А.Н. Леонтьева «Психология образа» и последовавших за ней работ С.Д. Смирнова, В.В. Петухова и Ф.Е. Василюка. А.Н. Леонтьев высказал мнение, что восприятие

есть средство построения образа реальности, более или менее адекватного последней. Образ мира, с его точки зрения, представляет собой некоторую модель, которая, будучи построена на основании субъективного опыта, в дальнейшем сама опосредует восприятие этого опыта [7].

Особо хочется отметить идею А.Н. Леонтьева о том, что феномен «картины/образа мира» не является простым суммированием перцептивной информации. Образ мира – это не перцептивная картинка, а некоторое относительно стабильное образование (можно сказать, конструкция [6, с. 48]), являющееся результатом обработки данных восприятия. Сознательное «Я» воспринимает мир как уже пространственно артикулированный, упорядоченный во времени, существующий вне и независимо от бытия «Я». В данном контексте самосознание является знанием необъективированным, т. е. не имеющим «свободы существовать вне Я».

Одним из ярких примеров субъективности самосознания является этническая самоидентификация индивида. И если, с точки зрения рефлексии, конституированным признаком нации является, например, территория как географическое пространство, то для самоидентификации индивида таким признаком является Родина как «родное тело культуры нации». Это взволнованно-личностное отношение Н.З. Чавчавадзе называет «культурно-философско-аксиологическим понятием нации, наполненным ценностным смыслом» [9, с. 111].

В рамках рассмотрения факторов формирования современной картины мира необходимо отметить, что этнический фактор имеет интеграционный характер. Исследование этнического фактора в различных его проявлениях позволяет понять процессы, происходящие в этническом самосознании индивида, менталитете этнической группы, самосознании народа.

Одной из глобальных тенденций второй половины XX века стало усиление идеи мультикультурализма, что в условиях глобализации свидетельствовало о совершенствовании духовного потенциала личности, который определяется не только степенью ее приобщенности к мировой культуре, но и к национально-культурным традициям. Специфика формирования первоначально России имперской, затем Советского Союза предопределила вступление в диалог различных этносов, что привело к их взаимодействию и взаимообогащению национальных и культурных традиций. В результате это стало основой для формирования специфической картины мира, наполненной многоцветием этнических культур России.

Анализ истоков формирования гуманистических установок в традиционной культуре народов Севера, выполненный нами в монографии «Идеи гуманизма в культуре и образовании Якутии» [1], показал, что региональный образ жизни северян формировался на стыке трех культур:

- культуры коренных народов Севера России;
- культуры живущего здесь уже более трехсот лет русскоязычного населения;
- культуры народов Азиатского Дальнего Востока.

В результате на Северо-Востоке России сформировались особые условия формирования картины мира жителей, которые обеспечили тесное переплетение не только систем ценностей, но и моделей поведения.

Усвоение традиций, обычаев представлений о мире происходило на уровне не только вторичной, но и первичной социализации индивида. Билингвальность как одна из особых черт культуры региона, где уже с XV века проживали представители трех различных культур, способствовала усвоению детьми с раннего возраста на уровне формирования вербальной системы семантического ряда как родной, так и «соседней» культуры. Таким образом, мультикультурность восприятия мира становится фактически одной из характерных особенностей семантического пространства России в целом и Арктической территории в частности. В условиях арктической культуры, когда люди на протяжении нескольких веков, проходя стадии инкультурации, «вживаются» одновременно в культуры различных этнических групп, мы получаем в результате не разные культуры, а одну, имеющую синтетический характер.

В ходе конкретного социологического исследования, которое было проведено в Республике Саха (Якутия), анализировалась специфика репрезентации картины мира молодежью в графических образах. В качестве объекта для нашего исследования была взята учащаяся молодежь как живущая в г. Якутске, так и приехавшая на учебу из различных населенных пунктов городской и сельской местности. Нами были опрошены 1600 школьников (14-17 лет) и студентов (18-23 лет), обучающихся в г. Якутске (из них 69% – саха, 21% – русские, 3% – представители коренных малочисленных народов Севера, 7% – прочих народов).

В исследовании применялись социологические, социально-психологические методы исследования, а также проективный метод, основывающийся на графических репрезентациях. В качестве задания студенты должны были изобразить свои ассоциации на такие абстрактные понятия, как «добро», «зло», «любовь», «семья», «культура» и «этнос». Техника изображения не оговаривалась, т.е. это могли быть и монохромные рисунки и полихромные.

Проективные методики используются очень часто в современной клинической, динамической и социальной психологии. Их активное использование является одной из тенденций динамического и целостного подхода в современной психологии. Мы обратились к использованию проективных методов для решения задачи в области социально-психологического исследования: для выявления аттитудов в семантическом пространстве современной молодежи Арктики.

Преимущество рисуночных методов исследования в качестве проективного в условиях поликультурного общества, когда для респондентов родным языком является отнюдь не тот, на котором составлен инструментарий диагностики, трудно не оценить. Использование же рисуночных

методик, основанных на механизме проекции, не требует никаких специальных приспособлений и инструкций, они не имеют возрастных ограничений. И, что самое важное, выполняют основное требование к использованию проекции как метода – не ограничивают респондента в выборе собственных интерпретаций исследуемого явления, а также не фиксируют его внимание на определенных контекстах.

Реконструкция реального мира в научном сознании не устраняет полностью ни архаичные пласты мировосприятия, ни его образно-художественные формы, создавая внутри индивидуального или общественного сознания взаимодополняющие или конфликтующие гетерогенные образования. В процессе взросления субъект присваивает общественно выработанные значения, формируя индивидуальную систему значений. Этот процесс вызревания индивидуальных значений раскрыт в работах Л.С. Выготского, Ж. Пиаже, Дж. Брунера, В.В. Давыдова.

В процессе труда, познания, общения и оценки человек развивает свои сущностные силы, формирует свои общественные связи, благодаря которым происходит распредмечивание и самоосуществление его сущности. В этой связи создаваемый респондентами художественный образ конкретен и обладает чертами представления особого рода – представления, обогащенного мыслительной деятельностью и являющегося переходной ступенью между восприятием и понятием, обобщением широчайших слов общественной практики. Представление содержит в себе как значение, так и смысл воспроизводимого термина. А сам графический образ, разрабатываемый студентами, по сути, есть объективация системы их художественных представлений, обусловленная личным опытом, художественной культурой страны, региона проживания, СМИ, психолого-возрастными особенностями. Каждый из этих факторов, сформировавших в итоге художественные представления реципиентов, имеет характеристики, свойственные как категории «общее», так и категории «особенное». В этой связи интерес представляет высказывание М. Фуко о том, что художественный язык располагается на полдороги между зримыми формами реального мира и тайными соответствиями эзотерических смыслов [8, с. 282].

Воспринимая образ солнца как то общее, что характерно для различных культур, мы обнаруживаем, что особенности его графического воспроизведения, безусловно, будут связаны с особенностями той культурной среды, в которой воспитывался ребенок. Обращаясь к рисункам «саранки», изображающим ритуальный узор якутской культуры, мы фиксируем их присутствие в числе работ, представленных не только студентами саха, но и славянами. Только в первом случае рисунки представляют группы: «культура», «этнос». А во втором случае они редко, но встречаются среди работ на тему «культура». Таким образом, рисунок несет на себе не только отпечаток субъективности автора, но и символику бытия, принадлежащую тому миру, в котором он родился и творил. Однако необходимо признать, что

переход персональной и культурно-исторической мифологии друг в друга возможен при условии идентификации личности с миром данного бытия на архетипичном уровне, когда личность, не осознавая, воспроизводит те символы и образы, которые ей знакомы с детства.

Отметим, что общее и особенное можно выявить не только на ассоциативном уровне, но и на уровне структурирования образа. В какой-то мере в работах, представленных студентами, отчетливо прослеживаются пути усложнения восприятия термина и его графической кодировки: слово-символ, слово-образ, слово-знак.

Можно сделать вывод, что «общее» можно обнаружить на уровне образно-тематического строя изображения, повторяющегося воспроизведения мотивов или сюжетов целиком, уходящих корнями в народное творчество, бессознательное фантазирование. Последнее получило название «психологический параллелизм», когда в культуре различных этносов, никогда не приходивших в соприкосновение друг с другом, обнаруживаются сходные механизмы образования устойчивых символов и сюжетов, подобные типы конфликтов и повествований, лежащие в основе художественный сказаний. Об этом явлении писал К.Г. Юнг [11]. Изучением данного явления занимались на Западе – Дж. Фрэйзер, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс и др.; в России – Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, О.М. Фрейденберг, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский и др.

Второй уровень, на котором обнаруживаются универсалии искусства – это с удивительным постоянством возрождающиеся в разные эпохи сходные способы художественного мышления, находящие свое отражение в устойчивых типах композиции, способах использования художественных контрастов и ритмов, в разнообразных приемах формообразования. Таким образом, мы можем рассматривать термин, который предлагается в качестве задания – как «общее», а его изображение – как проекцию того «особенного», что представляет личностно переработанное содержание данного понятия для респондента.

В ходе предварительного просмотра рисунков на тему «Добро» было обнаружено, что наиболее часто встречаемыми символами среди изображаемых являются солнце, улыбка и «ангелы». При этом к последнему виду мы относим как изображение ангелов в виде людей, так и символическое отображение: голубь, амурчик и т.д. Также среди изображений встречались рисунки рук – защищавших, оберегавших, помогавших солнцу, растению и т.д., что символически подчеркивает значимость собственных усилий в распространении добра. На основе проведения контент-анализа было выявлено, что надежда на проявление «добра» как высшей силы, как воли фортуны гораздо сильнее выражена у русских студентов (об этом же выводе свидетельствует и достаточно яркое символическое изображение весов). В то же время стереотипное восприятие визуальных знаков некоторых партий, философских идей (например, инь и янь), логотипа экологи-

ческого движения, как своеобразных символических подтверждений идей добра, чаще присутствовало в рисунках, выполненных студентами якутской национальности.

Необходимо отметить также отсутствие национально-культурной символики в изображении «добра», что свидетельствует о восприятии данного понятия как некоего универсума. Однако у русских студентов встречаются изображения дерева, что наталкивает на мысль о проявлениях архетипа Рода и его защитных силах. Интересен также факт появления в изображениях младенца как символа добра. Интерпретация данного рисунка различна. Один из возможных вариантов – это отражение невинной детской души. Но в сопоставлении с отсутствием рисунков младенцев у студентов саха нам представляется более обоснованным другое объяснение. Этнопедагогика северных народов более серьезное внимание уделяет ребенку после 3-х лет, что обусловлено тяжелыми природно-климатическими условиями жизни народа. Издревле формировалось стоическое философское отношение к детской смертности. Также необходимо отметить, что бездетных семей в Якутии очень мало, что связано с правилом брать ребенка на воспитание у своих же многодетных родственников и ни в коем случае не оставлять детей в случае смерти их родителей.

В то же время в русской культуре сложилось иное отношение к ребенку – как некоему дару, добру, которым награждает Бог человека за его добрые поступки. Подготовка к появлению будущего члена семьи начиналась задолго до рождения ребенка. Утрата же родителями ребенка в грудном возрасте являлась огромным горем для всей семьи. Удивительно, но, несмотря на длительную историю изменения культурных традиций народов, отношение к появлению младенца в семьях остается неизменным, что подтвердилось еще раз в ходе данного исследования.

Перейдем к анализу изображений «зла». Необходимо отметить, что данное понятие оказалось более интересным и разнообразным по приведенным визуальным примерам. Для русских студентов оказалось более характерным абстрактное восприятие «зла» и скорее их рисунки можно отнести к разряду графических стереотипов. В то время как студенты саха оказались более склонны к изображению конкретных причин «зла»: сцен и орудий насилия, сил стихии, опасных животных и т.д.

В целом же мы можем отметить, что многие образы оказались присущими как работам молодежи саха, так и русским респондентам, что обусловлено, на наш взгляд, взаимопроникновением культур и фактически является свидетельством мультикультурности «картин мира» молодежи Арктики.

В качестве одного из итогов проведенной работы необходимо отметить, что в согласии с классификацией К.Г. Юнга, который различал три вида символов – индивидуальные, национальные и общечеловеческие – респонденты в процессе изображения «добра» и «зла» запечатлели в основном символы, которые можно отнести к группе общечеловеческих. Характер

национальных (этнических) носили изображения:

- «добро» – деревья, младенца, коня;
- «зло» – орел, карты.

Многие из изображенных респондентами образов нельзя однозначно отнести к архетипам, поскольку многие из них навязаны средствами массовой медиа (например, изображения амурчиков, чертей с трезубцами, монстров, пиратской символики и т.д.) и напрямую они не связаны с информацией о ценностях, вере, установках и идеалах людей. Скорее, изображения их респондентами свидетельствуют о частоте появления указанных образов в СМИ, в пространстве современного города, рекламе, объявлениях, полиграфии.

В то же время, несмотря на экспансию образов, транслируемую СМИ, мы обнаружили этнокультурную специфику и в рисунках респондентов, посвященных семье. Наибольшее число рисунков было сделано в традиции реализма, т.е. были изображены конкретные участники семьи: родители и дети (64,1%). Для 13% респондентов семья – это, прежде всего, дом. Но имеют ли мысли о доме материальный аспект или это проекция абстрактного мышления респондента, можно пока только предположить. Вполне вероятно, что данное изображение можно было бы отнести к группе позитивных абстрактных рисунков, доля которых составляет 7,6% от общей численности. Однако сложность содержательной интерпретации данного рисунка пока не позволила сделать этот вывод. Интересна группа рисунков, которую мы условно назвали «негативные абстрактные фигуры», поскольку появление таких ассоциаций на тему семьи, как узел, доллары и сердце, «Я», изображение телевизора или предметов мебели вместо семьи, является отражением определенной негативной эмоции респондента (ситуативной или постоянной).

Также вызывает интерес появление рисунков, изображающих неполную семью (изображение одного из родителей) и семью без родителей (изображение только детей). По всей вероятности, эти бессознательно воспроизводимые ассоциации могут также свидетельствовать об определенном восприятии трансформации семейно-брачных отношений в настоящее время.

Анализ количества детей в рисунках, изображающих семью, позволил сделать предположение о существовании определенного стереотипа числа потенциальных детей, которое обусловлено социокультурными условиями среды жизнедеятельности респондента. Так, большинство (53,7% саха и 57,7% русских) изобразили семью, где есть только один ребенок. Два ребенка для семьи более свойственны русским (34,1%). А изображение трех и более детей в семье характерно для саха – народа, сохраняющего связь с традиционной культурой в большей степени, по сравнению с другими народами Республики Саха (Якутия).

Использование социально-проективной методики позволило выявить,

что среднее количество предполагаемых детей в семье саха составило 1,74, в русской семье – 1,65, что недостаточно даже для простого воспроизводства и того, и другого этноса. Для коренных малочисленных народов Севера – эти цифры еще более низкие.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании определенной тенденции к трансформации традиционной модели семейно-брачных отношений у всех этносов Республики Саха (Якутия). Отметим, что аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах Сибири и России в целом.

Проективные методики позволили выявить существование мультикультурности как свойства картины мира на уровне предсознания респондентов. Архетипические образы всегда сопровождали человека: они являются источником мифологии, религии, искусства. В современной культуре архетипы формируют константные модели духовной жизни. Содержание культурных архетипов составляет типическое в культуре, и в этом отношении они объективны и трансперсональны. Они раскрывают свое содержание не через понятие и дискурс, но иконически, т.е. посредством изобразительной формы.

Длительное взаимодействие этнокультурных групп в Арктике стало одной из причин появления феномена арктической культуры, что в свою очередь актуализировало поиск новой идентичности. Создавшуюся ситуацию нельзя считать кризисом в этнокультурном развитии страны. Скорее это шаг на пути создания мультикультурного государства, в котором каждая из этнокультурных групп является самобытной. И в то же время все группы являются вовлеченными в общероссийский процесс усиления государственности, а не дробления и ослабления его по принципу разделения территории по месту исконного проживания этносов.

Формирование России как полиэтнического государства создало уникальные условия для исследования социокультурных архетипов современной молодежи. Особый интерес представляют арктические регионы страны, где веками сосуществовали рядом как аборигенные этносы, сохраняющие традиционную культуру, так и «покорители» арктических территорий. В начале XXI века, после окончания периода децентрализации власти в России, мультикультурность восприятия как психическое свойство жителей Арктики становится одним из важнейших условий сохранения мира и спокойствия на данной территории.

Литература

1. Абрамова, М. А. Идеи гуманизма в культуре и образовании Якутии / М. А. Абрамова. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 2003. – 130 с.
2. Абрамова, М. А. Мультикультурность как свойство картины мира современной молодежи Севера : монография / М. А. Абрамова. – Новосибирск, 2008. – 150 с.
3. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. 1984-1985. - М., 1986. - С. 80.
4. Вебер, М. Исследования по методологии наук / М. Вебер. – М. : ИНИОН, 1980. – 250 с.

5. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1981. – 240 с.

6. Дерига, Е. С. Сущность и структура этнической картины мира в контексте конструирования социальной реальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Дерига Елена Сергеевна. – Новосибирск, 2008. – 28 с.

7. Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 3-13

8. Фуко, М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М., 1977. – 180 с.

9. Чавчавадзе, Н. З. О ценностном аспекте понятия нация / Н. З. Чавчавадзе // Философские проблемы культуры. – Тбилиси, 1980. – С.111

10. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М., 1993. – 160 с.

11. Юнг, К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство / К. Г. Юнг, Э. Нойманн. – М., 1996. – 270 с.

Глава 5. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В АРКТИКЕ

А. С. Борисов

АРКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

С начала 90-х годов прошлого века Республика Саха (Якутия) стала последовательно реализовывать региональную культурную политику, учитывающую историко-культурную самобытность региона и нацеленную на сохранение культурного наследия и духовных ценностей жизнеустройства в условиях вечной мерзлоты. Формированию региональной культурной политики способствовал указ Президента РФ Б.Н. Ельцина (апрель 1992 г.), который предоставлял возможность субъектам федерации самостоятельно определять приоритеты культурной политики и стимулирования процессов самоорганизации культурной активности населения, создания условий для сохранения, распространения и производства культурных ценностей. Министерству культуры Якутии было доверено резолюцией Всероссийского совещания по проблемам развития культуры севера России, организованном в г. Якутске, руководить Координационным советом по развитию

культуры севера России.

За годы постсоветского периода Республика Саха (Якутия) стала инициатором многих проектов по восстановлению «связующих нитей» единого культурного пространства, по продвижению культурного разнообразия Российской Арктики, что выражается в творческих стилях деятелей культуры и искусств, в символах и смыслах создаваемого культурного пространства, в приверженности к духовным ценностям народов республики и в международной культурной деятельности. Была разработана региональная модель парадигмы культуры, преобразовывающая человека разумного в человека духовного. Стратегия духовности как государственная политика в сфере культуры заменила идеологический вакуум после самороспуска коммунистической идеологии и восстановила исконные духовные ценности народов Якутии.

Пройден этап самоосознания культурной самобытности, включения в контекст мировой культуры, создания инфраструктуры для развития профессионального искусства, возрождения традиционных культурных практик. Проведена многоплановая работа по сохранению этнокультур, восстановлению этнической памяти и национального достоинства арктических народов. Ансамбль танца народов Севера «Гулун», государственный эстрадно-фольклорный ансамбль народов севера «Сээдьэ», государственный Музей музыки и фольклора народов Якутии, Арктический государственный институт искусств и культуры, Колледж технологии и дизайна народов Севера, - создали современное культурное пространство Арктической Якутии, распространяющее свое влияние на весь северо-восток России. С 2000 года, момента открытия Арктического государственного института искусств и культуры, начался новый процесс в культуре и искусстве народов Арктики, Севера. Мы сами стали мастерами своей родной эстетики и выпестовываем свою эстетику, которая становится составной частью культуры России и мира. Мы созрели для того, чтобы учить собственной эстетике.

Особое художественное мировосприятие народов Арктики пронизывает специфику региональной культурной политики, направленной на реализацию духовных запросов современного общества. Происходит своеобразный процесс освобождения от так называемого «плененного сознания» (captive mind) [1] – особого взгляда на мир, порожденного некритическим восприятием западной интеллектуальной традиции. Арктика объединяет Запад и Восток и создаёт новую культурную реальность. Можно говорить о трёх составных частях северной культуры: арктической, азиатской и русско-европейской.

В начале 90-х основными приоритетами региональной культурной политики являлись две ключевые идеи, свойственные культурным процессам – взаимопереплетения векторов традиционализма и открытости к изменениям. Для раскрытия феномена северной культуры народов Якутии надо заниматься прочтением символов и кодов закрытого пока еще для нас сак-

раментального культурного текста арктической циркумполярной цивилизации. По мысли М. Хайдеггера, истину можно увидеть в ее несокрытости [2]. Культура Арктики – это культура нашего будущего.

Культурная самобытность народов Якутии вышла в открытое культурное пространство и внедрилась в контекст мировой культуры, неся в себе зов будущего. Теперь никто не удивляется участию северян Международных спортивных играх «Дети Азии», в международных конкурсах «Скрипка Севера», «Северный дивертисмент балетного искусства», «Стерх», Международном фестивале-конкурсе циркового искусства «Мамонтенок», фестивале «Встреча Шедевров ЮНЕСКО на Земле Олонхо» и других мероприятиях. Уверен, что культурустроительная энергия народов Якутии должна продолжаться в направлении северного вектора, выражающего сущность духовных устремлений народов, населяющих климатическую зону вечной мерзлоты. Участие множества этносов в нише северной культуры, опирающейся на цивилизацию Запада и Востока, подтверждает культуруобразующее начало географии в жизни человека.

Сама северная мать-природа стремилась оградить хрупкий мир древней аборигенной культуры от западной цивилизации. Народы циркумполярного мира имеют много схожих черт в своем этнокультурном наследии и только через идею циркумполярной цивилизации, через культуру Арктики нам благоприятнее будет включиться в глобализационный процесс, исходящий из запада.

Как итог ранее пройденного пути региональной культурной политики разработана «Пирамида Культуры». Она создана на основе экософского мировоззрения Человека Арктики: упирается в многолетнемерзлый грунт и устремляется по восходящей, начиная от сакральной географии и заканчивая искусством будущего, «верхушкой» которого является Арктическая парадигма. Цель ее – сделать достоянием народа духовный потенциал арктической культуры, основанной на северном космизме и экософии.

Она представляет собой семиступенчатую пирамиду, основание названо «Сакральной географией». Под понятием «сакральная география» понимается не только охрана священных, достопримечательных мест республики, таких как Национальный природный парк «Ленские Столбы», горы Кисилых, Чочур Мураан, река Лена, озеро Сайсары, где прародитель саха Эллэй провозгласил первый национальный праздник Ысыах. В республике ширится движение за защиту сакральных мест, восстановлению духовных связей ныне живущего поколения с природно-культурным наследием предков. «Сакральная география» – это также прочтение, прочувствование духовной связи человека с исконной средой обитания, глубинных истоков его ментальности и картины мира. Кочевой мир оставляет после себя не материальные следы в виде городов и разрушенных ландшафтов, отравленных рек, бочек от бензина и мусора на дорогах, а следы одухотворенной гармонии с родными местами, сохраненными для потомков. К примеру, включе-

ние Национального природного парка «Ленские столбы» в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (2012 г.) является признанием его несомненного потенциала с точки зрения изучения истории геологии планеты, имеющего выдающуюся мировую ценность. Этот уникальный природный объект, известный своими впечатляющими природными скальными образованиями вдоль реки Лены, является своеобразным «духовным посланием» потомкам в виде множества наскальных рисунков далеких предков. Также много осознанного сакрального в пещерных росписях палеолита, простирающихся далеко за Полярным Кругом.

Следующим ступенью «Пирамиды Культуры» являются «Календарные праздники» народов Арктики и Евразии. Сюда входят национальный праздник Ысыах, Олонхо, Шахадьбэ, Бакалдын, Эвенэк, Масленица, Сурхарбан, Сабантуй, Навруз и другие праздники. Праздники – это не только развлечения, но и яркое проявление самобытного духа народа, это его душа, и данным направлением концепции мы хотим объединить людей разных национальностей, проживающих в республике. В условиях развития демократических отношений, диалога культур и цивилизаций национальные праздники становятся одним из консолидирующих средств глобального и регионального мира. Увлечение национальными видами игр, национальными праздниками как туристическими, этнокультурными брендами, телевизионными играми создает игровую площадку культуры мира и диалога культур. В мифах и культах зачинаются великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, спорт, диалог культур, наука. И все они развивают культуру во взаимосвязи «игра – праздник – сакральное действо».

Священное культовое представление в виде ритуалов, обычаев, игр обретает прекрасную, значимую, конструктивную форму. Участвующие в культовом действе убеждены, что оно претворяет в жизнь некое благо, и при этом высший порядок вещей действительно вторгается в их обычное существование. Праздник внушает радостное и свободное состояние души. При этом с концом национального праздника его эффект вовсе не прекращается, а продолжает озарять обыденный внешний мир – укрепляя надежность, порядок, благополучие тех, кто участвовал в празднестве, вплоть до той поры, когда священные дни с определенной регулярностью приблизятся снова. Именно такой жизнеутверждающий эффект несут праздники встречи и поклонения Солнцу – светилу, взошедшему после долгих полярных ночей в Арктике. Особенность проведения праздников коренных народов состоит в выборе времени и места проведения. Время определяется астрологией кочевых народов, выработавших свои календарные праздники в соответствии с определенным состоянием взаимосопряженности космических, звёздных явлений и природных изменений на местах кочевья и традиционной хозяйственной деятельности. А места проведения календарных праздников – это непременно места позитивной энергетики,

места силы, откуда устанавливаются энергетические связи между эгрегором единой массы людей, согласованными этнокультурными действиями и смыслами устремленных духовным оком к энергии воли Вещего Разума, создавая энергетическое поле с позитивным очищающим зарядом. Игры людей управляют Играми Природы.

В основе тенгрианского мировоззрения урало-алтайских этносов лежит идея циркумполярности. Степняк-кочевник на лошади кочует по степям и горным долинам со своей юртой, оленевод-кочевник – на оленях по тундре и горной тайге со своим чумом. И в степи, и в тундре они видят через круглое отверстие дымохода неподвижную Полярную звезду и вращающееся вокруг нее звездное небо. Это тысячелетнее созерцание мироздания родило и космогонию, и мифологию этносов, заложило циркумполярное мировоззрение.

Третью ступень «Пирамиды Культуры» представляет «Ойкумена культуры». Каждый народ выработал в течение своей эволюции на исконной среде обитания своеобразные ментальные и экотектурные основы жизнеустройства. Экотектура (по-гречески oiko - заселять и tektura - строение) является как внешним устройством ойкумены, так и субъективным, деятельностным или созерцательным отношением к ней.

Экотектура подразумевает выявление и продвижение культурных анклавов как феноменов культуры, созданных человеком – это пашенная, земледельческая, казачье-ямщицкая, городская, промышленная культура, культура старожилов и т. д. Это очень значимое по своему содержанию направление. Например, пашенная, земледельческая культура, которая распространена в Якутии, до сих пор слабо изучена как культурный феномен. В позапрошлом веке русский писатель Владимир Короленко сеял хлеб не где-нибудь, а в самой холодной части России, в Якутии, когда он отбывал здесь ссылку. Эти годы стали особым периодом в его духовной жизни, так, именно находясь в Амге, Короленко осознал, что смыслом его жизни должна стать литературная деятельность. А как казачество повлияло на культуру якутов? Ведь это целая эпоха в развитии культуры как жизнедеятельности народа саха, начиная от ясачной политики и первых реформ, заканчивая просветительством и историей о первопроходцах Великой Северной экспедиции.

Четвертая ступень – «Пространство культуры». Пространство – это не только географическое, но и культурное понятие, это связующий мост народов, населяющих республику. Семь культурных зон республики – Центральная, Вилуйская, Заречная, Южная, Промышленная, Янская, Колымо-Индибирская – характеризуются особыми этническими субкультурами, обладают своеобразным культуротворческим потенциалом. Пятая ступень – «Синергия творчества» – это совместные (интеграционные) проекты учреждений и ведомств, которые станут приоритетным направлением в развитии отрасли на ближайший год. Предполагается участие в проектах как

самих учреждений, так и ведомств (органов исполнительной власти). Сегодня некоторые учреждения сферы культуры уже приступили к созданию совместных проектов – Государственный цирк РС (Я) и Театр Олонхо, ТЮЗ и Государственный театр оперы и балета РС (Я), Филармония Якутии и Государственный академический русский драматический театр и так далее. С участием министерства образования РС (Я) началась реализация проекта «Музыка для всех», который сегодня запущен во всех школах республики, есть также планы совместной работы и с другими министерства и ведомствами.

Отрасль культуры сегодня представляет собой сложную разветвленную систему, в которой трудятся свыше 8 тысяч работников культуры. И, конечно, кадры – самое главное ее богатство, то, на чем зиждется отрасль. Ведь можно построить новый, самый современный клуб, открыть кинотеатр или библиотеку, но если там некому будет работать, то эти учреждения никто не будет посещать, их попросту закроют. Считаю, что наша культура держится исключительно на энтузиастах своего дела, преданных и влюбленных в свою профессию работников культуры, поэтому было бы несправедливо обойти их стороной в Год культуры. Профессиональные отраслевые праздники, такие как День работника культуры, День библиотекаря, День музейного работника, которые отмечаются ежегодно, приобретают особую значимость. Они достойны народного признания. В связи с этим данное направление имеет в пирамиде свое название – «Имя культуры».

Вершину концептуальной «пирамиды» составляют долгосрочные проекты, нацеленные на реализацию до 2022 года, к 100-летию Якутской АССР. Мы назвали ее «Искусство будущего». Сюда входят проекты «Музыка для всех», Международный центр «Земля Олонхо», сеть Президентских центров культуры – многофункциональных культурных комплексов, развитие киноиндустрии по всей республики, открытие высшего учебного заведения по подготовке и переподготовке работников культуры (Института) на базе Образовательного ресурсного центра, «Культуроград» (Жилье) и «Арктическая парадигма». Это актуальное направление, и, безусловно, мы должны прийти к 2022 году с конкретными результатами.

Разработанная нами «Пирамида культуры» развивает арктическую парадигму культуры, отличительной особенностью которой становится органическое сочетание достоинства индивидуальности человека с его вовлеченностью в экогармоничный мир культуры доверия, согласия и взаимопомощи. 27 сентября 2011 года на Республиканском Форуме общественности «Духовный потенциал общества в инновационном развитии Якутии», общественность Республики Саха (Якутия) провозгласила Декларацию духовных ценностей народов Якутии, в которой в качестве ведущих объединяющих ценностей утвердила девять заповедей:

1. Якутия – наш общий дом, где в дружбе и согласии живут представители разных народов, объединенные заветами северной солидарности, вза-

имопомощи и уважения к достоинству каждого из нас. В суровых природных условиях Севера каждый человек – гарант жизни другого. Открытость к Знанию и творческий созидательный труд – наш стиль жизни и источник благополучия на Севере.

2. Наша духовная сила исходит из признания верховенства справедливости и равенства, следования законам, презрения к сеющим зло и насилие над человеком, обществом и природой. Возмездие и кара за содеянное неотвратимо настигнет каждого злоумышленника. Не переступай порог недозволенного и позорного.

3. Мы призываем всех помнить, что Природа – живое творение Вселенной. Наше мировоззрение основано на мудрости живой Природы. Земли и Неба благословением живет человек. Всех и все Земля растит, человек – дитя Природы. Наш долг – беречь ее как зеницу ока.

4. Мы признаем уникальность самобытных культур коренных народов Якутии и объединяем усилия для их спасения, сохранения и развития. Мы исповедуем культуру мира и согласия, осененную духом арктического человека – создателя циркумполярной цивилизации под Полярной Звездой. Принимая культуру других народов и оберегая свою, призываем каждого внести свой вклад в общее благо и духовную сокровищницу Культуры.

5. Мы ценим родной язык каждого народа как выражение его духовного наследия и условие национального самосохранения, и осознаем общую ответственность за их живое звучание в современном мире образования, общения и информации.

6. Мы помним, что наши корни уходят глубоко в сельский традиционный образ жизни. Село – колыбель народов Якутии. Только сберегая культуру села на исконных землях, можно сохранить глубинные истоки духовности народа. Мы призываем продолжить добродетельную культуру жизни на издревле заселенных просторах Земли Олонхо.

7. Мы убеждены, что только заботливые отношения и созидательные дела могут наполнить смыслом и душевным здоровьем жизнь человека. Мы призываем всех выбрать путь жизни по совести и чести, бескорыстно творить и помнить добро, соблюдая нравственную основу обустройства жизни на Севере.

8. Мы чтим многовековую мудрость предков, завещавших уважать корни свои – родителей и продолжение свое – в детях. Мы обращаемся к молодым: возвеличай в себе Человека, устремленного к высшим духовным ценностям. Как Солнце и Луна одни на небе, так и жизнь дается человеку один раз. Очаг свой разожги, ребенка роди, трудись с пользой для людей и родной природы – будь продолжателем рода.

9. Чадолюбие – главная ценность на Севере. Птицы с юга прилетают на Север, чтобы вывести потомство. Дети – надежда родителей, семьи и нации. Наши дети – будущее Якутии. Мы стремимся привить в детях Культ

Земли, Культ Матери, Культ Труда, Культ Знаний, чтоб грядущие поколения одухотворяли любовью родную Якутию.

Культуроустроительная энергия Якутии развивает арктическое направление, выражая сущность духовных устремлений народов, населяющих арктическую зону Российской Федерации.

Литература

1. Рысакова, П. И. Локальные социологии в условиях глобализации : политика и наука / П. И. Рысакова // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. - 2013. - № 4 (17). - С. 172-179.

2. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге : избр. ст. позднего периода творчества / М. Хайдеггер. - М. : Высшая шк., 1991. - 192 с.

**Ю. В. Попков,
Е. А. Тюгашев**

М. Е. НИКОЛАЕВ ОБ АРКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Во второй половине XX века в связи актуализацией глобального противоречия между Севером и Югом в качестве самостоятельного направления мировой философии стала развиваться философия Севера.

Ее формирование началось с обсуждения этических проблем транспортно-промышленного освоения Российского Севера. Так, определенным итогом осмысления советского опыта стал сборник материалов «Этика Севера» [13]. Выход в свет этого издания ознаменовал рождение философии Севера. Обратим внимание, что в отличие от западной философии, начавшейся в виде натурфилософии, философия Севера возникает в виде этической рефлексии. Перефразируя И. Канта, можно сказать, что на суровом Севере базовым удивлением было не «звездное небо», а «моральный закон».

«Метафизический поворот» в философии Севера маркируется работами Г. Джемала «Ориентация – Север» [1] и архангельского философа Н.М. Терехина «Метафизика Севера» [11]. Если в первой работе представлены афористически выраженные мистические интуиции Севера («Север — это полюс несуществования»; «Все узлы бытия развязаны на севере»), то вторая работа содержит осмысление сакральной географии Русского Севера и вытекающих из нее идейных комплексов поморской души. В частности, Н.М. Терехин писал: «Север в картине мира народов Скандинавии и России никогда не являлся чисто географической категорией, ориентирующей человека в физическом пространстве Земли. Север — это метафизическое явление, существующее в «ином» плане бытия, в ином из-

мерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхода через себя, достигаемом в мистическом озарении» [11, с. 140].

В нашей монографии «Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства» был дан обзор осмысления проблемы Севера в истории мировой философии, представлена панорама взглядов известных философов на положение и будущее коренных жителей Крайнего Севера [9]. Наряду с общим обоснованием выделения философии Севера как способа бытия мировой философии были проанализированы основы этнофилософии одного из северных народов – ненцев.

Арктическая философия является неотъемлемой частью духовной культуры Арктики. Как и все народы Земли, коренные народы Арктики испытывали потребность в объяснении мира и отношения к нему человека. Философские представления народов Арктики нашли отражение в пословицах и поговорках, фольклорных и эпических произведениях, литературном и художественном творчестве.

Промышленное освоение Севера привело к неблагоприятным последствиям для традиционного природопользования коренных народов Крайнего Севера. Растущая политическая активность коренного населения, выразившаяся в создании Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока, вызвала острую потребность в северном позиционировании своей культуры. Выразителем этой потребности стала «северная» интеллигенция, прежде всего, деятели литературы и искусства. Среди них можно отметить мансийского поэта Ювана Шесталова, ненецкого поэта Леонида Лапцуя, хантыйскую писательницу Анну Петровну Неркаги, хантыйского художника Геннадия Райшева и др.

Ю. Шесталов разработал оригинальное учение «северного космизма», укорененного в традиции русского космизма. Глобальную роль Севера Ю. Шесталов видит в синтезе западной и восточной цивилизаций: «Запад и Восток сойдутся на Севере, сольются. Север утолит энергетический голод земли нефтью, газом. Север утолит экологический голод земли чистым воздухом, водой, кристальным льдом. Север утолит философский голод земли спасительным понятием Севера. Душа людей Севера сохранила не только чистоту человека, природы космоса, но и энергетику просветления» [12, с. 66].

Заметным событием в постижении основ арктической философии стали труды М.Е. Николаева, первого президента Республики Саха (Якутия). Не являясь профессиональным философом, но, будучи энциклопедически образованным человеком, хорошо знакомым с философской литературой, М.Е. Николаев предпринял масштабное осмысление содержания и особенностей циркумполярной духовности, значения Арктики в современном мире, а также роли арктической философии в исторической судьбе якутского народа.

Характеризуя философскую мысль народа саха, М.Е. Николаев, прежде всего, обратил внимание на то, что народная мудрость является одной из духовных основ циркумполярной цивилизации. Оценивая значение традиционных максим мудрости для повседневной жизни якутов, он отмечает, что чувство меры, умеренность и сдержанность являются естественными, необходимыми условиями выживания. Успешно зимовала та семья, где «был порядок, соблюдали во всем меру и не жили одним днем» [6. с. 170].

Мудрость меры является ярким примером того, что самоограничение является решающим философским выбором. М.Е. Николаев основное содержание философствования видит в свободном самоопределении человека [5, с. 18]. Практика свободы является собственной философской практикой. Первые ее образцы наглядно продемонстрировали античные киники, призывавшие жить в согласии с природой и ограничивать себя в необходимом.

Парадокс циркумполярного образа жизни состоит в том, что в экстремальных условиях формировалось умение избегать крайностей, вырабатывался навык принятия сбалансированных, осторожных и взвешенных решений. На этом основании М.Е. Николаев предлагает рассматривать циркумполярную цивилизацию как цивилизацию разума [7. с. 47].

Как мы писали ранее, в свете наиболее общего просветительского представления о цивилизации как обществе, основанном на началах разума и справедливости, пожалуй, ни одна из существовавших в истории человечества локальных цивилизаций не может быть признана цивилизацией в точном и полном смысле этого слова [8]. Очевидно, что различные локальные цивилизации древности и мировые цивилизации современности не основывались на началах разума и справедливости. Иррациональность духовного мира цивилизаций наиболее ярко проявляется в идентификации с традиционными религиями. Безумная гонка вооружений и мировые войны, культ безудержного потребления и ресурсно-экологические проблемы – всё это признаки неразумности и несправедливости нашего общества. В то же время разумность действий и поступков в суровых, обладающих низкой биопродуктивностью геоклиматических условиях – это вопрос жизни и смерти для постоянных жителей субарктических и арктических территорий.

Впрочем, разумность – это необходимое, но недостаточное условие выживания в Арктике. Для человека Севера верен призыв А. Теннисона: «Но воля непреклонно нас зовет бороться и искать, найти и не сдаваться!». Бесплодная, безвольная рефлексия разумна, но не жизнеспособна. Жизнь в Арктике требует решительности и организованности. М.Е. Николаев специально подчеркивает: «Вот почему среди народов Севера развито чувство коллективной воли. Можно утверждать, что циркумполярная цивилизация – это цивилизация коллективной воли» [7. с. 47]. Таким образом, краеугольными камнями арктической цивилизации следует считать разум, справедливость и волю.

Циркумполярная духовность, по М.Е. Николаеву, характеризуется чувством сплоченности, взаимовыручкой и взаимопомощью, жаждой жизни и органической связью с природой. Северянам, по его мнению, присущи оптимизм, ожидание перемен к лучшему и идея жизнеутверждения. «Мы не имеем морального права утратить, – пишет он, – уникальную духовную и материальную культуру циркумполярной цивилизации, созданную при свете жирников и лучин нашими предками» [3, с. 23].

М.Е. Николаев очерчивает широкий круг установок и ориентаций, характеризующих этнофилософию как народа саха, так и многих других народов Арктики.

По-видимому, не всем народам Севера присущ оптимизм. Например, мифология северогерманских народов в конечном счете пессимистична, так как предполагает гибель мира и ориентирует индивида на героическую смерть. Данное умонастроение ярко выражено в пессимистическом волонтаризме А. Шопенгауэра. Его воля к жизни в условиях бессмысленности жизни в действительности оборачивается волей к смерти.

Но объединяет народы Севера и Арктики чувство будущего. В сравнительном аспекте представляет интерес, что в европейской философии вплоть до XX века определяющим модусом времени являлось настоящее. От Аристотеля до А. Бергсона время трактовалось как движение настоящего – вечного «теперь». Мировоззрение же народов Севера сосредоточено не на текущем, настоящем времени, а на времени будущем. Это выражено в архетипе конца, в т. ч. конца света. Настоящее время представляется как претворение будущего, грядущего.

Необходимым следствием взгляда на настоящее из будущего является представление о многовариантности развития, а также всемирно-историческая точка зрения на происходящее. В арктической философии адекватная оценка настоящего возможна только с точки зрения будущего, так как будущее станет мерой настоящего. А как выбрать будущее? На актуализацию каких возможностей следует всерьез рассчитывать? Подлинной может быть только та перемена, которая отвечает интересам всего человечества. Отсюда необходимость всемирно-исторического взгляда на происходящее.

Как мы ранее показали на материале анализа произведения «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, позиционировавшего себя в качестве философа северных народов, кодекс будущего включает следующие положения: 1) искать в человеке – даже разбитом жизнью – будущее, 2) любить будущее и делать его причиной настоящего; 3) искать во всем источники и родники будущего; 4) созидать и сеять кругом будущее; 4) стремиться к будущему по множеству разных путей, так как нет одной дороги в будущее [10, с. 77].

В похожем ключе размышляет и М.Е. Николаев: «Я всегда пытался увидеть будущее, вглядываясь в лица молодежи. Зная молодежь, ты знаешь будущее. Заботясь о молодежи, ты заботаешься о будущем. Это – мое жиз-

ненное кредо» [6, с. 206]. Будущее уже дано в настоящем, и мы можем либо его сберечь, либо погубить.

Стратегию государственной политики Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаев определяет как народосбережение. Ее истоки он видит в историческом выборе народа, когда тот, избегая конфронтации с империей монголов, выбрал путь миграции. В результате народ саха был сохранен, хотя ему пришлось адаптироваться в менее комфортных географических условиях.

С учетом исторического опыта, М.Е. Николаев полагает, что в государственной политике необходим национальный прагматизм: «Опасна бездельность, покорное ожидание своей участи. Нужен предельный национальный прагматизм, острый ум, воля и решительность, способность использовать все законные средства для сохранения нашей государственности и национальной идентичности» [3, с. 171].

Очень интересно понимание прагматизма, предлагаемое М.Е. Николаевым. Он упоминает опору на опыт, ориентацию на решение жизненных проблем, поиск новых критериев истины. Далее он пишет: «Все прагматисты наделены острым чувством ненадежности и рискованности человеческого бытия. Они наиболее сосредоточены, даже когда все идет гладко. Прагматическое поведение связано с желанием приобретения и страхом потерь, которые стимулируют постоянное действие» [3, с. 172]. Наиболее прагматичными должны быть государственные институты власти, которые обязаны прогнозировать различные варианты обеспечения выживаемости и конкурентоспособности нации.

Важнейшей составляющей арктической философии является тема жизни. Более того, можно сказать, что философия жизни в ее различных этнолокальных вариантах является одной из ведущих философских систем, удовлетворяющих духовные потребности циркумполярной культуры.

В своих размышлениях М.Е. Николаев значительное внимание уделяет феномену жизни. Для него жизнь – это высочайшая ценность и таинственный феномен, достойный восхищения и величайшего уважения. «Жизнь во льдах в трескучие стужи есть уже сама по себе чудо, – подчеркивает он. – И ее надо беречь. Ее надо любить и лелеять. И люди циркумполярной цивилизации привыкли уважать жизнь» [7, с. 36]. Как на пример такого уважения он обращает внимание на почести, оказываемые духу добытого зверя, на благопожелания его роду.

Исток жизни М.Е. Николаев усматривает в Арктике: «Мы, люди Севера, искренне верим в то, что из Арктики пролился Свет Жизни. Когда весной смотришь на бесконечные стаи птиц, прилетающих в бескрайние просторы Арктики, Душа начинает понимать, что летят они не просто домой. Они летят на большую Родину, где вообще зародилась Жизнь» [4, с. 70].

В своей феноменологии жизни М.Е. Николаев утверждает, что жизнь существует преодолением, а ее смысл – в самой жизни. Говоря о неустанном движении жизни, он вспоминает максиму Э. Бернштейна «Движение

– всё, конечная цель – ничто», и подчеркивает, что в этой спорной максиме больше смысла, чем в любой из самых чарующих утопий, самой заманчивой цели [5, с. 9].

М.Е. Николаев убежден, что в основе северной духовности лежит принцип гуманности: «Главная идея этой циркумполярной цивилизации: наша планета – это земля людей» [7, с. 47]. Данный антропоцентризм обусловлен высокой ценностью человека в бескрайних и редконаселенных просторах Северной Евразии.

В связи с данной ценностной ориентацией, определяющими, по мнению М.Е. Николаева должны быть инвестиции в человека. Как положительный пример внимания к человеческому капиталу он приводит исторический опыт еврейского народа: «Древнейший на планете, рассеянный по всему её лику, еврейский народ при незначительном в масштабах планеты человеческом ресурсе обладает колоссальным человеческим потенциалом. Всего лишь один факт: Якутия от добычи алмазов получает полтора миллиарда долларов, а Израиль от их переработки – семь миллиардов. Есть о чем задуматься любому народу – большому и малому. О высочайших достижениях евреев в различных сферах жизнедеятельности лишней раз говорить не приходится, они, не дожидаясь манны небесной, создали все своим талантом и трудом» [3, с. 41].

М.Е. Николаев формулирует «великий закон культуры»: «...Дайте каждому человеку возможность сделаться тем, кем он способен быть» [3, с. 49]. Данное положение коррелирует с известными из истории философии заповедями «Познай самого себя!» и «Стань самим собой!». В компаративистском контексте понятно, что «закон культуры» М.Е. Николаева не является универсальным законом. Он явно выражает интенцию локальной, циркумполярной культуры, в рамках которой ценность представляет практическая возможность актуализации и эффективного использования человеческого потенциала.

Правда, стоит задуматься о том, кем способен стать тот или иной человек и нужно ли создавать ему для этого условия. Люди в действительности ведь разные, как в поле цветы. Говоря, что в Арктике во все времена высоко чтились «люди слова и добра», М.Е. Николаев признает, что северный человек не обращает внимания на поведение несовершенных людей: их или не замечает, или прощает их грубость и дремучую духовную дикость [7, с. 88]. Такая нравственная позиция возможна в бескрайних просторах Арктики, но едва ли она может быть всегда приемлемой.

Характеризуя северянина как особый тип человека, М.Е. Николаев подчеркивает, что этот тип формируется в экстремальных природно-климатических условиях и безмерном пространстве. А это дает возможность для уединения, позволяющего «поразмышлять, разобраться в самом себе, навести в своем внутреннем мире порядок, который упорядочивает жизнь во внешнем мире» [3, с. 48]. Как можно заметить, это положение признает

ценность самопознания. Но интроспекция, рефлексия рассматривается как предпосылочный акт, за которым должны последовать гармонизация микрокосма и макрокосма.

Затрагивая вопрос о смене северной парадигмы – парадигмы покорения Арктики, – М.Е. Николаев призывает: «Покорять надо себя – непокорного и своенравного» [5, с. 222]. И продолжает: «Покорять Арктику позволительно лишь как женщину: благородством и любовью. Но не грубостью и силой» [5, с. 223].

Оригинальная гендерная метафора, которой воспользовался М.Е. Николаев, привлекает внимание в двух аспектах. Во-первых, это необычный – и в то же время привычный – смысл термина «покорение». Для философии, которая фило- и онтогенетически возникает как мировоззренческая рефлексия политической деятельности, чрезвычайно важно выработать стратегии и тактики мудрого управления гражданским обществом. Покорение обаянием, благородством и любовью является применением так называемой «мягкой силы», уходящей корнями в китайскую конфуцианскую и даосскую культуры.

В арктической культуре, как полагает М.Е. Николаев, большое значение имеет нравственность. «Нравственность на Севере была постоянной – константой, – отмечал он. – Нельзя было быть один день или только в одном месте нравственным человеком. Нравственность была образом жизни. Поэтому житель Арктики не испытывал моральных терзаний, если в тайге или тундре встречал людей, попавших в беду – голодных, больных. Поделиться теплом, одеждой и едой – первое, что приходило людям севера на ум. А мысль о том, что хватит ли ресурсов до того, как они доберутся до поселения, была второстепенной. Духовное единение людей было на Севере постулатом. Каждый человек – высшая ценность» [7, с. 92-93].

Говоря о нравственности как образе жизни, М.Е. Николаев ставит важную социально-философскую проблему. В социальной философии влиятельными направлениями являются технологический и экономический детерминизм, учение о роли насилия в истории, а также юридическое мировоззрение. М.Е. Николаев указывает на определяющую роль нравственного детерминизма в циркумполярной культуре. В ситуациях крайней необходимости проблема ресурсов, по его мнению, жителями Арктики воспринималась как второстепенная. Нравственность была абсолютом, а остальные ценности – относительными.

Отмечая роль нравственности как основы жизни в Арктике, М.Е. Николаев также писал: «Северные народы видели в человеке цельную личность. Высокоморальный человек не мог переступить границы нравственности в любой обстановке. Не мог апеллировать на чрезвычайные обстоятельства» [7, с. 92]. Это и означает, что в структуре циркумполярных социальных организмов нравственные отношения рассматриваются как ведущие, определяющие образ жизни.

Эта особенность арктической цивилизации отчетливо проявлялась при культурных контактах с европейцами. «Для первых европейских полярников моральная чистота и высокая нравственность жителей Арктики, – подчеркивает М.Е. Николаев, – воспринимались, чуть ли не как наивность и глупая простота. Для людей, привыкших к конкуренции и борьбе за богатства, где сила и вероломство считались обычными средствами достижения цели, прямотушные северяне, действительно смотрелись как простаки» [7, с. 88]. Обратим внимание, что для европейцев определяющими ценностями являются конкурентноспособность и сила, тогда как для северян – моральная чистота.

Возможно, М.Е. Николаев в известной мере идеализирует образ жителей Арктики. Но также не исключено, что в условиях циркумполярного образа жизни – в небольших и постоянных по составу коллективах – нравственные отношения действительно более важны, чем другие виды общественных отношения. Как показывает быт полярников, если человек не нравится, то общение с ним становится невозможным. Поскольку в экстремальных условиях Арктики и дисперсного расселения возможности ухода ограничены, то невыносимая нравственная атмосфера ведет к психическим заболеваниям и самоубийствам. Поэтому нравственная совместимость является определяющим объективным фактором выживания и воспроизводства человека.

Обращаясь к истокам человеческой истории, М.Е. Николаев замечает, что многие тысячелетия назад, в ледниковый период Север был фактором превращения дикаря в современного человека [2, с. 12]. Естественно ожидать, что современное внимание мирового сообщества к Арктике должно стать условием ускорения цивилизационного развития. Арктическая философия, на его взгляд, помогает человечеству обрести новые ценностные ориентиры, стратегические цели, сферы возможного международного сотрудничества в освоении громадного региона [5, с. 224]. Подтверждение правильности арктической философии М.Е. Николаев, справедливо видит в успехах Республики Саха (Якутия). Устойчивый демографический рост народа саха, продолжающийся на фоне демографического кризиса в развитых государствах, может свидетельствовать о том, что арктическая философия является важным фактором повышения жизнеспособности нации.

Литература

1. Джемаль, Г. Ориентация – Север [Электронный ресурс] / Г. Джемаль. – Режим доступа: <http://www.metakultura.ru/vgora> (дата обращения: 02.03.20014)
2. Николаев, М. Е. Арктика. XXI век / М. Е. Николаев. – М. : Арина, 1999. – 152 с.
3. Николаев, М. Е. Слово к человеку / М. Е. Николаев. – М. : РАЕН, 2004. – 192 с.
4. Николаев, М. Е. От имени республики : Выступления. Статьи. Интервью / М. Е. Николаев. – Якутск : Бичик, 2004. – 296 с.
5. Николаев, М. Е. Интеллигенция и цивилизация / М. Е. Николаев. – М. : Сигнар 5, 2005.

– 240 с.

6. Николаев, М. Е. Конфуций и его учение / М. Е. Николаев. – М. : РАЕН, 2007. – 316 с.
7. Николаев, М. Е. Вызовы Арктики / М. Е. Николаев. – М., 2009. – 304 с.
8. Попков, Ю. В. Роль Арктической цивилизации в разрешении глобальных противоречий / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Северная цивилизация : становление, проблемы, перспективы. – Сургут, 2004. – С. 32-36.
9. Попков, Ю. В. Философия Севера : корен. малочисл. народы Севера в сценариях мироустройства / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. – Салехард ; Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2006. – 376 с.
10. Попков, Ю. В. Философия Севера – философия будущего / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Поморские чтения по семиотике культуры. – Архангельск, 2012. - Вып. 6 : Геоисторические и геокультурные образы и символы освоения арктического пространства. – С. 69-78.
11. Теребихин, Н. М. Метафизика Севера / Н. М. Теребихин. – Архангельск : Изд-во ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 272 с.
12. Шесталов, Ю. Н. Север – космическое видение мира на рубеже тысячелетия / Ю. Н. Шесталов // Обские угры на пороге третьего тысячелетия. – Ханты-Мансийск, 2000. – № 3. – С. 65–67.
13. Этика Севера : в 2-х т. – Томск : Издательство Томск. ун-та, 1992. - Т. 1. – 178 с.

Л. Холмберг

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДА СААМИ

Саамский образовательный институт является профессиональным учебным учреждением, расположенным в городе Инари в Финляндии. Он находится под патронажем финского государства. Наша главная задача – это поддерживать и развивать саамский язык, культуру и быт. Прежде всего, институт специализируется в саамских ремеслах, оленеводстве и других сферах деятельности, от которых зависит производство средств к существованию. Здесь также готовят бизнесменов, медицинских сестер, работников сферы обслуживания, таких как ресторанный бизнес и туризм по учебным программам на степень. В институте возможно изучение всех трех саамских языков, на которых говорят в Финляндии: северо-саамского, инари-саамского и скольтского саамского. В саамском регионе Финляндии существует довольно широкий выбор курсов образования, программ на степень, ускоренных курсов, дистанционного обучения.

Саамский образовательный институт также занимается организацией проектов развития Финляндии и всего мира. Он был основан международной сетью под названием ВЕВО – для дальнейшего развития оленеводства, внутри данной сети по всей Арктике существуют 27 школ и организаций.

Мы обмениваемся студентами и преподавателями, открываем мастерские и организовываем образовательные курсы, совместно реализуем проекты развития при поддержке фонда ЕС.

Каждый год на протяжении 10 дней оленеводы Арктики проходят мастер-классы в скотобойне, а женщины – мастер-классы по обработке шкур.

Олени являются самым важным элементом в жизни саамских народов. Северный олень ведет нас по арктическим просторам более 9000 лет. Он дает нам пищу, тепло и передвижение и в хорошую погоду, и в плохую. Олень дает нам надежду и веру в будущее. Он уникален тем, что может адаптироваться и к зиме, и к лету. Олень – это ключ к существованию всего саамского народа, а также других коренных народов Арктики – ненцев, эвенков, эвенов, долган, якутов, юкагиров, инуитов и эскимосов.

Оленеводство было и остается зависимым от экологии образом жизни. Саамский образовательный институт сотрудничает с Таймырским колледжем: мы обмениваемся передовыми программами, например, по ремесленным методам, обработке шкур, резьбе по кости, изготовлению нартов и т.д. Летом 2012 г. делегаты из саамского региона нанесли визит семьям оленеводов Таймыра. Люди до сих пор живут и зимой, и летом в палатках, так же называя их «лавву», как и у нас в народе саами. Они живут неделю в одном месте, а затем кочуют в другое место. «Когда же вы возвращаетесь на это место вновь?» - спрашивала я. «Через четыре года», - отвечали они. Значит, у природы будет время восстановиться.

Когда в Нью-Йорке наступают песчаные бури, я вспоминаю своих друзей на полуострове Таймыр. Они так близки к природе, что у них не бывает отключения электричества, никогда не закрываются магазины, и отопление никогда не выходит из строя. Их окружает природа так же, как окружает и жителей Нью-Йорка, но в тундре природа защищает людей, не так часто обращившись против них. Не так давно, даже в Лапландии, в моем родном поселке под названием Советийарви, жизненные условия в 60-х годах были довольно похожи на эти картины жизни в Таймыре за исключением того, что у нас были дома, но не было электричества, водоснабжения, дорог. В настоящее время, разумеется, все это у нас есть, но когда в 90-х годах наступили большие холода, людей хотели эвакуировать из деревни. Они отказывались уезжать куда-либо, так как знали, что смогут преодолеть холода без современных удобств лучше, чем где бы то ни было. Они знали, как обогревать дом без электричества, как брать воду из озера и у них имелись большие запасы мяса и рыбы в подвалах.

Это примеры того, как можно и в наши дни жить на лоне природы, в гармонии с ней, брать у нее самое необходимое.

Какова роль оленеводства в поддержании культуры, языка и быта в деревнях саами? Для того чтобы сохранить саамские языки, традиции, быт, необходимо поддерживать наши села. Женщины играют здесь ключевую роль. Жизнь – активна и энергична там, где есть женщины и дети. Мы долж-

ны стараться оставлять жительниц деревень в местах проживания, как мы стараемся это и делать. Нам нужно кардинально поменять образ мыслей. В настоящее время в Финляндии оленевод считается производителем мясной продукции, а также его сравнивают с мелким предпринимателем. Мое мнение таково, что закон и налогообложение – слишком жесткие и сильно ограничивают возможность ведения традиционного образа жизни.

В саамском обществе самой маленькой социальной ячейкой является семья. Необходимо сделать так, чтобы все члены семьи были заняты. Текущая система не оценивает по достоинству и праву женский труд, так как женщины не работают оленеводами, они считаются безработными. Это означает, что им не положено получать некоторую сумму денег, даже самую малую, за свой труд, например, за шитье, возделывание шкуры и т.д.

Нам следует все больше настраивать их на обучение прикладным искусствам, языку, истории, традициям. Женщины могли бы быть более активными в сфере традиционного туристического бизнеса, но они не желают этим заниматься, потому что им пришлось бы выполнять ужасно много бюрократической бумажной работы и ждать оплату неделями. Поэтому им удобнее получать пособие по безработице, самый легкий путь и практически единственная возможность для них – это не значиться официально на какой-либо работе в течение некоторого времени.

Это говорит о том, что женщины не занимаются изготовлением вещей для продажи, не используют свое творчество для обучения подрастающих поколений, не могут предложить свои услуги туристам. Далее это означает, что они вынуждены находить другую работу и уезжать из деревни. А дети вынуждены адаптироваться в среде, где нет детских садов, школ с саамским языком и нет говорящих на саамском языке людей.

Согласно вышеуказанным причинам, следует пересмотреть законодательные акты об оленеводстве и обслуживающем его секторе, иначе мы рискуем потерять наш родной язык и традиции.

В Саамском образовательном институте мы работаем над разработкой новой модели ведения хозяйства саами. Модель должна поддерживать семьи как социальные ячейки, поддерживать целую общину в производстве, например, оленины, ручных изделий народного творчества или в занятии туристической деятельностью. Модель должна поддерживать все виды деятельности, которые связаны с традиционным ремеслом, туризмом и актуальными на сегодняшний день службами для пожилых людей

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, с 5 по 10 октября 2011 г провел социологический опрос в 16 районах из 34 Республики Саха (Якутия). Цель исследования – выявление рефлексии представителей народа саха и коренных малочисленных народов Севера (№1982) по основным демографическим, семейным, репродуктивным, культурологическим, социолингвистическим, социопрофессиональным и социально-психологическим аспектам развития якутского социума в начале XXI века. Математико-статистический анализ осуществлялся при помощи программного пакета SPSS 12.0.

Основу данного текста составляют часть результатов исследования, связанных с эмпирическим изучением только 578 респондентов, проживающих в 6 улусах из 14, относящихся к арктической зоне республики (29,2% из 1982 чел.).

Наименования географических пунктов, где проводился опрос:

1. Поселки городского типа: п. Белая Гора Абыйского района, п. Тикси Булунского района, п. Зырянка Верхнеколымского района.

2. Сельские поселения: с. Быковский национальный Булунского района, с. Верхнеколымск и с. Угольное Верхнеколымского района, с. Хону (Момский национальный) Момского района, с. Саскылахский национальный Анабарского улуса, с. Оленек Оленекского эвенкийского национального района.

	Абыйский	Анабарский	Булунский	Верхнеколымский	Момский	Оленекский
Кол-во респондентов	100	76	102	100	100	100

Характеристика выборочной совокупности:

Распределение по национальности (по самоопределению): саха – 65,8%, коренные малочисленные народы Севера – 34,2%.

Распределение по полу: 44,2% мужчин и 55,8% женщин.

Распределение по возрасту: 18-29 лет (27,0%), 30-44 года (35,0%), 45-60 лет (30,4%), старше 60 лет - 7,6%.

Распределение по образованию: имеют послевузовское (0,2%), высшее (41,9%), незаконченное высшее (5,9%), среднее специальное (36,1%), окончили

среднюю школу (14,2%), начальную школу - 1,6%, не учились в школе - 0,1%.

Распределение по семейному положению: состоят в зарегистрированном браке - 54,4%, в гражданском браке - 9,1%, разведены - 8,5%, вдова (ец) - 5,0%, никогда не состояли в браке - 22,0%.

Из 578 опрошенных респондентов абсолютное большинство (89,0%) считает своим родным языком якутский. 14,3% жителей арктического региона называют родным языком русский, 2,3% и 2,1% - эвенкийский и эвенкийский, юкагирский и долганский языки – по 0,8%.

Нужно пояснить следующий момент, что результаты ответов превышают 100%, так как некоторые респонденты сознательно и настойчиво отмечали в качестве родного языка 2 языка, например, якутский и русский, или якутский и эвенкийский. Данный случай можно отнести к позитивной зоне двупринадлежности культурной границы.

Один из крупных блоков исследования был посвящен этнокультурным тенденциям, выяснению того аспекта, какую роль играет в жизни респондентов национальная (традиционная) культура.

Мы принимаем за основу определение, что традиционная культура – это современный культуротворческий процесс (практика), направленный на воссоздание и усвоение традиционной культуры [7, с. 300].

86,1% опрошенных респондентов согласны с утверждением «каждый человек обязательно должен знать свою национальную культуру». Отметим, что «знание своей национальной культуры не является обязательным» 7,3%, допускают, что «знание своей национальной культуры в современном обществе не имеет никакого значения» – 1,5%, затруднились ответить – 5,1% опрошенных.

Мы понимаем, что национально-культурные традиции используются респондентами как средства персональной и групповой идентификации, выполняя коммуникативную и этнопсихологическую функции.

Ответы на вопрос «Насколько Вы интересуетесь национальной культурой своего народа?» распределились следующим образом: интересуются в некоторой степени – 54,8%, очень интересуются – 31,0%, мало – 9,0%, совсем не интересуются – 1,5%, затруднились ответить – 3,7%.

Абсолютное большинство опрошенных отмечают, что узнали о национальных традициях, обрядах в семье, от родителей. Вторую и третью позицию занимают СМИ и книги. Если смотреть по республике в целом, то средняя школа как источник знаний о национальных традициях, обрядах занимает достойное четвертое место. А по массиву арктических улусов школы заняли последнее место, на четвертое место вышло участие в этнокультурных мероприятиях (ысыях и т.д.), что может служить примером культуротворческих практик, организацией новых форм культурной работы и жизни, культурной политики республики.

Таблица 2. Источники знаний о национальных традициях, обрядах

Варианты ответов	по всему мас-сиву	арктические улусы
1. от родителей	82,3	78,1
2. из СМИ (телевидение, газеты, радио, Интернет)	43,3	47,0
3. из книг	35,6	34,7
4. узнал в школе	30	4,7
5. через участие в этнокультурных мероприятиях (ысыях и т.д.)	29,8	31,9
6. от знакомых, друзей	24,0	23,0
7. через участие в деятельности культурно - досуговых центров (кружки по пошиву национальной одежды и др.)	6,1	8,6
8. через деятельность департаментов и ведомств культуры, занимающихся пропагандой национальной культуры	4,9	5,6
9. узнал в вузе, техникуме, училище	5,0	4,7

Для изучения «сохранности» культурных традиций респондентам предлагалось оценить, как много места занимают в их жизни и значат для них различные виды народных (национальных) традиций и занятий. Результаты опроса представлены в табл. 3.

Лидируют как сохраняющие значимость в жизни жителей арктических улусов народные обычаи, обряды (55,4%); национальные праздники (45,2%); национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло, рыболовство) (30,1%).

Таблица 3. Оценка значимости элементов национальной культуры

№	Варианты ответов	арктические улусы (№578)	по республике в целом (№1982)
1.	народные обычаи, обряды	55,4	50,3
2.	национальные праздники	45,2	51,3
3.	национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло, рыболовство)	30,1	28,2

4.	национальные традиции (жизни, поведения)	29,5	32,9
5.	национальная кухня	27,1	39,8
6.	народные песни, танцы	20,8	15,6
7.	народные предания, легенды	19,7	18,4
8.	национальная одежда	19,3	13,1
9.	народные игры, состязания, виды отдыха	11,9	13,9
10.	национальный характер	10,3	11,0
11.	народная медицина	9,9	10,7

Национальные виды хозяйственных занятий (сельское хозяйство, охота, ремесло, рыболовство) в республиканском массиве занимают только пятую строчку. Мы предполагаем, что это может означать, что в арктических территориях механизм выживания «всем обществом» воспроизводится и сейчас, противопоставляя внедряемым ценностям индивидуализма логику коллективного действия и «моральной экономики» [8, с. 26-27].

Важным институтом воспроизводства идентичности, культуры народов Республики Саха являются традиционные народные праздники; будучи особыми ритуальными и магическими действиями, они обеспечивают чувство общности и причастности человека к своей семье, роду и народу.

Если сравнить с данными по республике в целом, там третью позицию занимает национальная кухня (39,8%). Также у жителей арктических улусов отмечены выше, чем по республике в целом, народные песни, танцы и национальная одежда.

Стоит отметить, что народные легенды, песни, танцы, народные состязания и др. постепенно вытесняются «зрелищами» массовой культуры, проникающей в жизнь жителей Арктики через телевидение и Интернет. В особенности «отверженной» оказывается народная медицина, очевидно, не выдержавшая конкуренции с научной медициной.

Молодые люди (18-29-лет) являются наименее определившейся группой относительно значимости народных традиций и традиционных видов занятий. Они чаще, чем другие респонденты, выбирают промежуточный вариант «немного значит», что указывает на определенный «резерв интереса» молодых к национальной культуре, который можно актуализировать.

Но некоторые аспекты народной культуры молодежью воспринимаются как «декоративные», не несущие какого-то смысла. Несмотря на позитивные установки на распространенность элементов этнической культуры, уровень реального обращения к национальной культуре довольно низок. При таком раскладе мы должны помнить, что культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости [1, с. 122].

Существенно иным образом относится к национальной культуре воз-

растная группа от 40 и выше. Национальные традиции жизни, поведения, национальный характер, то есть социально-психологическое измерение культуры, много значат для данной группы. Таким образом, «ресурсом сохранения» является возрастная группа 45-60-летних.

Опрошенные респонденты указали, что национальные традиции нужны «для сохранения народа в целом» (45,3%), «молодёжь должна уважать знания и мудрость своих предков, выраженную в традиционной культуре» (34,9%), а также «это помогает человеку чувствовать себя частью своего народа» (33,2%).

Респондентам был задан вопрос: «Каково, на Ваш взгляд, будущее традиционной культуры народа саха?». Среди факторов, которые представляют интерес с точки зрения «определения будущего», примечательно одно обстоятельство: 57% респондентов уверены, что «традиционная культура будет существовать всегда». 16,6% предполагают, что «произойдет синтез культур – через взаимопроникновение и взаимовлияние разных культур», 14,9% - «традиционная культура сохранится только в небольших селах или в традиционных хозяйствах», 3,8% - «произойдет ассимиляция – полное растворение традиционной культуры в доминирующих культурах», не задумывались об этом - 10,5% опрошенных.

В условиях современного открытого и динамичного мира, когда человек оказывается включенным в информационные потоки и знако-символические пространства, генерируемые другими (иными) культурами, происходит деформация «естественных» (происходящих стихийно, вне профессиональных практик) процессов воспроизводства национальной культуры.

В последнее время все большую роль в воспроизводстве идентичности, культуры и языка играют средства массовой коммуникации – Интернет и возникшие на его основе сетевые социальные сообщества, появление так называемой «умной толпы» [6, с. 15]. В условиях иноцивилизационного культурного давления только вся совокупность институтов может воссоздавать из поколения в поколение этнокультурную идентичность, язык, нормы поведения, ментальность, историческую память народа.

Таблица 4. Социальные институты, способствующие сохранению традиционной (народной) культуры

Варианты ответов	%	Ранги
семья	68,5	I
национальные культурные мероприятия	50,3	II
учреждения культуры	42,8	III

Для сохранения и воспроизводства этноса оказывается недостаточно лишь традиционных институтов (семья, род), ранее обеспечивавших сти-

хийно происходящую передачу культуры из поколения в поколение. В настоящее время необходимым оказывается «включение» широкого круга надлокальных институтов, культурных и политических, в число которых входят средства массовой информации, учреждения образования и культуры, органы законодательной и исполнительной власти, деятели искусства. В арктических улусах из-за территориальной удаленности может возникнуть проблема информационного разрыва – новая форма неравенства, которая сейчас рассматривается как одна из наиболее значимых [3, с. 14-16].

Одним из основных каналов передачи знания о народной культуре являются письменные тексты и книги на национальном языке. При этом важно понимать, что в современном мире – в мире после «цифровой революции» – печатное слово «сдает свои позиции».

В ходе социологического опроса было установлено, что 33,2% часто читают художественную литературу, журналы на родном языке, 46,2% - читают редко, 18,5% - не читают вообще. Как видим, становится все меньше читателей книг на родном языке.

Важнейшими каналами воспроизводства национальной идентичности, культуры и языка являются кинематограф и телевидение, которые способны производить «визуальные миры» – целостные образы жизни и активности людей – с опорой на национальные культурные коды. Якутский кинематограф – редкий пример этнического кино, образующего жизнеспособный поток, параллельный «голливудскому кино» и общенациональной (федеральной) традиции. К одной из роли современных средств массовой информации можно отнести отбор социокультурных форм, преодоление культурных барьеров и стереотипизацию отобранных социокультурных форм.

Что касается просмотра телевизионных передач на родном языке, то часто смотрят телевизионные передачи на родном языке 44,2% респондентов, смотрят редко - 45,9%, совсем не смотрят - 9,9%. Мы понимаем, что телевидение на Севере является более мобильным информационным, коммуникативным каналом для поддержания интеграции. Посредством телевидения можно достаточно быстро и эффективно транслировать национальные идеи, говорить о национальной культуре. Когнитивная сторона средств массовой информации, в отличие от информационной, ориентирована на приращение индивидуального и коллективного культурного капитала. Минус же данного канала коммуникации заключается в том, что далеко не все передачи на родном языке бывают качественными, высокохудожественными, чаще – развлекательными и поверхностными. Но, безусловно, требуются специальные исследования, посвященные влиянию телевидения на формирование национальной культуры.

Принявшие в анкетном опросе 83,5% жителей арктических улусов считают, что стоит обязательно сохранять традиционный образ жизни корен-

ных малочисленных народов Севера, поскольку традиционный образ жизни – это уникальная цивилизация.

Одной из важнейших проблем современного общества является проблема сохранения и развития национальных культурных ресурсов, их разнообразия, преемственности и воспроизводства. Именно культура определяет смысл социального бытия индивида, нации, общества в целом, является основой социально-экономического и политического развития страны. В связи с этим, нами сделана попытка выявления взаимодействия общества и государства в сфере сохранения и развития культурных ресурсов республики Саха (Якутия). Поэтому вопрос «Кто должен отвечать, по вашему мнению, за сохранение разных сторон культуры?» рассматривается как важный и значимый.

Таблица 5. Ответственность за сохранение разных сторон культуры

	Общие для человечества культурные ценности	Российская культура	Традиционная культура народов РС(Я)	Культура повседневной жизни, быта, поведения
Семья	30,3	7,0	12,2	38,3
Народ	36,8	26,1	31,8	17,4
Органы власти РС (Я)	13,7	7,8	50,6	5,1
Органы власти РФ	10,8	55,8	4,8	2,8
Сам человек	26,0	15,2	16,5	51,7

Респонденты возлагают ответственность за сохранение российской и традиционной культуры народов РС (Я) на правительства России и Якутии. Семья и сам человек несут ответственность за культуру повседневной жизни, быта, поведения. А народ в целом несет ответственность за общие для человечества культурные ценности и традиционной культуры народов РС (Я).

Одной из задач данного исследования являлось выявление представлений арктического населения о национальной элите. В качестве основных представителей национальной элиты якутского общества 57,0% респондентов относят творческую интеллигенцию (художники, поэты, писатели и др.), выдающихся деятелей культуры и искусства (51,3%), носителей традиционной национальной культуры (олонхосуты и т. д.) (50,7%).

Мы попросили респондентов написать имена ярких представителей национальной элиты. При этом понимали, что употребление категории элита связано с нечетким содержанием и неочевидной обоснованностью использования данного термина.

В ответах респондентов прозвучали имена тех, чья жизнь связана с пробуждением национального самосознания, формированием основ письмен-

ной литературы и профессионального искусства. Это представители первого поколения якутской интеллигенции, которые внесли «пассионарную энергию созидания этнокультурных ценностей» [1, с. 306-307].

Респонденты называют имена М.К. Аммосова, П.А. Ойунского, А.Е. Кулаковского, С.А. Новгородова, Г.В. Ксенофонтова, С.М. Аржакова, В.В. Никифорова.

Второе поколение связано с процессами углубления образованности, научности, культурности якутского народа. Здесь названы имена профессора Г.П. Башарина, писателя Д.К. Сивцева-Суорун Омоллона и других.

Респонденты назвали представителей третьего поколения интеллигенции – деятелей культуры и искусства В.С. Яковлева-Далана, С.П. Данилова, М. Поповой, А. Ильиной и др.

Представителями национальной элиты признаются также действующий президент РС (Я) – Е.А. Борисов, первый якутский президент М.Е. Николаев, названы имена известных политиков и государственных деятелей: А.С. Борисова, Ф.С. Тумусова, В.А. Штырова, Д.Е. Глушко, М.И. Эверстова и других.

Об интересе к спорту свидетельствует факт известности якутских спортсменов, добившихся значительных результатов – Г. Балакшина, А. Контоева, В. Лебедева, П. Пинигина. Это представители вольной борьбы и бокса, самых популярных видов спорта в республике.

Проявлением гендерного неравенства, на наш взгляд, является в основном упоминание известных мужчин. Поэтому важным мы признаём популярность якутских женщин – деятелей культуры и искусства – А. Адамовой, Н. Посельской, Н. Харламповой, А. Решетниковой, Ю. Упхоловой; известных учёных и общественных деятелей Е.И. Михайловой, У.А. Винокуровой и др.

В ответах на два взаимосвязанных вопроса наблюдается явное противоречие. С одной стороны большинство респондентов считает национальной элитой деятелей культуры и искусства. С другой, если говорить о персоналиях наибольший процент упоминаний имеют представители государственной власти. Также приходим к выводу, что современная национальная элита в Якутии ещё не сложилась как высший класс, способный повести народ за определённой национальной идеей.

Республика Саха (Якутия) должна быть узнаваемой в глобальном плане, в том числе и благодаря некоему лаконичному символу. Но каким он должен быть? Интересно, что респонденты самых разных возрастов, социальных групп мыслят стереотипно. Подавляющее большинство ответивших считают, что символом республики могут стать алмазы (32,7%), народный эпос Олонхо (38,3%) и Полюс холода (27,9%).

Таким образом, в сфере духовной культуры существуют позитивные установки на распространённость элементов этнической культуры. В материальном слое бытовой культуры отчетливо проявляется тенденция к су-

жению этнически маркированного слоя, элементы материальной культуры в значительной степени носят унифицированный характер.

На степень сохранности элементов традиционной культуры респондентов оказывают влияние социально-демографические параметры – возраст, образовательный уровень, социально-профессиональный статус респондентов. Респонденты, жители арктических улусов, более ярко демонстрируют тенденцию к сохранению национальных черт в культуре.

В современной культурологии, этнологии и культурной антропологии существует ряд концептов и подходов, позволяющих понимать процессы сохранения или разрушения этнических культур в современном мире. Представляется ценной идея о существовании «ядра культуры», которое может устойчиво воспроизводиться в динамичном мире и обеспечивать целостность и преемственность культуры при том, что отдельные слагаемые культуры изменяются (под влиянием внутренних инноваций или под влиянием других культур). «Образцовыми» работами школы «Культура и личность», а также отправной точкой многих других исследований являются работы Рут Бенедикт [4]. В своем главном общетеоретическом труде «Модели культуры» (1934) Бенедикт полагала, что каждое явление культуры может быть адекватно понято только в общем контексте данной культуры. Концепция «моделей культуры» Рут Бенедикт направлена на выявление присущего каждой культуре единства – центрального стржня, общей темы культуры, определяющей конфигурацию всех ее элементов. Эту центральную тему она называет «этосом культуры», который проявляется во всевозможных сферах человеческой жизни. Р. Бенедикт показала, что элементы культуры меняют свое значение под влиянием основной темы – этоса культуры и что они становятся частью единой культурной конфигурации. При этом культура существует и воспроизводится как психологическая целостность.

Исследователи предлагают различать ядро культуры и «защитный пояс», оболочку ядра, которая формируется в процессе исторического развития этноса и гарантирует самоидентичность данного этнического или социального организма. «Защитный пояс» работает как фильтрующий механизм: пропускает информацию, идущую из ядра культуры к функциональным узлам социального организма, но поглощает информацию, поступающую в социум от других культур. На переломах цивилизационного развития стабильность ядра культуры может оказаться негативным явлением, мешая адаптации социума к новым условиям жизнедеятельности. Такая излишняя стабильность ядра культуры может быть преодолена общественным сознанием и самосознанием. Самосознание представляет собой особый механизм прорыва новой информации в ядро культуры. Результатом прорыва может оказаться культурная трансформация или глубинные преобразования ядра культуры. Вследствие этого культура в целом оказывается лучше приспособленной к требованиям цивилизации и социотехнологической среды. В то же время трансформация ядра культуры не должна нару-

шать ее специфики, самоидентичности и индивидуальности, выделяющей и сохраняющей ее в семье мировых культур. Функция общественного самосознания, таким образом, в критических условиях состоит в информационной модернизации ядра культуры. Эта модернизация есть единственно возможный способ сохранения культуры в целом при переходе от одного большого универсального инновационного цикла к другому [5, с.14-34].

Таким образом, сохранение и воспроизводство традиционной культуры имеет важное значение для жителей республики. Их волнует как настоящее, так и будущее национальной культуры. Эта проблема находит отклик и на общественном, и на государственном уровнях. Однако необходимо констатировать факт утраты элементов традиционной культуры, которые в будущем, возможно, будут представлять интерес как этнографический, культурологический материал для научного изучения.

Поэтому для решения практических задач сохранения культуры коренных народов Республики Саха (Якутия) необходимо решить исследовательскую задачу – выделить ядро, этос культуры якутского народа и коренных малочисленных народов Севера. Должно наступить время «культурного саморемонта».

Литература

1. Бенхабиб, С. Притязания культуры : Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / С. Бенхабиб. – М., 2003. – 350 с.
2. Винокурова, У. А. Социология культуры. Ч. I // Социология : концепции, отраслевые теории и методика приклад. исслед.: учеб.-метод. пособие. – Ростов н/Дону : Легион ; СПб : РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 464 с.
3. Лебедев, П. Проблемы и барьеры развития Рунета: экспертные мнения / П. Лебедев // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – С.14-16.
4. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
5. Ракитов, А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры / А. И. Ракитов // *Вопр. философии.* – 1994. – № 4. – С. 14-34.
6. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М., 2006. – С. 15.
7. Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – Том XVII. - 664 с.
8. Теннис, Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / Ф. Теннис. – СПб., 2002. – С. 26-27.

**В. Б. Игнатьева,
Е. Н. Романова**

«ЧЕЛОВЕК – ХВОИНКА ЗЕМЛИ»: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

Глобализация, как социальный проект современного мира, характеризуется: в экономическом контексте – созданием интернациональной мировой экономики, транзитом знаний и технологий, в социальном – распространением электронных средств массовой коммуникации, унификацией различных сфер жизнедеятельности человека, общества и государства, в идеологическом – релятивизацией традиционных ценностей, формированием глобальной массовой культуры, свободной от национально-культурных компонентов¹. Быстрыми темпами меняются условия жизни и социализации людей: частная сфера (мир человека, личная и семейная жизнь) все более контролируется Интернетом, СМИ, рынком, модой и др., которые по-новому формируют их картину мира, стиль жизни, отношения полов и поколений, предпочтения в одежде, пище и др.

Сегодня важной составляющей культурной жизни республики становится активное фольклорное движение: проведение фестивалей фольклорных исполнителей и коллективов, организация этнографических выставок, разработка концепции театра Олонхо, строительство домов «Олонхо» и «Арчы», проведение массовых народных обрядовых действий. Национальные символы, закрепившиеся в культурном ландшафте, культовых сооружениях, дизайне и этнической моде, профессиональном искусстве создают современный стиль якутской культуры, широко распространяемый посредством масс-медиа. Все это подводит к мысли о функционировании двух культур в обществе: современной этнонациональной культуры и традиционной этнической как выражения и трансляции культурной памяти народа.

В этих условиях актуализируется проблема сохранения этнического, культурного и лингвистического многообразия Якутии как исторического и перспективного ресурса ее развития в XXI веке. Важный аспект этой фундаментальной проблемы составляют вопросы сохранения этнической самобытности коренных народов Республики Саха, проживающих преимущественно в сельской местности (саха – 65,3%, эвенки – 76,9%, эвены – 69,4%, долганы – 87,7%, юкагиры – 61,2%, чукчи – 72,6%)².

Институционализация этничности и культурных различий поддерживается здесь всеми публичными институтами (государство, право, масс-ме-

диа, образование, искусство и др.). Государственные символы Республики Саха подчеркивают национальный характер ее государственности: на гербе изображены древний всадник со знаменем, традиционный якутский орнамент в виде семи ромбов – кристаллов алмаза, название республики на двух государственных языках – якутском и русском; цветовая палитра флага символизирует: голубой в сочетании с белым солнцем – преемственность поколений, уважение к традиционному мировоззрению якутов, считающих себя «детьми белого солнца»; белый – суровую красоту Севера, чистоту помыслов людей, проживающих в его экстремальных природно-климатических условиях; зеленый – возрождение народов Якутии; красный – дань памяти предкам; гимн воспевает любовь к родной земле и верность заветам предков: «Земля Саха, святыни твои; С вершин веков напутствуют нас. Мы путь продолжили предков своих; И с честью мы их исполним наказ».

В политико-правовом поле действуют республиканские законы, принятые с целью «сохранения среды обитания и традиционных отраслей народного хозяйства, возрождения национальной культуры и удовлетворения духовных и языковых запросов» малочисленных аборигенных сообществ. Созданы специальные национально-административные образования: Эвено-Бытантайский национальный улус (1989), Анабарский долгано-эвенкийский национальный улус (2004), Оленёкский эвенкийский национальный район (2005), Жиганский эвенкийский национальный район (2008). Кроме того, 31 из 361 сельских поселений Якутии имеют статус национальных наслегов.

В соответствии с законом «О языках в Республике Саха (Якутия)» (1992) якутский и русский языки являются государственными, эвенкийский, эвенкийский, юкагирский, долганский и чукотский языки – официальными в местах их компактного проживания. Под эгидой Президента Якутии осуществляется работа Совета по языковой политике по сохранению языков коренных народов республики в сфере образования, культуры и средств массовой информации. В качестве государственных отмечаются такие праздники, как «День республики» (27 апреля) и национальный праздник «Ысыах» (21 июня).

Вместе с тем, сегодня невозможно оспорить тот факт, что существующая практика ревитализации «сверху» истории, языка и культурных традиций, придания им нового национально-политического «звучания», легитимации этничности через этноним, репутацию, статус, престиж и т.д., не отвечает вызовам современной жизни. Деинституционализация этничности на федеральном уровне, урбанизация, миграция, распространение ценностей общества потребления, «давление» массовой культуры, приоритет личной свободы над авторитетом родителей и др. существенно ослабляют «этнические корни» малых и малочисленных народов Якутии, ускоряя процесс их культурной ассимиляции.

Как известно, важный фактор этнической идентификации составляет язык, выполняющий этнодифференцирующие функции. Соответственно, мы задались вопросом о современном состоянии языковой компетенции

коренных народов республики. Как оказалось, несмотря на то, что изучение родных языков в учреждениях дошкольного воспитания и школьного образования признается одним из основных приоритетов государственной национальной политики Республики Саха, эвенкийский язык изучают всего 35% детей-эвенков школьного возраста, соответственно, эвенский – 44,3%, юкагирский – 52,2%, чукотский – 42%, долганский – 45%³. Всероссийская перепись населения 2002 г. выявила широкий диапазон языкового сдвига: национальный язык в качестве родного признают лишь 6% эвенков, 20,7% эвенов и 19,5% юкагиров. Для 71,2% эвенков, 63,1% эвенов, 45,2% юкагиров родным является якутский язык, для 51% чукчей и 35,3% юкагиров – русский⁴. Безусловно, этот пример заставляет задуматься, прежде всего, о проблеме эффективности мероприятий, реализуемых «сверху».

Возрастание религиозного фактора в полиэтническом и поликонфессиональном государстве как Россия в последние десятилетия привело к актуализации и традиционных религиозных верований в обществе. Прежде всего, это касается социального контекста взаимосвязи религии и традиционных духовных ценностей, восходящих к идеологии шаманизма. В этом плане вызывает интерес религиозно-культурные традиции коренных народов Якутии, где шаманское мировоззрение выступало одним из важных маркеров этнической мобилизации. Как известно, в современных условиях шаманизм становится одним из инновационных ресурсов по возрождению и сохранению этнокультурного наследия.

Анализ содержания имеющихся интервью сакральных лиц как со-творцов «культурного текста» еще раз подтвердил, что шаманская культура активно взаимодействует между социальным разрывом и культурной интеграцией (ср. советизация культуры, возрождение традиционных верований). Изучение шаманских биографий на уровне традиционной и современной культуры дало возможность выявить социокультурную функцию шаманской деятельности, «скрепляющей» все основные сферы (подсистемы) традиционной культуры. Обращаясь к современным религиозным практикам народа саха, отметим, что сегодня в якутском обществе существуют как полноправные шаманы, так и шаманствующие личности; речь идет о традиционных шаманах с шаманской наследственностью (посвященные) и людях, ориентированных на знание традиционной культуры и практикующих традиционные методы медицины. Религиозные представления якутов, связанные с «белым» шаманством (культ божеств айыы) получили новое развитие в конце XX – начале XXI века в форме современных религиозных течений. Идеологами этих течений выступили «авторские» тексты ученого Л.А. Афанасьева-Тэриса и народного целителя, светлого шамана В.А. Кондакова. Согласно положениям Л.А. Афанасьева-Тэриса, «Учение Айыы» опирается на систему традиционных верований саха. Дальнейшее развитие этого учения связано с философско-теологической школой «Кут-сюр». Основной целью школы является создание энциклопедии по вопросам традицион-

ной культуры, философии и религии народа саха. Для распространения «Учения Айыы» необходимо строительство особого храма «Айыы дьиэтэ» – ритуального центра. Давая оценку современной религиозной ситуации в якутском обществе, эксперт-этнолог, кандидат исторических наук В.Е. Васильев, отметил, что идеологи «Учения Айыы» традиционную религию саха относят к статусу «репрессированной», так в своей истории религия народа саха дважды подвергалась гонениям: сначала со стороны православной церкви, а затем – Советской власти. Что касается деятельности В.А. Кондакова, то в рамках Ассоциации народной медицины РС (Я) он создал научно-исследовательскую общественную организацию «Аар Тойон» (школа «светлого шаманства»), целью которой является восстановление связи народной медицины с древними верованиями народа саха.

Современные духовные искания в якутском обществе знаменуют собой новый этап поиска и признания своей исконной религии саха как важного маркера этнокультурной идентичности.

Развитие духовной культуры народа саха как текстопорождающего начала зависит от самих «авторов» новых текстов, от их созидательной деятельности по включению этнокультурного наследия в пространство современной культуры. Индивидуальный тип самосознания воспринимает коммуникацию между человеком и культурой как личную ответственность за ее сохранение и будущую судьбу.

В данном контексте логичным также выглядит заключение о том, что именно неудовлетворенность этнически маркированных экзистенциальных потребностей стимулировала в обществе поиск новых форм этнокультурной идентичности и способов кодирования социальной реальности. Данное обстоятельство и послужило поводом обратить внимание на социальные инициативы и практики энтузиастов-одиночек и отдельных групп, иллюстрирующих перевод этнической лояльности на плоскость культурных проектов, этнического предпринимательства, консюмеризма и пр.

Массовая потребность в сохранении своего этнического «лица» и воспроизводстве традиционной культуры вылилась, прежде всего, в «авторскую», локальную проектную деятельность, что придало «второе дыхание» народным промыслам, декоративно-прикладному искусству, традиционной музыке и медицине, экологическим знаниям и т.п.

Интерпретация символических текстов в современном обществе на примере мифотворчества национальной интеллигенции, изучения феномена современного шаманства, традиционных верований приводит к важному выводу о создании новой системы символов и ценностей, опирающейся на программу символической коммуникации, мифологических образов традиционной культуры. Своеобразным символом ритуальной жизни современной молодежи Якутии стал этнический рок-фестиваль «Табык» (бубен огромных размеров), громко заявивший о себе с начала своего рождения как фестиваль, не знающих границ. Будучи непосредственно включенны-

ми в атмосферу музыкального фестиваля, начиная с его открытия в 1991 г., мы не раз отмечали, что праздник этнической музыки завоевывает все большее «культурное пространство» и интерес к нему растет. Современный якутский рок – это ритуальная форма самовыражения, возможно, одна из разновидностей ритуального поведения сообщества молодых (поющие/слушающие). В традиционной культуре народа саха самовыражение в виде «речи» шамана представлялось как магический акт действия – особое «говорение» шамана в разных ситуациях, поющиеся диалоги шамана и духов.

Мифология якутского рока берет свои корни из фольклорной традиции, шаманских ритуальных священнодействий. Музыкальные «этнические» композиции таких признанных вилюйских групп, как «Чолбон» (Звезда) и «Ай-тал» понятны каждому: не нужно знать якутского языка, надо «вжиться» в музыку. Отраднo, что фестиваль посещают русскоязычные саха, которые через символику фестиваля («якутский стиль») постепенно начинают осознавать свою этническую принадлежность. Музыкальный фестиваль «Табык» стал важным средством коммуникации разных этнических культур, тем самым, выполнив главную функцию ритуала – связующую. Очевидную связь музыки, потребительства и идентичности также демонстрирует музыкальная индустрия (певцы, промоутеры, ди-джеи, клипмейкеры, звукозаписывающие студии, FM-радио, бары, клубы, дискотеки и т.д.).

Отметим феномен «якутского кино», имеющего успех и коммерческий спрос среди сахаязычной аудитории. Производством «якутских фильмов» занимаются школьные, студенческие, улусные и др. киностудии, как правило, на любительской технике с привлечением непрофессиональных актеров. Значимым фактором их популярности является этнический консюмеризм, который побуждает потреблять «свой» продукт, даже если он проигрывает в качестве другому кино.

Как одну из форм протеста против диктата и тотальных запретов государства, в частности, исключение этнического статуса из внутреннего паспорта гражданина России, можно рассматривать стремление людей акцентировать национальность своего ребенка в свидетельстве о его рождении. Как сообщает пресс-служба Ил Тумэн РС (Я), законопроект «О присвоении фамилии, имени и отчества ребенку при государственной регистрации рождения в соответствии с якутскими национальными обычаями» направлен «на расширение прав граждан, а также реализацию права народа и личности на всестороннее развитие родного языка» и разработан в связи с ростом количества обращений граждан, требующих учитывать «национальные обычаи». В случае принятия закона, отчество ребенку может быть присвоено путем прибавления к имени отца слова «уола» – для мальчика, «кыыһа» – для девочки. На наш взгляд, этот пример наглядно показывает возможности интеллектуального конструирования определенных представлений и их последующее распространение усилиями «производителей субъективных предписаний» (П. Бурдые), в результате которых

институционализируется «новое» проявление этничности.

В заключение отметим, что национальный культурцентризм является собой разнообразие рефлексии на окружающую социальную реальность. Это, с одной стороны, ностальгия по «славному прошлому»; с другой – противодействие чужеродному в эпоху глобализма; с третьей – идеология этноцентризма, убежденность, что «мы самые лучшие». Результаты исследования позволяют в какой-то мере согласиться с мнением зарубежных исследователей о снижении значения этничности под воздействием процесса глобализации. С другой стороны, в рамках российских реалий мы видим обратное: это – очевидное сопротивление процессам унификации и маловероятно, что в ближайшем будущем ее потенциал будет полностью исчерпан.

Примечания

1 Делокаров К.Х. Глобализация и динамика смысловых координат современной цивилизации // Многогранная глобализация. - М., 2003. - 279 с.

2 Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2005. – Т. 5. – С. 11, 15.

3 Габышева Ф.В. Родные языки коренных малочисленных народов в системе российского образования (на примере Республики Саха (Якутия)) // Родные языки коренных малочисленных народов Российской Федерации в системе российского образования. – Якутск, 2009. – С. 27.

4 Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – Режим доступа: <http://sakha.gks.ru>.

Литература

1. Габышева Ф. В. Родные языки коренных малочисленных народов в системе российского образования (на примере Республики Саха (Якутия)) / Ф. В. Габышева // Родные языки коренных малочисленных народов Российской Федерации в системе российского образования. – Якутск, 2009.

2. Делокаров К.Х. Глобализация и динамика смысловых координат современной цивилизации / К. Х. Делокаров // Многогранная глобализация. - М., 2003. - 279 с.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2005. – Т. 5.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gks.ru> (дата обращения: 02.03.2014).

ГОЛОС АРКТИКИ: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ

Язык как социокультурный фактор, способствующий интеграции социальных общностей, является живой изменяющейся средой коммуникации, регулирующейся целенаправленной языковой политикой. Языковые права в социокультурном контексте гарантируют возможность сохранения и развития лингвистической самобытности народов посредством создания экстралингвистических условий их реализации, в том числе – в средствах массовой информации и коммуникации.

В 2012 г. Международный день коренных народов мира прошел под лозунгом «Средства массовой информации коренных народов, голосам коренных народов – звучать громче». Особое внимание было уделено роли средств массовой информации в поддержке моделей развития коренного населения, не нарушающих гармонии с их приоритетами, ценностями и особенностями культуры. Как отметила Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова: «Средства информации являются ключом для раскрытия видения коренными народами устойчивого развития. Мы должны использовать эти мощные средства для устойчивого развития всех» [6]. И это выражение особенно актуализируется в отношении арктических народов.

Социокультурное пространство Арктики в социолингвистическом плане характеризуется сильной дисперсностью среды использования языков. Согласно Перечню мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденному распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р, в Якутии языковая жизнь эвенов, эвенков рассредоточена в 21 северном районе и 70 сельских населенных пунктах. При этом все этноязыковые процессы протекают в полилингвистической среде, где язык коренного этноса остается в позиции недоминирующего.

В подобных экстралингвистических условиях реализации языковой политики наибольшую значимость, наряду с системой непрерывного образования, приобретают средства массовой информации на языках коренных малочисленных народов Севера.

Укрепление сознания национальной идентичности – одна из функций средств массовой информации. Проблемы распределения функциональной нагрузки национальных и русского языков, проблемы содержательнос-

ти национальной прессы, радио, телевидения и качества их языка остаются в поле зрения многих социолингвистов с 80-х гг. XX века, поскольку сфера массовой информации, наряду со сферой образования, духовной культуры, относится к важнейшим структурным компонентам языковой ситуации. А.Н. Баскаков справедливо отмечал, что «именно эти сферы способны замедлить продолжающееся сокращение количества носителей государственных тюркских языков и прочих народов РФ вследствие ежедневной языковой ассимиляции в преобладающей русской языковой среде» [2, с. 5]. И сейчас в современном многоязычном обществе национальные СМИ должны не только создавать полную картину жизни общества через освещение функционирования каждого социального института, но и формировать высокую информационно-языковую культуру в обществе, формировать принципы сохранения национальных языковых традиций и культуры речи [5].

Согласно переписи населения 1989 г., каждый второй представитель коренных северных народов в РСФСР владел языком своей национальности. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., доля коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНССиДВ), владеющих родным языком, сократилась до 22,7% (несмотря на двукратное увеличение числа народов, относящихся к коренным), а доля признающих родным язык своей национальности сократилась за 20 лет с 52,8% до 35,2%.

В настоящее время свои языки признают родными лишь 35% всех представителей КМНССиДВ, а реально владеют ими всего 22,7% представителей соответствующих национальностей или 58 тысяч человек, половина из которых – ненцы и ханты (всего же владеющих языками коренных малочисленных народов несколько больше – за счет представителей других национальностей, для которых тот или иной язык не является родным). Для сравнения: по переписи 1989 г. каждый второй представитель народов Севера владел языком своей национальности (табл. 1).

Таблица 1. Доля населения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, указавшая в качестве родного языка русский или язык своей национальности, %*

Национальность	Перепись 1989 года		Перепись 2010 года	
	Родной язык – язык своей национальности	Родной язык – русский	Родной язык – язык своей национальности	Родной язык – русский
Чукчи	70,3	28,3	47,0	51,8
Долганы	81,7	15,9	60,9	15,5
Эвенки	30,4	28,5	15,0	37,2

Продолжение таблицы

Эвены	43,9	27,5	24,7	30,1
Юкагиры	32,8	45,6	23,2	51,2
Всего	52,8	22,7	35,2	51,4

*Составлено по данным Всесоюзной переписи 1989 г. (Национальный состав населения СССР. М., 1991) и Всероссийской переписи 2010 года (Том 4. Национальный состав, владение языками, гражданство).

Одновременно среди коренных малочисленных северных народов более чем в два раза вырос удельный вес считающих своим родным языком русский (с 22,7% в 1989 г. до 52,8% в 2010 г.), который стал у них основным средством коммуникации (им владеют до 100% большинства КМНСиДВ).

Анализируя эти статистические данные, А.Л. Арефьев приходит к выводу, что «при сохранении существующих тенденций в ближайшие десятилетия до половины языков коренных малочисленных северных народов могут исчезнуть, а их представители предпочтут идентифицировать себя с другими этносами, имеющими, как им представляется, более высокий статус» [1, с. 436-437].

Таблица 2. Динамика изменения численности и удельного веса населения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в населении Республики Саха (Якутия) в 1989–2010 годах*

Национальность	1989 год		2002 год		2010 год	
	Численность, человек	Доля в общем-населении, %	Численность, человек	Доля в общемна-селении, %	Численность, человек	Доля в обще-мнасе-лении, %
Якуты	365236	33,4	432290	45,5	466 492	49,9
Русские	550 263	50,3	390 671	41,1	353 649	37,8
Эвенки	14 428	1,3	18 232	1,9	21 008	2,2
Эвены	8 668	0,8	11 657	1,2	15 071	1,6
Долганы	408	0,04	1 270	0,1	1 906	0,2
Юкагиры	697	0,1	1 907	0,2	1 281	0,1
Чукчи	473	0,04	602	0,1	670	0,1
Всего КМНСиДВ	24 902	2,3	33 139	3,5	40 160	4,2
Все население	1 094 065	100,0	949 280	100,0	958 528	100,0

*Составлено по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

Республику Саха (Якутия) населяют представители 128 национальностей, в том числе 23 коренных малочисленных народа Севера, Сибири и Дальнего Востока, самые крупные из них – эвенки, эвены, долганы, юкагиры и чукчи, языки которых относятся к различным языковым группам: тунгусо-маньчжурской, палеоазиатской и тюркской. Сложность языковой ситуации, проявляемая в преобладании процессов ассимиляции, выражается в сужении общественных функций и снижении социального престижа миноритарных языков.

Опыт успешной реализации языковых прав в разных странах мира достаточно убедительно показал, что основной акцент языковой политики должен быть направлен на систему образования и средства массовой информации.

Однако А.Л. Арефьев в своей монографии «Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность» констатирует, что в России «пресса исключительно на языках КМНССиДВ стала редкостью». Лишь в Ханты-Мансийском АО имеются издания только на языках коренных народов Севера – это газеты «Луима сэрипос» («Утренняя заря») и «Лух авт» («Ангальский мыс»). «Луима сэрипос» была основана ещё в 1957 г. и издавалась на хантыйском и мансийском языках. В 1991 г. газета была разделена на мансийскую «Луима сэрипос» и хантыйскую «Ханты ясанг» (в качестве приложений к ним выпускаются детские газеты – хантыйская «ХатЛые» и мансийская «Хоталакве»). Газета на хантыйском языке «Лух авт» издаётся с 2001 г. в Салехарде. Единственная в мире газета на нивхском языке издаётся в поселке Некрасовка Охинского района Сахалинской области. Первый номер газеты вышел в 1996 г., материалы в ней печатались на амурском, сахалинском и шмитовском диалектах нивхского языка [1, с. 102-103, 105].

Во всех остальных случаях материалы на языках коренных малочисленных народов издаются в виде приложений к русскоязычным периодическим изданиям.

Первым и единственным на сегодняшний день печатным органом, издающимся в Республике Саха (Якутия), является республиканская газета «Илкэн», учрежденная Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера. На сегодняшний день «Илкэн» – самая интернациональная (многоязычная) газета в России, издаётся на семи языках: русском, якутском, эвенском, эвенкийском, юкагирском, чукотском и долганском. «Илкэн» означает дорожный знак, охотничью затесь на дереве – метку, которая указывает верный путь в тайге. Выход первого номера газеты «Илкэн» датирован 5 октября 1999 года. Газета «Илкэн», заявленная изначально как республиканское общественно-политическое издание, с первых же своих выпусков взяла курс на многогранное освещение богатейшей истории, культуры, фольклора и литературы малочисленных народов, проживающих как на

территории Якутии, так и за ее пределами. Одним из постоянных проектов редколлегии, имеющим огромное просветительское и социокультурное значение, является публикация образцов оригинальных фольклорных текстов и их переводов на русский язык. Так, читатели имели возможность ознакомиться с эвенкийским нимнгаканом «Гарпаниндя», эвенскими сказками, юкагирским преданием «Эдилвэй» в комментариях записавшего его Улуро Адо, эвенкийскими сказками в записях Г. Кэптукэ и А. Мыреевой, кроме того, читателю были представлены ниманку нанайцев, мифы-сказки чукчей и т.д.

С 2001 г. «Илкэн» выпускает литературно-художественный альманах коренных народов Севера «Хальархад», получивший номинацию «Лучший литературно-художественный альманах 10-летия коренных народов мира», на страницах которого публикуются произведения как признанных авторов, так и молодых поэтов, писателей, исследователей – представителей коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Таким образом «Илкэн» стала ключевой площадкой для становления в Якутии критической мысли в арктическом литературоведении.

Примечательно, что именно на страницах «Илкэн» впервые были опубликованы Евангелие от Луки на эвенкийском языке (в переводе А. Мыреевой и Н. Булатовой), стихи А. Пушкина на эвенском языке в переводе В.А. Кейметинова, первый эвенкийский роман Г. Гантимурова «Ганя Хмуров» на русском языке, эпос эвенкийского народа «Торѳо-түргэ таҥастаах Торгандуун Маатаа» на якутском языке в переводе В. Исакова, переводы стихотворений А. Немтушкина, Улуро Адо, Н. Калитина, В. Лебедева, В. Келькута на английском языке и др. Как отмечает Ю.Г. Хазанкович, газета «Илкэн» для северных народов стала трибуной и хранителем «охранной грамоты» их самобытности и самовыражения.

Несомненную социокультурную роль печатных средств массовой информации на национальных языках сложно переоценить, особенно в виду имеющейся статистической информации, что за последние 40 лет количество книг и брошюр в России, выпускаемых на языках КМНСиДВ, существенно не увеличилось и круг этих языков также продолжает оставаться ограниченным (табл. 4).

Таблица 4. Выпуск книг и брошюр на языках коренных малочисленных народов Севера в СССР и РФ в 1970–2011 годах (количество наименований)*

*Составлено по: Российский статистический ежегодник. М., 2012, стр. 295.

Языки	Годы						
	1970	1980	1990	2000	2009	2010	2011
Корякский			1				1

Мансийский			3	2		2	2
Нанайский		1	2	2	1	1	1
Ненецкий	1	2	5	6	2	4	1
Хантыйский			3	1	4	10	
Чукотский	7	9	4	2			
Эвенкийский				4	1	2	1
Эвенский		3	6	3		14	1
Эскимосский			5				
Всего	8	18	28	18	10	33	5

На радио- и телевещании языки КМНССиДВ используются лишь в нескольких субъектах РФ. На территории Архангельской области в Ненецком автономном округе каждую среду в эфире радио «Нарьян-Мар FM» выходит информационно-просветительская программа на ненецком языке «Аргиш – учимся ненецкому языку». На ненецком языке звучат также радиопередачи «Вынгы сё» («Голос тундры») на «Радио России». Один раз в неделю в блоке новостей «Заполярный вестник» на «Нарьян-Мар ТВ» выходит сюжет на ненецком языке об актуальных событиях. Кроме того, на «Нарьян-Мар ТВ» транслируются художественные и документальные фильмы на ненецком языке о жизни коренных народов. В Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края одна из старейших национальных радиостанций – «Хэглэн» («Млечный путь») с 1950 г. ведет передачи на эвенкийском языке. Радиостанция базируется в поселке Тура – административном центре Эвенкии. Регулярные радио- и телепередачи на вепсском языке уже более 20 лет выходят и в Республике Карелия. Также с начала 1990-х годов радиостанция поселка Троицкое Хабаровского края (административный центр Нанайского района) ведет передачи на нанайском языке, а на Хабаровском и Комсомольском-на-Амуре телевидении также на нанайском выходят информационные выпуски. С апреля 2013 г. на Камчатке началась радиотрансляция информационных выпусков на алеутском языке. В дальнейшем в данном субъекте Российской Федерации планируется осуществлять информационные выпуски и на языках других народов Севера (коряков, ительменов и эвенков). В основу этих выпусков ляжет литературный корякский язык – чавчувенский и т.д. [1, с. 106-107].

Наибольшим языковым разнообразием отличается Национально-вещательная компания «Саха», единственный канал, вещающий на двух государственных языках и трех языках коренных народов Севера. В 2012-2013 гг. по заказу компании НВК «Саха» Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук провел социологическое исследование, позволившее выявить неоднородность и динамичность аудитории. Было опрошено 1200 респон-

дентов. Результаты опроса показали, что рейтинг популярности телеканала НВК «Саха» в Республике Саха (Якутия) достигает 50,9%. Это третья позиция по Якутии после федеральных каналов ОРТ – 64,1% и «Россия» – 52,5% [8].

Единственной студией, осуществляющей выпуск теле- и радиопередач на языках коренных малочисленных народов Севера, является творческое объединение «Геван» (что в переводе с эвенского означает «заря», «восход солнца»), более 20 лет пропагандирующее языки и уникальную культуру арктических народов. История вещания на северных языках берет свое начало в 60-х годах, когда на якутском радио выходил радиожурнал, вещающий на языках малочисленных народов Севера. Это были 10-15-минутные передачи, подготовленные на общественных началах энтузиастами своего дела – эвенским ученым В.Д. Лебедевым совместно с исследователями и носителями родного языка Г.И. Вельвиным, Е.В. Едукиным, А.Н. Мыреевой, Г.Н. Куриловым. Первый выпуск радиостанции «Геван» вышел 7 января 1988 г. Писатель, журналист С.Е. Дадаскинов с молодыми носителями родного языка А. Громовым и И. Багаевой начали работу на профессиональном уровне.

В 1993 г. А.П. Гоголевым было создано творческое объединение «Геван», в состав которого вошли Н. Сметанина, К. Тарабукин, известный юкагирский художник Н. Курилов, Н. Кудрина, Л. Алексеева. За много лет работники «Геван» сохранили в архиве не только отдельные памятники песенного фольклора, радиуроки на языках коренных народов, но и выступления фольклористов, писателей, поэтов, ученых-этнографов не только Якутии, но и других регионов Российской Федерации.

На сегодняшний день «Геван» – это не только новости и фольклор, но и телеочерки, публицистика, теле- и радиопостановки, древние сказания в оригинале. Идет работа над проектами, целью которых являются возвращение и сохранение культурных ценностей современным носителям этноса, таких как «Хопкил хотаранни» («По тропам предков»), посвященная культуре эвенов, серия научно-образовательных передач «Кто вы, юкагиры?» и др. Все замыслы и проекты студии – уникальны, несут в себе новизну и самобытность материала – никогда ранее не звучавшие песни, никогда и никем не зафиксированные обряды и танцы, никогда прежде не пойманная поговорка из уст мудреца.

Сегодня передачи творческого объединения «Геван» идут в эфир на пяти языках: русском, якутском, эвенском, эвенкийском, юкагирском, причем объем вещания на эвенском, эвенкийском языках составляет 2,6%, что в 2,5 раза превышает показатели 90-х годов (1%).

Для успешного функционирования языковой политики, практического развития языков коренных малочисленных народов Севера решающую роль играет законодательное обеспечение. 10 ноября 2011 г. принят Закон Республики Саха (Якутия) 980-З № 857-IV «О государственной поддержке

средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)». Указом Президента республики от 20 августа 2012 г. №1602 утвержден порядок проведения мониторинга функционирования государственных и официальных языков в средствах массовой информации. Кроме того, действуют государственные целевые программы «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012-2016 годы» и «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012-2016 годы».

Тем не менее функциональная дифференциация государственных и официальных языков в сферах массовой информации остается несбалансированной. При значительном объеме русскоязычной информации существенно незначителен объем передач на языках малочисленных народов Севера, хотя наблюдается положительная динамика (1% в 90-е гг.; 2,6 % в 2005 г.; 3,4% в 2013 г.).

Одной из сфер реализации языковых прав коренных народов во всем мире является Интернет-пространство, в котором в настоящее время используются более 400 языков. По данным ВЦИОМ на апрель 2012 г., доля пользователей Интернет в России составила 58%, рост за год – 5%. Однако, более 4/5 интернет-пользователей довольствуются лишь 10 языками, в том числе русским, тогда как на остальные 390 языков приходится лишь 16,7% посетителей Всемирной паутины. По расчетам ученых-лингвистов и специалистов ЮНЕСКО, именно под ее влиянием число используемых языков в XXII веке сократится всего до 40, а в дальнейшем, согласно прогнозам британских экспертов-футурологов П. Такера и Й. Парсона, человечество будет пользоваться всего тремя языками – английским, китайским и испанским, которые станут международными средствами коммуникации [1, с. 30].

Безусловно, Интернет может нести в себе угрозу ассимиляции миноритарных языков, но мы придерживаемся другого, более оптимистичного взгляда. «Ресурсы киберпространства не ограничены во времени и пространстве, не предъявляют повышенных экономических требований к их использованию, как, например, печатная продукция. Доступ в Интернет открыт для любых сообществ, что особенно важно для культуры этнических общностей, представители которых рассредоточены на значительных расстояниях и предпочитают устные и визуальные формы общения» [3].

Новые информационные и коммуникационные технологии выполняют существенную роль в расширении доступа коренных народов и национальных меньшинств к образованию, науке и культуре. Они преобразуют способы обмена, хранения и передачи знаний и языков, дают возможности для диалога и дискуссий, позволяющих представителям коренных народов формулировать свои собственные задачи. В последние годы ЮНЕСКО объявило своей приоритетной задачей построение инклюзивного общества, основанного на культурном наследии, духовных ценностях и совре-

менных знаниях, что необходимо для устойчивого будущего.

Интернет, как глобальный канал информации и коммуникации, также может внести свою лепту в развитие функциональных возможностей миноритарных языков, а также в повышении их престижа среди молодого поколения представителей коренных народов, являющихся потенциальной аудиторией интернет-ресурсов. Член Международного консультативного комитета финно-угорских народов Андрес Хейнапуу считает, что «во-первых, сегодня ни один язык не может быть полноценным без присутствия во Всемирной сети; во-вторых, для представителей молодого поколения <...> Интернет становится главным средством получения информации и развлечений. Таким образом, эта информационная среда становится очень важным средством для передачи языка следующему поколению. Без Интернета язык становится языком стариков – и потом умирает вместе с ними» [10].

О.М. Ханина, на основе изучения опыта США, Канады и Австралии в разработке сайтов на миноритарных языках, выделяет четыре категории интернет-сайта: 1) как информационный ресурс; 2) как образовательный ресурс; 3) как канал коммуникации; 4) как средство самовыражения [7].

Интернет-сайт в качестве информационного ресурса прежде всего предоставляет информацию о том или ином народе, его языке, традициях, территории и т.д. (сайт про народ арапахо (Arapaho), сайт южноамериканского языка якуару (Перу), созданный американским лингвистом М. Хардманом). К этой же категории относятся интернет-сайты о языковом разнообразии той или иной территориальной общности (сайт, на котором представлены приветствия на 39 языках штата Оклахома (США)). Применительно к Якутии, можно привести в пример сайт www.kiyaaar.ru «Обсерватория культурного разнообразия и образования», созданный при поддержке ЮНЕСКО и призванный содействовать сохранению и развитию культурного разнообразия, творчества, диалога и образования народов Республики Саха (Якутия), на котором представлена информация на эвэнском, якутском, русском и английском языках. В этих же целях в 2011 г. создан единый многоязычный Арктический портал www.arctic-megapedia.ru, реализованный в рамках проекта Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова «Программа сохранения и развития юкагирского языка и культуры на цифровых носителях и в киберпространстве» на 2011-2014 гг.

Кроме того, интернет-сайты могут служить средством творческого самовыражения представителей традиционных народностей, являясь современным аналогом книги, посвященной малому языку. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) работает над созданием ресурсной базы на языках народов Севера «Документальная память народов Севера «Книгакан», реализация которой станет живым мостом взаимодействия культур, будет способствовать языковому многообразию, и в конечном итоге создаст условия для удовлетворения культурных, образовательных потребностей народов Севера России. Электронная библиотека малочис-

ленных народов Севера www.nlib.sakha.ru/knigakan является продолжением проектов «Говорящая книга», «Книжная культура коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия)», «Сводный каталог книг на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Языки коренных малочисленных народов в киберпространстве». К услугам пользователей сайта – библиотека, каталог книг, литературная карта КМНС, тематические коллекции и другие электронные ресурсы на языках коренных народов Севера [11].

Разработка сайтов о миноритарных языках и на миноритарных языках, с одной стороны, удовлетворяет информационные, образовательные, коммуникативные и творческие потребности самих малочисленных народов, а с другой стороны – открывает эти народы для всего мира, но интернет-сайтов, выполненных собственно на национальных языках, а не про национальные языки, на сегодняшний день, к сожалению, крайне мало.

На наш взгляд, эта ситуация в будущем может существенно измениться к лучшему. Примером востребованности веб-ресурсов на национальных языках может служить проект «Малые разделы Википедии на языках России», в рамках которого на сегодняшний день уже представлено 33 языка. Саха Википедия, получившая уникальный домен <http://sah.wikipedia.org/> в мае 2008 г., стоит на шестом месте в числе википедий на языках народов России после башкирского (31 688), татарского (56 803), чеченского (22 397), чувашского (21 339) разделов и раздела на идиш (10 689), и на сегодняшний день содержит 10185 статей на якутском языке [12].

Основной проблемой создания сайтов на национальных языках является отсутствие национальных раскладок и отсутствие шрифтов с глифами букв дополнительной кириллицы. Еще в начале 90-х годов XX века был разработан первый вариант инсталляционного пакета Windows-3.1, Windows-95, 98, обеспечивающего первый уровень сахафикации среды ИКТ. Эти разработки обеспечили удобную одновременную работу на шести языках: английском, русском, якутском, эвенском, эвенкийском и юкагирском. С 2004 года началась официальная работа с корпорацией Майкрософт по включению поддержки якутского языка в следующие версии ОС Windows. В случае надлежащего решения всех технических проблем в новой версии ОС Windows Vista все офисные программы будут полноценно поддерживать якутский язык и языки народов Севера. Использование якутского языка в новых информационных технологиях будет по международным стандартам ИКТ [4, с. 115-120].

Еще один шаг к реализации лингвистических прав народов Российской Федерации – создание первой общенациональной шрифтовой гарнитуры, поддерживающей все национальные языки субъектов РФ, презентация которой состоялась 13 января 2010 года Гарнитура ПТ Санс, включающая знаки всех алфавитов государственных титульных и официальных языков, разработанная в соответствии со всеми международными полиграфичес-

кими требованиями, призвана обеспечить потребности многонациональной страны в шрифте, который позволит не только обслуживать официальную и деловую переписку, но и служить средством развития национальных письменностей в интернет-пространстве. Востребованность подобного шрифта подтверждается интенсивностью скачиваний с официального сайта компании ПараТайп – 40 000(!) в первые две недели после публикации.

В цивилизованном обществе создание единого информационного пространства – это способность государства при помощи различных форм регулирования деятельности СМИ обеспечивать всех граждан необходимой и достаточной информацией, максимально полным спектром фактов и мнений – с целью ориентации в происходящих событиях и выработки своего отношения к ним. Чтобы общество развивалось, необходим свободный поток информации, заставляющий человека думать, самостоятельно принимать решения. В таком обществе каждый его член имеет равные права и возможности свободно производить и своевременно получать любую интересующую его информацию на любом языке.

Осознание социальной ответственности за будущее родного языка, за судьбу своего народа, повышение личностной мотивации к изучению и использованию родных языков и культуры являются основой самоорганизации коренных народов, выражающейся в актуализации гражданских инициатив как важнейшей ценности гражданского общества. Для возрождения, сохранения и устойчивого развития языков коренных народов Якутии необходимо объединение усилий органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества, включая общественные объединения малочисленных народов Севера.

Литература

1. Арефьев, А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования : история и современность / А. Л. Арефьев. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.
2. Баскаков, А. Н. Социолингвистические проблемы тюркских языков в Российской Федерации / А. Н. Баскаков // Социолингвистические проблемы в различных регионах мира : материалы междунар. конф. (Москва, 22-25 октября 1996). – М., 1996. – С. 5-7.
3. Винокурова, Е. П. Культурная политика в Республике Саха (Якутия): автореф. дис. ... канд. культурологии / Е. П. Винокурова. – Москва, 2011. – 22 с.
4. Григорьев, Ю. М. Сахафикация операционной системы «Windows Vista» / Ю. М. Григорьев, Н. И. Васильев // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества : сб. науч. ст. - Якутск, 2007. – С. 115-120.
5. Иванова, Н. И. Чтобы общество развивалось, необходим свободный поток информации... / Н. И. Иванова // Илин. – 2007. – № 3-4. – С. 13-17.
6. Международный день коренных народов мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/events/prizes-and-celebrations/celebrations/international-days/international-day-of-the-worlds-indigenous-people/> (дата обращения: 23.02.2014).
7. Российский статистический ежегодник. – М., 2012. – С. 295.
8. Сайт НВК «Саха» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nvksakha.ru>.
9. Ханина, О. В. Интернет-сайты, посвященные миноритарным языкам : зарубеж. опыт /

О. В. Ханина // Языковое разнообразие в киберпространстве : рос. и зарубеж. опыт. – М., 2008. – С. 96-103.

10. Хейнапуу, А. Интернет нужен для передачи языка новым поколениям финно-угров [Электронный ресурс] / А. Хейнапуу. – Режим доступа: <http://mariuver.wordpress.com/2010/05/28/heipariiu-internet/> (дата обращения: 01.03.2014).

11. Электронная библиотека малочисленных народов Севера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nlib.sakha.ru/knigakan (дата обращения: 28.02.2014).

12. Сүрүн сирэй [Электронный ресурс] // Бикипиэдьийэ. – Режим доступа: https://sah.wikipedia.org/wiki/Сүрүн_сирэй88; 115-120 (дата обращения: 01.03.2014).

Е. П. Винокурова

КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА АРКТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Программа «Культурная столица Европы» (КСЕ) была создана в 1985 г. с целью продвижения и прославления богатства и разнообразия европейских культур, акцентирования общих связей и формирования пространства для обеспечения роста взаимопонимания между европейскими гражданами. Программа нацелена на интеграцию европейских городов через соревновательное развитие. На настоящий момент титула КСЕ были удостоены 42 города, а сама программа стала уникальной возможностью для возрождения городов, поддержки их творческого начала и улучшения их имиджа. Победителю конкурса выделяется 1,5 млн. евро от Европейской Комиссии для реализации программы. Хотя КСЕ изначально не была задумана с целью оказания долгосрочного воздействия на города-участники, она постепенно преодолела рамки годового культурного события и превратилась в программу системного инвестирования в социально-экономическое развитие города и окружающей его территории.

Реализация данной программы способствовала более динамичному развитию региональной культуры, обеспечению доступа к информации и участию в культурных событиях разных слоев населения, усилению межкультурной коммуникации, улучшению инвестиционной привлекательности и имиджа города в европейском и мировом контексте.

Основные критерии признания титула культурной столицы Европы исходят из следующих позиций Программы города, претендующего на статус культурной столицы: первая – стимулирование сотрудничества между культуртрегерами (деятелями культуры), художниками (в широком смысле слова) и городами из стран-членов Евросоюза в любой области культуры; вторая – фокус на богатство культурного разнообразия; третья – приоритетность общих аспектов европейской культуры; четвертая – стимулирование участия в программе жителей города и его окрестностей, а также как интереса зарубежных гостей; пятая – программа должна быть устойчивой и

являться важной составляющей долгосрочного культурного и социального развития города.

В процессе реализации Программы культурной столицы Европы титулированный город стремится решать следующие задачи:

- выделить богатство и разнообразие европейских культур;
- отмечать культурные связи, которые связывают европейцев вместе;
- объединить людей из разных стран Европы в контакт с культурой друг друга и способствовать взаимопониманию;
- способствовать развитию чувства европейского гражданства.

Исследования показали, что титул Культурной столицы Европы способствуют регенерации городов, повышению международного статуса и имиджа в глазах европейцев, дает новый импульс развитию культурной жизни, развитию туризма, социокультурной сплоченности жителей города.

В конце 1990-х годов аналогичные европейскому проекты – Арабская столица культуры и культурная столица Америки – были запущены и в других частях света. В 2000 г. проект «Культурная столица» появился в Поволжье «Культурная столица Поволжья». Организаторы данного проекта были вынуждены констатировать, что в России культура не входит в актуальные «повестки дня» и воспринимается не как глобальная смыслопорождающая среда, а как некая второстепенная отрасль. Существующие проблемы – растущее противоречие между запросами аудитории и устаревшей сетью учреждений культуры, неравномерное распределение культурных услуг (и, как следствие, разное качество жизни) между «столицами» и «провинцией», низкий уровень развитости культурных индустрий и культурного туризма, воспроизводство отживших моделей и оторванность большинства населения от мировых «трендов», тяжёлая ситуация в области охраны памятников и др. – могут быть решены только в случае принципиального изменения статуса культуры в обществе и использования её в качестве точки отсчёта и – одновременно – предельной рамки всех остальных преобразований¹.

Не дожидаясь федеральных решений, в 2009 г. Красноярский край начал свой проект «Культурная столица», нацеленный на формирование единого культурного пространства края.

Отмечается определенная активность и в арктических регионах. XV Соловецкий форум 18-20 сентября 2012 г. объявил Архангельск столицей Российской Арктики, территорией диалога, арктической солидарности и партнерства. В год 1150-летия зарождения российской государственности патриаршим благословением подтвержден статус Нарьян-Мара как современной столицы Российской Арктики. Мурманск разрабатывает стратегический проект «Столица Арктики». Архангельск рассчитывает получить статус не только столицы Арктики, но и столицы Северного морского пути. Салехард активно позиционирует себя как центр развития Арктики. В 2000 г. создано сообщество городов Российского севера, расположенных за 60 параллелью.

Российская Арктика всё более внятно начинает проявлять свою осо-

бую культурную идентичность, в которой востребованной гуманитарно-политической задачей становится сохранение и развитие культур коренных малочисленных народов Севера. В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», предусматривается комплекс мер по развитию культуры в арктических регионах: модернизация объектов социальной инфраструктуры, включая образовательные учреждения, организации здравоохранения и культуры; активное формирование в городах, малых селах и поселках новых доступных для всех слоев населения многофункциональных и мобильных учреждений культуры (социально-культурные центры, культурно-спортивные комплексы, информационные интеллект-центры, мобильная библиотека); обеспечение этнокультурного развития коренных малочисленных народов, защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни; обеспечение доступа населения на всей территории Арктической зоны Российской Федерации к современным информационным и телекоммуникационным услугам; совершенствование нормативно-правовой базы, содействующей рационализации имущественных отношений в сфере культуры и поощрению деловой активности путем развития системы грантов, институтов спонсорства, авторского права, меценатства, страхования, специфических налоговых и других источников финансирования социокультурных проектов, в том числе в рамках концессионной практики, создание системы региональных благотворительных, инвестиционных и венчурных фондов в сфере культуры².

Реализация задач Стратегии развития Арктической зоны РФ в области культуры предполагает мобилизации культуротворческих ресурсов для реализации инновационных социокультурных проектов. Одним из таких проектов, на наш взгляд, представляется провозглашение и внедрение проекта «Культурная столица Российской Арктики».

Республика Саха (Якутия) в течение всего постсоветского периода активно поддерживает в своей региональной культурной политике основные критерии проекта «Культурная столица Европы» в арктическом контексте.

Столица республики г. Якутск, по нашему мнению, заслуживает титула «Культурная столица Российской Арктики». Якутску – 382 года, он является одним из старинных городов России, старейших городов, построенных на вечной мерзлоте. История города соткана из сочетания различных культурных взаимодействий. Он расположен на путях географического, промышленного, научного, интеллектуального и поликультурного векторов пульсации евразийской цивилизации. Первый Президент Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаев инициировал ряд международных и российских проектов по обустройству Арктики.

По данным Всероссийской переписи населения РФ 2010 года в г. Якутске проживают 295664 человек, из них саха – 140272, русских – 113624, эвенков – 2870, украинцев – 3935, эвенков – 2176, татар – 2071, бурят – 2573, белорусов – 627, долган – 189, молдаван – 467, немцев – 325, юкагиров – 211,

чувашей – 256, чукчей – 59 человек³. В динамике численности населения наблюдается устойчивая тенденция к его росту, так за период с 1990 по 2012 годы оно увеличилось на 45,2%⁴. Социологические опросы показывают, что 73% жителей г. Якутска любят его⁵. Уровень образования горожан значительно выше, чем в среднем по республике и Российской Федерации. Здесь функционируют 28 учреждений Российской академии наук, Академии наук РС (Я) и другие. Здесь сосредоточены основные объекты культуры и искусства республиканского значения, живут и работают известные артисты, художники, народные таланты, многочисленные национально-культурные общины народов республики. В сфере культуры и духовного развития работают 48 муниципальных учреждений: библиотеки, культурно-досуговые центры, кинотеатры, парк культуры и отдыха, музыкальные школы и др.

На территории города Якутска расположено 6 театров, 11 музеев, более 40 памятников, 10 площадей и 16 скверов. Хорошо развито медиа-пространство: в столице вещает 13 радиостанций, 6 телекомпаний местного значения, периодика представлена свыше 70 печатными изданиями, из порядка 40 журналов и 31 газет.

После объявления Декларации о государственном суверенитете Якутской-Саха ССР 27 сентября 1991 г. Якутск получил статус столицы новой государственности. В 1999 г. был принят закон РС (Я) «О статусе столицы Республики Саха (Якутия) – города Якутска», в котором утверждалось: «Столица Республики Саха (Якутия) – место нахождения высших органов государственной власти Республики Саха (Якутия), органов государственной власти и управления Республики Саха (Якутия), представительств субъектов Российской Федерации и представительств иностранных государств. Город Якутск является административным, промышленным, финансовым, культурным, социальным, учебным и научным центром Республики Саха (Якутия)». К столичным функциям были отнесены⁶:

а) обеспечение деятельности высших органов государственной власти Республики Саха (Якутия), органов исполнительной власти республики, представительств субъектов Российской Федерации, улусов и городов республиканского значения коммунальными услугами, электроэнергией, газо-, водо- и теплоснабжением, связью, земельными участками для размещения административных зданий;

б) обеспечение деятельности предприятий, учреждений и организаций, находящихся на территории города Якутска, а также составляющих инфраструктуру города: образовательные, медицинские, культурные, транспортные (общего пользования), гостиничные, торговые, общественного питания, коммунальные и другие;

в) формирование, реализация градостроительной и жилищной политики;

г) улучшение экологической обстановки, а также проведение соответствующих природоохранных мероприятий;

д) обеспечение правопорядка;

е) регулирование миграции и прироста населения, а также осуществление демографической политики;

ж) развитие культурных традиций и духовности народов, населяющих Республику Саха (Якутия); обеспечение сохранности памятников культуры и искусства;

з) содействие в проведении республиканских, межрегиональных и федеральных культурных мероприятий;

и) обеспечение информацией населения города Якутска на якутском и русском государственных языках Республики Саха (Якутия);

к) установление и поддержание культурных связей с международными, зарубежными правительственными и неправительственными организациями, а также городами.

Как видно из перечня столичных функций, четыре из десяти указывают на осуществление функций культурной столицы республики. Эти функции выполнялись на протяжении длительной истории Якутска.

Вопрос утверждения г. Якутска не только столицей Республики Саха (Якутия), но также и культурной столицей Российской Арктики требует всестороннего изучения его роли в культурной жизни Российской Арктики в прошлом, настоящем и будущем. Содержательными требованиями к выполнению функций культурной столицы Российской Арктики могут быть приняты задачи Стратегии развития Арктической зоны РФ, обозначенные выше. Формальными критериями могут быть приняты критерии Европейского Совета по определению титула культурной столицы Европы с учетом российской и арктической специфики.

Критерий 1 – Межрегиональное творческое сотрудничество в сфере культуры.

Культурные ценности, как знаки-понятия, конструируются творческой интеллигенцией, внедряются в качестве мобилизирующих национальных текстов и направляются через коммуникационные каналы для интеграции с глобализирующимся обществом.

Международная и межрегиональная культурная деятельность Республики Саха началась с организации диалога культур в г. Якутске. На международных конгрессах и конференциях по варганной музыке (1991), шаманизму (1992), устному эпосу (1994), музыкальной этнографии тунгусо-маньчжурских народов Северной Азии (2000), по выполнению Рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации (2001), организованных в Якутске, были представлены и обобщены результаты научных исследований последних лет в различных областях науки и культуры. Одним из эффективных факторов, активизирующих фольклорную, историческую память народа, содействующих выражению его культурной самобытности, является проведение фестивалей, конкурсов, концертных выступлений творческих коллективов и отдельных исполнителей. Так, стали традиционными республиканские фестивали «Поют и танцуют дети Севера», «Танцует

Якутия», «Новая песня», «Мин олонхо дойдутун оготобун» («Я – дитя сказочной страны Олонхо»), «Синяя птица», «Стерх» и др.

Критерий 2 - Культурное разнообразие.

В Конституции Республики Саха (Якутия) гарантированы неотъемлемые права человека, культурные права и коллективные права этносов (ст. ст. 22, 42, 46 и т.д.), создающие основу для реализации культурной политики в республике. Модель политики устойчивого культурного разнообразия, провозглашенная в Якутии в начале 90-х гг. XX в., способствовала преодолению дихотомии «свои» и «чужие», развивая отношения толерантности на понятиях «наши», «мы», и формированию гражданского сообщества региональной общности «якутян». В это же время в Республике Саха (Якутия) была создана общественная организация «Мы – якутяне», нацеленная на формирование региональной общности якутян, а также национальные объединения диаспор, установивших общественные связи со странами СНГ. Это были общественные инициативы, способствовавшие установлению международных культурных связей в широком геокультурном пространстве.

Центром развития в культурной сфере столицы станет национальный инновационно-творческий (креативный) кластер «Земля Олонхо». Концепция проекта была утверждена Экономическим советом при Правительстве РС (Я) в декабре 2012 года. Проект предполагает создание кластера, вмещающего киноконцертные залы, лаборатории, мастерские, бизнес-инкубатор, киностудии, аттракционы и международный центр Олонхо. Предполагается, что проект будет реализован на принципах государственно-частного партнерства. Это даст возможность выявить и расширить культурные ниши коренных народов Якутии в развитии российской и мировой культуры и превратить Якутск в межрегиональный центр коренных народов Севера РФ.

Критерий 3 - Приоритетность общих аспектов арктической культуры.

В условиях экономического кризиса, «шоковой терапии», когда над северными территориями нависла угроза вымирания и выселения, якутское руководство сосредоточило усилия на сохранение культурного пространства республики. В этот период приоритетной стала задача сохранения республиканской сети учреждений культуры, предотвращения разрушения фондов, сохраняющих историческую, культурную память коренных этносов, сокровища материального и нематериального наследия и достояния народов республики. Традиционная культура в процессе возрождения и актуализации духовного наследия приобрела инновационные формы и включилась в систему современных культурных ценностей.

Именно благодаря культуре сосуществования в Якутии сохранили свой традиционный хозяйственно-культурный уклад такие автохтонные народы, как юкагиры, чукчи, долганы. Для них созданы государственный ансамбль «Сэ-эдьэ», танцевальный фольклорный ансамбль «Гулун», Музей музыки и фольклора народов Севера, создаётся театр культуры народов Севера в г. Якутске. Эти культурные ценности относятся к неотъемлемым правам этносов и реализуются на основе соответствующих региональных законодательных актов.

Критерий 4 – Стимулирование участия представителей и организаций всех народов и населения Российской Арктики, а также как интереса зарубежной Арктики.

В начале 90-х гг. XX в. появились организации гражданского общества, направленные на поддержку культурных инициатив деятелей Якутии. Особенность их структуры состоит в том, что они пользуются поддержкой власти и имеют формы общественно-государственных организаций. Возникло также много самодеятельных театров, творческих коллективов, союзов и ассоциаций деятелей и мастеров культуры. Десять творческих союзов – кинематографистов, театральных деятелей, писателей, композиторов, художников и т.д. – получили финансовую и организационную поддержку органов власти республики. Развернулось масштабное строительство зданий для учреждений, нацеленных на возрождение и развитие культуры, духовности, гуманитарной науки.

Информационный обмен с международным сообществом начался с участия Национальной библиотеки РС (Я) в крупных российских и международных проектах. Устанавливаются связи по линии международного книгообмена с крупнейшими библиотеками зарубежных стран, такими как Национальная библиотека Франции, Библиотека Конгресса США и др. Особенно тесные контакты сложились с коллегами из штата Аляска (США), с которыми был осуществлен совместный проект библиотек северных регионов мира ПОЛАР-ПАК.

Критерий 5 – Долгосрочные мультипликативный эффект в развитии культуры Арктики.

К настоящему времени в Якутии сформировалась своеобразная культурная модель, характеризующаяся рядом особенностей:

Во-первых, культурный фактор стал одним из факторов стабилизации в период трансформации политических, экономических основ государственности. Движущим механизмом культурного фактора стал процесс возрождения целостных национальных культур.

Во-вторых, государственная политика в области культуры изначально провозгласила инновационный многокультурный ландшафт как один из ведущих принципов. Из двух возможных путей развития национализма – политического и культурного – энергию освобожденного творчества направили в русло культурной самоидентификации, реализовав экологический и этический потенциал культуры, созданной на зоне многолетней мерзлоты.

Фундаментом национальной культуры является многовековое наследие традиционной культуры коренного населения. Значительную роль в процессе актуализации духовного наследия прошлого и его включения в систему современных культурных ценностей сыграла реализация в 1992-1994 годах Республиканской целевой программы по возрождению традиционной культуры, разработанной Министерством культуры РС (Я) и состоящей из четырех разделов: «Ысыах–Хомус–Олонхо–Итэгэл» («Празднества летнего солнцестояния–Варган–Эпос–Духовность»). Осуществление этой программы дало импульс общереспубликанскому движению по возрождению на-

ционального якутского праздника – Ысыах. Практика его проведения стала традиционной во всех улусах республики, утвердилась забытая ранее единая структура праздничного церемониала. Ысыах Туймаады г. Якутска был объявлен официальным праздником республики. В 2011 г. Ысыах признан лучшим национальным праздником народов России.

В-третьих, характерной особенностью процесса формирования культурной модели является ее презентативность. Она выражается в том, что, прежде всего, были созданы места презентации акторов культуры и места памяти в виде новых музеев, сакральных мест.

В черте административной территории столицы республики создан культурно-этнографический комплекс «Ус Хатын» для проведения национального праздника Ысыах. Традиционные духовные верования саха получили архитектурное воплощение в виде Храмов духовной культуры, тем самым появился новый вид сакральной архитектуры – ритуальной, нацеленной на создание презентационных мест духовных ритуалов и обычаев народов Якутии. Главной особенностью ритуальной архитектуры является гармоничность строений с природной средой. Особенностью процесса возрождения этнокультурной идентичности народов Якутии стала ее направленность на эстетизацию природы окружающей среды, ставшей источником гуманизации человеческой природы.

В-четвертых, интеграция с русской и западной культурной моделью. Вектор развития культурного пространства Якутии в советское время традиционно был направлен к Западу. Исследования этносоциолога Л.М. Дробжевой обнаружили изменения границ социальной и культурной дистанции между народами изменяющейся России, и, в частности, в Республике Саха (Якутия). Этносоциологами была обнаружена особая роль ценности территориальной целостности в символах сохранения этничности народа саха.

17 января 2000 г. по инициативе первого Президента Республики Саха (Якутия) Михаила Ефимовича Николаева и министра культуры и духовного развития Якутии, первого ректора-организатора института Андрея Саввича Борисова был создан Арктический институт культуры и искусств для сохранения и развития духовной культуры народов Арктики. Сохранение и развитие культуры Арктики напрямую связано с государственной задачей – вернуть былое могущество России в Арктике, стать лидером в разработке модели обустройства жизни на вечной мерзлоте. В настоящее время институт осуществляет образовательную деятельность по 15 образовательным программам и по 3 программам дополнительного образования.

В 1993 г. в Якутске открыта Высшая школа музыки – учебное заведение нового типа, поставившие своей целью подготовку высококвалифицированных музыкантов-исполнителей. В 1997 г. школа выступила инициатором проведения первого в истории Якутии международного исполнительского конкурса – конкурса юных скрипачей стран и регионов Северного Форума «Скрипка Севера», в котором приняли участие музыканты из США, Кореи,

Германии, России и стран СНГ. За истекшие 20 лет учащиеся и студенты Высшей школы музыки около 700 раз становились лауреатами и дипломантами конкурсов международного, всероссийского и регионального уровня.

В-пятых, создание новых культурных стилей народов Арктики. Культурная политика открытого общества оказала сильнейшее влияние на самосознание культурной самобытности малочисленных народов Арктики. Информационный обмен с международными организациями, развитие демократических, гражданских и научных институтов в обновляющейся России и в Республике Саха (Якутия) способствовали проникновению идей, поддерживающих культуру миноритарных обществ. Начался активный процесс профессионализации отдельных форм национального искусства, результатом которого стало создание Национального театра танца РС (Я), государственного вокального ансамбля «Туймаада», Государственного эстрадно-фольклорного ансамбля народов Севера «Сээдьэ», поддержка ансамбля народов Севера «Гулун». Открылись кафедры по изучению языков народов Севера в Якутском государственном университете, началась подготовка кадров художественному творчеству малочисленных народов Севера.

Необходимо выявление и расширение культурных ниш в развитии мировой и российской культуры за счет процветания национальных культур якутского, эвенкийского, эвенского, юкагирского и других народов. Целью в этом направлении является реальное достижение статуса межрегионального, а в перспективе и мирового, центра коренных народов Севера, который будет привлекать не только туристов, но и деловых людей, политиков, бизнесменов, инвесторов⁷.

Город Якутск был и остается аккумулятором и транслятором культурной энергии на северо-восток России. Он был фортпостом географического, промышленного освоения восточных территорий Сибири и Дальнего Востока, а также Тихоокеанского побережья России и Америки. Эта роль расширяется и в арктическом направлении, так как Якутия имеет самую длинную протяженность государственной границы по линии Северного Ледовитого океана. Якутия также отличается целенаправленной политикой, нацеленной на развитие культуры Арктики. Вклад г. Якутска в развитие культуры Арктики позволяет признать его культурной столицей Российской Арктики.

Примечания

¹ Обращение членов Правления Фонда «Культурная столица Поволжья» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecoc-rus.livejournal.com/1423.html> (дата обращения: 28.02.2014)

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sustainabledevelopment.ru/upload/File/2013/Arctic_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2014)

³ Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. по районам Саха (Якутия) (по состоянию на 14 октября 2010 г.). – Якутск, 2012. – С. 41

⁴ Проект «Стратегия социально-экономического развития городского округа «город Якутск» на период до 2032 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yakutsk-city>.

ru/proekt_strategii_razvitiya_goroda_yakutska_do_2032_goda (дата обращения: 10.01.2014)

⁵ Проект «Стратегия социально-экономического развития городского округа «Город Якутск» на период до 2032 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yakutsk-city.ru/proekt_strategii_razvitiya_goroda_yakutska_do_2032_goda (дата обращения: 10.01.2014)

⁶ Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts18/txt18444.htm> (дата обращения: 10.02.2014)

⁷ Проект «Стратегия социально-экономического...»...

Глава 6. ОБРАЗ АРКТИЧЕСКОГО МИРА В ИСКУССТВЕ

В. В. Тимофеева

МИФОСЕМИОТИКА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЮКАГИРСКОГО ГРАФИКА Н.Н. КУРИЛОВА)

Юкагиры – один из самых древних арктических народов, находящийся на грани полного исчезновения. Сегодня культурная жизнь этого этноса представлена творчеством уникальных личностей, носителей традиционных знаний, которые вместе с тем получили профессиональное художественное образование. Их искусство остается практически неизученным.

Присущая культуре народов Сибири и Севера условная изобразительность получила убедительную интерпретацию в творчестве юкагирского художника Николая Николаевича Курилова. Сознательное обращение графика к первобытному, традиционному искусству приводит к появлению оригинальных самобытных произведений. Радиальное построение композиций в листах «Стойбище. На новом месте» (1980), «На пастбище» (1993), «Олени и юкагиры» (2000) с ярко выраженным центром – юртой, выявляет некие архетипы в художественном мышлении современного мастера. Нередко изображение оленя в произведениях Курилова напоминает наскальные рисунки: «Поздняя осень» (1985), «Мшистая тундра» (1992), «Два охотника» (1999). Реализм форм при изображении животного и условная стилизация в рисунке фигуры человека, характерные для первобытного

искусства, сохранились в творчестве юкагирского автора.

Интерес представляет высказывание специалистов о непрерывности традиций изобразительного творчества в Сибири – от неолита до наших дней [4, с. 166]. Приведем анализ листа «Стойбище. На новом месте», сделанный известным искусствоведом, специалистом по наскальной живописи Е.П. Маточкиным: «Произведение Курилова близко по своей сути к хорошо изученному археологическому памятнику в долине среднего Енисея – Большой Боярской писанице. Ее исследователь М.А. Дэвлет приходит к выводу, что на ней «представлен ирреальный, идеальный поселок». В аппликации Курилова воплотилась та же мечта о счастье, национальный идеал, который жил в народном сознании со времен бронзового века» [1, с. 177].

В произведениях «На пастбище» (1982), «Стадо» (1985), «Стойбище» (1991) своеобразным модулем измерения пространства становятся фигуры оленей. Прием передачи перспективы крайне лаконичен, выразителен и отражает своеобразие мировидения жителей тундры. Широко известно, что юкагиры и другие кочевые народы измеряют бегом ездового животного, в частности, оленя расстояние и время пути. Искусство Н.Н. Курилова тесно связано с традиционным укладом быта оленеводов, северных охотников, рыболовов. Оно выросло из кочевого образа жизни с его условиями постоянного передвижения. Художник работает по памяти. В пути каждый предмет драгоценен, кочевник использует любой материал, инструмент по максимуму. Так, в руках юкагирского графика обыденные вещи приобретают свойства художественные – это старые «ненужные» журналы, шариковая ручка, черная, белая бумага и т.п.

Также следует отметить сходство многих композиций Н. Курилова с пиктографическим письмом. Рисунки древних юкагиров на бересте отличаются особой манера стилизации и методы компоновки, которые выражают с предельной лаконичностью сложные идеи и понятия. Современный автор использует подобный метод и изобразительный язык. Внутреннюю форму культурных знаков отличает национальное своеобразие, причем значение символов довольно универсально.

В работе «Поздняя осень» (1985) художник размышляет о животворящей энергии движения. Жизнь тундры – это бурлящий поток, извечное перемещение человека, животного, природных стихий. Динамика работы создается разной направленностью двух противоборствующих сил – стада оленей, переплывающих реку, и воды, разрезающей земную твердь. Бег оленей по S-образной спирали повторяет изгибы русла реки, пересечение их создает орнаментальность листа. Декоративность аппликации достигается за счет различного характера тональных и цветовых пятен, а также игры ажурных линий, изображающих берег и фигуры оленей. В листе господствует радостное, почти орнаментальное восприятие видимого мира. Музыкальность композиции достигнута утонченной игрой линий, сложных обобщенных силуэтов, стремительного ритма рисунка.

Произведение «Два аркана» (1995) выделяет эффектность графического решения. Энергичные пружинистые линии рисуют закрученные в спираль арканы. В них заложена динамика сильно сжатой пружины. Ритм рисунка создает иллюзию кругового вращения, а черный фон придает сцене космический вневременной характер. Возникает вселенский образ вращающихся миров. В сложных сплетениях линий можно угадать фигуры двух. Арканы перевоплощаются в своих хозяев, приобретая характер оленеводов. Одушевленные художником предметы словно ожили и ведут диалог. Смысловая игра состоит в том, что изображения не лишены конкретного, реального содержания и в то же время выступают в роли условных символов.

По словам автора, аппликация «Два аркана» дала толчок для возникновения серии абстрактных композиций. В них художник оперирует линией, тонкой, долгой и круглящейся, прорезающей чистый белый или черный фон. Примером могут послужить листы «Солнышко» (2007), «Уставший» (2007) и т.д.

Особую группу в творчестве мастера представляют произведения на тему рыбной ловли: «На рыбалку с отцом» (1982), «На соседнее озеро» (1982), «Рыбаки» (1985), «Мир рыбака» (1994), «Песня рыбака» (1998), «Сети поставили» (2007), «Воспоминания детства» (2007), «Меланхолия рыбака» (2007), «Подобно белым лебедям» (2008), «Гонки на лодках» (2008) и др.

Пространство композиции «Мир рыбака» соткано из тонких пересекающихся линий, создающих воздушную сетку, напоминающую рыболовную снасть. Небо, вода слились в единую субстанцию. Так создается образ особой связанности, пронизанности всего всем, отражения всего во всем. Вода как первозданная материя, из которой возникла вселенная, – миф, известный во многих культурах, визуализировался в произведении юагирского художника.

В сетях из лучей света и водной ряби находятся лодки с людьми, колышутся подводные травы, плывут небольшими стайками рыбы. Иглы для вязанья невода воинственно стоят на страже этого чудесного мира. Возможно, мотив плетения обозначает связь поколений. Перед нами возникает космическая река, по которой на солнечных ладьях проплывает цепь предков. Во многих культурах лодка служила транспортом для перехода в иной мир. В композиции иллюзия движения рыбаков создается благодаря нескольким центрам проекции; пересекаясь, линии рождают эффект живой вибрации пространства. Лодки плывут, то удаляясь, то приближаясь, ритм рисунка передает скольжение по воде.

В рассматриваемой композиции необходимо отметить систему перспективы, подразумевающую несколько точек схода, расположенных на одной оси; такой прием изображения называется «рыбья кость» [3, с. 116]. В центре листа лодки фокусируют пересечения координат тройной перспективы, одновременно линии напоминают лучи света, что превращает суденышки в подобие светил.

Полна остроумия забавная аппликация «Меланхолия рыбака» (2007). Композиция кажется, на первый взгляд, абстрактной. Художник стилизует реальные формы и мотивы до неузнаваемости: главный герой прилег отдохнуть, перед ним распластаны косточки недавно пойманной и съеденной рыбы, а в небе беспокойно летают крикливые чайки. По словам автора, рыбий скелет напоминает стайку птиц. Круговорот жизни, природы, миг и вечность, перевоплощение – все уместилось в одном эпизоде. Смерть как воскресение или «другая» жизнь – тема, лежащая в основе сюжета произведения, звучит легко и радостно.

Остроумие, народная смекалка, юмор характеризуют искусство Николая Курилова. Автор цветных аппликаций «Олени и юкагиры» (2000), «Олени предков» (2005), «Мы живем среди оленей» (2007) и т.д. использует в качестве материала репродукции из старых журналов. Юкагирский художник увидел богатство фактур и цвета в ненужном, давно прочитанном издании.

В центре композиции «Олени и юкагиры» изображены две юрты, две семьи: взрослые и дети держат мауты, радостно взмахнув руками. По полю листа разбросаны рога, а по краям нарисованы сами животные. Их цветные тени веселы и прекрасны, и это не пустая фантазия художника: особые природно-климатические условия Заполярья создают чудесную игру светотени. «Раздвоение» фигур вызывает архаические представления о душе-двойнике.

Особенностью рассматриваемой аппликации являются пословицы и поговорки: они выходят из дымоходов юрт; как трава, вырастают из земли. График пишет карандашом на двух языках знакомые с детства фразы, посвященные оленю, его роли в жизни юкагиров. Дома между собой соединяются огромным арканом, его рисунок переходит в надпись карандашом, которая гласит: «С арканом в руках умер, скажут о юкагире, всю жизнь работающем оленеводом». Этот самобытный прием художник заимствовал из пиктографических писем. В древних берестяных посланиях юкагирских девушек изображения людей соединялись линиями, символизирующими их помыслы.

Н. Курилов бережно воссоздает картину мироздания своего народа в графической работе «У подножия горы Албай» (2002). «Гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной» [2, с. 311]. Композиция отражает устойчивые ментальные схемы космологического характера, и одновременно полна лирики и поэзии живой красоты северной земли. Пространство небольшого листа передает бескрайние просторы Оленерской тундры. Минимальными средствами художником создается масштабное зрелище, полное торжественной красоты. Обычная шариковая ручка становится универсальным инструментом в виртуозных руках графика. Тонким штрихом Н. Курилов рисует лунное сияние, искристость снега, синеву теней, прозрачность воздуха. По словам художника, «Албай – единственная

большая возвышенность на западном берегу Олерской тундры. Изображена длинная полярная ночь».

В нескончаемости горизонтальных далей тундры каждая вертикаль кажется значительной, каждая возвышенность производит впечатление величественное. Симметрия композиции, ее уравновешенность передают покой и неизменность универсума. Пульсирующие волны света, исходящие от луны, задают размеренный ритм жизни. Зеркальное повторение плавных линий земли в небе, соседство небесных оленей с земными, несколько линий горизонта – все это создает перетекание пространства одного в другое. Лунный свет высвечивает параллельность миров: синее небо превращается в тайгу Верхнего мира, в которой обитают священные животные. Ср.: созвездия воспринимаются многими народами Севера как стада небесных оленей. В диске луны едва намечено изображение человека. У народов Сибири, в том числе юкагиров, бытует легенда, объясняющая возникновение пятен на луне тем, что там нашла приют сирота.

В графическом произведении много смысловых наслоений. Орел вокруг луны напоминает ветви оленьих рогов, которые «венчают» гору Албай, осеняют землю, охраняя ее. Гора становится прообразом Белого оленя и Мирового древа в широком прочтении. Композиция преисполнена ассоциативными связями и их своеобразной игрой, актуализирующей ключевые концепты юкагирской культуры. Обратите внимание на антропоморфный образ универсума, возникающий в пейзаже: голова – луна, туловище – гора, руки – лучи света и т.д.

Многие работы Н. Курилова имеют сходство с орнаментом: симметрия, плоскостность, органичная связь с поверхностью листа. В цветной аппликации «Олени идут на пастбище» (2007) традиционный прием рядности одинаковых орнаментальных фигур переосмыслен художником как современный декоративный ход. Композиция проста и изыскана. Самозабвенный бег оленей полон силы, грациозности и удали. Ритмичное повторение фигур животных подобно многократному благопожеланию. В графическом листе бег является квинтэссенцией жизни, остановка оленей подобна смерти.

В аппликации «Танец шамана» (2007) художник раскрывает древнейшую символику обряда – ритуал призван восстанавливать порядок в мире людей. Крохотные фигурки юрт, оленей и человека окружены вихревым движением. Они внутри и снаружи шамана, напоминая подвески ритуального костюма. Показательно, что специалисты по сибирскому шаманизму рассматривают ритуальный плащ как своеобразную карту мироздания. Шаман, вслушиваясь в музыку вселенной, ритмично бьет колотушкой в бубен, летящими движениями рассекает время и пространство. Солнце сменяется луной, луна месяцем и т.д. Круговорот танца повторяет природные циклы. Синий фон – это небо, ирреальное пространство, космос. График рисует шамана как танцующую вселенную оленеводов, жизнь которых напрямую зависит от его сил.

Произведения Н. Курилова – своего рода интеллектуальная игра, парадигму которой определяет миф. Показательно, что, будучи научным сотрудником Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Николай Николаевич публикует ряд исследований, посвященных традиционным играм юкагиров.

Система семиотических оппозиций и семантика пространственных отношений задают правила построения композиции на листе. Верх/низ, центр/периферия, правый/левый, имели для человека традиционной культуры фундаментальное значение в его пространственной ориентации и картине мира. Лейтмотивом произведений Курилова является борьба и союз двух противоположных начал, белого/черного, смерти/жизни, мужского/женского, что служит выражению диалектики жизни. Следует заметить, что бинарные оппозиции в архаичных культурах играли роль концептуальных матриц в описании мира и его классификации. Неслучайно график в аппликации «Запутавшиеся олени» использует женский и мужской образы животных, располагая первый слева, второй – справа, сталкивая оленей друг с другом, переплетая их силуэты с арканом. В итоге, выявляется архетипическая идея жизни-борьбы двух начал. Тожество смерти и рождения – тема многих работ юкагирского художника: «Разговор» (1983), триптих «Желтая смерть» (1992) и т.д. Интерес представляют сквозные мотивы, проходящие через все творчество: небо – это мир предков, лодка – транспорт для перехода в иной мир, ребенок – продолжение рода, бег оленя – динамика жизни и т.д. Образы жилища, мировой горы организуют структуру пространства в произведениях современного автора. Особое значение в произведениях Курилова придается игре теней. Их рисунок выявляет суть происходящего в листах «В анibe» (1986), «Разговор» (1983), «Шьется ровдуга» (1986). В аппликациях «Лунная ночь» (1987), «Олени и юкагиры» (2000), «На вечернюю рыбалку» (1989) тень возникает – как вторая реальность.

Фигура оленя – излюбленный мотив в искусстве Курилова, знание форм, анатомии, повадок позволяет неустанно открывать в нем все новые выразительные черты. Сравните: «На пастбище» (1982), «Амдур, амдур» (1985), «В зарослях тальника» (1986), «Среди оленей» (1987), «Светает» (1987), «Мшистая тундра» (1992), «Вспугнутые олени» (2007). Изображения животных ясны и гармоничны, каждая деталь эстетически осмыслена.

Николай Николаевич Курилов, человек многогранного дарования – художник, писатель, исследователь; вся его творческая деятельность направлена на сохранение родной культуры. Неслучайно юкагирский график как хранитель и продолжатель национальных традиций обращается к технике аппликации, широко известной в прикладном искусстве народов Севера. По словам художника, «на фоне бескрайней земли и неба фигуры людей, животных особенно выразительны». Курилов в аппликациях оперирует комбинациями многократно повторяющихся простых стилизованных форм: «Совы мышкиют» (1987), «Пурга прошла» (1993), «Оленьи гонки» (1993),

«Олени предков» (2005), «Встреча в пути» (2007), «Соревнования на лодках» (2007), «После удачной охоты» (2008), «На пастбище» (2009). Игра силуэтами – основной композиционный прием, при этом важную роль играют ритм, контраст, плавность линий, тон бумаги. Емкость образа достигается экономией и концентрацией художественных средств. Целостность и простота метафорического строя произведений впечатляют мощной убедительностью. В искусстве Николая Николаевича Курилова свобода обращения с художественными традициями сочетается с глубоким проникновением в сущность народного творчества.

Литература

1. Маточкин, Е. П. Народное творчество и профессиональное изобразительное искусство народов Сибири / Е. П. Маточкин // *Культура народностей Севера : традиции и современность.* - Новосибирск, 1986. – С. 173-182.
2. Мифы народов мира : энцикл. в 2-х т. / под ред. С. А. Токарева. – М., 1980. – Т. 1. – 672 с.
3. Популярная художественная энциклопедия. Кн. II. – М. : Совет. энцикл., 1986. – 943 с.
4. Фролов, Б. А. О преемственности традиций изобразительного творчества народностей Севера / Б. А. Фролов // *Культура народностей Севера : традиции и современность.* – Новосибирск, 1986. – С. 164-173.

В. А. Чусовская

МИФ О НЕВОЗМОЖНОСТИ СЧАСТЬЯ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ АРКТИКИ

«Ханидуо и Халерха» (1985) – спектакль, поставленный А.С. Борисовым в сценографии Г.П. Сотникова по своей инсценировке трилогии юкагирского писателя Семена Курилова. Впервые в театральной практике России был создан убедительный образ исчезающих народов Крайнего Севера.

«Ханидуо и Халерхаа» звучит, как «Ромео и Джульетта» или «Тристан и Изольда», но это спектакль не об истории любви. Ханидуо – Орленок по-юкагирски и Халерхаа-Чайка – мальчик и девочка, родившиеся в стойбище - символы мифа о невозможности счастья, по-новому прочитанного театром.

А.С. Борисов написал: «Мы начинали спектакль с притчи, рассказанной старцем Лангой. В ней говорится о невозможности счастья, о роке, довлеющем над людьми. И вот тут возникают фигуры, которые противостоят традиционному восприятию мира. Куриль, а затем и Ханидуо, которые хотят счастья людям, они восстают против устоявшегося миропорядка. Резуль-

тата нет, но есть мощный выброс энергии, устремленный к счастью..., к духовному бытию... Это было в романе Семена Курилова... Это было велением нашего времени» [1].

Драматургия инсценировки строится на трех событиях-ритуалах: Большое камлание шаманов, Ярмарка, Крещение - как исторических вехах в судьбе юкагиров, эвенов, чукчей. Главный герой – голова юкагирского рода Куриль пытается крестить тундру. Трагедия его состоит в том, что, борясь за новую «светлую» веру, он ведет народ к новому порабощению. Столкновение традиционного общества с глобальной христианизацией вызывает мысли о неоднозначности культурных процессов. Актуальность спектакля состоит в ответе на потребность самоидентификации и сохранении традиций народов России.

Работа над этим спектаклем началась с поездки его создателей в низовья Колымы. Андрей Борисов вспоминает: «Мы слышали этой ночью многоголосый вой собак. И на темном колымском небе шуршало, переливаясь бледными красками, и потрескивало, как костер, северное сияние. Я восторженно рассказывал русскому брату моему Гене Сотникову юкагирскую сказку о богатыре, который поднялся с охапкой дров на небо и вел схватку с быком холода, и время от времени, когда ему становилось невмоготу, сжигал поленья и звал на помощь людей с земли. А Сотников, покуривая «беломорину», все время твердил о «Жизни Имтеургина-старшего» Тэки Одулока – первой книге о Севере, которую он прочитал в детстве. А поутру, в тщетных поисках могилы Семена Курилова, мы наткнулись на «скачущую по облакам» шкуру лошади. Копыта ее постукивали на ветру. Это была могила табунщика, рядом с ним стоял раскрытый чемодан с вещами покойного» [1].

Сценограф, ленинградский художник Геннадий Сотников делал тогда всего второй спектакль в Саха театре и был благодарен Борисову за настоящую, интересную и очень важную тему и тот путь работы, которого раньше он нигде не мог осуществить.

Сотников говорил об этом: «Инсценировка писалась уже, когда мы работали буквально в тех местах, где происходит действие романа, на Колыме, на Алазее, в поселке Андрюшкино у оленеводов. Видели там и северное сияние, и собак, и кладбища старые – юкагирские могилы, чукотские могилы и якутские могилы... Потрясающе. Там такие мотивы! Что интересно, многие из них мы заранее предполагали. Мы много привезли оттуда для декораций. Ведь в спектакле мы использовали подлинные вещи: костюмы, предметы быта. Особенно потрясли нас нарты - мудростью своей конструкции. Нам хотелось сделать такой же спектакль, такой же ненатужный, выражаясь языком современным, – такой же несварной. В тундре железные сварные сани не выдерживают, часто ломаются, а вот эти маленькие саночки, которые из каких-то палочек, рогов и ремешков сделаны, они работают. Они обладают подвижностью, они как бы плывут по земле, по тра-

ве, по снегу. Нам хотелось такой же гибкий и подвижной спектакль сделать. Мне кажется, нам в какой-то степени это удалось, за это мы его и любим. Трудно, конечно, было перевести эту реальность на театральный язык, не утратив конкретности. Вернувшись из тундры, я быстро сделал макет, потому что внутренне мы были уже подготовлены. А уж без меня это осуществляли. Я приехал из Ленинграда к выпуску спектакля, и тут уже все, как говорится, было путем. Костюмы, свет... Надо сказать, что без меня, молитвами Саргыланы Ивановой, главного художника, все было сделано очень хорошо» [2].

Спектакля уже давно нет в репертуаре Саха театра, нет уже и художника Сотникова, но остались многочисленные эскизы, каждый из которых представляет собой произведение графического искусства (см. иллюстрации). Комментарии и уточнения к эскизам, отправленные в письмах в Саха театр, говорят о глубине изучения темы:

«Эти размеры сняты с кукашки в Андрюшкино...» или: «Можно сшить все меховое и замшевое в «Сардане» (сувенирная фабрика), а в театре только отрабатывать? Не допускать их к деталям. На обороте листа № 7 читаем: «Для мужчин три вида костюмов: 1. Юкагирская шуба кафтан, ее раскрой в книжке «Юкагиры», ее, наверно, надо использовать меньше – невыразительна и недостаточно зимняя по ощущению. Комбинировать материю, замшу, мех в любых сочетаниях. 2. Кукашка. Мех, замша ровдуга – любой длины (следить по эскизам). 3. Камлейка матерчатая чукотского типа. Это костюмы для массовок, и таковые понадобятся, делать по образцу костюмов персонажей, варьируя. Вероятно, нужно в запас несколько камлеек, нейтральных, - серых, коричневых – чтобы время от времени надевать поверх. Это внесет многообразие в толпу и многослойность в одежде увеличит силуэт. Шт. 5-6. Может быть, рабочие сцены наденут, работники на ярмарке и т.д.»

На листе № 9 – эскизы костюма Ханидуо в детстве, Ханидуо-юноши и для финала. На обороте читаем: «Важный момент в костюмах (обуви) мужчин. Ноги должны быть очень толстые. Может быть, надевать чулок из двойного - тройного ватина сшитый или гетры (без ступни). И торбаса, большего, чем обычно размера. Соответственно и штаны тоже достаточно широки, шире, чем у женщин (Покрой в книжке «Юкагиры»). Торбасам желательна мягкая подошва».

К каждому листу с эскизами прикреплен канцелярской скрепкой кусочек замши – образец.

На листе № 10 – костюмы для женщин с комментариями: «Все костюмы женщин, включая Пайпатке и Халерху, по одной схеме:

1. Кафтан-пальто.
2. Передник матерчатый под кафтан.
3. Штаны.
4. Торбаса.

Для зимних сцен рукавички и шапки. Их подробный раскрой и детали в книжке «Юоагиры». Шить, комбинируя подкрашенный холст, замшу, кусочки меха.

Наверно, для костюмов Пайпатке и Ханидуо, как для более первоплановых, использовать замшу-ровдугу как основу, и в деталях – меховые обрешки и сукно. Главное - сшить в целом, уточнения - с моим приездом (орнамент, подкраска, подробности: платки, бусы и т.д.)... Избегать красот северных танцевальных ансамблей – все поношено. Цвета не контрастны, а оттенки через фактуру. Гримы и прически в книге Туголукова.

Впрочем, эти костюмы так и надо делать – общую для всех схему обогащать разнообразием деталей» [3].

Мысли о современном положении малочисленных народов возникают в результате представленной на сцене с исторической достоверностью картины жизни в тундре, не прикрывающей жестокой правды: не спасают ни шаманы, ни торговцы, ни святые отцы от вымирания. После каждого ритуала следует сцена похорон. Люди тундры хоронят своих соплеменников, провожая их все редееющей вереницей. В сценографии Г.П.Сотникова пространство решено, как бескрайняя тундра, на горизонте которой по ходу спектакля увеличивается количество могильных крестов.

В то же время спектакль показывает неизбежность движения жизни, уносящей традиционные формы и взывающей к постижению современной культуры «большого мира». Одна мифология сменяет другую и рождается новое миропонимание – Ханидуо уходит из тундры в большой мир с вязанкой хвороста и сказками старца Ланги к новому знанию, которое, как он думает, спасет его соплеменников.

А. Борисов, как режиссер, дал художественное осмысление в спектакле, а, как деятель – министр культуры и духовного развития РС (Я), организовал Арктический государственный институт искусств и культуры, став его первым ректором.

Главная задача института – изучение и формирование современного человека Арктики, сохраняющего язык, мифологию, верования и в то же время воспринимающего культуру, созданную народами мира.

Спасение Арктики Андрей Борисов видит в способности народов гармонизировать архаические формы культуры с современным научным знанием и новейшими технологиями. Успешно гармонизировать их можно только при понимании силы и красоты древней культуры, любовь к которой пробуждает искусство. По сей день эхом звучит притча о невозможности счастья для Орленка и Чайки, рассказанная старцем Лангой, неужели она так и останется главным мифом людей тундры?

Литература

1. Борисов, А. С. Я знаю, что я знал... / А. С. Борисов. – Якутск : Бичик, 2011. – 96 с.
2. Чусовская, В. А. Встречи и расставания / В. А. Чусовская. – Якутск, 1989. – 120 с.
3. Чусовская, В. А. Путь к театру Олонхо / В. А. Чусовская. – Якутск : Бичик, 2005. – 191 с.

«БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ» Е.Д. АЙПИНА: ПОЗИЦИЯ ПИСАТЕЛЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Проблемы анализа литературного текста как историко-этнографического источника и его репрезентации связаны, в ряде случаев, с вопросами этнической идентификации. Относится это, прежде всего, к произведениям национальной литературы. В данной публикации исследуется роман известного хантыйского прозаика Е.Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах», повествующий о восстании казымских ханты в 1933-1934 гг. [1]. Нашей целью является рассмотрение исторических реалий и выявление позиции писателя. Нет сомнения, что изучение творчества Е.Д. Айпина действительно требует применения междисциплинарных подходов. Это осознают многие исследователи. Так, например, Л.П. Миляхова в своем литературоведческом исследовании акцентирует внимание, на том, что она использовала труды в области истории, североведения, этнологии и этнографии [1].

Осознание исторической и социокультурной эволюции, которую претерпевает национальная культура в меняющемся мире, представляет не только академический интерес. Злободневность и острота этнических процессов требуют, в числе прочего, применения исторического анализа для дальнейшего развития российской государственности. Известно, что малочисленные коренные народы Севера испытали мощное воздействие извне. Нам важно знать не только положительные и отрицательные последствия этого воздействия, но и их восприятие глазами культурных реципиентов.

«Божья мать в кровавых снегах» является продолжением прежних раздумий Е.Д. Айпина о судьбах своего народа. Поэтому этнографическая составляющая в его творчестве представлена максимально полно. Писатель передает мировосприятие человека, для которого природный мир одушевлен. Наиболее полно такая картина описана в книге «В тени старого кедра» [2]. Может быть, это самое поэтическое и самое светлое произведение Айпина, чье творчество трудно оценить как образец оптимизма. Не останавливаясь далее на множестве этнографических подробностей, заметим, что именно здесь расположены истоки историософской позиции Е.Д. Айпина. В мифическом мире, как и в том мире, где живут герои произведений писателя, судьбы людей и зверей органично переплетаются. Такой мир семиотически маркирован и каждое действие в нем всегда знаковое. Здесь нет разрыва с прошлым, срока давности времени, поэтому память о пережитом навсегда остается с людьми.

Как подлинный гуманист, Е.Д. Айпин – противник всякой жестокости. Поэтому писатель в своих произведениях безоговорочно и неоднократно

осуждает убийство царской семьи большевиками. Пожалуй, максимально емко это осуждение присутствует в рассказе «Парижанка»: «Первым порушили символ веры, народа и государства – царя и царских детей, потом всех остальных неугодных. Ибо, порушив символ, избавившись от него, стало возможно рушить все. Порушили деревню. Отняли и порушили землю» [4, с. 191-192].

Данное высказывание не есть только частная позиция писателя и общественного деятеля Е.Д. Айпина. В среде носителей традиционной культуры убийство последнего самодержца и его семьи воспринималось, как рубеж и как причина всех последующих несчастий. Вроде бы наивны и уж конечно не историчны рассуждения героев писателя о возможности предотвращения трагедии в Ипатьевском доме. А что если бы Николай Второй вместе со своей семьей покинул Тобольск и попытался скрыться в среде сочувствующих ему аборигенов [1, с. 140-149]? Но, эти же раздумья могут быть строго закономерны в рамках традиционной культуры. Главное – перестать видеть события только с позиций холодной рациональности.

В предшествующих произведениях Айпина сила народа скрыта, она проявляется подспудно: в работе, в лесу, за пределами родной земли, например, при участии в Великой Отечественной войне. Народ как бы дремлет, ожидая лучшей участи. Объективно данная позиция, без предложения какого-либо выхода, ущербна. В романе «Божья мать в кровавых снегах» писатель попытался преодолеть прежнюю ограниченность. Произведение начинается лаконично, как сводка боевых действий: «Остяки терпели Советскую власть ровно семнадцать лет. Потом, когда совсем отчаялись, подняли восстание» [1, с. 5]. В текст романа также включены архивные документы и свидетельства устной истории.

Однако не они составляют основное ядро «Божьей матери в кровавых снегах». Создавая масштабное эпическое полотно, писатель уходит от принципов реализма и исторической достоверности. Фактически Е.Д. Айпин реконструирует мифический мир героев-богатырей. Эти герои ранее не знали поражений. «Угры – это воины-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории». «Даже самые многочисленные племена татар не рискнули идти дальше на угорские земли и остановились на границе лесов и степей». «Русские побили татар, но не остановились на этом, пошли дальше на север, на обских угров. Но, однако, не смогли одолеть их, не смогли взять их города-крепости. Долго бились, но все тщетно...». Только недостойная хитрость (веселящая вода в бочках) позволила русским одержать верх. Но и после победы, мудрый русский царь почти не вмешивался в дела остяков [1, с. 151-154].

Далекая от подлинной истории мифическая картина переносится автором и на события Казымского восстания. Напомним, что ранее в рассказе «Русский лекарь» главный герой сильный физически, но униженный духовно и материально. Иосиф Сардаков жаловался, что войну красные вели

«не справедливо», «без совести» [3, с. 134]. Но «Божья мать в кровавых снегах» не повторяет установку «Русского лекаря». В романе происходит регенерация мифа. Здесь у народа-богатыря нет изъянов, есть только отдельные отступники. Космос романа составляет упорядоченный симбиоз множества персонажей. Люди, звери, духи, русские и угорские боги находятся здесь поблизости. Они всегда готовы прийти на помощь друг другу.

Только чрезвычайная запредельная жестокость способна на время сломать их единство. Казымский мятеж под пером Е.Д. Айпина приобретает черты тотального уничтожения, геноцида. Писатель в романе описывает некую полномасштабную войну с участием множества отрядов и с большим числом жертв с обеих сторон. Логика мифа требует от героев свершения запредельных подвигов, поэтому Мать Детей страдает не от обычных солдат, а от неких сверхъестественных существ. В романе ее дочь Анна и сын Роман погибают от «огненных камней», сброшенных с аэроплана. Но и это «огненно-каменное чудовище», олицетворяющее зло, должно быть повержено героиней. Мать Детей, все-таки, обязана уничтожить, и уничтожает его [1, с. 172-183].

Сама она, Сеня Малый и офицер-белогвардеец Белый никогда не будут уязвимы для красных карателей. Они выше обычных людей (близостью к царю, к Верхнему Миру). Эти персонажи, выступают как покровители и союзники северного народа. Как считают этнологи, такие образы особенно важны для слабых и притесняемых народов [11, с. 322]. Их образы, речь, поступки сакральны. Главная героиня уходит в Верхний Мир отнюдь не от пули красного карателя. Мать Детей стремится воссоединиться в Верхнем Мире со своими детьми. И там они нуждаются в ней, в матери. Противостоящие положительным героям фигуры красных, напротив, мелки, откровенно занижены, вплоть до животного уровня. Эти образы также лишены реализма, их поступки примитивны, а речь профанна. В романе красным, в отличие от ханты и белых, недоступен ни сакральный мир, ни мысли о величии России.

Так что же такое «Божья мать в кровавых снегах»? Антисоветский, националистический и антиисторический роман на историческую тематику? Допустимо ли такое утверждение? Для него есть резоны. Сотни представителей разных национальностей, и не только русских, ехали в советское время на Сибирский Север, чтобы честно работать, лечить, учить, строить, нести знания о новом быте, чтобы узнавать уникальную культуру коренного населения и самим учиться у него. Советский интернационализм, жертвенное многолетнее служение идеалам прогресса тогда не были пустым звуком. За привычной политической трескотней о некой идеальной дружбе между братскими народами в Советском Союзе, мы забыли о человеческих судьбах, о межэтнических браках, о совместном существовании, не обремененном какой-либо сегрегацией.

На этом пути были плюсы и минусы, было подвижничество, были жертвы, были невольные ошибки и откровенные преступления. Не опускаясь до

разбора множества исторических натяжек и неточностей, присутствующих в произведении Е.Д. Айпина, ограничусь одним примером. Как известно, толчком к восстанию послужили события на священном озере Нумто. Ханты, недовольные появлением здесь посторонних, казнили прибывшую на переговоры группу Астраханцева (5 человек). В романе об этой трагедии упомянуто бегло, скороговоркой: «Группа пропала без вести. Позднее выяснилось, что она вся погибла. Идея уничтожения остяцких богов принадлежала члену этой группы комиссарше Ш., представителю Уралобкома. Размахивая револьвером, постреливая по святыням, она поднялась на священный остров, куда никогда не ступала нога чужеземца. Так была осквернена главная, особо чтимая земля коренных жителей» [1, с. 172-183].

Полина Петровна (Пинхусовна) Шнейдер (1880-1933), выведенная под именем «комиссарши Ш.», была из известной семьи Ремпель, давшей нашему Отечеству несколько видных ученых. И сама она посвятила жизнь народному просвещению. Невозможность полноценного просвещения в царской России привела Полину в ряды революционного движения. После окончания Гражданской войны она была одним из руководителей образования в Крыму. На Урал Шнейдер переехала вынужденно. Её бывший муж, чью фамилию она продолжала носить, опасаясь репрессий большевиков, перебрался в Польшу. Переписку с эмигрантом партийцы поставили женщине в вину. Её командировку на Тобольский Север из Свердловска родственники считали продолжением наказания за отсутствие лояльности [11].

В воспоминаниях о Казымском восстании сообщается, что местные жители предупреждали Шнейдер об опасности агитационной поездки к аборигенам. Обстановка была накалена до предела еще до её приезда на Обский Север. Но и выбора у Шнейдер, по существу, не было: она не могла проехать многие сотни километров и вернуться ни с чем. Это было, по ее представлениям, равно дезертирству. История сохранила слова мужественной женщины: «Я старый большевик и привыкла выполнять приказы партии до конца» [9, с. 150]. Полагаю, что Шнайдер, как могла, пыталась своим участием предотвратить кровопролитие. И – сама, будучи приезжей, не зная местной специфики, попав на святые места, стала одним из поводов к кровавой драме.

Строки романа, равно как и сведения информантов, записанные десятилетия спустя, о якобы развязном поведении Шнейдер, оскорбляющей чувства верующих, лишены исторической достоверности. Они созданы *post factum*, для оправдания последующих жестоких действий. Несомненно, что члены группы еще делали ставку на диалог – иначе поездка была бы лишена смысла. Они также отдавали себе отчет о возможных опасностях, но недооценили степень реальной угрозы. Вряд ли у группы Астраханцева было сознательное желание дополнительно обострять и без того непростую ситуацию нарочитым оскорблением религиозных чувств.

Трагедия Шнейдер (в историческом контексте она типична) заключа-

ется в том, что люди, посвятившие свою жизнь быстрому переустройству общества, максимально уязвимы. Они не жалеют усилий для достижения высокой цели и сами становятся её жертвами. Если бы Полина Шнейдер выжила, то выбор жизненных путей, скорее всего, у неё оставался невеликим. Стать одним из палачей Казымского восстания, ведь его причины были куда глубже, чем рыболовство на озере Нумто. Стороны конфликта и до, и после гибели группы Астраханцева не были намерены отступать. Аресты аборигенов уже шли, восстание уже готовилось [5, с. 56-57]. Оказаться, затем, как неблагонадежной, в числе жертв Большого террора. Побывать в обеих ролях. Заметим, что руководитель подавления Казымского восстания Чудновский был расстрелян в 1937 г. [14].

Историческая трансформация большевиков и их посмертных образов проходит по оси: герои – палачи – святые – грешники. Именно последний образ, более характерный для современной России, без критической оглядки на его предшественников, и зафиксирован в данном романе. Мнение, что принцип историзма «определил и стиль изложения, и концепцию произведения» Е.Д. Айпина [3, с. 56-57], вряд ли оправдано. Однако сводить «Божью мать в кровавых снегах» исключительно к исторической фальшивке, субъективному восприятию, фэнтези или триллеру также непродуктивно.

Сложность восприятия Казымского восстания заключена в несопоставимости масштабов трагедии для ханты и русских. Восстание русскими было практически не замечено. Оно не отложилось в народной памяти. Мятеж как бы «отсутствует» на верхнем национальном и нижнем региональном уровнях. Официальная власть, после подавления восстания и похорон группы Астраханцева, предала событие забвению. Причина здесь легко объяснима: восстание никак не укладывалось в концепцию советского интернационализма. Но и в неофициальной культуре оно также не было запечатлено. Нет преданий о сочувствии к восставшим или, напротив, осуждения их жестокости.

Чтобы понять причины подобной «глухоты», достаточно беглого исторического анализа, отсутствующего в романе. Уничтожение церквей, культурные преобразования, индустриализация, коллективизация, когда десятки тысяч русских крестьянских семей были насильственно сосланы на гибельный для них Обский Север – эти и иные великие, «громкие» события заслонили собой Казым, где человеческие потери исчислялись «только» десятками жертв. Кроме того, восстание никак не затронуло местное русское население. Для последнего восстание не создавало угрозы, так как проходило в малоосвоенных, необжитых (с точки зрения русских) местах. И в подавлении восстания местные жители также почти не участвовали.

Однако трагедия остается трагедией вне зависимости от того, замечена она или нет. Для небольшого этноса, разбросанного по гигантскому малозаселенному пространству, любой контакт вынужденно аксиологически

окрашен; он много ярче, чем для тех, кто живет на территории с высокой плотностью заселения. Точно также любая человеческая потеря в родовых общинах воспринимается намного острее, чем в индустриальной культуре. Массовые репрессии против наиболее уважаемой части этноса, его элиты, надолго остаются в социальной памяти. Заслуга Е.Д. Айпина не в том, что он предельно точно воссоздал в романе события 1933-1934 гг. Это отнюдь не так. Более того, художественный вымысел здесь достаточно часто противостоит историческим реалиям.

«Божья мать в кровавых снегах» отображает не столько некогда бывшие события, сколько их образ и оценку, сохранившиеся в аборигенной среде. Они, несмотря на усилия официальной пропаганды, так и не канули в небытие. И были в целом аутентично и системно переданы классиком хантыйской литературы. Соответственно, наивные или кровожадные черты красных, присутствующие в романе, воспроизводят не конкретные лица и даже не обобщенные типы, характерные для того исторического периода. Это мифические образы палачей, представленные глазами их жертв.

Из законов мифа проистекает и наивность в создании противоположного им положительного образа монарха. «Описывая русского царя, - замечают литературоведы Е.В. Косинцева и Н.В. Куренкова, - автор создает ореол величия. За этим ореолом не видно человека» [3, с. 28]. Миф, по преимуществу, однозначен. Психологическая глубина здесь могла только повредить. Достаточно вспомнить еще одного положительного персонажа – офицера Белого. Его почти иконописный образ никак не отнесешь к числу авторских удач данного романа [3, с. 69]. Для меня ясно, что этот образ находится вне обско-угорской традиционной культуры. Он является плодом исключительно авторской рефлексии.

Да, миф, с точки зрения европейской рациональности, всегда наивен. Но без знания своего мифического массива любой социум обречен на распад. Данное положение в первую очередь касается этносов. Длительность их исторического существования настоятельно требует выработки собственной оценки пройденного пути, причем отличной от позиции соседей. Для этого, конечно же, необходим соответствующий инструментарий. И он не может быть произвольно выбран. Миф инструментален настолько, насколько он отвечает чаяниям и запросам конкретного социума. Миф не может быть создан на пустом месте. В миф нужно верить. И воспроизведение мифа (в том числе в литературном произведении) далеко не всем под силу.

Сила и слабость Айпина заключаются в том, что он возвращает своим сородичам мифы, так нужные им сегодня. Ведь прежний мифический массив обских угров уже перестал полноценно функционировать. Старые духи, боги, богатыри были пригодны для традиционной культуры. В условиях современного общества они востребованы все меньше. Мифы миниатю-

ризируются, перевоплощаясь в сказки. Они не могут объяснить представителю малочисленного этноса, как жить и как чувствовать себя в большой, но дезориентированной и разобщенной стране. Традиционные мифы не способны, в большинстве случаев, обеспечить человеку психологический комфорт. Но и расщепленность этнического сознания не может продолжаться бесконечно долго.

Литературное творчество Е.Д. Айпина это, по сути, попытка с помощью слова, художественными средствами помочь своему народу преодолеть чувство этнической неполноценности. С точки зрения этнической психологии, в его книге содержатся такие компоненты, которые можно охарактеризовать как этноопределители. «Значение этноопределителей может меняться с изменением исторической ситуации, - замечает Т.Г. Стефаненко, - например, запрет или вытеснение на периферию властными структурами, способствует их актуализации [15, с. 246]. Данное утверждение в полной мере применимо к Казыму. Первоначальное замалчивание «неудобного» трагического события со временем породило к нему обостренный интерес. Отношение к восстанию стало одним из факторов консолидации этноса. Нечто подобное, например, в свое время произошло у сербов. Так, поражение на Косовом поле вошло в сербское самосознание, стало частью этнической идентичности.

Кем же тогда выступает Е.Д. Айпин? Каковы истоки самосознания хантыйского писателя? Ответы на эти вопросы предложила О.К. Лагунова. «Творчество художниками мыслится как процесс и акт собственной посвященности в тайну силы и бессмертия народа, типологически сходный с культурой шаманства, но имеющий собственную традицию, инструментарий и технику», - считает исследователь [8, с. 38]. Она же вскрыла социально-историческую подоплеку появления подобного феномена в советское время: «Идеологическая доктрина страны предписывала административной машине физическую и духовную поддержку художников из малочисленных народов, идейные просчеты и отклонения могли толковаться как трудности роста инационального сознания. Кроме того, они действительно были связаны с нередуцированной устной культурой своего народа, рассматривались как уникальные выразители его истории и опыта, а потому не были в положении жесткой разделенности на советское/досоветское, советское/западное, советское/мировое. От них ждали опоры на неизвестную толщу специфической народной культуры, им не надо было преодолевать связь со своим народом.

Модель метода «большой» советской литературы содержала удобную для освоения и трансляции схему, практически совпадающую с выделяемым специалистами набором этнических констант. Она предусматривала, предустанавливала носителя добра (это свой народ и автор как его полноправный представитель), носителя зла (образ чужого, врага), а также обязательность и неизбежность победы добра над злом с примерным перечнем путей достижения победы» [8, с. 15-16].

Старая мифическая картина мира, сохраненная северными народами, здесь накладывалась на новые советские мифы. В этой системе национальный писатель выступал в качестве официального посредника, наделенного рядом ритуальных, почти шаманских функций. Но такая форма взаимоотношений не вполне соответствовала их содержанию. Причина: отсутствие обратной связи. Подлинные чаяния народа если и доходили к «верхам», то в сильно усеченном виде. Соответственно, соседство традиционализма с прогрессом было вынужденным, неестественным и временным. Начало кризиса советской государственности совпало с ростом этнического самосознания и поисками иных путей.

«Итак, когда в 1960-е и 1970-е новое поколение северных поэтов учителей и библиотекарей прибыло в центральные и областные столицы, они застали «мир будущего» в состоянии смущения и цинизма. Как все новые элиты, вырвавшиеся из «мира прошлого», они должны были определить свою позицию по отношению к новым собратьям (в данном случае к русской интеллигенции) и старым собратьям («народу») – задача тем более неотложная, что от официального союза интеллигенции и народа мало что осталось. Некоторые предпочли остаться «западниками», т.е. считали, что национальная элита должна быть равной элите господствующей и что народ должен постепенно, с помощью образования, присоединиться к клубу избранных; но всё больше интеллигентов из числа коренных народов пытались сформировать особую «пансеверную» идентичность, строившуюся на противопоставлении России», - ядовито резюмирует Ю. Слёзкин [14, с. 409].

Поиск альтернатив усилил степень авторской свободы. Художественное отображение мира, подталкивало писателей к реконструкции старых и генерированию новых мифов. После развала СССР данная тенденция стала господствующей. Множество литераторов приобщилось к магическим ритуалам, жестам, заклинаниям и чудодейственным обещаниям в политической сфере. Осознание необходимости профессионализма и трезвости в политике пришло много позднее. До сих пор шаманские, донельзя политизированные, заклинания отечественных писателей по разные стороны баррикад нередко заменяют у них вдумчивую работу над литературным текстом...

Еремей Данилович Айпин, как большой мастер художественного слова, порвав с прежними традициями, стал новатором, написав роман «Божья мать в кровавых снегах», чтобы отобразить мифическую картину мира своего народа и даже поверить в нее. Парадоксальность здесь присутствует не только у писателя – парадоксальна наша отечественная история. Не случайно, что демограф А.Г. Вишневский емко охарактеризовал гигантские советские преобразования как консервативную модернизацию [2]. Для продвижения в будущее нам – увы! – необходимо постоянно радикально менять собственное отношение к прошлому.

Творчество писателя многогранно. Его тексты наполнены множеством материалов, предназначенных не только для досужих читателей и профес-

сиональных литературоведов. Здесь также есть поле деятельности для специалистов по этнической истории или исследователей истории общественного сознания. Надо отметить, что такая работа уже началась. Эстонец Арт Лээте в книге «Казымская война» многократно цитирует Е.Д. Айпина, споря или соглашаясь с хантыйским писателем, как со значимым историческим информантом [20].

Литература

1. Айпин, Е. Д. *Божья Матерь в кровавых снегах* / Е. Д. Айпин. – Екатеринбург : ПАРКУС, 2002. – 304 с.
2. Айпин, Е. Д. *В тени старого кедра : рассказы на хантыйс. и рус. яз.* / Е. Д. Айпин. – Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1981. – 96 с.
3. Айпин, Е. Д. *Клятвопреступник : избранное : роман и рассказы* / Е. Д. Айпин. – М. : Русло, 1994. – 430 с.
4. Айпин, Е. Д. *Река-в-Январе : сб. рассказов* / Е. Д. Айпин. – СПб. : МИРАГП, 2007. – 208 с.
5. Вишневецкий, А. Г. *Серп и Рубль: Консервативная модернизация в СССР* / А. Г. Вишневецкий. – М. : ОГИ, 1998. – 433 с.
6. Ерныхова, О. Д. *Казымский мятеж : (Об истории Казым. восстания 1933-1934 гг.)* / О. Д. Ерныхова. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. – 157 с.
7. Косинцева, Е. В. «Все в этом мире от Бога...» : роман Е.Д. Айпина «Божья матерь в кровавых снегах» / Е. В. Косинцева, Н. В. Куренкова. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 143 с.
8. Лагунова, О. К. *Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов в последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлпа, А. Некраги)* : автореф. дисс ... докт. фил. наук / О. К. Лагунова. – СПб., 2008. – 42 с.
9. Лээте, А. *Казымская война : восстание хантов и лесных ненцев против Советской власти* / А. Лээте. – Тарту, 2004. – 286 с.
10. Милыхова, Л. П. *Роман Еремея Айпина «Ханты или Звезда Утренней Зари»: генезис, образный строй, контекст, поэтика* : автореф. дисс... канд. фил. наук / Л. П. Милыхова. – СПб., 2008. – 19 с.
11. Налчаджян, А. А. *Этнопсихология* / А. А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004. – 381 с.
12. Полина Петровна Ремпель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rempel.gemtel.livejournal.com> (дата обращения: 20.01.2014).
13. Слезкин, Ю. Л. *Арктические зеркала : Россия и малые народы Севера* / Ю. Л. Слезкин. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 512 с.
14. *Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898-1991* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.URL:http://www.knowbysight.info/BBB/](http://www.knowbysight.info/BBB/) (дата обращения: 21.01.2014).
15. Стефаненко, Т. Г. *Этнопсихология : учебник для вузов* / Т. Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 368 с.

А. А. Винокурова

ОСОБЕННОСТИ СТИХА ЭВЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Изучая особенности творческого процесса и произведения, Ю.Б. Борев выделяет следующие компоненты: действительность – автор – творческий процесс; текст-произведение – художественная реальность и семантика

(художественная концепция) – рецепция [2, с. 456].

Исторический подход к художественным произведениям литературы народов Севера предпринят в работах А.В. Пошатаевой, А.К. Михайлова, В.Б. Огороковой, Л.Я. Иващенко, которые исследовали историю становления литературы и выявили основные закономерности ее развития.

Особенности стихотворного языка эвенских поэтов рассмотрены эвеноведом А.А. Бурыкиным. Используя исторический подход к изучению эвенской литературы, он выделяет три этапа: первый – с 30-х до начала 50-х гг. XX в., второй – 50-60-е гг. XX в., третий – в 1970-1990-е гг. [6, с. 120]. Учитывая намеченные периоды, мы рассмотрели следующие этапы становления эвенской литературы.

Первый этап – с 30-х до начала 50-х гг. XX в. Зачинателем эвенской литературы считается Н.С. Тарабукин, который в числе первых северян поступил в Ленинградский Институт народов Севера. Повесть Н. Тарабукина «Моё детство», которая состоит из маленьких рассказов – новелл, начинается со стихотворения. Структура этой повести присуща эвенскому эпосу – нимкану, где каждый герой имеет свою песню. В повести Н. Тарабукина перед началом повествования помещены стихи – эпиграфы. Они служат для автора своего рода личной песней к каждому рассказу. В поэтическом стиле повествуется и о рождении мальчика. Название этого стихотворения «Куна бингсив» («Когда я был маленьким»), которое состоит из двадцати четверостиший. В стихотворении присутствует усилительная частица – -э, которая придаёт напевность, присущую эвенской песне – икэ [13, с. 34].

Стиль Н. Тарабукина унаследовали многие писатели. Использование в произведениях структуры фольклорных «песен» П. Ламутским, включение заповных слов в стихах Лебедева, например: - эен-эен-эеггэн. У Н. Тарабукина эти заповные слова мы видим в конце каждого четверостишия, у В. Лебедева они расположены в начале стиха.

В истории эвенской литературы прослеживается традиционный путь развития жанра. Он начался с лирического жанра в творчестве Н. Тарабукина и П. Ламутского. Затем развивался по пути восхождения от рассказа к повести и роману в творчестве П. Ламутского, А. Кривошапкина, и при этом литературные традиции не прерывались, передаваясь от писателя к писателю [6, с. 35]. Традицию автобиографической прозы продолжила Мария Амамич, которая написала повесть «Дэгэлэдирилбу дэгилбу набутникан эмэкэр ирануграр» («Не прожайте с тоской улетающих птиц»).

Поэзия Н. Тарабукина своеобразна, колоритна, самобытна. В его стихах отражается красота, величие, дыхание природы Северного края. Поэтическое творчество Н. Тарабукина проторило тропинку в мировую литературу, которая стала большой дорогой для эвенских поэтов. Традиции, национальное своеобразие, жанровое разнообразие, художественные средства языка молодые авторы эвенской литературы черпали в лирике Н. Тарабукина.

Афанасий Черканов, современник Н. Тарабукина, вслед за ним издал книгу «Хукси невтэ» («Горячие ключи», 1938). Сборник «Хукси невтэ» состоит из 15 стихотворений, в которых отражается пейзажная лирика. Изобразительные средства в поэзии А. Черканова изобилуют метафорой: төнгэръял, накатандял нэгнингинтэмвур – земли, медведи веснятся, нечэ хилэси олгичилран – цветок с трудом засыхает, чалбан эбдэнрэй бэрин – берёза листву потеряла. Стихотворение «Нэгнинни» полностью состоит из метафор [14, с. 12]. Так, самобытная, непрехотливая поэзия А. Черканова, питающаяся из мудрых истоков устного народного творчества, является одним из ярких явлений периода зарождения эвенской литературы. Особенность стихотворений поэта – в умелом использовании изобразительных средств описания окружающего мира.

Второй этап – 50-60-е гг. XX в. – становление эвенской литературы. О становлении эвенской литературы этого периода А.А. Бурыкин отмечает, что «влияние языка и поэтики фольклора в оригинальных стихотворениях утрачивается довольно рано – уже на рубеже 1930-х и 1940-х гг. Во втором периоде развития эвенской поэзии он выделяет «две тенденции – копирование более ранних образцов поэзии на эвенском языке и влияние русскоязычной поэзии, своеобразным языковым признаком которого является стилистически отмеченное пользование русскими словами» [6, с. 120].

Первые стихи Платона Ламутского были одобрены Н. Тарабукиным; они вместе работали в с. Уянди Усть-Майского района Якутской АССР. П. Ламутский как педагог, долгое время преподававший эвенский язык в национальных школах, обращал особое внимание на развитие детского художественного восприятия. П.А. Ламутский считается одним из самых талантливых художников эвенского слова. Ранние произведения П. Ламутского посвящены детям. Поэтому считается, что благодаря его поэтическому творчеству в эвенской литературе сформировалась детская тема. Впервые в эвенской литературе появляются стихи – в жанре колыбельной песни, например, «Бэю би бэбэддэм» («Колыбельная»). Можно отметить и другие особенности его лирики – наличие звукоподражательных слов, передающих голоса природы. Так, стихотворение «Явчимнга» П. Ламутского адресовано детям. Лирический герой – мальчик Вася, который пасёт оленей в ночное время. Стихотворение начинается с описания окружающей среды: нэлтэн дыкнивчин – солнце прячется, урэкчэн чайланчуни – гора темнеет, гяваннга хирунни – рассвет ускользнул, оран онкэлбэчэ – пасутся олени меж сопками. Затем Вася, взяв аркан – мавут, поднимается на сопку и ночью пасет оленей. Здесь поэт использует метафору нэлтэн хатарсидук дыкнивчин – солнце прячется от темноты, гяваннга тартаки хирунни – рассвет туда ускользнул; сравнение оран онкэлбэчин тэвтэвчин – олени рассыпаны как ягоды. Он восхищается трудолюбием мальчика-явчимнга. Есть определенный род деятельности в оленеводстве – явчидай (пасти оленей в ночное время), и автор видит в своем герое трудолюбивого и ответственного человека.

Нөлтэн хатарсидук дыкнивчин
Урэкчэн чайланчуни.
Холигади ханиникан
Гяванга тартаки хирунни.

Солнце скрылось от темноты
Позади горы.
По верховью реки, словно туман
Туда рассвет скатился.

Орар онкэлбэчэ тэвтэвчин
Оба долан боргара.
Вася мавути тумникэн
Нюлка ойлан ойчитни.

Олени, как рассыпавшиеся ягоды
Вдоль горы пасутся.
Наматывая аркан, Вася
Поднялся на гору.

Орарби нонган көсчиддэн
Бэргэрэтэкэн ай бидэн,
Тек элэ явчиддан
Тэгэлгэми-дэ тачин одан.

Он пасет оленей
Пусть набирают жир
В этот день и час он ночной пастух
Пусть его жизнь будет хорошей

[здесь и далее, где особо не оговорено, подстрочные переводы сделаны нами - А.В.]

П. Ламутский увлекает маленького читателя, его стихи познавательны, учат любить природу и свою родину. Большое место в поэзии П. Ламутского занимает пейзажная лирика [9, с. 35]. В стихотворении «Нэгни» (Весна) поэт восхищается звуками тайги в весеннее время года, здесь много звуко-подражательных слов, передающие звуки неживой природы и птиц [146, с. 8]: сур-сар – звук зимы, хар-хай – звук весны, топ-топ – звук капли, росы, чип-чап – звук песни.

Түгэ нэнми: сур-сар!
Нэгне эмми, хар-хай!
Хабда хабдан: топ-топ!
Икэ икэн: чип-чап!
Нэгне кунга икэн-
Хэбдекрэн тачин.

Зима ушла – сур-сар!
Весна пришла – хур-хай!
Капель капает: топ-топ!
Песня поет: чип – чап!
Весной поет дитя-
Так он радуется [А.В.]

В конце 50-х и начале 60-х гг. XX в. Христофор Суздамов издал сборники стихотворений: «Мут төрэнгэт делкэнкэлни, дэгилни-дэ», «Балданналий герками». Его стихотворения «Ночь», «Охотничий табор», «Утятя» публиковались в сборнике «Север поет» (1961).

Христофор Алексеевич Суздамов родился в горах Верхоянья в 1934 г. в семье кочевников-оленоводов. В начальных классах учился в с. Уянди, затем в 1955 г. закончил среднюю школу в с. Казачье Усть-Янского района. После школы поступил в педагогический институт им. А.И. Герцена в Ленинграде. К поэзии приобщился в студенческие годы и издал свой первый сборник стихотворений. Этот сборник является одним из самых самобытных и своеобразных; в него были включены стихотворения о животных. Автор, используя эпитеты и сравнения, описывает повадки животных, например, когда воспеваает оленя, его рога калданы, мэрэти тангнялкан – с рогами изогнутыми и с торчащими плоскими отростками; горного ба-

рана койтаня, таланя көөлкэн – с крутыми и блестящими рогами.

Третий этап – с 1970-х гг. и по настоящее время. В произведениях эвенских писателей, изданных в 1970-1990-е гг., «при доминировании содержания в текстах с нетрадиционными темами, присутствуют признаки утраты той поэтической художественной формы, которая была свойственна ранним образцам эвеноязычной поэзии, тесно связанным с фольклорным жанром песен – импровизациями» [6, с. 127].

Художественно-образный мир поэзии В. Лебедева гармонично раскрывается в соответствии с кругооборотом природных циклов. Не зря Лебедев назвал свой очередной сборник стихотворений «Мэрлэнкэ», что в переводе с эвенского языка означает «Кругооборот природы». Своеобразие художественного мироощущения коренных народов Севера состоит в их твердом убеждении в том, что жизнь каждого человека заключена в теле не только родственников, друзей, но и во всех вещах, созданных человеком. Поэтика Василия Лебедева передает этот синкретизм на родном языке с большой художественной выразительностью.

Поэзия В. Лебедева духовно экологична и гармонична с ритмами природы, словно весенний ручей струится по жилам поэта солнечный луч пробуждения природы:

Умкэли би мявму нэлкэни,
Иманрав умкэний нектригчин
Мин мявму таракам хөкэлдин
Төр ойлин бэкэтлин икэлдин.

Растопи мое сердце, весна,
Как ты растапливаешь снег.
Тогда мое сердце согреется
На всю землю запоет [А.В.]

В этом примере отчетливо видна художественная основа национальной картины мира коренного северянина как особого, уникального типа творческой индивидуальности.

Современником Лебедева является Василий Спиридонович Кейметинов-Баргачан, который имеет свой определенный почерк. Лейтмотивом его произведений является сохранение и бережное отношение к родной земле и эвенскому языку. В.С. Кейметинов-Баргачан – уроженец п. Себян-Кюель Кобяйского района Якутии. Будучи одним из выпускников института народов Севера, он, вспоминая своего сородича, В. Лебедева, пишет, что «в 60-е годы, когда я уже работал директором Себян-Кюельской семилетней школы, Василий Дмитриевич от имени Союза писателей Якутии дважды приглашал меня на совещание молодых писателей народов Севера Якутии с последующим выездом в Москву и в Сочи» [8, с. 141].

Ранние произведения В. Кейметинова-Баргачана были опубликованы в таких известных литературных журналах, как «Полярная звезда», «Даль-

ний Восток», «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Звезда».

В 2001 г. был издан сборник «Мявму маранган» («Радуга на сердце») [63]. В это издание вошли 49 стихотворений и две поэмы «Эдек» («Эдек»), «Дюлур хаючал» («Счастье разбили»). Особенностью и своеобразием произведений, которые вошли в книгу «Мявму маранган», является зрелость, оригинальный, индивидуальный подход к собственному стилю: «Хотарми эмэли» («Оставь свой след»), «Гэлэри мэргэндув» («Воспоминание от души»), «Лебедев аканти» («Старший брат Лебедев»), «Ойунскай» («Ойунский»), «Ламутскайду» («Ламутскому»). Философские раздумья лирического героя о переосмыслении извечных человеческих ценностей отражены в стихотворениях: «Ями дукамга би орив?» («Почему я стал поэтом»), «Дэнтуму» («Мои стихи»), «Оран ачча – эвен ачча» («Оленя нет – эвена нет»).

Одним из ярких, колоритных писателей в эвенской литературе является Андрей Васильевич Кривошапкин, знаменитый поэт, писатель, общественный и политический деятель. А. Кривошапкин является публицистом, автором учебников и более семидесяти книг на эвенском, якутском, русском, немецком языках. Как исследователь литературы народов Севера он стал известен такими работами, как «Истоки и современность эвенской литературы», «О, мин эвен куттаах ырыаларым» (воспоминания о В. Лебедеве), «Обретение вечности» (Воспоминания о П. Ламутском).

Как поэт создал на эвенском языке ряд сборников, которые были изданы в разное время: «Тилкын» («Половодье»), «Балдадяку Бугу» («Родной край»), «Инэнь төр икэлни» («Песни Севера»), «Өкэнми навта» («Молочно-белый ягель») (2004), «Инэнь бугу мухонни» («Дух северной моей земли») (2010). Темы поэзии А. Кривошапкина разнообразны: тема природы, тема оленеводства, тема сохранения эвенского языка, философские темы, тема фольклора эвенов.

Например, в стихотворении «Хонгачан» (Олененок), поэт выражает свое отношение к олененку с нежностью и трепетом.

Нодаке инэнги –	В какой прекрасный день
Хонгачан балдача	Родился олененок
Нэрике инэнги –	В светлый день -
Хонгачан геркалча.	Зашагал олененок [А.В.]

Поэзия А. Кривошапкина наполнена художественными образами природы северного края. Острый, наблюдательный взгляд, умение вслушиваться в звуки жизни позволили поэту нарисовать выразительные картины тайги и гор любимые с детства.

В стихотворении «Мөнтэлсэ» («Первая половина осени»), лирический герой рассуждает о приближении осеннего периода. Природа в это время как бы усугубляет невеселое настроение. Все в ней говорит об уходе тепла и света. Используя выразительные метафоры, поэт рисует осеннее время: хам оча – все смешалось; мө ачча, олгача – воды не стало, высохла; нянин

хатаралча, хиралча – небо потемнело, рассердилось.

Пейзаж в поэзии А. Кривошапкина подвижен, изменения природы описаны у него необычайно точно. Природа родной земли запечатлена во всем ее богатстве и своеобразии, увидена глазами знающего и любящего тайгу, горы человека.

Художественное осмысление трудовой жизни позволило А. Кривошапкину создать ряд интересных стихотворений о традиционной отрасли эвенов – оленеводстве.

В своих стихах поэт утверждает: Оралчимна нярикэн / Намасли иман-рэн / Ач обдана туттэн, / Тачин эхэт нян чикты – оленевод-мальчик / по глубокому снегу / без усталости бежит, / такой он храбрый и сильный.

Нелегко справиться с оленьим стадом, необходимо узнать нрав животных. Из поколения в поколение передаются знания о поведении домашних оленей.

Одно из направлений творчества поэта – философская тема. Так, стихотворение «Бэй бинин» («Жизнь человека») является рассуждением поэта о жизненном цикле человека. Лирический герой этого стихотворения сравнивает жизнь с одним днем бэй бинин – өмэн инэнги – жизнь человека – один день; кунгарапас – бадикар – детство – это утро; айдин бинис – инэнги дулаканни – отрочество – середина дня, хагдынтаки нэнрис – дэрбэлтэн – пожилой возраст – это сумерки; этикэн одыс – хисэчин – старость – вечер.

Диапазон поэтического творчества А. Кривошапкина широк. В его произведениях явно проступает лиричность души создателя, хранителя природы северной земли, передается глубокое раздумье над традиционной культурой эвенов, философское осмысление жизни человека.

Среди литераторов-эвенов, живущих в Якутии, достаточно известно творчество Евдокии Николаевны Боковой. Особенность ее лирики ярко раскрыл ее первый сборник «Энин икэн» («Песня матери») (1990). Ее стихотворениям, свойственны мелодичность, напевность, характерные для творческой натуры Евдокии Боковой. В сборнике «Скачи, скачи, мой олень», изданном в 1993 г., отражено разнообразие творческой деятельности поэтессы как неизменной участницы художественной самодеятельности, одаренной певицы и организатора детских фольклорных коллективов. Она одна из первых поэтесс, которая ввела в эвенскую литературу «женскую» лирику. По призванию Евдокия Николаевна является педагогом. Поэтому произведения «Нян-да мявму икэмэлрэн» («Снова сердце запрет»), «Аяврам мэн буги» («Люблю свой край») пронизаны детской тематикой. Е.Н. Бокова знаменита и как собиратель устного народного творчества, которая выпустила ряд книг по эвенскому фольклору, например «Эвэн ханынни» («Душа эвена»). В эту книгу включены малые жанры фольклора эвенов: нэнукэр – загадки, гөмкэр – пословицы, томал – обычаи, нён – запреты и некоторые повествовательные жанры – тэлэнгэл.

Одна из активных представительниц своего народа – Белолобская Вар-

вара Григорьевна – Варвара Аркук, педагог, поэтесса, общественный деятель. Она известна в современной эвенской литературе как детская поэтесса. Первый сборник В. Аркук «Нөчэ нөчэну» («Солнечный мой цветок») был издан 1991 г. [3]. Произведения, адресованные детям, светлы и жизнерадостны. Лейтмотивом ее поэтического творчества является мотив солнца. Так, стихотворение «Нөлтэн нөчэну» («Солнечный цветок») богата метафорами хэдэддэн-э – танцует, икэндеддэн – поет, которые вводятся в ткань стихотворения. Произведению придают экспрессивность слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами –чэнни, -кэкэн, -нчэму: дованиву хутчэчэнни – детишки лета, нэринкэкэн нөлтэнчэму – светленькое солнышко, хинганякан нөчэчэму – желтенький цветочек, көчүкэкэн гячачаму – маленький дружочек. В лирике Аркук присутствуют и мотивы любви, и образ девушки «Ханты асатканни» («Девушка ханты»). Стихотворения В. Аркук на русский язык были переведены В. Федоровым и изданы в журнале «Хальархад» (2005 г.). Второй сборник «Болгикаг мяланни» («Пробуждение кедровника»), состоящий из четверо- и пятистишных стихотворений, имеет своеобразное содержание. Особенность этих произведений – в описании лесных зверюшек и птиц, их «танцев», «игр» и «одежды».

В эвенской литературе известно имя Дмитрия Кривошапкина как переводчика на эвенский язык произведений якутских писателей. Он перевел на эвенский язык стихи и поэмы якутского поэта П. Ойунского, народного поэта Якутии В. Новикова – Кюннюк Урастырова, три тома стихов и поэм С. Данилова. Главным результатом его творческой работы стал перевод на эвенский язык героического эпоса якутского народа «Гулкөкөдди Ньургун Боотур» («Нюргун Боотур Стремительный»). Завершение этого перевода стало большим событием в культурной жизни эвенков. Оно доказало немалые возможности эвенского языка, его способности передать все богатство, краски, нюансы якутского языка. Это и есть реальное практическое воплощение взаимодействия, взаимовлияния культур двух народов.

Анализ национального своеобразия поэтического творчества эвенских поэтов позволяет нам констатировать, что в произведениях эвенков-лириков отражается самобытная, традиционная культура эвенков, продолжается традиция национальной поэзии, которая провозглашает гармоническую связь природы и человека. Подлинная народность поэзии Н. Тарабукина, А. Черканова, Х. Суздадова, П. Ламутского, В. Лебедева, В. Кейметинова-Баргачан выражена в глубоком знании мудрости эвенского слова. Каждый поэт в эвенской литературе индивидуален, своеобразен, неординарность авторов составляет синтез национальных особенностей народного творчества и художественных произведений. Тематический диапазон эвенской поэзии необычайно богат. Новаторским является обращение поэтов к теме покорения космоса – это стихотворения П. Ламутского «Космостук нонап төрэн» («Первый голос из космоса»), «Бэй космосла» («Человек в космосе»), создание поэм, посвященных жизни людей родного этноса.

Литература

1. Амамич, М. Н. Дэгэлэдирилбу дэгийлбу набутникан эмэкэр ирануграр: Тэлэнгэл = Не провожайте с тоской улетающих птиц : повесть в новеллах / М. Н. Амамич. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 95 с.
2. Аркук-Белолобская, В. Г. Нелтэн нечэну: дентур / В. Г. Аркук-Белолобская. – Якутский: Нека торэнэн книга издательстван, 1991. – 32 с.
3. Аркук-Белолобская, В. Г. Болгикаг мяланни : [стихи для детей дошк. возраста] / В. Г. Аркук-Белолобская. – Дьокуускай : Бичик, 2006. – 32 с.
4. Боров, Ю. Б. Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс / Ю. Б. Боров. – М. : Наследие, 2001. – 624 с.
5. Бокова, Е. Н. Энин икэн: дентур / Е. Н. Бокова. – Якутский : Нека төрэнэн книга издательстван, 1990. – 35 с.
6. Бурькин, А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме : (на материале эвен. языка) / А. А. Бурькин. – СПб. : Петербург. Востоковедение, 2004. – 384 с.
7. Кривошапкин, А. В. Тилкын: Дөнтур : поэма / А. В. Кривошапкин. – Якутский : Ньюка төрэнэн книга изд-ван, 1983. – 64 с.
8. Кривошапкин, А. В. Балдадяку бугу: дентур / А. В. Кривошапкин. – Магадан : книга изд-ван, 1987. – 15 с.
9. Ламутскай, П. А. Эвэн кунан икэгэн / П. А. Ламутскай. – Л. : Госучпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1960. – 43 с.
10. Лебедев, В. Омчэни: Дентур / В. Лебедев – Якутск : Нека торэнэн книга издательстван, 1963. – 68 с.
11. Лебедев, В. Хиги огални / В. Лебедев – Якутск : Нека төрэнэн книга издательстван. – 1965. – 88 с.
12. Суздалов, Х. А. Муг төрэнгэт делгэлкэлни, дэгийлни-дэ : стихи / Х. А. Суздалов. – Л. : Учпедгиз, 1958. – 32 с.
13. Тарабукин, Н. С. Северное сияние : стихи и повесть / Н. С. Тарабукин. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1971. – 168 с.
14. Черканов, А. Хукси невтэ. Стихи на эвенск. яз. / А. Черканов. – М.-Л. : Детгиз, 1938. – 26 с.

Глава 7. ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И САКРАЛЬНАЯ АРКТИКА

Г. П. Харючи

ОБРЯДОВАЯ ПРАКТИКА НА СВЯЩЕННЫХ МЕСТАХ НЕНЦЕВ

Духи-хозяева. По представлениям ненцев, в Среднем мире, на земле живут люди и животные, а также духи местностей, рек, гор, озёр. Особо примечательные элементы ландшафта: холм, сопка, река, озеро, море имеют своего духа-хозяина – я' ерв (букв.: земли хозяин). Поэтому они считаются ервсавэй я – хозяина имеющая земля, или хэбидя я, хэхэ' я – духа земля. Почитание отдельно находящихся или особо выделяющихся мест выражается как почитание их хозяев. Основную категорию ненецких культовых мест составляют определенные места в ландшафте, имеющие духа-хозяина. Священные места и сооружаемые на этих местах святилища – жилища духа-хозяина являются отличительной особенностью ландшафта в местах проживания тундровых ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа. Каждое из таких почитаемых мест имеет свою легенду. Примеры подобных легенд о крупных общезначимых ненецких святилищах и их духах-хозяевах имеются в литературе.

Т. Лехтисало, побывавший у лесных и тундровых ненцев в начале XX века, отмечал, что священными становятся те места, на которых предполагают духов. Дух местности одновременно считается и духом той горы, холма, реки, озера, на котором было возведено данное святилище. Дух родового места является и хозяином родовой территории, и единым персонифицированным божеством, для которого предназначаются обряды. Следовательно, общенародные, локальные, семейные и личные духи являются хозяевами этих территорий. Самые крупные святилища – это становища главных богов ненцев.

Считается, что при пересечении условной границы сакральной территории люди попадают под влияние её духов-хозяев. На одной территории может быть несколько священных мест или родовых святилищ, у которых свои духи-хозяева.

Возникновение духов, становление духами в ненецкой традиции

имеет разные объяснения. Самую раннюю, мифологическую версию приводит Т. Лехтисало.

«Мой информатор по языку из Обдорска рассказал, что во времена творения мира жило несколько человек, которых нельзя было убить на войне, - они снова оживали. Они выбрали себе священное место, где поселились в качестве хэхэ. Они разрешили людям, которые, будучи кочевниками, не могли жертвовать всегда на одном и том же месте, изготовить сядеав, изображающих их, и возить с собой» [8, с. 70].

Существуют легенды о переселениях духов с указанием их пути и мест остановок.

«Когда архимандрит Вениамин сжег главного бога Вэсако и много каменных и деревянных идолов на острове Вайгач, Нум покинул прежнюю обитель, а на Ямале родилась легенда о том, как с юга на север по тундре полуострова шёл умирающий и воскресающий человек. Ненецкий бог переселился с острова Вайгач на остров Белый, сменив имя Вэсако на Сэр-нго-Ирико» [4, с. 230]. Говоря о становищах-святилищах Ямал Хада, ямальские ненцы имеют в виду вполне определённые места: «Сопку-чум» Мялха, «Сопку шурук» Хобчеда у р. Надуй-яха, возвышенность у истоков р. Тиутей и др. Столь же топографично описан путь на север брата (мужа, отца) богини Ямал Хада – Белого Старика Сэр-нго Ирико [там же].

В качестве духа могут выступать освящённые предметы - хэхэ'пеля. Люди забирают их со святилища и возят в священной нарте. Освящённый предмет «угощают» во время жертвоприношения, к нему обращаются, просят помочь, он становится духом-хранителем семьи, рода. Через несколько лет предмет может быть возвращён обратно, его могут забрать другие паломники. Таким образом, духи кочуют определённое время в одной семье, «помогая» в тяжелых случаях, затем оказываются в другой семье и т.д. Духи родового, семейного места также передаются из одной семьи в другую. В священной нарте Едэйко Окоэтто, хранителя святилища североямальских ненцев Сив Мя (Семь Чумов) находятся изображения духов родов Яптик, Сэрпива, Нгайваседа, Пандо [9, с. 220; 4, с. 220].

Случай находки духа был в моём детстве. Летом 1965 г. мы, дети 7-12 лет, собирали траву мятлик и потеряли в тумане месторасположение своих чумов. Проблуждав целый день, присели на сопку отдохнуть и увидели, что сидим около камня, похожего на сидячего человека. Потом мы его оставили, пошли дальше. Туман не проходил, и чумов мы не нашли. Решили, что камень был духом места, и надо было его забрать. Мы его снова нашли и забрали с собой. К тому времени туман рассеялся, и мы без труда нашли стойбище. Камень был положен в священную нарту. Позднее шаман сказал, что это действительно был дух места в образе камня, и он помог нам найти чумы.

Духи священных мест имеют разные функции (специализацию) по вы-

полнению потребностей человека: одни обеспечивают оленями, другие – рыбой, третьи помогают при охоте на белого медведя и т.д.

Носителем силы духа являются и предметы, взятые с его священного места. Известен случай, когда ненец с Гыданской тундры много лет в качестве оберега имел камень с горы Минисей. Он регулярно приезжал на лечение в профилакторий в п. Харп, находящийся недалеко от гор Полярного Урала и Минисея. Но в один из приездов он вернул камень на место. Вскоре этот человек умер, и родственники объясняют это тем, что он оставил свой оберег [ПМА – полевые материалы автора].

Дух-хозяин священного места помогает и при ориентации. Священные места с нагромождениями рогов служат ориентиром для путника. Они видны издалека, и дух-хозяина этого места как бы указывает путь. Таким же целям служит и одинокое захоронение или кладбище на высоком холме. По случаю каждого жертвоприношения рядом со старыми идолами ставят одного-двух новых. Через какое время ставить на священном месте изображение духа сядэя, предсказывал шаман или хозяин/хранитель жертвенного места. А.В. Головнёв пишет об этом так: «Тут же ... отыскали семь «красивых деревяшек» для изготовления сядэев – по расчётам Едэйко пришла пора поставить на святилище новую «семью» духов-охранителей. Он уже поставил новых сядэев, подправил старых. Старик помнит каждую мелочь на святилище и время от времени наводит нарушенный ветрами и зверями порядок» [4, с. 224].

Дух-хозяин священного места является невидимым, но может принимать облик камней, различных зверей и птиц, являться в женской или мужской ипостаси, в различных одеждах. Например, на священном месте Сотэ” я (Большая сопка) главным святилищем является сам Сотэ” я, дух-хозяин которого имеет облик белого медведя; второе святилище – Пэ-суты (Камень-сопка), его дух в образе камня; третье – Еняпэя (Дозорный), дух в образе большого камня, похожего на сидячего человека. Нгэв-седа (Сопка голов) имеет хозяина в облике песка. Дух священных водоворотов Хынтартя является в образе громадного волосатого чудища.

Своих духов-хозяев имеют сакральные водные ландшафты. Например, Ид Ерв (Вод хозяин), обитающий на подводном стойбище, вокруг которого бродят, подобно оленям, водные звери и рыбы. Приливы и отливы – дыхание Ид Ерв. Приближение к его стойбищу грозит гибелью лодкам и кораблям [3, с. 305]. В семи чумах стойбища живут хозяева всех вод: Ид’ерв не (Вод хозяйка), Ид’ерв ню (Вод хозяина сын), Ид’ерв не ню (Вод хозяина дочь), Яв’ерв (Моря хозяин), Яв’ерв не (Моря хозяйка), То’ерв (Озера хозяин), Яха’ерв (Реки хозяин) [17, с. 28]. Жертвы, предназначенные духам водных объектов, можно было бросать непосредственно в реку, независимо от местоположения водоёма со словами «Нарка нисянда тэврара! – Донесите до вашего отца». При сильной жаре проводят обряд умилоствления бога южных вод Яв’ мала, ударяя по воде саблями и прося умерить зной»

[2, с. 310]. Известен и другой способ. В сильную жару для установления прохладной погоды призывали Нэрм' сей бога (духа) Севера, приносили ему хан – жертву из четырёх оленей [14, с. 33].

Описания изображений духов имеются в работах, посвященных религиозным верованиям ненцев. Л.В. Хомич [16] делит деревянные изображения сядэев – духов-хозяев на три типа. В указанной работе приводятся также сведения о каменных скульптурных изображениях на примере острова Вайгач – до сих пор наименее изученной категории культовых предметов ненцев.

Имеется монография Л.А. Лара «Культовые памятники Ямала. Хэбидя я» [7], в гл. 3 «Культовая скульптура ненцев» помещены изображения духов-идолов со священных мест ямальских ненцев, изготовленные из дерева, металла, камня. Считались изображениями духов природные скалы, крупные валуны, встречающиеся в тундре, например, единичное каменное изваяние в районе Тибей-Сале в Тазовском районе.

В фондах музейно-выставочного комплекса им И.С. Шемановского (г. Салехард) находится 10 культовых деревянных скульптур, считающихся ненецкими. Дендрохронологическое исследование идолов с р. Полуи показало, что есть изготовленные в 1894-1895 гг., 1911, 1914-1915 гг. [6, с. 42-45].

Семиликый идол со святилища на Вайгаче отличался от традиционных форм идолов своей крестообразной формой. Можно предположить, что идол изготовлен в XIX в. В последующем он, видимо, подвергся частичной реставрации, о чём свидетельствуют вбитые для крепления его частей железные кованые гвозди. В архивах Вайгачской экспедиции ОГПУ сохранилась фотография этого идола, который уже в 1936 г. находился в ветхом состоянии [1, с. 81]. «Весьма своеобразная многочастная его форма, в отличие от довольно простых форм «традиционных» ненецких «сядеев», возможно, является одним из примеров проникновения христианских мотивов в местную традиционную культуру (очевидно, что структурной основой его формы является крест)» [12, с. 66].

В центре святилища с реки Нумги находилось деревянное изображение духа высотой 60 см, типичное для ненецких сядэев. Оно представляет собой обструганный ствол с заострённой кверху головой и намеченной линией плеч. На лице грубыми сколами выделен нос, рот обозначен в виде прорези, а глаза и ноздри выдолблены. Его тулово было обёрнуто зелёноватым сукном и опоясано ремешком с кольцами. К сукну были прикреплены приношения духу в виде металлических изделий: пуговица, браслет, подвески, пряжка от пояса, колокольчики [18, с. 161].

Жертвенники. В отношении жертвенников необходимо отметить, что описанный в литературе миссионерами, путешественниками, исследователями комплекс предметов на святилищах и в начале третьего тысячелетия сохраняет традиционный состав. Столь длительное использование строго определённого набора жертвенных объектов свидетельствуют об их важ-

ной роли в ритуально-мифологических представлениях ненцев. На культовых местах жертвенный комплекс остаётся неизменным с присутствием обязательных элементов: идола, очага, общественного места проведения обряда. В основном, сохраняется и внешнее оформление культовых мест.

Важнейшими составляющими жертвенного набора являлись разнообразные пояски, ленты, ремни, веревки, куски ткани. Вторым важным компонентом жертвенного комплекса были предметы, изготовленные из меди и бронзы, алюминия (колокольчики, цепочки, кольца). Одним из приношений духам служит замкнутая металлическая цепь. Это связано с сакральным осмыслением меди, бронзы, железа, наделением их сверхъестественными качествами и свойствами.

Вот описание жертвенных комплексов на культовых местах гыданских ненцев в 1926-1928 годах. На них находились нарты, обломки нарт, старый ободок шаманского бубна, скопления рогов и черепов оленей и белых медведей, камни, воткнутые в землю лиственницы, которые самоеды везли для этой цели несколько сот километров [13, с. 63]. На рогах и лиственницах завязаны веревки, куски ткани, пояски, медные и бронзовые предметы.

В 1937 г. со священного места в тундре на р. Нанги/Нумги И.Ф. Скачковым были взяты для музея все предметы, составляющие ритуальный комплекс: деревянное остроголовое изображение высотой 65 см, окутанное зелёным сукном, на котором были укреплены многочисленные приношения: подвески, колокольчики, браслеты, кольца и т.д. Рядом на земле лежали два шаманских бубна, от которых сохранились только обечайки, колотушка, несколько железных ножей, и стоял ящик от «шайтан-нарты, предназначенный для перевозки домашних идолов» [18, с. 161].

В конце XX века А.В. Головнёву неоднократно доводилось видеть на приморских святилищах Ямала (острове Литке, Юрибейском заливе, устье Юрибея) свежие черепа нерпы и лахтака, водружённые на деревянные шесты. Старожилы северного Гыдана (Евай-Сале), утверждают, что некогда главные жертвенники состояли из трёх гор черепов: оленьих, медвежьих и человеческих. На Ямале упоминают о семи подобных кучах священных черепов: белого медведя, моржа, лахтака, нерпы, дикого оленя, домашнего оленя и человека [2, с. 469].

Некоторые места предназначены для верховного божества Нума и называются нумд'ханондава/нумд'ханондалама (букв.: Нуму - жертвование).

На всех местах есть остроконечные нагромождения, скопления рогов, черепов, которые называются жилищем – чумом духа-хозяина места. Например, на священном месте Парэлава (Похожее на сверло) в двух местах имеются скопления рогов в виде чумов; считается, что один большой – мужской, а другой, поменьше – женский. В двухстах метрах видны следы тракторов, проехавших ещё в 1970-х годах.

Жертвенные рога и черепа на святилищах направлены в сторону восхода солнца. Только на Парнэ саля (Сопка ведьмы) культовое место ориенти-

ровано на закат солнца, и жертвоприношение здесь производится редко.

На многих культовых местах воткнуты священные шести симзы. Сломанный священный шест от чума, оставшегося без хозяев, тоже доставляют на культовое место. Раньше, во время эпидемий, умирали целыми семьями, такой чум назывался хаввы мя (букв.: упавший чум). Части священного шеста нельзя сжигать, использовать на другие цели.

На Хэбидя наде (Священный обрыв) информанты видели старинное кремнёвое оружие и саблю XIX в. На Нарго седе стоит священная нарта и находится меч с латунной рукояткой.

На женском священном месте Н'эв седе (Сопка голов) кроме традиционного комплекса оставлена маленькая женская шапочка с медными украшениями от домашнего духа Мяд' пухуця. На Хэхэ' седе"э (Сопка духов) хозяйкой является Не Ярой (Женщина из рода Яр). Комплекс состоит из трёх сопок (две маленьких, одна – большая), значит, хозяйка «имеет» три чума-жилища.

Существуют ритуалы и представления, связанные с изношенными старыми вещами. На Нярме оставлены изношенные ягушки, малицы– хэхэ' паны (одежда идолов).

По нашим исследованиям относительно жертвенного комплекса выявляется следующая картина. Есть традиция оставлять здесь священные нарты с родовыми идолами, культовыми предметами, оставшиеся без хозяина. Живущие в поселках ненцы ставят временно на священных местах нарты с культовыми предметами. На священном месте (родовом или семейном) оставляются ритуальные вещи шамана, если у него нет наследников, которым он передал свой дар.

Приведём описание современного жертвенного комплекса на культовом месте Ламзенто-сё. В качестве каркаса, удерживающего груды костных останков, используются священные шести – симзы. На жердях и рогах привязаны лоскуты разноцветной материи, а также верёвки с металлическими (бронзовыми, оловянными, жестяными) подвесками, бубенцами, носящие сакральный характер. С юго-западной и северо-западной сторон на сооружение водружены шкуры оленей, принесённых в жертву, причём на шкурах остались черепа и конечности животных. С восточной стороны от ритуальной площадки обнаружен фрагмент деревянного сундука обитого жостью (аналогичные сундуки бытовали на рубеже XIX – XX вв.).

Подобная планировка священных мест является характерной для многих ненецких святилищ. Вокруг священного места разбросаны кости и рога оленей, фрагменты различной посуды. Судя по материальным останкам, святилище функционирует более сотни лет. Культовое место Ламзенто-сё включено в список объектов культурного наследия регионального значения. [11].

Формы почитания духа. У ненцев существуют различные формы почитания и поклонения духам культовых мест. Основными действиями, проводимы-

ми на священных местах, являются сезонные обряды, обряды жизненного цикла (в связи со свадьбой, рождением детей, болезнью, выздоровлением), спорадические обряды (по какому-нибудь случаю - благодарственные или при беде), а также обряды промыслового культа. Важнейшими из них остаются жертвоприношения, входящие в цикл календарной обрядности.

Как известно, жертвоприношение – это принесение духам и богам даров, обладающих реальной или символической ценностью, в том числе заклание животных.

У ненцев со священными местами и их духами-хозяевами связаны следующие виды обрядов:

1) жертвоприношение домашнего животного – хан; наиболее распространено ты хан (букв.: оленя жертва); обряд выполняется у священной нарты на стойбище или с выездом на священное место;

2) жертвоприношение на священном месте – хэбидя ян' ханондава (священному месту жертвоприношение);

3) дарение предметов – сяраp"/сяряp" (приклады, вотивные предметы; от слова сярась – привязать, завязать);

4) кормление духов - хан'ор";

5) жертва первой добычи – нерденаханесэи хан;

6) дарение живого оленя – хэбидя я ерван' сяpвы ты (священного места хозяину подаренный (букв.: привязанный) олень);

7) дарение девочки в невесты Нуму или духу-хозяину родового/ семейного культового места – Нумд'сяpвы не н'ацекы (Нуму подаренная (букв.: привязанная) девочка); хэбидяян'сяpвы не н'ацекы/хэбидя я ерван'сяpвы не н'ацекы (священному месту подаренная (букв.: привязанная девочка) [15, с. 27].

Обряды. Основными формами почитания духов-хозяев священных мест являются жертвоприношения домашнего животного, кормление духов и дарение (посвящение) им предметов или живых существ. Временем жертвоприношений на священных местах являются весна и осень.

Суть взаимоотношений духа-хозяина и человека отражена в следующем высказывании «Дух священного места по своему характеру может быть добрым или злым. Если ему жертвуют, то он обеспечивает добычу и защищает человека, но если его намеренно или по упущению оскорбят, то он прячет добычу, насыпает болезнь, а также может убить» [8, с. 72].

К духу-хозяину родового или семейного святилища люди обращались во время тяжёлой болезни человека или во время эпизоотий – Хэбидя я ервм' тёрпава (букв.: священного места хозяина призывать).

Положено было проводить благодарственный обряд – кормить духов-хозяев любого места. С детства детям внушают и показывают своим примером, что определённая местность имеет своего духа-хозяина и надо почтительно относиться к земле, любой сопке, озеру, реке и т.д.

Как считают Е.Т. Пушкарева и А.А. Бурыкин [10, с. 47], почитание духа-

хозяина не обязательно выражается в акте дарения, оно проявляется в строгом соблюдении ритуала почитания духа.

При непочтительном отношении к духу-хозяину места, если человек ходит один и без особой причины посещает священное место, то дух-хозяин места мог украсть его душу – талиресь. Человек заболел. Только шаман мог узнать о причине его болезни – хэбидьян' талиревы.

Приведём описания конкретных обрядов на священных местах, проводимых для духов-хозяев, опираясь на работы разных исследователей и на полевые материалы автора [ПМА].

Большое значение придается подготовке к отъезду на святилище. Обычно с утра у всех приподнятое настроение. Все явления и предметы, помимо своего основного функционального назначения приобретают символический смысл. Учитывается всё: кто и какой сон видел, какая погода, как горит огонь, как ведут себя собаки, олени. При отлове жертвенного оленя существует хорошая примета, когда животное отлавливают на аркан с первого раза.

Перед проведением обряда священное место окуривали; такое действие зафиксировано у европейских ненцев. Для этого на жертвенном месте хранилась специальная металлическая посуда (подобие ковша). В неё на горящие угли бросали олений жир, брововый волос и даже ладан, а затем выделяемым дымом производили окуривание всех мест жертвенной территории. Таким способом изгоняли злых духов, якобы тайно проникавших сюда, и очищали святое место от всякой нечисти. Только после очистительного обряда начиналось жертвоприношение [5, с. 19].

На рога жертвенных животных подвешивают кусочки печени, почек, языка, первый шейный позвонок, окропляют лики идолов и мажут их водой. Только хозяйка святилища Си"ив Мя (Семь Чумов) Ямал Хада (Старуха/Бабушка Края Земли), что на северном мысе полуострова Ямал, не чтит водку. Действительно, у Семи Чумов нет пустых бутылок, обычных на других святилищах» [4, с. 224].

Варят мясо, угощаются вместе с духами освящённым мясом жертвенного оленя. Череп подвешивают на палку в направлении восхода солнца, оставляют шкуру, копыта. Если святилище состоит из двух частей, то обязательно надо угостить и хозяина другого места. Мясо жертвенного оленя раздают по чумам или встречным людям.

Если священное место постоянно посещают и проводят ритуалы, то votивные предметы подлежат обмену. В обмен принесённого духам подношения непременно надо что-то взять – это часть ритуала в ненецкой традиции. Люди привозят на святилище жертвенных оленей, шкуры песцов и металлические украшения, старые священные шести (симзы), нарты (хэхэхан), бубны и колотушки умерших шаманов. «Считается, что предметы из жертвенного комплекса, освящённые и наделённые священной силой, возвращаются к людям, которые берут их взамен своих приношений. Через эти

сакральные предметы духи места одаривают людей промысловой удачей и пополнением стада, священной силой, которой по представлениям ненцев наполнен лежащий здесь предмет. Паломник не может приехать к Семи Чумам без подарка и не может уехать отсюда без отдарка» [4, с. 223]. А.В. Головнэву ненцы доверили передать духам святилища Семь чумов дары: мешочек с жиром дикого оленя, одежду домашнего духа-покровителя и семь ленточек с повязанными на них медными кольцами. А.В. Головнэва попросили привезти со святилища в качестве отдарка три старых рога (они будут «оленьями» трёх священных нарт [4, с. 217].

Для особо значимых священных мест, находящихся на островах или вдалеке от путей каленания, имеются филиалы на доступных территориях. На них переносится не само священное место, а обряды, предназначенные для исполнения на главных святилищах. Взывая здесь к духу, обращались к духу-хозяину основного главного места. Практика жертвоприношений на других священных местах в случаях переездов – особенность традиции. Если на пути перехода на другую местность встречается священное место, то семья оленевода приносит жертву духу этой местности, независимо от родовой принадлежности. Водным духам или духам водоёмов можно жертвовать непосредственно в реку, независимо от местоположения.

Велика роль обрядов, до сих пор проводимых на священных местах, для поддержания экологического равновесия (природа – человек). Эти обряды отличаются значительной степенью сакральности. Фактически некоторые из них являют собой ритуалы, направленные на защиту природы и человека, снятие стрессов, психологического напряжения (что чрезвычайно актуально для людей, проживающих в арктических условиях). На священных местах, по всей вероятности, вступают в действие экологические природные факторы и факторы психологические, связанные с традиционными верованиями в силу духов, «обитающих» в пределах сакрализованных природных ландшафтов.

Священные места, их почитание, посещение и проведение обрядов имели несколько функций. Общенародные священные места имели консолидирующую функцию, объединяли народ, эти места были центрами территории проживания. На таких местах происходило общение с высшими силами. Через духа-хозяина места можно было обратиться к верховному божеству Нуму и другим божествам. При посещении священных мест и проведении обряда передавалась информация об этом конкретном месте, о его духах, легенды и т.д. Каждое посещение, обряд имели конкретную цель, чаще всего – просить духов о здоровье всех присутствующих, оленей, благополучие в роду, семьях. Одна из функций священного места состоит в том, чтобы род, семья находились под защитой его духа-хозяина. В свою очередь, семья, род должны заботиться об этом месте, о сохранности жертвенного комплекса.

В традиционной культуре ненцев, как и других народов Севера, ярко

прослеживается экологическая функция религии – это духовная связь с окружающей природной средой. В традиционном мировоззрении ненцев хозяйственная деятельность человека контролируется со стороны высших сил и духов-хозяев мест. Духам мест принадлежат населённые людьми ландшафты, их функцией считается создание местной экологической обстановки. На священных местах происходит общение со сверхъестественными силами, которые требуют от верующих особого поведения, не только в духовной жизни, но и в быту. В таких местах запрещена или ограничена хозяйственная деятельность человека. Фактически священные места были первыми природными заповедниками.

Эти традиции не потеряли свою актуальность и сегодня. Существует целая система этического поведения, связанная с посещением священных мест. Нарушение установленных правил влечёт за собой недовольство богов и духов, которое проявляется в виде болезней, эпидемий, засухи и других стихийных бедствий. Таким образом, поведение человека на священном месте является эталоном нравственного отношения к природе.

Литература

1. Боярский, П. В. Древнейшие памятники острова Вайгач / П. В. Боярский [и др.] // Остров Вайгач : культур. и природ. наследие : памятники истории освоения Арктики. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 77-138.
2. Головнёв, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.
3. Головнёв, А. В. Кочевники тундры : ненцы и их фольклор / А. В. Головнёв. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 344 с.
4. Головнев, А. В. Путь к Семи чумам / А. В. Головнев // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард, 2000. – Вып. 1. – С. 25-53.
5. Евсюгин, А. Д. Ненцы архангельских тундр / А. Д. Евсюгин. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. – 157 с.
6. Копцева, Т. В. Деревянные идолы с р. Полуй из фондов МВК им. И.С. Шемановского / Т. В. Копцева // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа : материалы науч.-практ. конф. «Ямал. гуманист. чтения». – Салехард, 2013. – Вып. № 2 (79). – С. 42-45.
7. Лар, Л. А. Культурные памятники Ямала : Хэбидя я / Л. А. Лар. – Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 173 с.
8. Лехтисало, Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Т. Лехтисало ; пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – 136 с.
9. Пушкарёва, Е. Т. Тирлей : публикация / Е. Т. Пушкарёва // Фольклор и этнография народов Севера. – Л., 1986. – С. 136-157.
10. Пушкарёва, Е. Т. Фольклор народов Севера : (культур.-антрополог. аспекты) / Е. Т. Пушкарёва, А. А. Бурькин. – СПб. : Петербург. Востоковедение, 2011. – 390 с.
11. Свидетели ушедших эпох. Б/г.
12. Скворцов, А. П. Остров Вайгач – историко-культурный и природный комплекс / А. П. Скворцов, Е. Н. Склокина // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М., 1990. – С. 62-75.
13. Тобояков, В. Т. К верховьям исчезнувшей реки / В. Т. Тобояков. – Свердловск : Работник просвещения, 1930. – 120 с.

14. Харючи, Г. П. *Природа в традиционном мировоззрении ненцев* / Г. П. Харючи. – СПб. : Ист. ил., 2012. – 160 с.
15. Харючи, Г. П. *Священные места в традиционной и современной культуре ненцев* / Г. П. Харючи. – СПб. : Ист. ил., 2013. – 160 с.
16. Хомич, Л. В. *Религиозные культы ненцев* / Л. В. Хомич // *Памятники культуры народов Сибири и Севера*. – Л., 1977. – С. 5-28.
17. Хомич, Л. В. *Шаманы у ненцев* / Л. В. Хомич // *Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири*. – Л., 1981. – С. 5–41.
18. Щербакова, Т. И. *Жертвенное место на реке Нумги: попытка реконструкции* / Т. И. Щербакова // *Жертвоприношение в архаике, атрибуция, назначение, цель*. – СПб., 2012. – Вып. 5. – С. 152-165.

Н. И. Слепцов

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ О ВЛИЯНИИ МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЫ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

С глубокой древности коренные народы Якутии жили в гармонии с Природой, знали и уважали ее законы, чувствовали ее Дух, становились духовно открытыми – сверхчувствительными. По представлениям якутов, человек есть дитя Природы, ибо он рождается и живет в ней, и потому его судьба определяется ее состоянием. Природа – наша кормилица, она учит жить, воспитывает способность к выживанию.

Северный человек в особенности стремится быть как можно ближе к Природе, стремится к живому разговору и контакту с ней, считая, что живая Природа имеет свой Дух, который помогает ему выживать в суровых условиях. И потому он считает, что люди должны относиться к ней с такой же бережностью и почтением, как к своим родителям. Для этого он выполняет обряды обращения к духам и божествам-миротворцам Айыы через духа огня, прося помощи, благословляя алгысами. А потребительское, пренебрежительное отношение к Природе, её разрушение вследствие опрометчивых мыслей и действий, как он считает, могут обладать сэт.

Когда человеку возвращаются все его греховные деяния, якуты говорят, что к нему возвращается его сэт. Не только непосредственное действие, но и мысленное пожелание дурного окружающей Природе и людям порождает сэт. Наши предки жили, никогда не забывая о своем предназначении, умели замечать красоту Природы, получая от этого огромное удовольствие, радовались от всего сердца. Общались с живой Природой, разговаривая с родными местами, упрашивая населяющих их духов, постоянно придерживались обрядового церемониала. Они считали греховным пренебрежение священными деревьями, аласами и горами, речкой и ре-

кой, озером и морем, злословие и словоблудие по отношению к Природе.

Места с добрым духом считались сохранившими изначальный дух божеств-миротворцев – Айыы и почитались как священные. К их названиям прибавлялся эпитет улуу («великий»), назывались любовно эбэ («бабушка») или ийэ-хотун («матушка-госпожа»). Такие урочища и места, по верованиям якутов, благословляла сама богиня-покровительница земли, здесь рождались мудрецы и добрые богатыри, сказители и искусные мастера. Предки саха верили, что каждая местность имеет своего духа-покровителя и только ей свойственный особый дух. Соответственно особенностям природы, ландшафта, энергетической силы места обитания формируются локальные особенности культурно-хозяйственного уклада, расселения, поведения и характера людей. Так, в отдельных местностях рождается много шаманов и людей с особыми способностями, а в других – много талантливых певцов, олонхосутов, запевал осуохая, сказителей и других творчески одаренных людей, в третьих - люди бывают преимущественно общительными, приветливыми, а в некоторых – замкнутыми, неуживчивыми и упрямыми.

Предки были убеждены, что благословления, здравицы и добрые пожелания, произнесенные в священных местах, напрямую доходят до верхних божеств. Поэтому здесь белые шаманы организовывали большие ысыахи с молениями и торжествами, исполняли обряды поклонения божествам.

В старину саха поклонялись большому дереву с пышной короной, растущему на высоком лесном мысу, считая, что сама богиня-хранительница всей Земли Аан Алахчын-госпожа-Матушка посещает его, чтобы выслушать просьбы обитателей Среднего мира. Если сломать такое дерево, оно сочтется кровью («плачет кровью») и виновный погибает не только сам, но и весь его род постепенно исчезает с лица Земли.

Находясь в священных местах, на больших озерах, реках и быстрых речках, наши предки не допускали пренебрежительных слов или мыслей о них, даже вслух не произносили их названия, чтобы не обижать духа-покровителя, ограничивались общим названием эбэ («бабушка»).

Кроме сакральных, есть еще местности, названия которых никогда не произносятся, которые издали обходят стороной – в них обитают злые духи, они облюбованы илбисом – духом кровопролитий, злодейств, насилия. В старину проводили очищение таких мест исполнением специальных обрядов арчы. К примеру, если в озере утонул человек, то без специального очищения воду из этого озера не пили и не ловили там рыбу.

По народным поверьям, в разрушенных, разрытых местах гнездится зло, дух мстительности. Прежде чем рубить деревья, охотиться, рыбачить, забивать скот, рыть ямы или строить дом, обращались за разрешением к божествам-миротворцам Айыы и к духу-хозяину данной местности, леса, водоема и т.д., задабривали его выполнением специальных обрядов, что способствовало восстановлению нанесенного ущерба. Ни в коем случае

нельзя было нанести природе невосполнимый урон – это было тяжелейшим грехом. К примеру, рубка живого дерева для топки печи-камелька. Поэтому люди много времени уделяли поиску сухостоя, не заготавливали дрова, срубая живые деревья.

Опаснейшими считались места, где шаман «привязывал» дьявола или неприкаянную душу (ёр) мертвеца-самоубийцы, где происходили «сражения» шаманских духов – Ийэ-Кыыл, где камлало множество шаманов одновременно, а также место, где «черный» шаман поставил невидимый для обычных людей настороженный самострел для других шаманов. Как правило, самострелы ставились в перелесках между двумя мысами или возвышенностями. Их мог нейтрализовать, разрядить только шаман более высокого ранга. Могилы «черных» шаманов и умерших дурной или насильственной смертью становились местом злых духов. Также опасными местами считались места, где происходили кровопролитные сражения и массовые убийства людей.

В старину якуты считали, что Средний мир постоянно подвержен злым смертельным веяниям снизу из мира дьяволов, сверху – из мира «небесных духов», имевших свои закатные дороги в мир людей. Трещины земной коры, глубокие впадины в результате разрушения пород, ущелья считались «тропами» сообщения духов, «открытыми» местами, через которые выходили подземные духи. Считали большим грехом портить почву, без особой нужды снимать дерн, рыть ямы. Из-за этого поначалу якуты не одобряли даже земледелие. Собираясь строить дома и хозяйственные сооружения (коровники, амбары и т.п.), прежде всего выполняли обряды задабривания духов и получения от них разрешения, обряды закрытия доступа злых духов снизу из-под земли – из нижнего мира. Понятия о «тропах дьяволов», о «шаманских дорогах», о местах со «злым духом» сохранялись до позднего времени [14, с. 10].

Якуты издревле знали, что от места, где стоит их жилье, зависит не только состояние здоровья хозяев, но и судьба их потомков. Они тщательно изучали предполагаемые места строительства и будущих угодий – покосов, пашен, выгонов скота, пастбищ, и бережно, с большим вниманием, относились ко всей природе, следуя древнему Учению Айыы.

Прежде чем приступить к строительству, внимательно изучали местность: благоприятна она или же не подходит для жилья. Для этого приглашали на помощь шамана или провидца, иногда просили переночевать на том же месте знахаря-сновидца: если тот провел ночь без кошмаров, без дурных сновидений, место считалось удачным.

Да и сами хозяева тщательно изучали местность: его рельеф, хорошо ли растут деревья и трава, какие предания бытуют о местности, что говорят люди и т.д. Стремилась избежать обиталища злых духов, не попадать на «тропы дьяволов». Если на местности росли деревья с множественными вершинами или крученые деревья, то это указывает на обиталище дьяво-

лов. Такие места обходили стороной. При рубке леса, обнаружив полые дупла, прочно затыкали их, чтобы нечисть не выходила из нижнего мира. Участок леса, где было много дуплистых деревьев, также считался населенным дьяволами.

Глубокие овраги, ущелья, места, разрушенные потоком воды, глубокие омуты, курганы также обходились стороной как места обитания нечистых сил. Не застраивались на низких местах, на поймах речек и рек, на болотистых местах, на опушке сухого, погибшего леса. Не ставили жилые и хозяйственные строения – коровники, изгороди, сеновалы, амбары – в лесу, не располагали их на южной стороне аласа на опушке леса. Место строительства тщательно расчищали: рубили деревья, выкорчевывали пни, выравнивали почву.

Что касается аласов, то здесь застраивались, как правило, в западной или северной его части, в укромном месте. Не селились саха и на крутых берегах озер и рек, между озер или вплотную к ним. Обходили стороной места с могилами и деревьями с шаманскими жертвенными принадлежностями (кэрэх).

Избегали также мест бывших пожарищ. Считалось, что на пожарище заселяется злой дух, и если построить на этом же месте новое жилище, то оно тоже непременно сгорит. Поэтому после пожара люди переезжали в другое место.

От того, на каком месте располагается поселение, как размещены и построены жилые дома, в большой степени зависит не только здоровье, но и характер, и нрав населения. Как правило, в поселках, расположенных в местности с «тяжелым» дыханием, где много «открытых» и «гиблых» зон, часто случаются пьяные разборки, драки, убийства и самоубийства. По нашим исследованиям, «дыхание» земли ухудшается в сторону северных улусов, ввиду того, что вечная мерзлота там залегает очень близко от поверхности, и такая земля очень ранима.

Существовали несколько способов определения, так называемого, духа местности [14, с. 10]. Так, например, кору, снятую с деревьев, или сырую шкуру разрезали на мелкие куски и расстилали мездрой к почве на месте предполагаемого строительства. Если в течение нескольких дней под мездрой разводились черви или участок становился притягательным для насекомых, то место признавалось неблагополучным. Если же кусочки кожи или коры высыхали и оставались чистыми, то это считалось свидетельством благополучия местности.

Другой способ заключался в следующем. В сухую прохладную погоду в разных местах проверяемой территории втыкали палочки с нанизанными на них кусочками сырого мяса, и по тому, быстро ли сохнет мясо или гниет, покрываясь червями, определяли состояние места – чистое или нечистое. Таким образом, предки исходили из того, что на вредных для человека местах быстро плодятся насекомые, паразиты и вирусы.

Желающие найти месторасположение будущего жилья отправлялись на поиски летними вечерами на закате: места, где веяло холодом, считались опасными для жилья, а там, где веяло теплом – благоприятными. Позже, зарубежные исследователи подтвердили верность опыта наших предков. Так, в 1953 г. Г. Печке в результате своих исследований выяснил, что температура поверхности дерна в аномальных зонах ниже обычной.

Даже месторасположение охотничьих избушек и шалашей определялось по растительности, по тому, какие птицы вьют гнезда, какие насекомые водятся. Хорошими и для человека считались места, где останавливались и отдыхали коровы и лошади, устраивали свои лежки собаки.

Дверь юрты обязательно обращалась к востоку, в направлении неба верховного бога Юрюнг Айыы Тойона, чтобы по утрам, открывая дверь, обитатели юрты могли увидеть животворящее солнце. В начале строительства в углублениях для южного и западного опорных столбов (либо под фундаментом) опускали завернутые в конскую гриву монеты и куски масла, а наверху, на столбы под перекладинами потолка клали кусок шкуры с головы лошади с гривой. Это делали для того, «чтобы у хозяев развелось много рогатого и конного скота, другого добра, чтобы дом был полной чашей» – на счастье. До вселения в дом во дворе ставили коновязь – сэргэ – оберег дома и всего двора, а также символ благополучия семьи. Подворье всегда начиналось с сэргэ. Кроме того, в древности в магических обрядах оно заменяло мировое дерево – Аал Кудук мас. Установка сэргэ сопровождалась специальными обрядами.

Главным условием строительства поселков на Севере должно быть соблюдение и создание условий для сохранения энергетической однородности местности. Мерзлота предъявляет свои строгие требования для строительства жилых домов, отличающиеся от требований субтропиков. Поэтому для строительства домашнего очага знания и наблюдения наших предков нам особенно дороги, ибо они согласуются с условиями вечной мерзлоты [14, с. 10]. Мерзлая почва под домом не должна таять – это должно быть основным принципом строительства в условиях вечной мерзлоты.

В 1992 г. по инициативе общественного объединения Кут-сюр было начато изучение геопатогенных зон в условиях вечной мерзлоты на территории Республики Саха (Якутия) [2, с. 5; 13, с. 15]. Около 20 лет мы обследовали более 300 различных предприятий, квартиры и усадьбы около 13,8 тысяч семей, в том числе в городе Якутске – примерно 5200 семей, в улусах республики – приблизительно 8600 семей. Одновременно с обследованием домов и усадеб при обнаружении геопатогенных зон, аномальных явлений мы проводили нейтрализацию, а также биокоррекцию энергоинформационных полей (биополей) членов семей.

Около 54 тысяч жителей республики прошли коррекцию своего биополя. Примерно 90% семей, пригласивших нас для обследования местожительства, либо ощущали постоянный дискомфорт, сталкивались с какими-

то проблемами, либо интуитивно или явно знали о существовании в доме неведомого аномального явления, и потому они, как правило, психологически были готовы узнать о неблагополучии их местожительства. Остальные ~10% семей проявляли инициативу для обследования приобретенной квартиры или дома, а также усадьбы, для выяснения биоэнергетического состояния или определения благополучного места для строительства дома, а также очищения как биополя членов семьи, так и жилища. Среди обследованных ~74% семей Якутска и ~19% сельских жителей жили в домах, построенных на локальных аномальных зонах (далее – ЛАЗ). Необходимо подчеркнуть, что у обследованных ~8% (~300) городских и ~80% (~6900) сельских семей источники негативного воздействия образовались под домом в результате оттаивания мерзлоты или заболачивания усадьбы. То есть они не уделили должного внимания тепловой изоляции пола при строительстве дома и отводу воды. Неправильная технология строительства частных домов в сельской местности является одной из основных причин болезней и несчастий.

Если жилое помещение находится в энергопоглощающем потоке или на «открытом» месте, то от такого постоянного патогенного воздействия у жильцов начинается биоэнергетическое истощение, что подавляет биохимические процессы во всем организме, следствием чего, как правило, в первую очередь, являются нервные и психические расстройства. У таких людей постепенно развивается состояние хронической психоэмоциональной напряженности. Оно характеризуется длительной стойкой активацией основных жизненных функций с нарушением их координации и ритмичности на фоне снижения уровня физиологических резервов, что приводит к истощению организма [4].

Традиционные представления саха о местах с нечистыми силами (аномальными явлениями) принципиально отличаются от представлений других народов. Такие понятия, как «открытое место» (аһаҕас сир – место, где открылась граница между средним и нижним мирами, через которое из нижнего мира выходит нечистая сила), «тропа злых духов» (абааһы суола – тропы нечистых сил, по которым они перемещаются, выходя из нижнего мира), «дорога шамана» (ойуун аартыга – путь-дорога, по которой шаман отправляется в верхний или нижний миры), являются специфическими якутскими. Предки саха испокон веков воедино связывали нечистые силы с местами с «тяжелым дыханием», то есть нечистая сила (аномальные явления) и местность (аномальные зоны) воспринимались традиционным якутским сознанием как неделимое целое.

С 1992 по 2011 годы именно на таких аномальных зонах нам удалось обнаружить и ликвидировать в городе Якутске более 190, а по всей Якутии – 280-ти различных явлений полтергейста [5].

В условиях вечной мерзлоты образование локальных аномальных зон происходит, во-первых, как следствие разрушения мерзлотного

грунта из-за оттаивания (эрозии почвы):

- в местах с глубокими оврагами, неровностями, образовавшимися вследствие оттаивания мерзлоты;
- в озерных омутах, возникших оттаиванием подземных ледяных линз;
- на речных устьях с обрывистыми берегами;
- в расщелинах, образовавшихся талыми водами;
- на крутых разрушающихся берегах;
- на болотистых местах, топях и трясинах;
- в местах с подземными пустотами;
- из-за оттайки ледяной линзы под домами, в результате разогрева почвы.

Во-вторых, «открытые» места, созданные благодаря деятельности человека:

– в северных и центральных улусах Якутии погреб глубиной в рост человека поглощает биоэнергию с четырех сторон, с расстояния около 2-х метров. Подвалы могут поглощать биоэнергию с удаления до 10-15 метров, потому их желательно выкапывать дальше от жилого дома. В условиях вечной мерзлоты недопустимо строить дома с погребями и подвалами;

– различного рода траншеи теплотрасс, кабелей, коллекторы, карьеры, шахты;

– при нивелировании автострады, планировке рельефных местностей бульдозерами вскрывается мерзлый грунт, вследствие чего происходит оттаивание вечной мерзлоты с последующим образованием оврагов, обвалов, расщелин, омутов.

В-третьих, местность «открывается» при пожаре. Если дом сгорает, то подпольная площадка «открывается» и превращается в место, поглощающее биоэнергию с четырех сторон. Лесные пожары в условиях вечной мерзлоты создают огромные площади ЛАЗ, которые заживают десятилетиями, а то и веками.

В-четвертых, силовые трансформаторы своим электромагнитным излучением в условиях вечной мерзлоты «открывают» места, на которых расположены. Поэтому силовые трансформаторы должны устанавливаться с минимизацией воздействия возникающих энергопоглощающих потоков на жилые помещения. Желательно устанавливать их как можно выше от поверхности земли и дальше от домов.

В-пятых, человек ментальным воздействием может как «открывать» так и «закрывать» местность. Тонкий мир является энергоинформационным миром, а аномальные явления (нечистые силы) – энергоинформационными сущностями, поэтому их можно нейтрализовать энергоинформационным воздействием, т.е. ментально. В этом определяющую роль играет сила его духа, мысли, слова и, конечно, связь с Верховными Божествами Айыы [1; 7; 16].

Из-за ранимости Северной Природы всегда существовало много локальных аномальных зон и, как следствие, аномальных явлений. Их влияние

на нервную систему, психологию и психику, и, таким образом, на менталитет северных народов огромное. Это отражено в их искусстве, фольклоре, эпосе олонхо, верованиях, шаманизме, культуре в целом.

Литература

1. Алексеев, Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX- начале XX века / Н. А. Алексеев. – Новосибирск, 1975. – 199 с.
2. Геопатогенные зоны? // Турук. – 1994. – № 4. – С. 61-62.
3. Емельянов, О. ЧП на тропе духов / О. Емельянов // Республика Саха. – 1996. – 23 марта.
4. Пацернак, С. А. Стресс. Вегетозы. Психосоматика / С. А. Пацернак. – СПб. : А.В.К., 2005. – 383 с.
5. Слепцов, Н. И.-Сылык. Дыхание вечной мерзлоты / Н. И. Сылык-Слепцов. – Якутск : Дани Алмас, 2013. – 264 с.
6. Слепцов Н. Осторожно: гиблые места / Н. Слепцов // Молодежь Якутии. – 1993. – 22 янв.
7. Афанасьев, Л. А.-Тэрис. Айыы үөрүбэ / Л. А. Афанасьев-Тэрис. – Дьокуускай : Ситим, 1993. – 183 с.
8. Никифоров, В. «Тас дьайыылары – ыарыы төрүөтүн утары охсуһабын» / В. Никифоров // Саха сирэ. – 1998. – 14 мая.
9. Слепцов, Н. Куһаҕан тыыннаах сирдэр / Н. Слепцов // Сахаада. – № 1. – 1993. – 6 янв.
10. Слепцов, Н. Сир тынынын сирийэн көр-иһит / Н. Слепцов // Саха сирэ. – 1996. – 4 июня.
11. Слепцов, Н. Сорох ыалга сүөһү тоҕо турбатый? / Н. Слепцов // Саха сирэ. – 2001. – 9 июня.
12. Слепцов, Н. Чөл кут-сүр түстэнэр сирэ / Н. Слепцов // Саха сирэ. – 2001. – 19 мая.
13. Слепцов, Н. И. Дьиэбит ханна, хайдах тутуллубуттан дьылбабыт тутулукутаах / Н. И. Слепцов // Саха сирэ. – 1999. – 27 мая.
14. Слепцов, Н. И.-Сылык. Сир тына уонна киһи дьылбата / Н. И. Слепцов-Сылык. – Дьокуускай : Бичик, 2004. – 128 с.
15. Слепцов, Н. И.-Сылык. Өлүк сирдэр эбэтэр ирбэт тон тына / Н. И. Слепцов-Сылык. – Дьокуускай : Бичик, 2005. – 80 с.
16. Тэрис. Айыы Суола / Тэрис. – Дьокуускай : Бичик, 2002. – 160 с.

**А. Е. Захарова,
С. А. Руфова**

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОВ И ЛЕГЕНД О ЖИГАНСКОЙ АГРАФЕНЕ

Для широкого круга россиян название г. Жиганска, наверное, мало о чем говорит. Однако с этим городом связаны многие замечательные события и факты истории колонизации Восточной Сибири и Якутского края. Первое поселение русских в этом крае относится к 1635 году, когда русские казаки П. Иванов, Губарь и М. Стадухин поставили первое зимовье на левом берегу р. Лены, названное Жиганским. С начала колонизации Лен-

ского края Жиганск на долгие годы становится центром ясачного сбора, землепроходчества и центра христианизации в Ленском крае. В последующие века отсюда выезжали различные экспедиции к Северному морю и Ледовитому океану.

В 1775 году Жиганск в силу своего стратегического расположения назначается центром комиссарства. Статус города Жиганск получил в 1783 году и в течение 22 лет считался уездным городом Якутской области Иркутского наместничества (губернии) до 1805 года [4, с. 16].

До революции территория уезда простиралась до Ледовитого океана, включая современную территорию Оленекского, Анабарского, Булунского, Жиганского и части Верхоянского улусов, в таком виде существовала вплоть до 1917 года. Административным центром на этом обширном пространстве был г. Жиганск.

Сегодня Жиганский улус (район) расположен на северо-западной части Республики Саха (Якутия). На севере район граничит с арктическими улусами: Булунским, Оленекским, Вилуйским, Кобяйским и Эвено-Бытантайским районами. По своему расположению район занимает обширную территорию (140200 кв. км.).

Административный центр района – п. Жиганск расположен от Якутска на расстоянии: 1010 км. наземным, 764 км. водным и 610 км. воздушным путями. Сегодня общая численность населения – 4296 чел. (01.01.2012 г.), из которых более 50% составляют эвенки, являющиеся коренным малочисленным народом Севера, более 30% - якуты, 15% - русские и 5% - остальные. Родовых общин – 42 [4, с. 8].

Вхождение Ленского края в состав Российского государства совпало с началом резкого демографического подъема якутского этноса. Как считают историки, к тому времени сложение якутского этноса уже было завершено [3, с. 28]. Их численность росла за счет не только естественного прироста, но и благодаря межэтническим бракам с тунгусами (эвенками), ламутами (эвенами), юкагирами и русскими.

Миграция якутского населения в северные улусы происходила по разным причинам. Якуты переселялись как самостоятельно, так и вместе с тунгусами и русскими. Основные факторы, побудившие якутов к миграции в северные районы, были социально-экономическими, прежде всего они были связаны с непомерно возросшим ясачным обложением дорогой пушниной (соболь, песец, лисица, горностай и пр.) жителей центральных улусов, откуда якуты убегали на окраины [3, с. 31].

Пришлым якутам пришлось приспособливаться к местным, еще более суровым условиям жизни на Крайнем Севере, в результате они стали заниматься теми промыслами, которыми занимались местные аборигены (рыболовством, охотой и добычей мамонтовой кости). Миграционный процесс продвижения на север в XVII века охватил и местное кочевое население Жиганского уезда, среди них чаще упоминаются три тунгусских рода (дол-

ганы, эдиганы и эдяны) и др., которые осваивали огромную территорию бассейнов рек Лена, Вилюй, Оленек, Жиганск, Анабар, оз. Ессей. Основной причиной постоянных откочевок для якутов и местного населения являлась охота на диких оленей, миграция которых и определяла их маршрут заселения северных территорий. В 1720-х годах в Жиганском и Оленекском зимовьях якутов было больше, чем тунгусов (в частности, якутов было 350 человек, местных – 115) [3, с. 35]. Спасаясь от эпидемии оспы, местное население искало другие незатронутые территории. Так происходило освоение северных территорий, расширялись границы Якутской области.

Третий слой мигрантов – русские – прибывал с востока и запада. Русские промышленники в основном были выходцами из русского Поморья, поэтому были знакомы с таежным образом жизни и мореплаванием. Однако, проживая в окружении эвенков и якутов, быстро усваивали якутский язык через межэтнические браки, поскольку промышленники приезжали без семей и часто вступали в брак с местными женщинами. Уже в середине XVII века образовалась своеобразная субэтническая прослойка, состоявшая из потомков русских от браков с местными женщинами [2, с. 57]. Были созданы условия для формирования таких субэтносов, как северные якуты-оленеводы, а также охотники и рыболовы в виде территориальных групп, получивших название по именам северных рек и озер (усть-янские, жиганские, ессейские и др.) [3, с. 28]. В Ленском крае в 40-х годах XVII века было от 2,5 до 3,5 тыс. человек русских промышленников и торговых людей. [3, с. 26]. По мнению И.С. Гурвича, в середине XIX века якуты, тунгусы и русские слились в одну культурную общность – группу северных якутов-оленеводов [1, с.171].

Эти сложные исторические и этнокультурные процессы нашли отражение в фольклоре северных якутов-оленеводов. Из наиболее ранних свидетельств того времени можно назвать записи исторических рассказов русских старожилов, жителей низовьев Индигирки, об их плавании к берегам Якутии еще в конце XVI – начале XVII веков, сделанные жиганским уездным землемером Ефимом Кожевным. Уже в первой половине XVIII века в Жиганске и Верхоянске были известны легенды и предания о некоей Агафье Жиганской, как злой чародейке и колдунье. Ее духа суеверно боялись как местное население, так и русские казаки вплоть до конца XX века.

Вопрос трансформации мифов и легенд о жиганской Аграфене может представить определенный интерес для сибирской фольклористики не только по времени бытования самих мифов и легенд (с середины XVIII века), но и по живучести в народном сознании и мировоззрении вплоть до конца XX века. Для локального фольклорного материала историография мифов и легенд о жиганской Аграфене достаточно разнообразна и неоднородна. Начиная с первых печатных упоминаний и кончая самими вариантами легенд и мифов об этой легендарной женщине, можно говорить о том, что процесс мифологизации ее образа не был завершен и окончательно

был запутан контаминацией в одном образе нескольких лиц, реально живших и существовавших в разное время и в разных местностях. Тем не менее можно констатировать тот факт, что под влиянием якутской фольклорной традиции (шаманских легенд о блуждающих духах-юёр) возник региональный цикл мифов и легенд о жиганской Аграфене. Очагами возникновения этого цикла можно назвать Жиганский, Верхоянский и Якутский округа. Но, окончательное оформление данного регионального цикла о жиганской Аграфене произошло во второй половине XIX века в Якутском округе.

В это время шло формирование и других циклов о знаменитых блуждающих духах-юёр среди якутов в центральной группе улусов Якутского округа. Объяснение этому можно увидеть в усилении шаманских традиций в мировоззрении народа. При этом формирование этих циклов происходило на основе топонимических мифов, связанных с культом духов-хозяев той или иной местности или водоема, представляющих собой сакральные территории (если они связаны с шаманами) и священные места поклонения местных жителей, возникших в результате обожествления мифологических духов-хозяев, непосредственно связанных с культом предков. Данный цикл за три столетия, естественно, претерпел большую трансформацию, соединившись с местными тунгусскими топонимическими мифами Жиганского уезда и якутскими шаманскими легендами Верхоянского округа.

Мифы и легенды о Жиганской Аграфене условно можно разделить на две тематические группы: 1) Об Аграфене (Огроели) и ее сестрах (от 2-х до 7); 2) О древней горе Баахынай и Эбэ Хая.

Ниже мы рассмотрим варианты мифов и легенд о жиганской Аграфене в той последовательности, в какой они появлялись в печати. Имя человека, написавшего первое произведение на любом языке, навеки сохраняется в истории народа. Таким человеком для якутов стал уроженец Жиганского улуса Афанасий Яковлевич Уваровский, автор первого литературного произведения на якутском языке «Ахтыылар» («Воспоминания»). Он был ярким представителем как раз той субэтнической прослойки, который, будучи рожденным от смешанного брака, впитал в себя культуру двух народов. Родился он в Жиганске в 1800 года. Его отец был русским обер-офицером, исправником Жиганского уезда, а мать – простой якутской женщиной. Афанасий с малых лет впитал в себя язык, культуру и религию двух народов. Мать, Екатерина Егоровна, научила сына богатству родного якутского языка и устного народного творчества якутов. Грамоте Афанасий выучился в доме русского дедушки. Его первыми учебниками стали церковные книги на русском языке.

«Воспоминания» А.Я. Уваровского впервые были опубликованы в 1848 году на якутском и немецком языках в Приложении к фундаментальному труду А.Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири». В 1851 году «Воспоминания» были напечатаны в труде О.Н. Бетлингк «О языке якутов» (-ber die sprache der Jakuten» von O. N. Buhtlingk, 1848) на якутском

и немецком языках [14, с.114-121].

В «Воспоминаниях» А.Я. Уваровского автор передает популярную легенду об Аграфене, указываются конкретные даты ее жизни в Жиганске, как реальной личности, при этом А.Я. Уваровский ссылается на свою бабушку, знавшую ее в лицо: «В середине минувшего столетия жила в Жиганске одна русская по имени Агриппина. Моя бабушка знала ее в лицо. Эта женщина слыла большой колдуньей: тот, кого она любила, считался счастливым, тот же, на кого она обиделась, считал себя крайне несчастным. Слово, произнесенное ею, воспринималось как слово самого Всевышнего. После того, как она этим путем приобрела доверие людей и состарилась, построила себе на расстоянии 2 кёсов (20 км – А.З.) выше Жиганска домик между скал и жила в нем. Никто не проходил мимо, не обратившись к ней, не получив ее благословения и не принеся ей что-нибудь в подарок... И после ее смерти до сих пор не проходят мимо того места, не повесив подарка. Эту старуху знают кроме жителей Жиганска также все якуты окрестностей Якутска... Рассказывают, что эта старуха прожила до 80 лет, что она была мала ростом, толста, ее лицо было испещрено оспой, глаза остры как утренняя звезда, ее голос звонок как звук железа. Ее имя до сих пор не забыто в северной стране» [15, с. 77].

Следует ли считать эти изложенные факты об Аграфене достоверными? Учитывая ссылку автора на реальное лицо (родную бабушку), от которого он получил точную информацию описания ее внешнего вида с указанием времени проживания Аграфены как исторического лица, можно допустить, что они наиболее близки к истине. Уваровский указывает, что Аграфена была русского происхождения. Однако при этом ее образ мифологизирован как образ злой и опасной колдуньи.

В 1858 году в петербургской газете «Золотое руно» была опубликована статья сибирского поэта Д.П. Давыдова из Верхне-Удинска (ныне г. Улан-Удэ) «О жиганских якутах и одной их легенде» и текст поэмы о жиганской Аграфене. Поэт, педагог и ученый Д.П. Давыдов приехал в Якутию в 1858 году в качестве смотрителя училищ (инспектора). Им были написаны на якутскую тему такие произведения, как «Амулет», «Тунгус», «Моя юрта» и поэма «Жиганская Аграфена» [10, с. 32-33]. Его стихотворения, в том числе и поэма «Жиганская Аграфена», были изданы в Иркутске лишь в 1937 году. По предположению историков, Д.П. Давыдов использовал в создании поэмы материалы, предоставленные А.Я. Уваровским, поскольку они находились в дружеских отношениях.

Д.П. Давыдов создает романтическую, поэтичную и трагическую историю. По его версии, юная христианка-сирота, жившая на острове, была загнана в угол одиночеством, холодом и голодом и в минуту смятения и отчаяния приняла совет сходить за помощью к жившему неподалеку старому богатому шаману. А тут как раз...:

Силы старца покидали,
Бедный в тайне изнывал.
Духи мучить начинали,
Он преемника искал.
Рад Таюк был гостье юной,
Он ей радости сулит.
Слово хитрое оюна (якутск.: шаман – *А.З.*)
Сердце девы шевелит.
Скоро все она решила
И дорогою домой
Медный крестик схоронила
Аграфена под волной [2, с. 6].

Получив в наследство шаманскую силу старика и его невидимых слуг, Аграфена-хотун зажила в холе и неге. Но однажды она съездила в Жиганск и случайно влюбилась в русского парня. Как утверждает поэт, и добрый молодец по наущению духов тут же воспыпал к таежной гостье страстью. Но, поняв, что шаманке и христианину не быть вместе, Аграфена, вернувшись домой, решила распроститься со своими духами. Она думала, что, «изменив однажды богу, трудно ль черта провести», однако все оказалось не так-то просто. Целый день удаганка (шаманка) пыталась уничтожить своего главного идола-барылаха – «в воду с камнем опускала, жгла в пылающих дровах», но «гасло пламя вокруг шайтана, из воды он выплывал». Под вечер ей ничего не оставалось делать, как только зарыть в овраге идола вместе с бубном-тюнгюром и колотушкой-былаяхом. Но в полночь раздался стук в дверь, и перед Аграфеной предстал умерший наставник-ойуун, который требует от неё своего главного идола-барылаха. Во время камлания злые духи шамана расправляются с Аграфеной и она умирает. Перепуганные такой расправой, охотники приносят жертву духу Аграфены и хоронят её.

Поэма Д.П. Давыдова «Жиганская Аграфена» стоит особняком в ряду сюжетов легенд об Аграфене вследствие того, что она получает свою шаманскую силу от старого шамана за отказ от своей веры. Сама поэма – романтическое, поэтическое произведение, основанное на легенде, циркулировавшей тогда в тунгусской, якутской и русской среде, дополненное фантазией поэта.

Легенду о жиганской Аграфене, но уже в другой интерпретации, мы находим в трудах ссыльного фольклориста и этнографа И.А. Худякова. Как известно, он находился в верхоянской ссылке в 1867-1875 годах. В третьей главе «Русские» своего знаменитого этнографического труда «Краткое описание Верхоянского округа» он дает интересную информацию об Аграфене, пользуясь местным материалом. В своем труде автор колдовство связывает больше всего с русским старожильческим населением, поскольку именно они «знают какой-то заговор и возят с собою палку в аршин длиною да и бьют ею колдунов» [18, с. 81]. Как пишет Худяков, «... оно (колдовство

– А.З.) развито главным образом по берегам Ледовитого моря, где на сто жителей (русских и инородцев) пятеро считают себя колдунами... Наконец, знаменитая шаманка Чуонах, насильственно окрещенная русскими, и после крещения выделяла шаманские штуки, так что стала предметом поклонения для русских, якутов и тунгусов (жиганская Аграфена)» [18, с. 143].

По шаманским легендам, отраженным в этнографическом труде Худякова, Чуонах была старшей дочерью якутского шамана Киктэй из Эгинского наслега Верхоянского округа. К двум сестрам посватались тунгусы и насильно женились, умертвив их родителей. Однако сестры недолго прожили у тунгусов, умертвив своей шаманской силой их скот и людей, и вернулись домой. Через некоторое время по запросу из России на лучших шаманов Чуонах увезли в Якутск. Там её окрестили Аграфеной, она выходит замуж за Антипина, но по возвращении из России в Якутск они живут там некоторое время и потом возвращаются домой на плоту по реке Лене. Вблизи небольшого острова Столбы около Жиганска они тонут вместе со своей приемной дочерью. С тех пор Аграфена стала блуждающим духом - юёр [17, с. 407-410]. Таким образом, в материалах Худякова Чуонах – якутская шаманка, принявшая православие и после смерти превратившаяся в юёр.

В «Предании о Жиганской Огропеле (Аграфене), русском черте» М. Овчинникова рассказывается о некоей Огропеле, сосланной начальством за какие-то грехи со своими сестрами на остров: «...А иные говорят, что это были не настоящие женщины, а черти в образе женщин, поселившиеся на острове для того, чтобы брать к себе людей, проезжающих мимо по реке. Долго якуты плавали на своих ветках (берестяных остроконечных лодках) мимо острова и всегда неблагополучно. То есть, каждый раз тонули. Пока один шаман, потерявший своего единственного сына между островом и берегом, не узнал по внушению свыше, что тут живут черти под видом женщин. Желаящему проехать мимо острова благополучно следует дать подарок чертям, заключающийся в том, что любят русские черти: табак, свечи, хлеб, ситец и др. Положить подарок в маленькую берестяную лодочку. Если лодочка поплывет к острову - это хороший признак, если же нет - плохой» [8]. Здесь образ Огропелы-Аграфены превращен в русского черта, получающего дары по местной традиции.

В «Материалах для изучения верований якутов» знатока и собирателя якутского дореволюционного фольклора, первого якутского поэта-просветителя А.Е. Кулаковского мы находим следующие уточняющие сведения: «Это была старая дева, мещанка г. Якутска, слышавшая за «аптаах» (колдунью) и умершая от сифилиса или проказы» [6, с. 46]. Далее Кулаковский приводит шаманское песнопение, в котором Аграфена упоминается как одна из сильнейших шаманских духов-юёр. Как видно из шаманских эпитетов к её имени, она предстает всемогущей якутской шаманкой, превратившейся в юёр. Сам Кулаковский весьма точно охарактеризовал этот персонаж шаманской мифологии: «После смерти некоторых людей появляется новое

существо, выдающее себя за умершего человека, за его душу-кут. Такое существо называется «юёр», и оно по всем признакам похоже на «абаасы» (злой дух – А.З.): оно причиняет людям разные болезни, а иногда и смерть... Юёр-ы, конечно, невидимы, но при желании могут показаться людям. Они очень капризны и требовательны, -требуют разные подарки, напр., водку, масло, монету, пушнину, скота и т.п. Говорят с людьми устами шаманов и менериков (истеричных – А.З.) [6, с. 46]. Наибольшей популярностью среди якутов пользуются следующие страшные юёр-ы», среди них жиганская Аграфена, из почтения называемая Тайахтаах» (с Тростью – А.З.) [6, с. 47].

Таким образом, А.Е. Кулаковский утверждает, что жиганская Аграфена – русская мещанка г. Якутска весьма сомнительной репутации. Здесь он, называя ее имя, приписывает ей прозвище её младшей сестры Настасьи (по другим вариантам) по прозвищу Тайахтаах (с Тростью).

Эту версию мы подтвердим материалами, записанными в 40-е годы XX века во время фольклорной экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР (ныне ИГиИПМНС СО РАН) научными сотрудниками А.А. Саввиным и С.И. Боло. Они собрали большое количество научного материала по фольклору и этнографии северных якутов, среди них две легенды про жиганскую Аграфену. В легенде «Северные абаасы» говорится о двух сестрах-шаманках, дочерях шамана Килтэс из Верхоянья. Старшую звали Аграфена, а младшую Далбар Чуонаак, которая выходит замуж за казака, от него у нее родилась дочь. По дороге из Якутска в Жиганск их плот сел на мель и Чуонах со всей семьей тонет, после чего она превратилась в блуждающего духа- юёр [12, л. 15-16].

По другому варианту «Северные старухи» Чуонах выходит замуж за казака Ефима, уроженца Тобольска, при крещении становится Аграфеной. Затем они уехали в Тобольск, жили там недолго. По возвращении уезжают в Булун через Жиганск. По дороге их плот садится на мель и, чтобы избавиться от лишнего веса, муж бросает приемную дочь за борт, не считаясь с женой. Однако все они тонет [13, л. 18-21].

В этих двух вариантах мы находим факты биографии двух сестер из Верхоянья, видимо, скорее младшей сестры, которую фольклорная память именует то Аграфеной, то Настасьей. Однако именно трагическая смерть этой семьи, особенно их дочери (приемной – другой вариант), безжалостно брошенной русским казаком (т.е. чужаком) в реку, поражает народное воображение и возникает причина для умилостивления духов-хозяев реки Лены или о. Столбы со стороны местных жителей за жестокий грех казака Ефима.

Этот факт лег в основу почитания этой горы, а Аграфена становится колдуньей или юёр-ем, который пугает путников и требует жертв.

Анализ и сопоставление фактов в этих вариантах мифов показывают, что речь идет о реально существовавших женщинах, сестрах-удаганках из Эгинского наслега Верхоянского округа, крещеных под именами Аграфена

или Настасья, однако именно трагическая гибель Настасьи и её семьи легла в основу поклонения о. Столбы, где и произошло это событие. В мифах происходит замена духа-хозяйки данной горы духом-юёр местной жительницы, Аграфены или Настасьи, сестры знаменитой удаганки Чуонах, на которую полностью переносятся все шаманские атрибуты старшей сестры. При этом обожествление жиганской Аграфены происходит строго по якутской традиции согласно культу предков и культу духов-хозяев сакральных территорий и священных мест.

Базовой основой появления подобных мифов является почитание священных и сакральных мест, сопровождавшихся в течение многих лет формированием шаманских мифов и легенд на местном материале. Такие мифы встречаются в фольклорной традиции почти всех северных народов. В якутской фольклорной традиции бытование таких произведений было повсеместным в силу широкого распространения шаманства среди якутов центральных улусов Якутии.

Две записи местного корреспондента М.Д. Попова «Старинные легенды Жиганского района» от 20 сентября 1950 г. опубликованы в книге «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» [11, с.210-218], Эти легенды «Древняя гора Баахынай» и «Человек с Вилюя у горы Аграфена» уточняют нашу версию о контаминации шаманских легенд в местные топонимические мифы о духах-хозяевах священных мест. В первой легенде «О древней горе Баахынай» живут три сестры-божества, которые решили изменить течение реки Лены. При этом они поссорились, каждая настаивая на своем. Младшая сестра, имя которой осталось неизвестным, настолько обиделась, что шаманской рукояткой отсекала треть древней горы Баахынай и ушла вниз по реке Лена. Средняя сестра Аграфена сделала то же самое, пожелав отправиться вслед за младшей сестрой по течению реки. Однако старшая сестра Мария обратилась с просьбой к Аграфене, и она её послушалась, села напротив старшей сестры, повернув переднюю часть горы на южную сторону, против течения, и села на землю, упершись ногами. С тех пор она нашла свое место и прославилась, стали спрашивать: «Это ли гора Аграфены?» [11, с. 213]. В мифе ярко отражены якутские наслоения в виде духов-хозяев земли, их диалога и т.д.

В другом, более позднем варианте, говорится о том, что эту гору раньше называли Эбэ Хая. Это сама дух-хозяйка священной горы стоит собственной персоной, превратившись в скалу, и охраняет путь в Заполярье, оберегая своих сородичей. А горой Аграфены она стала называться намного позже, в 60-е годы XX века, когда начался процесс разрушения фольклорной традиции [16, с. 45].

Во второй легенде «Человек с Вилюя у горы Аграфены» сохранен ранний тунгусский пласт, где духом-хозяйкой местности выступает тунгусская шаманка в расшитой одежде и просит в жертву от охотника его любимого щенка. Свою просьбу шаманка повторяет трижды и взамен дарит охотнику

изобилие пушной добычи [11, с. 215-217]. Подобные мифы имеются и у якутов, но в них вместо тунгусской шаманки охотник встречается с дочерью духа-хозяина тайги Баай Байаная.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Видимо, примерно в конце XVII века, действительно, жила женщина по имени Аграфена, по национальности то ли русская, то ли татарка, которая могла быть и дочерью купца, возможно, в Жиганский острог попала, отравив собственного мужа. Во время ссылки она занималась знахарством, лечила заговорами, чем сумела завоевать доверие местных жителей. Исцеленные ею местные жители приписывали ей колдовские, волшебные силы. Именно этот факт является ядром легенд об Аграфене. Далее эти рассказы, передаваясь из уст в уста, дополнялись фантастическими элементами.

С другой стороны, мифологизация образа Аграфены в течение трех столетий (XVIII-XX века) шла по пути наслоения местных фольклорных мотивов, где базовую основу цикла об Аграфене составили местные мифы о духах-хозяевах священных мест, в которых тунгусский пласт является наиболее древним. Якутское напластование идет за счет шаманских мифов, связанных с верхоянским материалом о знаменитой удаганке Чуонах, видимо, также реально жившей в XVIII веке в Эгинском наслеге Верхоянского округа. Но она, возможно, в крещении также Аграфена (или Настасья) дает этим мифам лишь свое имя и атрибуты удаганки. Это наслоение ярко отражено в мифах о древней горе Баахынай, где три сестры-божества, как и в других мифах, делят между собой остров. Этот топонимический миф появления данной горы в виде Столба мог возникнуть очень давно, об этом свидетельствует мотив ссоры между двумя или тремя мифологическими сестрами, ставшими при дележе духами-хозяйками реки Лены, священной горы Баахынай и острова. Здесь налицо контаминация нескольких местных мифов и легенд о духах-хозяевах природы, их почитание в виде хозяев священной горы, реки Лены и острова (якутский и тунгусский пласты) и, наконец, полное слияние с образом русской женщины, колдуньи, вошедшей в легенды под именем жиганской Аграфены (поздний русский пласт).

Такая трансформация мифов и легенд о жиганской Аграфене в итоге приводит к формированию символического образа языческого божества как хранительницы всего Заполярья. С наступлением новой советской идеологии эта трансформация так и не завершилась окончательно.

Литература

1. Гурвич, И. С. *Культура северных якутов-оленьеводов* / И. С. Гурвич. – М., 1977. – 247 с.
2. Давыдов, Д. П. *Жиганская Аграфена* / Д. П. Давыдов. – Жиганск, 1992. – 12 с. : ил.
3. Дьяченко, В. И. *Охотники высоких широт : Долганы и север. якуты* / В. И. Дьяченко. – СПб. : Европ. дом, 2005. – 272 с. : ил.
4. *Жиганский улус : История. Культура. Фольклор* / сост. М. И. Шадрина ; ред. И. И. Николаев. – Якутск, 2002. – 136 с.

5. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар : очерки по древней истории якутов : в 2-х кн. / Г. В. Ксенофонтов. — Якутск, 1992. - Т. 1 – 416 с.
6. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
7. Мой любимый край : Худож. лит. публицистика / сост. : А. Н. Саввинова, А. В. Корякина. – Якутск : Бичик, 2002. – 170 с. : ил. – Якут., рус.
8. Овчинников М. Предание о Жиганской Огропеле (Аграфене), русском черте / М. Овчинников // Этногр. обозрение. – 1897. - № 3. – Т. 1- 4.
9. Парникова, А. С. Расселение якутов в XVII-начале XX в. / А. С. Парникова. – Якутск, 1971. – 151 с.
10. Пасютин, К. Ф. Якутия в русской художественной литературе : (доокт. период) / К. Ф. Пасютин. – Якутск : Кн. изд-во, 1964. – 72 с.
11. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. : Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. – Новосибирск : Наука, 1995. – 400 с. - (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
12. Северные абаасы : [зап. А. А. Саввин 11 февр. 1940 г. ; исп. Д. Бурцев] // Арх. ЯНЦ СО РАН .- Ф.4. - Оп.12. - Ед. хр. 68. - Л.15-16.
13. Северные старухи : [зап. А. А. Саввин 6 февр. 1940 г. ; исп. М. Е. Рожин] // Арх. ЯНЦ СО РАН. - Ф. 4. - Оп. 12.- Ед. хр. 68. - Л.18-21.
14. Туголуков, В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. – М., 1985. – 284 с.
15. Уваровский, А. Я. Ахтыылар = Воспоминания / А. Я. Уваровский. – Якутск : Бичик, 2003. – 208 с. : ил.
16. Фольклор Жиганского улуса (XVIII-XX вв.) : диплом. проект Руфовой С.А., студентки V к., науч. рук. А. Е.Захарова. - Якутск, 2013. – 120 с. : ил. - Рукоп.
17. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. – Л. : Наука, 1969. – 439 с.
18. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа : отдел. гл. / И. А. Худяков. – Якутск : Бичик, 2002. – 208 с.

Заключение

Данный коллективный труд создан представителями разных социогуманитарных наук, общественных и творческих деятелей, стремящихся сознательно и последовательно внедрить результаты своей деятельности в конструирование лучшего будущего народов Арктики, воплотить их в культуротворческую практику современности. Как обустроить жизнь в Арктике, чтобы здесь не выживали, а жили достойной благополучной одухотворенной жизнью? Авторы данной монографии, отчетливо осознавая свой гуманитарный долг, отличаются пристрастной честностью, свободой совести и деятельным вниманием к применению их трудов на практике.

Известно, что знаменитый английский геополитик Х. Дж. Маккиндер называл Россию хартлендом, осевым государством, служащим стабилизатором мировых процессов. Учитывая, что Россия реально является арктической державой, вполне правомерно предположить, что именно культура Российской Арктики как живой капитал планеты будет определять стратегию формирования нового социокультурного интегрального мирового сообщества. Следовательно, предмет данной монографии выходит далеко за пределы научных интересов коллектива авторов. Подобно тому, как таяние льдов Северного Ледовитого океана открывает морское сообщение между континентами, так же открываются перспективные направления международного научно-гуманитарного сотрудничества по проблемам культуры Арктики.

Социально-научные исследования Арктики конструируют единый арктический мир, призванный утверждать экогармоничные ценности человечества перед угрозой глобальных изменений климата и внедрять гуманитарные ценности перед угрозой потери этнокультурного разнообразия человечества на высоких широтах планеты. Арктика множественна в территориально-административном, религиозном, лингвистическом, этнокультурном, природно-климатическом, надгосударственном смыслах. Аксиологическая картина арктического мира объединяется у коренных народов благодаря преклонению перед Оленем как вечным источником жизни человека, обитающего на земле, скованной льдами вечной мерзлоты.

Культура Арктики – полицентричное явление, сочетающее традиционалистские и техногенные векторы развития. Узел проблем замыкается в противоречиях традиционного природопользования коренных народов Арктики и недропользования, не нацеленного на природосбережение и народосбережение. Как справедливо отмечает Д.Н. Замятин, Северная Евразия до сих пор является полупустым отображением вполне европеизированных и односторонних, однонаправленных знаково-символических конструкций, призванных хоть как-то описать *tabula rasa* малочисленных коренных народов, чьи географические образы практически либо не репрезентируемы, либо не репрезентированы в рамках внешних по отношению к ним коммуникативных дискурсов.

Коллективная монография нацелена на «оживление» Арктики реальными и художественными образами, голосами арктического человека. Противоречивая реальность арктических проблем преломляется через оптику государственных, корпоративных, национальных интересов, в боковом зрении которых остаются заботы и надежды коренных народов. Монография предоставила открытую площадку для научных дебатов ученых, представляющих ценности и картину мира своих коренных народов, с учеными, выполняющими научные исследования по государственным заказам и интересам фондов. Третьим участником данной дискуссионной площадки является вдумчивый читатель, интересующийся проблемами культуры Арктики. Монография побуждает креативную энергию достоинства интегративного типа арктического человека, осознающего свою преобразующую роль творца экогуманитарных ценностей.

Объять необъятную Арктику – такова перспективная цель перед исследователями социогуманитарных проблем, чтобы арктическая культура развивалась на принципах свободы и сотрудничества в условиях постоянно меняющегося природно-культурного ландшафта. Только тогда циркумполярный мир Арктики станет единым в своей культурной многообразии и выполнит свою миссию стабилизатора мировых процессов.

У.А. Винокурова,
доктор социологических наук

РЕЗЮМЕ SUMMARY

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРА АРКТИКИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ CHAPTER I. THE ARCTIC CULTURE IN THE GLOBAL WORLD

МИРОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ – ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

А.С. Кожемяков

Разработана концепция «разумной достаточности», учитывающая положения международно-правовых документов в данной области. Принятая всеми заинтересованными сторонами, «разумная достаточность» могла бы стать одним из новых принципов для выработки в изменившихся исторических условиях взвешенной политики и практики регулирования таких отношений.

WORLD'S CULTURES AND CIVILIZATION: A VIEW FROM THE XXI CENTURY

A.S. Kozhemyakov

The concept of «reasonable sufficiency» has been developed, taking into account the positions of the international legal documents in the field. Accepted by all stakeholders, «reasonable sufficiency» could become one of the new guidelines for the development of the balanced policy and practice of regulating such relations in the changed historical conditions

КУЛЬТУРА АРКТИКИ – ЖИВОЙ КАПИТАЛ ПЛАНЕТЫ

К.И. Шилин, У.А. Винокурова

Культура есть творение живой природы и человека, выступая как выражение и утверждение жизни. Осмысливается культура Арктики в экологическом измерении Живой реальности Живого капитала планеты. Обосновываются экогармоничные ценности культур, созданных на основе креативного труда в природно-климатических условиях Арктики. Арктика может послужить системой глобальных критериев различения экофильного и экофобного для всего мира.

ARCTIC CULTURE IS A LIVE CAPITAL OF THE PLANET

K.I. Shilin, U.A. Vinokurova

Culture is a creation of nature and a man, being as an expression and affirmation of life. The culture of the Arctic in the environmental dimension of reality and Living capital of the planet is being comprehended. Eco-harmonious values of culture based on creative work in the climatic conditions of the Arctic are being substantiated. The Arctic could serve as a system of global criteria of distinguishing eco-philous and eco-phobic things for the world as a whole.

ГЕОКУЛЬТУРА И ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Д.Н. Замятин

Характеризуются ключевые аспекты исследований геокультуры и геокультурного пространства. Описываются основные подходы к изучению взаимодействия локальных цивилизаций с окружающей средой. Вводится понятие геоспациализма, даётся его подробная интерпретация. Анализируется когнитивная ситуация, сложившаяся в исследованиях российской цивилизации и её локальных инвариантов. Делаются выводы о проблемах и перспективах дальнейших исследований российского геокультурного пространства.

GEOCULTURE AND GEOCULTURAL AREA:
KEY POSITIONS AND INTERPRETATIONS

D.N. Zamyatin

Key aspects of the geo-culture and geo-cultural area are characterized. The author describes the main approaches to the study of interaction of local civilizations with the environment. He introduces the concept of geo-spacialism, its detailed interpretation is given. He analyzes the cognitive situation in the studies of the Russian civilization and its local invariants. Conclusions about the problems and prospects for further studies of the Russian geo-cultural area are made.

КОРЕННЫЕ КОСМОПОЛИТЫ. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА И АКТИВИЗМ В
СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

М. Балзер-Мандельштам

Рассмотрены определения автохтонности, представлены ситуации в разных регионах, которые передают то, как и почему коренные жители вынуждены жить в городских условиях. Показаны причины оставления ими своих обжитых мест и их «притяжение» к городской жизни. Республика Саха (Якутия), где автор провела большинство своих исследований, начиная с 1986 года, является относительно положительным примером в этом отношении.

INDIGENOUS COSMOPOLITANS. ECOLOGICAL PROTECTION AND ACTIVISM IN
SIBERIA AND IN THE FAR EAST

M. Balzer-Mandelstam

Definitions of indigeneity are discussed, featuring cases in diverse regions that show a pattern of how and why indigenous people have been driven to urban environments, for «push» (forced migration) as well as «pull» (urban attraction) reasons. The Sakha Republic (Yakutia), where the author has done fieldwork since 1986, is analyzed as a relatively positive case with still serious problems.

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ

Ю.В. Попков

Проблема сохранения и развития коренных народов рассматривается как глобальная проблема современности, индикатором которой является принятие важных международных нормативно-правовых документов, провозглашающих систему особых прав, направленных на сохранение самобытности данных народов. Показана двойственная роль аборигенного права, создающего законодательную основу, с одной стороны, для реализации особого пути развития, в основе которого лежат ценности традиционной культуры и традиционного образа жизни как способа адаптации к конкретным природно-географическим условиям, с другой – для интеграции коренных народов в современное общество благодаря признанию их равенства среди остальных субъектов общественного развития, что выступает необходимой предпосылкой адаптации к современным социальным условиям. В свою очередь этнокультурное разнообразие осознается в качестве одного из необходимых условий жизнеспособности глобального социума. Критически оцениваются стратегические ориентиры современной государственной политики Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, делается вывод о необходимости переосмысления ее концептуальных оснований. В этой связи обосновывается комплекс конкретных предложений, направленных на необходимость проведения субъектно-ориентированной политики в отношении народов Севера. Суть предлагаемого концептуального подхода состоит в создании системы учета и реализации на практике социокультурного потенциала каждого из народов и механизма его задействования в процессе современного развития.

INDIGENOUS MINORITY PEOPLES OF THE NORTH IN THE CONTEMPORARY WORLD: CONCEPTUAL ISSUES OF DEVELOPMENT

Yu.V. Popkov

The problem of preservation and development of indigenous peoples is seen as a global issue of our time, which is demonstrated by important international legislation that proclaims a system of special rights, aimed at the preservation of originality of these peoples. The double role of aboriginal law is shown which, on the one hand, creates a legislative framework for a special development path, which is based on the values of traditional culture and traditional way of life as a way to adapt to the specific natural and geographical conditions. On the other hand, it is a path for the integration of indigenous peoples into the modern society by recognizing their equality among other subjects of social development, which is a necessary prerequisite for adaptation to modern social conditions. In turn, ethnic and cultural diversity is recognized as one of the necessary conditions for the viability of the global society. The text critically assesses the strategic guidelines of the state policy of the Russian Federation in relation to indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, and offers the conclusion about the need to rethink their conceptual foundations. In this regard, a set of concrete proposals is made for adopting a subject-oriented policy toward the peoples of the North. The core of the proposed conceptual approach is creating a system of accounting and practical

implementation of the socio-cultural potential of each of the peoples and the mechanism of its engagement in the process of modern development.

ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ АРКТИКИ

CHAPTER II. SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF THE ARCTIC

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРА РОССИИ

Г.А. Пестова

Рассматриваются проблемы сохранения традиционной культуры коренного населения Севера России, говорится об ущербе, нанесенном техногенной цивилизацией традиционному укладу жизни северных народов, и о возможных путях сохранения многовековой уникальной культуры коренных этносов Севера в условиях модернизации общества.

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF MODERNIZATION IN NORTH OF RUSSIA

G.A. Pestova

The author considers the problems of the traditional culture preservation of the indigenous population of the North in Russia. She presents the damage done by technogenic civilization to traditional lifestyle of northern peoples and possible ways to conserve the unique centuries-old culture of the indigenous ethnic groups of the North in the terms of modernization of a society.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ АРКТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

С.С. Игнатьева

Анализируется сущность культурологического подхода в рассмотрении человеческого капитала как социально-культурного ресурса региона для обеспечения успешной культурной модернизации и развития культурного капитала. Также рассмотрены приоритетные направления региональной культурной политики, создающие условия для актуализации человеческого капитала и культурных традиций.

HUMAN CAPITAL AS A RESOURCE FOR CULTURAL MODERNIZATION OF THE ARCTIC: REGIONAL PERSPECTIVE

S.S. Ignatieva

The essence of cultural approach in the consideration of human capital as a socio-cultural resource of the region for ensuring successful cultural modernization and development of cultural capital is analyzed. The priority areas of regional cultural policies are considered that create conditions for mainstreaming human capital and cultural traditions.

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

В.И. Сморчкова

Дан обзор современного состояния и развития сферы культуры в Ямало-Немецком автономном округе (ЯНАО), проанализирована структура системы управления на федеральном, региональном и муниципальном уровне, предложены пути совершенствования управления развитием сферы культуры с учетом региональных особенностей. Показана необходимость в арктическом регионе применять стратегическое планирование развития культуры.

CULTURAL CHANGES IN THE MANAGEMENT OF THE ARCTIC REGION

DEVELOPMENT

V.I. Smorchkova

The author presents a review of the current status and culture development in the Yamal-Nenets Autonomous District (YNAD), he analyzes the structure of the management system at the federal, regional and municipal level, offers the ways to improve the management of the culture development with regard to regional features. The author states that it is necessary to apply strategic planning for the culture development in the Arctic region.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ

С.Х. Хакназаров

Вопросы социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера (КМНС) были и остаются актуальными в современных условиях для России, около 70% территории которой расположено в зоне Севера. В условиях перехода к рыночной экономике КМНС оказались во многих отношениях в более сложном положении, чем другие народы, проживающие в данном регионе. Сложное положение выявлено в следующих сферах: жилищно-бытовой, трудоустройства, медицинской, материальной и т.д. Обобщаются результаты социологических исследований, проведенных автором в 2006-2013 гг. и анализируются динамика взглядов населения Нижневартовского района Югры на проблемы социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера.

SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT PROBLEMS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE NIZHNEVARTOVSK REGION OF UGRA

S.Kh. Khaknazarov

Issues of social and economic development of the indigenous small peoples of the North (ISPN) were and remain actual in contemporary conditions for Russia, about 70 % of the territory of which are located in the North zone. In the terms of transition to the market economy indigenous peoples of the North appeared in many respects in more difficult situation, than other people living in this region. The difficult situation is revealed in the following spheres: domestic, employment, medical, material, etc. The results of the sociological researches carried out by the author in 2006-2013 are generalized and dynamics of views of the population in the Nizhnevartovsk region of Ugra on the problems of social and economic development of the indigenous small Peoples of the North are analyzed.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В АРКТИКЕ

CHAPTER III. THE CULTURE OF THE LIVELIHOOD IN THE ARCTIC

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ – СИСТЕМА КУЛЬТУР ИЛИ СУММА ТЕХНОЛОГИЙ?

Л.С. Богословская

Рассмотрены два направления в развитии Российской Арктики и её коренного населения. Первое – динамичное развитие традиционных сообществ людей, живущих «внутри» экосистем и стремящихся сохранять исходный уровень биологического разнообразия и продуктивности своих культурных ландшафтов. Второе – промышленное освоение природных ресурсов Арктики, ведущееся вахтовым

методом в «ненормально короткие» сроки, не совместимые с адаптивными возможностями биоты и сообществ коренного населения. К сожалению, именно это направление, то есть увеличение «суммы технологий», является на сегодня государственной стратегией развития Российской Арктики.

IS THE FUTURE OF THE RUSSIAN ARCTIC A SYSTEM OF CULTURES OR A SUM TOTAL OF TECHNOLOGIES?

L.S. Bogoslovskaya

Two trends in the development of the Russian Arctic and its indigenous population are considered. One is a dynamic development of traditional human communities living «inside» ecosystems and striving to retain their numbers and the original level of biological diversity and productivity of their cultural landscapes. The other is industrial development of natural resources of the Arctic by the rotational team method within «abnormally short» periods, incompatible with the adaptive potential of the biota and the human indigenous communities. Unfortunately, it is the latter trend, i.e., an increase in the sum total of technologies is the actual strategy of the development of the Russian Arctic.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

O.A. Мурашко

Традиционные знания, традиционное мировоззрение, включая представления о взаимоотношениях этнической общности с окружающей их природной, социальной и культурной средой, социально-культурные связи, духовные ценности, стереотипы межличностных и общественных отношений, обычаи коренных народов, являются составной частью этнокультурной среды, традиционного образа жизни и той нематериальной основой, без которой невозможно этнокультурное развитие и жизнеобеспечение народов.

На примере культуры тундровых оленеводов Ямала сделана попытка наглядно представить спектр традиционных знаний и мировоззрений, связанных с культурой жизнеобеспечения ненцев – оленеводов, провести инвентаризацию его объектов, нуждающихся в защите, и рассмотреть их как креативный (созидательный) потенциал, как условие будущего этнокультурного развития самособеспечиваемого и саморегулируемого традиционного этнического общества. Предложен краткий обзор правовых основ защиты нематериального культурного наследия, содержащихся в федеральном, региональном законодательстве, а также в международных документах. Приведен пример возможных практических рекомендаций по защите нематериальных основ культуры жизнеобеспечения в условиях потенциального воздействия проекта промышленного освоения территории Ямальского района, разработанный на базе законодательных норм и в связи с задачами их реализации в Ямало-Ненецком автономном округе.

ISSUES OF PROTECTING THE CULTURE OF LIFE SUPPORT OF INDIGENOUS PEOPLES UNDER THE CONDITIONS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE ARCTIC

O.A. Murashko

Traditional knowledge, traditional outlook including looks on relations of ethnic identity with surrounding natural, social and cultural environment, social and cultural links, spiritual values, stereotypes of interpersonal relations, customs of indigenous peoples are an integral part of ethnocultural environment, traditional way of life and that non-material basis without which ethnocultural development and life support of indigenous peoples are impossible.

In this article an attempt was made by taking the example of the culture of tundra reindeer breeders to present the variety of traditional knowledge and outlooks connected with the culture of life support of Nenets reindeer breeders, to perform stock-taking of its objects which require protection, and explore them as creative potential, as a condition of future ethnic and cultural development of self-sustained and self-regulated traditional ethnic community. The review of legal means of protection of non-material cultural heritage present in federal and regional legislation, in international norms and standards is given. Further there is an example of possible practical recommendations for protection of non-material basics of culture of life support under conditions of potential influence of the project of industrial development of Yamal district, developed on the basis of legislative norms with a view of the relevant tasks for their implementation in Yamalo-Nenets Autonomous District.

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

С.М. Зуев

На основе изучения основных видов традиционного природопользования в ЯНАО установлено, что развитие промышленности приводит к росту экономики региона, но при этом всегда сопровождается изъятием земель под строительство промышленных и инфраструктурных объектов, что приводит к повышению нагрузки на экосистемы и сокращению мест традиционного природопользования, а также отражается на социально-экономическом положении семей коренных малочисленных народов Севера, занятых в традиционных отраслях хозяйствования. Предлагается совершенствовать законодательство в области традиционного природопользования на федеральном и региональном уровне, а также принять меры по сохранению и развитию традиционного природопользования в Ямало-Ненецком автономном округе на ближайшую перспективу.

TRADITIONAL LAND USE IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

S.M. Zuev

The problem of preserving traditional nature of Indigenous Peoples of the Yamalo-Nenets Autonomous District in the conditions of intensive industrial development is discussed.

It is revealed on the basis of studying the main types of traditional nature in YNAD that industrial development leads to economic growth in the region, but it is always accompanied by the withdrawal of land for the construction of industrial and infrastructure objects, which leads to increased pressure on ecosystems and reduces traditional land, as well as it influences on the socio-economic situation of the families of indigenous peoples engaged in traditional industries of farming.

Based on the research, the authors propose to improve the legislation in the field of traditional land management at the federal and regional level. They offer to take steps in the conservation and development of traditional land in the Yamal-Nenets Autonomous District in the nearest future.

ГЛАВА 4. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДОВ АРКТИКИ

CHAPTER IV. THE IDENTITY OF THE ARCTIC PEOPLES

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

У.А. Винокурова

Выявлены геокультурные особенности арктической циркумполярной цивилизации: традиционные знания об особенностях ландшафта; сонастроенность на пространство; следование ритму природы; духовная связь с исконной средой обитания предков; энергоинформационные знания и ценности; феномен странствующего селения; феномен духовной связи с местом рождения.

Доказывается ценность взаимопомощи как фундаментального фактора эволюции в суровых условиях Арктики. Определен социокод арктической цивилизации, состоящей из системы трёх ведущих ценностей: власть над судьбой; культурная целостность как принадлежность к жизнеспособной местной культуре; ценность природы, выражающейся в коэволюции с исконной средой обитания.

GEO-CULTURAL FEATURES OF THE ARCTIC CIRCUMPOLAR CIVILIZATION

U.A. Vinokurova

Geo-cultural features of the Arctic circumpolar civilization are revealed: traditional knowledge about the features of the landscape; attunement to the space, following the rhythm of nature, spiritual connection with ancestors habitat, energy-information knowledge and values; phenomenon of nomadic village; phenomenon of spiritual connection with the birthplace.

The author considers the value of mutual aid as a fundamental factor of the evolution of the severe Arctic conditions. She defines Socio-code of the Arctic civilization, consisting of a system of three major values: power over destiny; cultural integrity as belonging to a viable local culture, the value of nature, which is expressed in the co-evolution with ancestral habitat.

АРКТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

И.Л. Набок

Обосновывается и определяется содержание понятия «арктическая идентичность», которое рассматривается на двух уровнях – уровне идентичности государства и уровне идентичности коренных народов циркумполярной зоны. Подчеркивается, что одна из важнейших задач современной науки – комплексное, междисциплинарное изучение уникального культурного опыта арктических народов, создавших в экстремальных природно-климатических условиях своеобразную циркумполярную цивилизацию. Здесь не только человек адаптируется к природе, но и природа адаптируется к человеку. Поскольку в арктических регионах проживают народы, имеющие культурные различия, разные языки и традиции, то арктическая идентичность должна быть толерантной, допускающей такое разнообразие, а также взаимодействие культур. Арктическая идентичность коренных народов может быть рассмотрена и как важная часть их этнической идентичности, и как особый вид этнорегиональной идентичности. В отличие от региональной идентичности, ориентированной на территориальность, этнорегиональная идентичность ориентирована на полиэтничность региона, на развитие их культурного взаимодействия. Автор утверждает, что этнорегиональная идентичность может исполнять роль связующего звена, «мостика» между этнической и гражданской (общенациональной) идентичностью, противопоставление которых стало в последнее время одной из тенденций российской национальной политики. Об этом говорят некоторые реформы российской системы образования, не учитывающие специфику арктических регионов, культурные особенности коренных арктических народов. Так, например, стало необязательным изучение родных языков, во многих регионах из-за малой

численности учащихся закрываются школы. В то же время решение этих проблем часто берут на себя региональные администрации. Так происходит и в Республике Саха (Якутия), и на Ямале, где, в частности, развивают кочевую форму обучения.

THE ARCTIC IDENTITY OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE CIRCUMPOLAR ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

I.L. Nabok

The author substantiates and defines the notion «Arctic Identity», which is considered at two levels - the level of the identity of the state and the level of the identity of indigenous peoples of the circumpolar zone. It is emphasized that one of the major problems of modern science is a comprehensive, interdisciplinary studies of unique cultural experience of the Arctic peoples, who created the unique circumpolar civilization in the extreme climatic conditions. Here not only the person adapts to nature, but nature adapts to a person. Because in the Arctic regions there are people who have cultural differences, different languages, and traditions, Arctic identity must be tolerant, permissive such diversity, and interaction of cultures. Arctic identity of indigenous peoples can be defined as an important part of their ethnic identity, and as a special kind of ethno-regional identity. Unlike regional identity-oriented territoriality, ethno-regional identity is focused on polyethnic region, the development of their cultural interaction. The author argues that the ethno-regional identity may perform the role of a «bridge» between the ethnic and the civic (national) identity, the opposition which has become one of the trends of the Russian national policy. Some reform of the Russian education system does not take into account specifics of the Arctic regions, the cultural characteristics of indigenous Arctic peoples. For instance, in many regions it was not necessary to study their native languages. Due to the small numbers of students schools are closed. But the solution of these problems is often taken by the regional administration. So it is taking place in the Republic of Sakha (Yakutia) on the Yamal Peninsula, where, in particular, a nomadic form of teaching has been developing.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ЭТИКЕТ И КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ ТУНГУСОВ (АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ И ВЫБОР НОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ)

С.А. Алексеева

Предпринимается попытка проведения историографического анализа существующей историко-этнографической литературы по традиционному этикету и культуре поведения тунгусов. До сих пор традиционный этикет тунгусов не являлся предметом специального научного исследования, имеющаяся литература не дает сколько-нибудь цельного представления об эволюции этикета у тунгусов. Анализ истории вопроса убедительно показывает, что к настоящему времени необходимы специальные изыскания по реконструкции этикета и традиционной культуре поведения тунгусов.

ETHNIC DIPLOMACY: THE ETIQUETTE AND CULTURE OF TUNGUS' BEHAVIOR (THE ANALYSIS OF THE TRADITIONAL MODELS AND CHOICE OF A NEW COMMUNICATIVE STRATEGY)

S.A. Alexeeva

The author makes an attempt to carry out the historiographic analysis of existing historical and ethnographic literature on traditional etiquette and culture of behavior Tungus. Still the traditional etiquette of Tungus wasn't a subject of the special scientific research, available literature doesn't give a little integral idea of Tungus' etiquette

evolution. Analysis of the history of the issue clearly shows that a special research on the reconstruction of etiquette and behavior is required nowadays.

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА ОЛОНХО)**

Г.С. Попова

На основании разработанной типологии родов и видов идентификации показывается, что проблемы в процессах социализации и инкультурации личности, в межкультурной коммуникации можно и нужно решать путем «очеловечивания» человека – формированием адекватной этнокультурной самоидентификации, где решающую роль играет «творческая» идентичность личности.

**IDENTIFICATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH (BASED ON THE MATERIAL
OF THE OLONGKHO EPIC SONGS)**

G.S. Popova

Based on the outlined typology of identification it is shown that the problems in the processes of socialization and inculturation of a person in crosscultural communication can be solved through the way of «humanization» of a person – by formation of adequate ethno-cultural self-identification, where the leading role is paid to the «creative» identity of a person.

**ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГРАФИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ «КАРТИНЫ
МИРА» МОЛОДЕЖЬЮ АРКТИКИ**

М.А. Абрамова

Автором представлен анализ понятия «картина мира». Применение междисциплинарного социально-философского, социологического, социально-психологического и культурологического подходов для анализа графических образов сделало возможным выявление как универсальных, так и этнообусловленных графических символов. Автор на основе изучения графических репрезентаций молодежи базовых ценностей культуры – семья, добро и зло – приходит к выводу о существовании «мультикультурности» как свойства картины мира современной молодежи Арктики.

**THE GENERAL AND THE PARTICULAR
IN THE GRAPHICAL REPRESENTATIONS
OF THE «WORLD PICTURE» BY THE YOUTH OF THE ARCTIC**

M.A. Abramova

The author presents the concept of «picture of the world». Application by the author of interdisciplinary socio-philosophical, sociological, socio-psychological and cultural studies approaches for the analysis of graphic images made it possible to identify both universal and culturally appropriate graphic symbols. The author refers to the study of graphical representations of youth basic cultural values: family, good and evil. She comes to the conclusion about the existence of «multiculturalism» as the properties of the picture of the world of contemporary youth of the Arctic.

**ГЛАВА 5. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В АРКТИКЕ
CHAPTER V. CULTURAL PRACTICE IN THE ARCTIC**

**АРКТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ САХА
(ЯКУТИЯ)**

А.С. Борисов

За годы постсоветского периода Республика Саха (Якутия) стала инициатором многих проектов по восстановлению «связующих нитей» единого культурного пространства, по продвижению культурного разнообразия Российской Арктики, что выражается в творческих стилях деятелей культуры и искусств, в символах и смыслах создаваемого культурного пространства, в приверженности к духовным ценностям народов республики и в международной культурной деятельности. Разработана «Культурная пирамида» как осмысление арктической культуры, основанной на северном космозисме и экософии. Культуроустроительная энергия Якутии развивает арктическое направление, выражая сущность духовных устремлений народов, населяющих климатическую зону вечной мерзлоты.

ARCTIC DIMENSION OF THE CULTURAL POLICY
OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

A.S. Borisov

Over the years of the post-Soviet period, the Republic of Sakha (Yakutia) has initiated many projects to restore «binder yarns» of the common cultural space, to promote the cultural diversity of the Russian Arctic, which is expressed in the creative styles of craftsmen, in the symbols and meanings of cultural space, incommittment to the spiritual values of the peoples of the republic and in the international cultural activities. «Cultural Pyramid» as a reflection of the Arctic culture based on northern cosmism and ecosophy has been developed. Culture creating energy of Yakutia is developing the Arctic direction, expressing the essence of the spiritual aspirations of the peoples inhabiting the permafrost zone.

М.Е. НИКОЛАЕВ ОБ АРКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев

Проводятся систематизация и обобщение идей М.Е. Николаева об арктической философии. Арктическая философия рассматривается как составляющая философии Севера – способа бытия мировой философии, дополнительного по отношению к восточной и западной философии. Показано, что характер и содержание арктической философии М.Е. Николаев рассматривает в обусловленности особенностями циркумполярной культуры и арктической цивилизации. Арктическая философия идентифицируется как северный вариант философии жизни с определяющими ценностями меры и национального прагматизма, будущего, разума и коллективной воли к жизни, оптимизма и гуманизма. Важное значение имеет положение М.Е. Николаева о нравственности как основе циркумполярной культуры. Это положение позволяет выдвинуть социально-философский принцип нравственно-го детерминизма, т.е. ведущей и определяющей роли нравственных отношений в обеспечении жизнеспособности арктических сообществ.

M.E. NIKOLAEV ABOUT ARCTIC PHILOSOPHY

Yu. V. Popkov, E.A. Tyugashev

A generalized summary of M.E. Nikolaev's thoughts on Arctic philosophy is presented. Arctic philosophy is viewed as a part of the philosophy of the North, a mode of being of the world philosophy, in addition to eastern and western philosophy. It is shown that M.E. Nikolaev views the nature and content of Arctic philosophy as conditioned by the features of the circumpolar culture and Arctic civilization. Arctic philosophy is identified as a northern variant of the philosophy of life with the defining values of measure and national pragmatism, the future, the mind and collective will to life, optimism and humanism. Of importance is M.E. Nikolaev's idea on morality as the basis of the

circumpolar culture. This provision allows to advance the socio-philosophical principle of moral determinism, the leading and decisive role of moral relations in ensuring the viability of Arctic communities.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДА СААМИ

Л. Холмберг

Автор делится опытом деятельности Саамского образовательного центра Финляндии, в котором ведется работа над разработкой новой модели ведения хозяйства саами. Модель должна поддерживать как отдельную семью, так и целую общину в производстве, например, оленины, ручных изделий народного творчества или в занятии туристической деятельностью. Образовательные программы дают надежду и уверенность в сохранении традиционной культуры саамских народов, важнейшим элементом которой является северный олень.

IMPORTANCE OF THE REINDEER FOR CARRYING CULTURE, LANGUAGE AND THE LIVELIHOOD

L. Holmberg

The author shares the experience of the activity of the Sami Education Centre of Finland, in which the staff is working at developing a new model of Sami's farming and crafts developing. The model must support a family as a group, it helps the entire community in producing, for instance, venison, handicrafts of folk art or in running tourism activities. Education programs give hope and confidence in preserving the traditional culture of Sami Peoples, the most important factor of which is the reindeer.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ

У.С. Борисова

Представлены результаты социологического исследования, в котором приняли участие жители арктических улусов Республики Саха (Якутия). Затрагиваются этнокультурные аспекты развития якутского общества в начале XXI века.

ETHNO-CULTURAL PROCESS IN ARCTIC REGION OF YAKUTIA

U.S. Borisova

The author presents the results of sociological research, in which residents of Arctic settlements participated. He touches upon the ethno-cultural aspects of Yakutia's society development in the beginning of the XXIst century.

«ЧЕЛОВЕК – ХВОИНКА ЗЕМЛИ»: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

В.Б. Игнатьева, Е.Н. Романова

В условиях глобализации государственные программы по национальной политике, ревитализация «сверху» истории, языка и культурных традиций, придания им нового национально-политического «звучания», легитимации этничности через этноним, репутацию, статус, престиж сегодня уже не отвечают вызовам современной жизни. В этом плане духовные процессы, происходящие в республике Саха (Якутия), представляют огромный интерес в сохранении «этнического лица» в новых формах этнокультурной идентичности и способов кодирования. Речь идет о социальных инициативах и практиках энтузиастов-одиночек и отдельных групп, иллюстрирующих перевод этнической лояльности на плоскость культурных и просветительских проектов, т.е. своего рода «авторского текстопорождения», сопряженного с одним из главных механизмов сохранения этнической традиции - со-

творения культуры.

«A MAN IS THE NEEDLE OF THE EARTH»: THE PRESERVATION PROBLEM OF ETHNIC IDENTITY OF YAKUTIA'S INDIGENOUS PEOPLES IN THE AGE OF GLOBALISM
V.B. Ignatieva, E.N. Romanova

In the conditions of globalization the state programs on national policy, revitalization of history, language and cultural traditions, giving them a new national political «sound» legitimizing ethnicity through ethnonym, reputation, status, prestige today no longer meet the challenges of contemporary life. In this regard, the spiritual processes in the Republic of Sakha (Yakutia), are of great interest in the preservation of «ethnic person» in the new forms of ethno-cultural identity and encoding methods. It is about social initiatives and practices of individual enthusiasts and individual groups illustrating the transformation of ethnic loyalty to the plane of cultural and educational projects, i.e. a kind of «author's text creating» conjugated with one of the main mechanisms of preservation of ethnic traditions - co-creation of culture.

ГОЛОС АРКТИКИ: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ

А.Е. Местникова

Социокультурное пространство Арктики характеризуется сильной дисперсностью среды использования языков коренных народов. В подобных экстралингвистических условиях актуализируется роль средств массовой информации и современных информационно-коммуникационных технологий в развитии функциональных возможностей миноритарных языков.

VOICE OF THE ARCTIC: INDIGENOUS MEDIA AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF LINGUISTIC RIGHTS

A.E. Mestnikova

Socio-cultural space of the Arctic is characterized by strong dispersion of indigenous languages. In such extra-linguistic conditions the role of the media and present information and communication technologies in developing capabilities of minority languages is actualized.

КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Е.П. Винокурова

Титул культурной столицы территории является возможностью комплексного развития, формирования общих целей, имиджа, привлечения инвестиций и ресурсов, стимулирование общественных инициатив, активизация взаимодействия и взаимопонимания различных субъектов социально-культурной политики. Показан опыт европейских городов по продвижению проекта, некоторых регионов России. Обосновано применение данного подхода к разработке программы «Культурная столица Арктики» согласно критериям программы «Культурная столица Европы».

THE QUESTION OF THE CULTURAL CAPITAL OF THE RUSSIAN ARCTIC

E.P. Vinokurova

The title of the cultural capital of the territory is a possibility of the complex development, formation of common goals, image, attracting investment and resources, promotion of public initiatives, enhancing interaction and mutual understanding between different subjects of socio-cultural policy. The author presents the experience of European cities and some Russian regions in promoting the project. He substantiates the application of this approach to the development of the «Cultural Capital of the Arctic» program according to the criteria of «Cultural Capital of Europe».

ГЛАВА 6. ОБРАЗ АРКТИЧЕСКОГО МИРА В ИСКУССТВЕ CHAPTER VI. THE IMAGE OF THE ARCTIC WORLD IN ART

МИФОСЕМИОТИКА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЮКАГИРСКОГО ГРАФИКА Н.Н. КУРИЛОВА)

В.В. Тимофеева

Творчество юкагирского графика Николая Курилова анализируется сквозь призму традиционных мировоззренческих представлений оленеводов-кочевников. Традиционная культура народов Севера – это особое видение мира: широта восприятия, точность мысли, лаконизм выражения передавались из поколения в поколение как необходимые условия. Так, произведения Николая Курилова отличаются аналитически четким построением композиции, умением находить идеальные соотношения пятна и линии на плоскости. Художник в аппликациях оперирует комбинациями многократно повторяющихся простых стилизованных форм: «Совымышкуют» (1987), «Олени предков» (2005), «Встреча в пути» (2007), «На пастбище» (2009). Игра силуэтами – основной композиционный прием, при этом важную роль играют ритм, контраст, плавность линий, тон бумаги. Емкость образа достигается экономией и концентрацией художественных средств, образно-выразительными метафорами.

MYTHOSEMIOTICS IN THE CONTEMPORARY ART (ON THE EXAMPLE OF THE ART OF THE YUKAGHIR ARTIST N.N. KURILOV)

V.V. Timofeeva

The art of the Yukaghir artist Nikolay Kurilov is being analyzed through the prism of traditional world outlook representations of reindeer breeders nomads. The traditional culture of the people of the North is a special vision of the world: perception of width, accuracy of thoughts, laconicism of expression were passed from a father to a son as necessary conditions. So, Nikolay Kurilov's works differ with analytically accurate creation of composition, the ability to find ideal ratios of a spot and a line on plane. The artist in his applications operates with combinations of multi-repeated simple stylized forms: «Owls Are Hunting for Mice» (1987), «Deer of Ancestors» (2005), «The Meeting on a Way» (2007), «On a Pasture» (2009). Playing As Silhouettes – the main composition method, thus an important role is played by a rhythm, contrast, smoothness of lines, tone of paper. The capacity of an image is reached with economy and concentration of art means, figurative and expressive metaphors.

МИФ О НЕВОЗМОЖНОСТИ СЧАСТЬЯ: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ АРКТИКИ

В.А. Чусовская

Автор посвящает работу проблеме гармонизации культуры народов мерзлотной территории с современной цивилизацией и вопросу влияния искусства на жизнь общества. В центре внимания – спектакль А. Борисова «Ханидуо и Халерхаа» и эскизы Г. Сотникова. Автор считает, что творчество Саха театра дает знание, которое воспринимается сердцем и без которого невозможно успешное решение проблемы.

THE MYTH OF FAILURE OF HAPPINESS: ON THE QUESTION OF CULTURE AND CIVILIZATION OF THE ARCTIC

V.A. Chusovskaya

Author devote this article to problem of harmonization of culture of peoples of frozen territory with modern civilization also to influence of art to the society life. Performance

by A. Borisov «Haniduo and Halerhaa» and paints by G. Sotnikov are in the centre of the article. Author count that creation of Sakha theatre gives knowledge, that perceive only by hard and successful counsel of this problem impossible without it.

«БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ» Е.Д. АЙПИНА: ПОЗИЦИЯ ПИСАТЕЛЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

М.Ф. Ершов

Предпринят анализ романа Е.Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах», повествующего об антисоветском восстании казымских ханты в 1933-1934 гг. Роман рассматривается как историко-этнографический источник. В произведении художественными средствами реконструированы оценки аборигенов подавления восстания как тотального уничтожения значительной части этноса. Мифическое восприятие мира привело к гиперболизации боевых действий и кровожадности красных карателей, образы которых лишены человеческих свойств. Положительным героям романа, напротив, приданы черты сакральных покровителей. Данная интерпретация событий содействует как возвращению исторической памяти, так и генерации новых мифов, необходимых для существования этноса. Она оказалась возможна благодаря великолепному знанию Е.Д. Айпиным культуры собственного этноса и исторических условий, в которых шло формирование его писательского таланта.

«MADONNA IN THE SNOW FULL OF BLOOD» BY E. EIPIN: THE WRITER'S STANDPOINT AND HISTORIC REALITIES

M.F. Ershov

The author offers an analysis of the novel by E. Eipin «Madonna in Snow Full of Blood», telling about the anti-soviet rebellion raised by Kazym Khanty minorities in 1933-1934. The novel is seen as a historic and ethnographic source. In the novel with the help of narrative means the writer reconstructed the local minorities' assessment of the rebellion suppression as a total eradication of the most part of the ethnos. Mythical world perception is transformed into amplification of military actions and red chasteners' bloodthirstiness whose images were stripped of all human traits. On the contrary, the positive characters in the novel were given the features of sacred patrons. This interpretation of the events assists both in the return of the minorities' historic memory and the creation of new myths necessary for the ethnos' existence. The interpretation became possible due to E. Eipin's excellent knowledge of his own ethnos' culture and those historic circumstances which aided the development of his writer's talent.

ОСОБЕННОСТИ СТИХА ЭВЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

А.А. Винокурова

Рассматриваются особенности поэтического слова эвенских авторов в разные периоды развития эвенской литературы. Проанализированы тематическое своеобразие, особенность художественных форм и поэтического языка в творчестве Н. Тарабукина, П. Ламутского, В. Лебедева, А. Кривошапкина, Е. Боковой, В. Аркук.

FEATURES OF THE VERSE OF EVEN POETRY

A.A. Vinokurova

The author considers the features of the poetic words of Even authors in different periods of the Even literature. The singularity of the subject, the peculiarity of the art forms and poetic language in the works by N. Tarabukina, P. Lamutskiy, V. Lebedev, A. Krivoshapkina. E. Bokova, V. Arkuk are analyzed.

ГЛАВА 7. ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И САКРАЛЬНАЯ АРКТИКА

CHAPTER VII. THE NATURAL AND CULTURAL LANDSCAPE AND THE SACRED ARCTIC

ОБРЯДОВАЯ ПРАКТИКА НА СВЯЩЕННЫХ МЕСТАХ НЕНЦЕВ

Г.П. Харючи

В работе рассматриваются представления ненцев о священных местах, духах-хозяевах этих мест, жертвенниках, жертвенных комплексах, обрядах, проводимых на культовых местах. По представлениям ненцев, в Среднем мире, на земле живут люди и животные, а также духи местностей, рек, гор, озёр. Особо примечательные элементы ландшафта: холм, сопка, река, озеро, море имеют своего духа-хозяина я' ерв (букв.: земли хозяин). Поэтому они считаются ервсавэй я – хозяина имеющая земля, или хэбидя я, хэхэ' я – духа земля.

В отношении жертвенников необходимо отметить, что описанный в литературе миссионерами, путешественниками, исследователями комплекс предметов на святилищах и в начале третьего тысячелетия сохраняет традиционный состав. Столь длительное использование строго определенного набора жертвенных объектов свидетельствуют об их важной роли в ритуально-мифологических представлениях ненцев. На культовых местах жертвенный комплекс остаётся неизменным с присутствием обязательных элементов: идола, очага, общественного места проведения обряда. В основном, сохраняется и внешнее оформление культовых мест.

Основными формами почитания духов-хозяев священных мест являются жертвоприношения домашнего животного, кормление духов и дарение (посвящение) им предметов или живых существ. Временем жертвоприношений на священных местах являются весна и осень.

CEREMONIAL PRACTICE ON SACRED SIGHTS OF THE NENETS

G.P. Kharyuchi

The author considers the Nenets' imagination of sacred places, spirit masters of these places, altars, sacrificial complexes, ceremonies performed at places of worship. On the Nenets' imagination the Middle World is populated with people and animals, as well as the spirits of areas, rivers, mountains, lakes. Particularly noteworthy elements of the landscape: hill, river, lake, sea have their spirit master – ya'erv (lit. land host). Therefore, they are considered еrвsavey ya – the land having a master or hebitya ya hehe ya - the land of a spirit.

With regard to altars should be noted that complex subjects in shrines described in the literature by missionaries, travelers, researchers, preserve the traditional composition in the beginning of the third millennium as well. So long using of a definite set of sacrificial objects testifies to their important role in ritual and mythological Nenets' imaginations. On places of worship sacrificial complex remains unchanged with the presence of the mandatory elements: idol, hearth, ceremony places. Generally, appearance of worship places has been preserved.

The main forms of worshipping spirit-masters of sacred sites are domestic animals sacrifice, feeding and giving objects or living things to spirits (dedication). Time of sacrifice on the sacred places is spring and autumn.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ О ВЛИЯНИИ МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЫ НА ЗДОРОВО-

ВЪЕ ЧЕЛОВЕКА

Н.И. Слепцов

Приводятся результаты исследования с помощью биоэнергетических методов особенностей многолетнемерзлых грунтов в местах проживания человека на Севере, выявляется их патогенное влияние. Собраны традиционные знания о «дыхании земли», обряды и ритуалы по гармонизации отношений человека со средой обитания. Автором разработаны методы нейтрализации негативных сил природных явлений и даны рекомендации по обустройству жилища, хозяйственных построек в условиях Арктики.

THE PEOPLE'S KNOWLEDGE ABOUT THE INFLUENCE OF THE LONG-TERM PERMAFROST ON MAN'S HEALTH

N.I. Sleptsov

The peculiarities of the long-term permafrost ground in a man's habitat and settlement in the North are researched by bio-energetic methods, their pathogenic effect is detected. Traditional knowledge of «the breath of the earth», rites and rituals on the harmonization of people's relations with the environment are collected. The author has developed the methods to neutralize the negative forces of natural phenomena. He presents recommendations on setting up dwellings, outbuildings in the Arctic conditions.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОВ И ЛЕГЕНД О ЖИГАНСКОЙ АГРАФЕНЕ

А.Е. Захарова, С.А. Руфова

Рассматривается проблема трансформации мифов и легенд о жиганской Аграфене, получившей статус языческого божества и хранительницы Заполярья, дух которой был прикреплен к знаменитой скале на острове Столбы близ Жиганска. В мифах и легендах обнаруживаются древний тунгусский, якутский и русский пласты, возникшие в разное время.

TRANSFORMATION OF MYTHS AND LEGENDS ABOUT ZHIGANSK AGRAFENA

A.E. Zakharova, S.A. Rufova

The problem of transformation of myths and legends about Zhigansk Agrafena to receive the status of a pagan deity and guardian of the Polar region, the spirit of which was attached to the famous cliff on the island near the Pillars Zhigansk. In myths and legends found ancient Tungus, Yakut and Russian formations that have arisen at different times.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABOUT THE AUTHORS

Абрамова Мария Алексеевна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник сектора этносоциальных исследований, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета, заведующий лабораторией комплексных социально-гуманитарных исследований Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск). Эл. адрес: marika24@yandex.ru

Алексеева Сардаана Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии народов Северо-Востока РФ Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). Эл. адрес: alexeeva_sar@mail.ru

Балзер Мандельштам Маржори, профессор Института антропологии и археологии Джорджтаунского университета, редактор журнала «Антропология и археология Евразии» (г. Вашингтон, США). Эл. адрес: balzerm@georgetown.edu

Богословская Людмила Сергеевна, доктор биологических наук, руководитель Центра традиционной культуры природопользования Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Министерства культуры Российской Федерации (г. Москва). Эл. адрес: ama777@mail.ru

Борисов Андрей Саввич, народный артист России, лауреат Госу-

дарственных премий СССР, РФ и РС (Я) им. А.Е. Кулаковского, профессор, академик Академии Духовности Республики Саха (Якутия), министр культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) (г. Якутск). Эл. адрес: mincoolrsy@mail.ru

Борисова Ульяна Семеновна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск). Эл. адрес: ulsem2012@mail.ru

Винокурова Антонина Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры северной филологии Института языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск). Эл. адрес: antonina-vinokurova@bk.ru

Винокурова Евдокия Петровна, кандидат культурологии, доцент кафедры менеджмента культуры Арктического государственного института искусств и культуры (г. Якутск). Эл. адрес: evino@rambler.ru

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, руководитель научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института искусств и культуры (г. Якутск). Эл. адрес: uottaah1707@gmail.com

Ершов Михаил Федорович, кандидат исторических наук, заведующий

отдела истории, этнографии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). Эл. адрес: mfershov@mail.ru

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва). Эл. адрес: metageogr@mail.ru

Захарова Агафия Еримеевна, кандидат филологических наук, декан факультета этнокультуры и фольклора народов Арктики Арктического государственного института искусств и культуры (г. Якутск). Эл. адрес: makszach@gmail.com

Зув Сергей Михайлович, аспирант сектора экономической географии отдела регионоведения ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард). Эл. адрес: ssalinders@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна, кандидат исторических наук, заведующий сектором этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, эксперт Европейской сети Этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) (г. Якутск). Эл. адрес: v_ignat@mail.ru

Игнатьева Саргылана Семеновна, кандидат педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федера-

ции, член-корреспондент Международной академии информатизации, ректор Арктического государственного института искусств и культуры (г. Якутск). Эл. адрес: ss-ignatieva@mail.ru

Кожемяков Алексей Семенович, доктор юридических наук, директор Департамента национальных меньшинств и борьбы против дискриминации Генерального Секретариата Совета Европы (г. Страсбург, Франция). Эл. адрес: alexey.kozhemyakov@coe.int

Мурашко Ольга Ануфриевна, кандидат исторических наук, член Международной рабочей группы по делам коренных народов России (IWGIA), эксперт Комитета Государственной Думы по делам национальностей, редактор журнала «Мир коренных народов – Живая Арктика», научных сотрудник Научно-исследовательского института антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва). Эл. адрес: raipon@raipon.org

Местникова Акулина Егоровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск). Эл. адрес: linamestnikova@gmail.com

Набок Игорь Леонидович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этнокультурологии, зам. директора по научно-методической работе института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Эл. адрес: Nabok Igor <inabok@narod.ru

Пестова Галина Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург). Эл. адрес: pestova2007@yandex.ru

Попова Галина Семеновна, кафедры культурологии Института языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск). Эл. адрес: gspopova@yandex.ru

Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе и заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). Эл. адрес: yuripopkov@rambler.ru

Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, заведующий Сектором этнографии Северо-Востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). Эл. адрес: e_romanova@mail.ru

Руфова Снежана Алексеевна, учитель средней общеобразовательной школы с. Бахынай (Жиганский улус Республики Саха (Якутия) Слепцов Николай Иннокентьевич, космофизик, биоэнергетик (г. Якутск). Эл. адрес: sylyc@rambler.ru

Сморчкова Вера Ивановна, доктор экономических наук, руково-

дитель программы подготовки управленческих кадров для Севера и Арктики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва). Эл. адрес: vi.smorchkova@migsu.ru

Тимофеева Влада Владиславовна, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Национального художественного музея Республики Саха (Якутия) (г. Якутск). Эл. адрес: vladavladislavovna@yandex.ru

Тюгашев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права юридического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета (г. Новосибирск). Эл. адрес: tugashev@academ.org

Хакназаров Саид Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отделом социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). Эл. адрес: s_haknaz@rambler.ru

Харючи Галина Павловна, кандидат исторических наук, заведующий сектором этнологии ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» (г.Салехард). Эл. адрес: haryuchi-yamal@yandex.ru

Холмберг Лиса, ректор Саамского образовательного центра (г. Инари, Финляндия). Эл. адрес: mfalevit@sogsakk.fi, iisa.holmberg@sogsakk.fi

Чусовская Валентина Александровна, кандидат философских наук, доцент, руководитель научно-обра-

зовательного центра «Традиции и современность в театральном искусстве и кино Арктики», профессор кафедры искусствоведения Арктического государственного института искусств и культуры (г. Якутск). Эл. адрес: chusovskaya_v@mail.ru

Шилин Ким Иванович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва). Эл. адрес: ki777@mail.ru

Maria A. Abramova, D.Sc. in Pedagogical Sciences, Senior Research Fellow of the Department for Ethno-social Studies, Professor of the Novosibirsk State University for National Research, the Chief of the Laboratory for Complex Socio- humanities Research of the Novosibirsk State Teachers' Training University (Novosibirsk). E-mail: marika24@yandex.ru

Sardana A. Alexeeva, PhD in History, Senior Research Fellow of the Department of Ethnography of the Peoples of the North- East of the Russian Federation, the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk town). E-mail: alexeeva_sar@mail.ru

Marjorie Mandelstam Balzer, Professor of the Institute of Anthropology and Archaeology at Georgetown University, editor of «Anthropology And Archeology of Eurasia» (Washington D.C., USA).

E-mail: balzerm@georgetown.edu

Ludmila C. Bogoslovskaya, D.Sc. in Biology, Director of the Center of Traditional Culture And Nature, the D.S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow). E-mail: ama777@mail.ru Andrei

S. Borisov, Holder of the State Prizes of the USSR, of the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia), Professor, Academician of the Academy of Spirituality of the Republic of Sakha (Yakutia), the Minister of Culture of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk) . E-mail: mincoolrsy@mail.ru Uliana

S. Borisova, D.Sc. in Sociology, PhD in Economics, Professor of the Department for Sociology and Human Resources of the Financial and Economic Institute, the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk town). E-mail: ulsem2012@mail.ru Antonina

A. Vinokurova, PhD in Philology, Associate Professor of the Northern Languages Department, the Institute of the Languages and Cultures of Russia's North- Eastern Peoples, the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. (Yakutsk). E-mail: antonina-vinokurova@bk.ru>

Evdokia P. Vinokurova, PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Culture Management Department, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: evino@rambler.ru

Uliana A. Vinokurova, D.Sc. in Sociology, PhD in Psychology, Head of the Research Center of the Circumpolar Civilization, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: uottaah1707@gmail.com

Mikhail F. Ershov, PhD in History,

head of the Department for History, Ethnography of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk). E-mail: mfershov@mail.ru

Dmitry N. Zamyatin, D.Sc. in Cultural Studies, Chief Researcher at the D.S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. (Moscow). E-mail: metageogr@mail.ru

Agafiya E. Zakharova, PhD in Philology, Dean of the Faculty of Ethnic Culture and Folklore of Arctic Peoples, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: makszach@gmail.com

Sergey M. Zuev, postgraduate of Regional Economic Geography Department of the state institution «Scientific Research Center of the Arctic Studies» of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard). E-mail: ssalinders@mail.ru

Vanda B. Ignatieva, PhD in History, Head of Ethno-sociology Department, the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, expert of the European Network of Ethnic Monitoring and Early Warning of Conflict (EAWARN) (Yakutsk). E-mail: v_ignat@mail.ru

Sargylana S. Ignatieva, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Holder of the title «Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation», member of the International Academy of Informatization, rector of the Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: ss-ignatieva@mail.ru

Aleksei S. Kozhemyakov, D.Sc. in Law, Director of the Department of National Minorities and Fight Against Discrimination of the General Secretariat of the Council of Europe (Strasbourg, France). E-mail: alexey.kozhemyakov@coe.int

Olga A. Murashko, PhD in History, member of the International Work Group for Indigenous Affairs, Russia (IWGIA), Expert of the State Duma Committee on Nationalities, editor of the journal «The Indigenous World Is the Living Arctic», Research Fellow of the Institute of Anthropology, the M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow). E-mail: raipon@paipon.orgIgor

L. Nabok, D.Sc. of Philosophy, Professor, Head of the Ethno-cultural Studies Department, Deputy Director for Research and Methodology of the Institute of the Northern Peoples, the A.I. Herzen Russian State Teachers' Training University (Saint-Petersburg). E-mail: **Nabok Igor** <inabok@narod.ru

Akulina E. Mestnikova, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department for Sociology and Human Resources, Financial and Economic Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. (Yakutsk). E-mail: linamestnikova@gmail.com

Galina A. Pestova, D.Sc. in Sociology, Professor of Theory And Sociology of Management Department, the branch of the Ural Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Yekaterinburg). E-mail: pestova2007@yandex.ru

Galina S. Popova, Department for Cultural Studies, Institute of Languages

and Cultures of the North-East of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk). E-mail: gspopova@yandex.ru

Yuri V. Popkov, D.Sc. in Philosophy, Professor, Deputy Director for Research Activities and Head of the Department of Ethno-social Researches, the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk). E-mail: yuripopkov@rambler.ru

Ekaterina N. Romanova, D.Sc. in History, Head of Ethnography in the Northeast of Russia Department, the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk). E-mail: e_romanova@mail.ru

Snezhana A. Rufova, Teacher of Secondary School, Bakhynay settlement (Zhigansky Ulus of the Sakha Republic (Yakutia) **Nickolay I. Sleptsov**, Cosmic Physicist, Bioenergetician (Yakutsk). E-mail: sylyc@rambler.ru Vera

I. Smorchkova, D.Sc. in Economics, Head of the Managers' Training Program for the North and the Arctic of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow). E-mail: vi.smorchkova@migsu.ru

Vlada V. Timofeeva, PhD in Art History, Chief Research Fellow of the National Art Museum of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk). E-mail: vladavladislavovna@yandex.ru

Evgeny A. Tyugashev, PhD in Philosophy, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, the Novosibirsk State University of National Research (Novosibirsk). E-mail: tugashev@academ.org

Said H. Haknazarov, PhD in Geology and Mineralogy, Head of Socio-economic Development and Monitoring Department of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk). E-mail: s_haknaz@rambler.ru

Galina P. Kharyuchi, PhD in History, Head of Ethnology Department of the State Institution «Scientific Research Center of the Arctic» of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard). E-mail: haryuchi-yamal@yandex.ru

Liisa Holmberg, Rector of the Sami Education Centre (Inari, Finland). E-mail: mfalevit@sogsakk.fi> iisa.holmberg@sogsakk.fi

Valentina A. Chusovskaya, PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the scientific-educational centre «Tradition and Modernity in the theatre and cinema of the Arctic», Professor of Art History Department of the Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: chusovskaya_v@mail.ru

Kim I. Shilin, D.Sc. in Sociology, Chief Research Fellow at the Research Laboratory «Ecology of Eastern Culture» of the Institute of Asian and African Studies of the M.V. Lomonosov Moscow State University. (Moscow). E-mail: ki777@mail.ru

Научное издание

КУЛЬТУРА АРКТИКИ

Коллективная монография

Редактор В.Г. Дегтярева

Перевод на английский язык Е.К. Тимофеева

Дизайн обложки Л.П. Огочонова

Верстка Л.П. Огочонова